

РЭУ.РФ

РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.В. ПЛЕХАНОВА

Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова

Научный журнал

**ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО**

**ECONOMICS
LAW
SOCIETY**

Scientific Journal

Том 11, № 1 (45), 2026

ЭКОНОМИКА ПРАВО ОБЩЕСТВО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Лобанов Иван Васильевич – председатель редакционной коллегии, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

Курбанов Рашад Афатович – главный редактор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Аликперов Ханлар Джафарович – директор Центра правовых исследований (Азербайджан), доктор юридических наук, профессор

Бодак Алла Николаевна – судья Конституционного суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Брандштеттер Вольфганг – руководитель Института австрийского и европейского экономического уголовного права Венского университета экономики и бизнеса, доктор права, профессор

Валентей Сергей Дмитриевич – начальник Научно-исследовательского объединения (научный руководитель Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова), доктор экономических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор

Василькова Светлана Витальевна – декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», директор Научно-исследовательского центра (НИЦ) «Сравнительного правоведения и стратегических инициатив развития национального топливно-энергетического комплекса», кандидат юридических наук

Вельяминов Георгий Михайлович – главный научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Витязь Петр Александрович – академик Национальной академии наук Беларуси, руководитель аппарата НАН Беларуси, сопредседатель Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, доктор технических наук, профессор

Георг Става – член Европейской комиссии по совершенствованию правосудия (CEPEJ) Совета Европы

Гринберг Руслан Семенович – научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Гарагурбанлы Рамин Афад оглы – член Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы, судья апелляционного суда Азербайджанской Республики, доктор юридических наук

Джафаров Азер Мамед оглы – член Судебно-правового совета Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

Довнар Таисия Ивановна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

ECONOMICS LAW SOCIETY

EDITORIAL BOARD

Lobanov Ivan Vasilievich – Chairman of the Editorial Board, Rector of Plekhanov Russian University of Economics, PhD of Law, Associate Professor

Kurbanov Rashad Afatovich – Chief Editor, Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Alikperov Khanlar Jafarovich – Director of the Center for Legal Studies (Azerbaijan), Doctor of Law, Professor

Bodak Alla Nikolaevna – Judge of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, PhD of Law, Associate Professor

Brandstetter Wolfgang – Head of the Institute for Austrian and European Economic Criminal Law at the Vienna University of Economics and Business, Doctor of Law, Professor

Valentey Sergey Dmitrievich – Head of Scientific and Research Union (Supervisor of the Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics, Professor

Vasilevich Grigoriy Alekseevich – Head of the Constitutional Law Department of the Belorussian State University, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Law, Professor

Vasilkova Svetlana Vital'evna – the Dean of the Faculty of Law of Saint Petersburg State Budget Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State Economic University, Director of the Research Center (SIC) «Comparative Law and Strategic Initiatives for the Development of the National Fuel and Energy Complex», PhD in Law

Velyaminov Georgiy Mikhailovich – Chief Researcher of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Vityaz Petr Aleksandrovich – Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of Academy Staff Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Co-chairman of the Inter-Academic Council on Development of the Union State, Doctor of Technical Sciences, Professor

Georg Stawa – Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe

Grinberg Ruslan Semenovich – Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Garagurbarly Ramin Afad oglu – Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe, Judge of the Court of Appeal of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Law

Jafarov Azer Mammad ogly – Member of the Judicial-Legal Council of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Dovnar Taisiya Ivanovna – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the Belorussian State University, Doctor of Law, Professor

Егоров Алексей Владимирович – заместитель председателя Постоянной комиссии по законодательству Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, ректор Белорусского государственного экономического университета, доктор юридических наук, доцент

Ершова Инна Владимировна – первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Жаворонкова Наталья Григорьевна – доктор юридических наук, профессор

Зинчук Галина Михайловна – и. о. директора Высшей школы права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент

Зубарев Сергей Михайлович – заведующий кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Зырянов Сергей Михайлович – ведущий научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Иванов Вилен Николаевич – вице-президент Российской Академии социальных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

Капустин Анатолий Яковлевич – заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Клеандров Михаил Иванович – судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

Кнежевич Златко – судья Конституционного суда Боснии и Герцеговины

Крюкова Нина Ивановна – доктор юридических наук, профессор

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич – главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Манке Карстен – руководитель группы в Немецкой корпорации международного сотрудничества (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Минашкин Виталий Григорьевич – проректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Мирмохаммади Мостафа – руководитель группы международного права и прав человека Университета Мофид (Иран), доктор юридических наук, профессор

Плигин Владимир Николаевич – заведующий сектором административного права и административного процесса Института государства и права РАН, доктор юридических наук

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, иностранный член Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Сафи Исмаил – член Совета по безопасности и внешней политике при Президенте Турецкой Республики, директор Института безопасности и обороны Университета Истиние, доктор политических наук

Свечникова Наталья Викторовна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

Фатьянов Алексей Александрович – заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Экимов Анисим Иванович – доктор юридических наук, профессор

Egorov Aleksey Vladimirovich – Deputy Chairman of the Standing Committee on Legislation of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Rector of the Belarusian State University of Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Ershova Inna Vladimirovna – Vice-rector, Head of the Department of Entrepreneurial and Corporations Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zhavoronkova Natalya Grigorievna – Doctor of Law, Professor

Zinchuk Galina Mikhailovna – Acting Director of the Higher School of Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

Zubarev Sergey Mikhailovich – Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zyryanov Sergey Mikhailovich – Leading Researcher of the Department of Administrative Law and Process of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Ivanov Vilen Nikolayevich – Vice-President of the Russian Academy of Social Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Kapustin Anatoly Yakovlevich – Head of the International Law Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Kleandrov Mikhail Ivanovich – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation Emeritus, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Knežević Zlatko – Judge of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina

Kryukova Nina Ivanovna – Doctor of Law, Professor

Lisitsin-Svetlanov Andrew Gennadievich – Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the RAS, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Mahnke Carsten – Head of the Group in the German Corporation of International Cooperation (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Minaшкин Vitaly Grigorievich – Vice-Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Mirmohammadi Mostafa – Director for International Law and Human Rights Group, Mofid University (Iran), Doctor of Law, Professor

Pligin Vladimir Nikolaevich – Head of the Administrative Law and Administrative Process Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law

Ragimov Ilgam Mammadgasan oglu – President of the International Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region Countries, Foreign member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Safi Ismail – Member of the Council on Security and Foreign Policy under the President of the Republic of Turkey, Director of the Institute of Security and Defense of the University of Istinye, Doctor of Political Science

Svechnikova Natalia Viktorovna – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, PhD in Law, Associate Professor

Fatyantov Alexey Alexandrovich – Head of the Department of State-legal and Criminal-legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Ekimov Anisim Ivanovich – Doctor of Law, Professor

Издание зарегистрировано в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-64675 от 22 января 2016 г.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему
Российского индекса научного цитирования

Подписка по каталогу Агентства «Урал-Пресс».
Подписной индекс 71162

Адрес редакции:

109992, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru
www.rea.ru

Главный редактор **Р. А. Курбанов**
Заместители главного редактора: **А. М. Белялова,**
К. И. Налетов, Н. В. Свечникова

Ответственный секретарь **М. О. Румянцева**
Редактор **А. Э. Максаева**

Оформление обложки **Ю. С. Жигалова**

Подписано в печать 20.03.2026. Формат 60 x 84 1/8.

Печ. л. 28,75. Усл. печ. л. 26,74. Уч.-изд. л. 26,91.

Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».
109992, Москва, Стремянный пер., 36.

The journal is registered in Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI N FS77-64675 dated 22 January 2016

Founder
Plekhanov
Russian University of Economics
(PRUE)

The journal was included in the List of leading scientific journals
and publications of the Higher Attestation Board, publication
in which is mandatory for defending
PhD and Doctorate dissertations

The journal is included in the Russian index
of scientific citing

Subscription by 'Ural-Press' catalogue.
Index 71162

Editorial office address:

36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.
Tel.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru,
www.rea.ru

Chief editor **R. A. Kurbanov**
Deputy chief editors: **A. M. Belyalova, K. I. Naletov,**
N. V. Svechnikova

Executive Secretary **M. O. Rumyantseva**
Editor **A. E. Maksaeva**

Cover design **Yu. S. Zhigalova**

Signed in print 20.03.2026. Format 60 x 84 1/8.

Printed sheets 28,75. Conv. sheets 26,74. Publ. sheets 26,91.

Circulation 500. Order

Printed in Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравления	
К 75-летию академика Ильхама Мамедгасановича Рагимова	9
Теория и история государства и права	
Емельянов А. С., Черногор Н. Н. Траектории модернизации права и законодательства	15
Абызова Е. Р. Формирование доктринальных представлений о персонализации правовых норм в рамках юридической науки	27
Степанов П. В. Постмодернистский этап развития культуры правотворчества	36
Федорищенко А. И. Философия всеединства Владимира Соловьева и его учение о государстве и праве (часть II)	44
Хохлов С. В., Наумова Е. И. Значение права для достижения общественного идеала в понимании П. И. Новгородцева	51
Уголовный процесс и криминалистика	
Мищенко Е. В., Марина Е. А. К вопросу о понятиях допустимости, достоверности, относимости и достаточности доказательств в уголовном процессе	60
Яшин В. Н. Депонирование показаний участников уголовного судопроизводства: история, перспективы	67
Макеева И. В., Канатов Д. П. Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации	73
Пушкарёв В. В., Расторопов С. В., Расторопова О. В. Доказательственная атрибуция при расследовании преступлений: проблемы криминалистической науки и правоприменительной практики, пути их решения	79
Соломатина А. Г. Криминалистический анализ цифровых следов в блокчейне: методология верификации для уголовного процесса	88
Гасанов Р. Ф. Правовые особенности проведения обыска у адвоката: теория и практика	94
Криминология	
Корнакова С. В. Типологические характеристики личности женщин-преступниц	106
Середнев В. А. Философско-правовой анализ специфики женской педофилии (парафилии) в контексте современных медико-психологических и правовых парадигм	114
Гражданское право	
Рябин Р. А. Цифровые и наследственные права в системе гражданских прав: имущественный аспект	122
Беялова А. М., Гаджиев А. А. Проблемные аспекты правового регулирования института выморочного имущества	133
Егунов В. А. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных прав граждан и юридических лиц	139
Ищенко Н. Ю. К вопросу о последствиях злоупотребления принципом свободы договора	146

Цветкова Ю. С. К вопросу о внесении положений о договоре морского круиза в Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации	153
Салимов А. А. Частноправовые концепции регулирования отношений, сопряженных с применением инновационных механизмов транспортной перевозки	157
Международное право и сравнительное правоведение	
Ибрагимов А. М., Буттаев Э. Г. Формирование международно-правового режима Каспийского моря	165
Румянцева М. О., Комбарова В. С. Международно-правовое регулирование технологий искусственного интеллекта	171
Токолов А. В., Шапарская И. А. Международно-правовое регулирование криптовалют и цифровых финансовых активов: поиск баланса между инновациями и стабильностью	179
Степкин В. И. О правовой базе реализации крупных инфраструктурных проектов с иностранным участием в странах Африки (на примере транспортного коридора «Лобиту»)	189
Цифровое право	
Зубков Д. Д., Фадеева В. В. Проблема интеграции цифрового рубля в российскую экономику	196
Зульфугарзаде Т. Э. Особенности защиты цифровых прав человека при использовании технологий искусственного интеллекта	202
Финансовое право	
Крохина Ю. А., Курбанов Р. А. Юридические последствия неисполнения требований валютного регулирования (на примере анализа судебной практики)	210
Банкротство	
Свечникова Н. В., Семенихин Д. Н. Бремя доказывания и стандарты доказанности при защите добросовестного контрагента в конкурсном оспаривании сделок должника	216
Избирательное право	
Макеева Н. В. Наказы избирателей в механизме обеспечения демократического мандата народного доверия	222
Требования к публикациям	229

CONTENTS

Congratulations	
On the 75th Anniversary of Academician I. M. Rahimov	9
Theory and History of State and Law	
Emelyanov A. S., Chernogor N. N. Trajectories of Modernization of Law and Legislation	15
Abyzova E. R. Formation of Doctrinal Ideas about the Personalization of Legal Norms in the Framework of Legal Science	27
Stepanov P. V. The Postmodern Stage of Legal Culture Development	36
Fedorishhenko A. I. Vladimir Solovyov's Philosophy of Unity and his Doctrine of the State and Law (Part II)	44
Khokhlov S. V., Naumova E. I. The Importance of Law for Achieving the Social Ideal in the Understanding of P. I. Novgorodtsev	51
Criminal Procedure and Criminalistics	
Mishchenko E. V., Marina E. A. On the Issue of the Concepts of Admissibility, Reliability, Relevance and Sufficiency of Evidence in Criminal Proceedings	60
Yashin V. N. Depositing Testimony of Criminal Procedure Participants: History and Prospects	67
Makeeva I. V., Kanatov D. P. The use of artificial intelligence in criminal proceedings in the Russian Federation	73
Pushkarev V. V., Rastoropov S. V., Rastoropova O. V. Evidentiary attribution in the investigation of crimes: problems of criminalistic science and law enforcement practice, ways to solve them	79
Solomatina A. G. Forensic analysis of digital traces in blockchain: verification methodology for criminal proceedings	88
Gasarov R. F. Legal features of conducting a search at a lawyer's office: theory and practice	94
Criminology	
Kornakova S. V. Typological Characteristics of Female Criminals	106
Serednev V. A. A philosophical and legal analysis of the specifics of female pedophilia (paraphilia) in the context of modern medical, psychological and legal paradigms	114
Civil Law	
Ryabzin R.A. Digital and inheritance rights in the civil rights system: the property aspect	122
Belyalova A. M., Gadzhiev A. A. Problematic Aspects of Legal Regulation of the Institution of Escheat Property	133
Egupov V. A. Compensation for moral damage as a way to protect the non-property rights of citizens and legal entities	139
Ishchenko N.Y. On the consequences of abuse of the principle of freedom of contract	146

Tsvetkova Yu. S.	
On the issue of amending the provisions on the contract of a sea cruise in the Code of Merchant Shipping of the Russian Federation	153
Salimov A. A.	
Private law concepts for regulating relations involving the use of innovative transportation mechanisms	157
International law and comparative law	
Ibragimov A. M., Buttaev E. G.	
Formation of the international legal regime of the Caspian Sea	165
Rumyantseva M. O., Kombarova V. S.	
International Legal Regulation of Artificial Intelligence Technologies	171
Tokolov A. V., Shaparskaya I. A.	
The international legal regulation of cryptocurrencies and digital financial assets: finding balance between innovation and stability	179
Stepkin V. I.	
On Legal and Regulatory Environment of Large-scale Infrastructure Projects with Foreign Participation in African Countries (on the Example of the Lobito Transportation Corridor)	189
Digital Law	
Zubkov D. D., Fadeeva V. V.	
The problem of integrating the digital ruble into the Russian economy	196
Zulfugarzade T. E.	
Features of the protection of digital human rights when using artificial intelligence technologies	202
Financial Law	
Krokhina U. A., Kurbanov R. A.	
Legal Consequences of Failure to Comply with Currency Regulation Requirements (Based on an Analysis of Judicial Practice)	210
Bankruptcy	
Svechnikova N. V., Semenikhin D. N.	
The burden of proof and standards of proof in protecting a bona fide counterparty in a competitive dispute over the debtor's transactions	216
Electoral Law	
Makeeva N. V.	
The instructions of the voters in the mechanism of ensuring the democratic mandate of the people's trust	222
Requirements for Publications	
	229

К 75-летию академика Ильхама Мамедгасановича Рагимова

14 января 2026 года исполняется 75 лет известному криминологу современности, иностранному члену Российской академии наук, заслуженному юристу Азербайджанской Республики, доктору юридических наук, профессору Ильхаму Мамедгасановичу Рагимову.

Он более пятидесяти лет занимается научно-исследовательской деятельностью в сфере уголовной политики и криминологии, уголовного и уголовно-исполнительного права, исследует широкий спектр проблем – от теологических основ уголовного права и наказания до ресоциализации осужденных. За эти годы им было издано свыше двухсот научных трудов, в том числе более двадцати монографий, многие из которых в корне изменили устоявшиеся в теории материального права, криминологии и уголовно-исполнительного права парадигмы, в том числе и по таким ключевым вопросам преступноведения, как преступность и ее причины, преступление и наказание.

Ретроспективный анализ научного творчества юбиляра показывает, что за всю историю становления и эволюции в Азербайджане правовых наук в сфере противодействия преступности, пожалуй, не было такого масштабного и креативного ученого, как И. Рагимов, труды которого внесли столь весомый вклад в развитие правовой мысли в сфере отечественного преступноведения, формирование азербайджанской школы уголовного права и криминологии, оптимизацию национального законодательства в сфере противодействия преступности, подготовку национальных научных кадров и другие сферы.

Уникальность научных произведений профессора Рагимова характеризуется несколькими критериями. Это прежде всего их подлинная научная новизна и чрезвычайная актуальность. Но лично для нас в его трудах поражает другая структурная реальность – глобальность поставленных проблем и мыслепорождающий их характер. Дело в том, что, как писал великий русский философ *Николай Бердяев* в своей работе «Философия свободы», есть труды, в которых сказано больше *о чем-то*, чем *что-то*. «Нужен огромный творческий дар, – отмечал этот русский философ, – чтобы сказать *что-то*, сказать же *о чем-то* можно и при гораздо более скромных дарованиях».

В подавляющем большинстве трудов профессора Рагимова сказано именно «*что-то*». Это в полной мере распространяется и на его монографии, изданные им в различные периоды научного творчества начиная с 80-х гг. прошлого столетия. В частности, за это время увидели свет такие его фундаментальные труды, как «Теоретические и практические проблемы исправительно-трудового воздействия» (Баку, 1981); «Теория судебного прогнозирования» (Баку, 1987); «Философия наказания и проблема его назначения» (Баку, 1998); «Преступность и наказание» (Москва, 2012); «Философия преступления и наказания» (Санкт-Петербург, 2013); «О нравственности наказания» (Санкт-Петербург, 2016); «Бессмертная смертная казнь» (Санкт-Петербург, 2017); «Религия и наказание» (Санкт-Петербург, 2020); «Преступление и наказание в мировых религиях» (Санкт-Петербург, 2023); «Оправдание наказания» (Санкт-Петербург, 2024); «Учение о наказании» (М., 2025) и свыше десяти других монографий, учебников и иных научных работ, написанных им в содружестве с учеными постсоветского пространства.

Знакомство с этими произведениями показывает, что главным драйвером научного творчества профессора Рагимова в основном являются философские и социально-правовые проблемы уголовной политики и уголовного права, генезис преступности и ее причин, этиология преступления и онтология наказания, а также религиозные воззрения на преступление и наказание с позиций иудаизма, христианства, ислама, буддизма, индуизма, конфуцианства.

Другая отличительная черта этих научных трудов видится в том, что они написаны не только с позиций истории и философии уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права. Наряду с этим автор затрагивает в них и широкий пласт биологических и социологических, психологических и генетических граней преступности, преступления и наказания, что весьма важно для дальнейшего развития теоретических основ противодействия преступности.

В каждом из вышеперечисленных трудов автор исследует отдельные срезы проблем преступности, преступления и наказания. При этом они композиционно неразделимы и характеризуются внутренним единством. Поэтому в своей совокупности данные произведения создают экспоненциальный эффект, в силу чего порой по прочтении второй монографии осознаешь масштабность и глубину идей, выдвинутых автором в первой, по прочтении четвертой – нарастающую фундаментальность положений, отраженных в третьей, и т. д.

Складывается впечатление, что автор еще до создания этих книг на когнитивном уровне сформировал для себя универсальную матрицу для их субстанций (в рассматриваемом случае это такая последовательность: преступность – преступление – наказание – ресоциализация осужденных), что позволило ему в процессе работы над ними обеспечить, с одной стороны, органическую целостность и логическую последовательность предметов их исследования, а с другой – взаимосогласованность и взаимодействие структурных элементов этих трудов с единым авторским замыслом.

Еще одно несомненное достоинство опубликованных исследований профессора Рагимова заключается в том, что все они отличаются богатой эмпирической, библиографической и фактологической базой исследования. В частности, в них представлены труды философов и теологов, правоведов и социологов, психологов и генетиков, взгляды которых по обсуждаемым проблемам достаточно корректно, а главное ясно изложены в контексте авторского видения проблем преступления и наказания. Наряду с этим они насыщены историко-правовой информацией, позволяющей читателю не только приобщаться к знаниям, дошедшим до нас из глубины веков, но и во многом обогащающей его познания об основных вехах развития уголовно-правовой мысли о преступлении и наказании. В них автор критически осмыслил многие существующие подходы к генезису преступления, эволюции преступного поведения и онтологии наказания, проблемам ресоциализации осужденных и оптимизации уголовного наказания, назначаемого виновным приговорами судов, а также всесторонне проанализировал концептуальные пробелы современной уголовной политики и уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права.

В свете сказанного неудивительно, что труды Ильхама Мамедгасановича широко востребованы научным сообществом как в Азербайджане и на постсоветском пространстве, так и далеко за их пределами. Достаточно отметить, что многие его монографии переизданы в Англии, Болгарии, Германии, Израиле, Иране, Италии, Казахстане, Китае, Кыргызстане, Турции и других странах.

В познавательном плане научные произведения профессора Рагимова интересны и содержащейся в них обширной информацией религиозного характера. При этом он демонстрирует в них не только свой блестящий аналитический склад ума и энциклопедические познания, касающиеся философских, социологических, правовых и многих других проблем преступления и наказания. В этих работах видна также обширная осведомленность автора в отношении базовых положений существующих священных текстов и содержащихся в них правовых воззрений на преступление и наказание, а также основных положений фундаментальных работ известных богословов и ведущих библеистов, корановедов и исламских теологов по тем или иным сложным религиозно-правовым дилеммам, цитаты из которых гармонично включены в тексты его монографий.

Наряду с этим научные труды Ильхама Мамедгасановича выделяются своей многогранностью и междисциплинарностью. В процессе их создания автор опирался на прочную методологическую базу, широко использовал диалектический, компаративистский, аксиоматический, кросс-культурный и другие методы научного познания (к примеру, восхождение от абстрактного к конкретному, рассмотрение общего в единичном, сущности – в явлениях и т. д.).

Системность, масштабность и всесторонний подход к исследованию той или иной избранной темы дали автору возможность, с одной стороны, актуализировать разработанные ранее вопросы преступления и наказания в философии и социологии, теории уголовного права и криминологии, с другой – выявить комплекс новых проблем и предложить новаторский подход к их решению, который нивелируют многие утвердившиеся в теории уголовного права и криминологии парадигмы (к примеру, причины преступности, многоуровневые стадии становления преступления, истоки наказания и т. д.).

В частности, читатель при знакомстве с этими крайне интересными произведениями заметит, что с каждой последующей монографией мысли автора о генезисе преступности, этиологии преступления и аксиологии уголовного наказания обретают глубокий философский оттенок и социологическую направ-

ленность, обогащаются нестандартными гипотезами и постепенным переосмыслением некоторых устоявшихся в теории уголовного права и криминологии аксиом, обрастают интересными сведениями и историческими фактами, привнесенными из памятников правовой культуры древности.

При этом, рассматривая те или иные правовые, философские, теологические, генетические или исторические аспекты преступности и ее причин, преступления и наказания, И. Рагимов демонстрирует блестящее знание как философских проблем права, так и фундаментальных положений таких памятников правовой культуры древности, как законы Хаммурапи, кодекс Ур-Намму, законы Ману и др., многие правовые воззрения которых на преступление и наказание органично встроены в ткань его произведений и сопровождаются безупречными авторскими комментариями, изложенными в лучших традициях азербайджанской и русской словесности.

Благодаря такому интегративному подходу профессору Рагимову удалось в своих трудах представить читателям крайне интересные суждения о фундаментальных проблемах преступности, отличающиеся широким спектром нестандартных воззрений на генезис преступления и этиологию наказания с позиций философии и социологии уголовного права, мировых религий и накопленного опыта в сфере противодействия преступности на различных этапах исторического развития общества. Наряду с этим автор сформулировал чрезвычайно интересные гипотезы о генезисе преступности и ее причинах, онтологии наказания и его аксиологической сущности¹, теологических истоках преступления и наказания, и др., которые по мере изложения авторской позиции развиваются и вливаются друг в друга, образуя в своей совокупности интеллектуальный сплав теологических и светских воззрений на философские и сугубо правовые проблемы преступности, преступления и наказания.

При этом часть из них благодаря своей самобытности расходится с устоявшимися в теории уголовного права и криминологии догмами об этих социально-правовых явлениях из-за отрицания последних или некоторых собственных прибавлений к ним, ретранслированных И. Рагимовым из личных мировоззренческих ценностей и проповедуемых им духовно-нравственных императивов, а также из аксиологических скреп естественного и позитивного права.

Еще одна характерная особенность трудов академика Рагимова видится в том, что, знакомясь с его оригинальными воззрениями на преступность и ее причины, преступление и наказание, читатель невольно погружается в состояние философской рефлексии, которое уводит в необъятные просторы генезиса преступности и онтологии наказания, что не только открывает перед непроторенные просторы преступности, в том числе и теологические, но и мотивирует на углубленные размышления об этих извечных социально-правовых явлениях.

Представляется, что многие из этих крайне интересных мыслей Ильхама Мамедгасановича, высказанных им в его фундаментальных трудах, являются продуктом его «чистого разума», т. е., как писал *Иммануил Кант*, «разума, не смешанного с опытом». Так, углубленный анализ отдельных философских рассуждений и самобытных правовых мыслепроформ профессора Рагимова говорит о том, что они есть не только результат его чувственных впечатлений или следствие накопленного им профессионального и жизненного опыта, так как посредством органов чувств и в рамках данностей практически невозможно генерировать такие глубокие мысли, которые автор представил в своих книгах и концептуальных статьях.

На наш взгляд, это возможно лишь на уровне умопостижения, т. е. на рациональной ступени мышления, которое, гармонично вливаясь в бесконечное пространство Вселенной и неудержимый поток времени, с одной стороны, как писал грузинский философ *Мераб Мамардашвили*, «размыкает замкнутость» и раскрепощает представления исследователя, а с другой – вынуждает его на время отойти от традиционных методов исследования и заглянуть за горизонты данностей, которые имеются в системе научных знаний.

Столь оригинальный когнитивный метод исследования позволил автору в своих произведениях проникнуть в глубинные пласты проблем преступности и ее причин, генезиса преступления и этиологии

¹ Здесь в качестве примера можно сослаться на разработанную им матрицу целей применения наказания, в которой обобщена идея о том, что наказание само по себе не может преследовать каких-либо целей, так как всякая цель субъективна, определяется человеком, выражается в законодательстве и реализуется субъектом правоприменения. Подробнее об этом см.: Рагимов И. М. Учение о наказании. М.: Наука, 2025.

наказания¹ в контексте религиозных воззрений и философских категорий². Все эти методологические инструментари, с помощью которых он распаивает предметное поле своих конкретных исследований, придадут его произведениям особый шарм и необычайный магнетизм. Поэтому опубликованные профессором Рагимовым книги приковывают к себе и пробуждают у читателя непреодолимое желание все глубже вникнуть в философские, духовно-нравственные и сугубо правовые рассуждения Ильхама Мамедгасановича, связанные с теми или иными ключевыми аспектами преступности и наказания.

Говоря о самобытности научного творчества профессора Рагимова, нельзя обойти вниманием еще два знаковых момента. Первый из них связан с библиографией. Это, во-первых, впечатляющий объем использованных в его монографиях литературных источников древности и современности (об этом свидетельствуют многочисленные подстрочные сноски в них), во-вторых, многовекторность тематики предметного поля (философия и теология, социология и психология, история и девиантология, уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право и теория прогнозирования и т. д.), в-третьих, *географические координаты* авторов (в книгах профессора представлены труды, изданные не только на постсоветском пространстве, но и в странах Европы и Северной Америки, Азии и Ближнего Востока), на чьи произведения он неоднократно ссылается.

Данный методологический компонент исследования свидетельствует о масштабах предварительной работы автора над каждой из опубликованных им монографий. Ведь, согласитесь, задача автора заключалась не только в том, чтобы этот огромный массив литературных источников по преступности и ее причинам, преступлению и наказанию предварительно прочесть, осмыслить суть, сделать необходимые выписки, но и творчески использовать эти фрагменты в рукописи, гармонично вводя их в структуру текста исследования без нарушения внутренней логики авторского замысла.

Значимость рассматриваемого момента исследования видится и в том, что тем самым И. Рагимов не только обогащает себя новыми знаниями о преступлении и наказании, рецептированными из различных источников научной мысли, но и предоставляет такую возможность читателю. Отсюда еще одно достоинство анализируемых работ – они, помимо всего прочего, являются источником просвещения молодого поколения юристов по вопросам соотношения философии и социологии, религии и права, в том числе о роли священных текстов и памятников правовой культуры древности в становлении учения о преступности и ее причинах, преступлении и наказании.

Второй момент – тональность заочного общения с авторами, к трудам которых профессор Рагимов обращается в своих исследованиях с присущими ему высокой культурой коммуникации и безупречной научной этикой. В частности, он достаточно корректно относится к мнению своих оппонентов, к взглядам которых апеллирует при рассмотрении тех или иных сложных теологических или светских аспектов преступления и наказания. При этом, как показывает содержание его монографий, он достаточно толерантен даже в тех случаях, когда те или иные его воззрения принципиально расходятся с позицией цитируемых ученых.

Естественно, все эти особенности процесса подготовки рукописи монографий, выстраивания их концепции и архитектоники оценит по достоинству лишь тот, кто, по словам А. Эйнштейна, «сам посвятил свою жизнь аналогичным целям».

Анализируя особенности научной деятельности профессора Ильхама Мамедгасановича Рагимова и осуществляя краткий экскурс в его творческую кухню, в горниле которой он создал свои прекрасные научные произведения, необходимо подчеркнуть и его неосценимую роль в формировании в Азербайджане национальных научных кадров в области теории уголовного права, криминологии и уголовно-

¹ К примеру, в монографии И. Рагимова «Оправдание наказания» обоснована идея о том, что наказание само по себе не в состоянии устранить ни делинквентные наклонности человека, ни его криминальное мировоззрение, ни его низменные инстинкты. Поэтому ошибочно ждать от самого факта применения наказания нравственного воскрешения осужденного.

² Эти качества его исследований красной нитью проходит в его монографиях «Религия и наказание» (Санкт-Петербург, 2020), «Философия преступления и наказания» (Санкт-Петербург, 2013), «Преступление и наказание в мировых религиях» (Санкт-Петербург, 2023).

исполнительного права. Так, благодаря научно-методической и организационно-консультативной помощи профессора десятки аспирантов и докторантов подготовили и успешно защитили кандидатские и докторские диссертации, причем не только на исторической родине, но и в других странах.

Неоценим вклад профессора И. Рагимова и в формирование государственной стратегии противодействия преступности в Азербайджане Он – автор первой концепции реформирования судебной системы страны (1993 г.), государственной программы по борьбе с преступностью (1994 г.), аналитических записок по совершенствованию национального законодательства в сфере противодействия преступности, либерализации уголовного законодательства, предупреждению рецидива преступлений, гуманизации наказания и другим актуальным вопросам.

Как истинный патриот своей Родины, Ильхам Мамедгасанович неустанно прославляет достижения азербайджанской школы уголовного права и криминологии за рубежом, регулярно выступает на различных международных форумах преступноведов с докладами по концептуальным проблемам современной уголовной политики и уголовного права, о преступности и ее причинах, преступлении и наказании.

Наконец, говоря о вкладе профессора И. Рагимова в развитие современного преступноведения в Азербайджане и за его пределами, нельзя обойти молчанием и его международную деятельность на посту президента Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона. Здесь хотелось бы особо выделить регулярно организуемые им ежегодные международные научные конференции, которые проходят не только в Баку, но и в других странах Черноморско-Каспийского региона. Ценность таких авторитетных научных форумов видится не только в том, что в их работе принимают активное участие ведущие ученые из стран постсоветского пространства и многих государств Восточной и Западной Европы.

Такие межцивилизационные конференции ученых-правоведов, представляющих различные кластеры мировой правовой культуры, позволяют участникам этих симпозиумов не только непосредственно общаться между собой, но и обмениваться мнениями по тем или иным фундаментальным проблемам права, углублять кросскультурные взаимодействия со своими зарубежными коллегами, знакомиться с их правовыми традициями и достижениями в сфере противодействия преступности, непосредственно участвовать в дискуссиях вокруг доклада того или иного участника конференций и научных заседаний.

Конечно, в рамках одной небольшой публикации невозможно даже тезисно рассказать о многогранной личности этого всемирно известного ученого и его научном творчестве. Поэтому, завершая наше небольшое эссе о юбиларе, скажем лишь одно: «С днем рождения, Ильхам Мамедгасанович!»

А. Н. Савенков

*Академик РАН, Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)*

В. Н. Кропачев

*Член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)*

Ж. Т. Тощенко

*Член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)*

З. А. Аскендеров

Председатель Народного Собрания Республики Дагестан (Махачкала, Россия)

О. Зенгин

Главный советник по правовым вопросам Администрации Президента Турции (Стамбул, Турция)

З. Захариев

Председатель фонда «Славяне», профессор (София, Болгария)

З. Й. Рахиотис

Председатель греческого Союза прогрессивных адвокатов (Афины, Греция)

Т. Вели

Президент Ассоциации евразийских инициатив и сотрудничества (Стамбул, Турция)

Р. А. Курбанов

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Е. О. Алауханов

Заслуженный деятель науки Республики Казахстан,
доктор юридических наук, профессор (Астана, Казахстан)

А. И. Чучаев

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

И. О. Кулиев

Заслуженный учитель Азербайджана,
доктор юридических наук, профессор (Баку, Азербайджан)

А. И. Бастрыкин

Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

В. М. Хомич

Заслуженный юрист Республики Беларусь,
доктор юридических наук, профессор (Минск, Беларусь)

Х. Д. Аликперов

Почетный профессор Санкт-Петербургского Международного криминологического клуба,
доктор юридических наук, профессор (Баку, Азербайджан)

А. Малеки

доктор юридических наук, профессор (Тегеран, Иран)

Н. Г. Алиев

доктор юридических наук, профессор (Баку, Азербайджан)

А. А. Арямов

доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Р. Р. Рахмаджонзода

доктор юридических наук, профессор (Душанбе, Таджикистан)

А. Чирич

доктор юридических наук, профессор (Ниш, Республика Сербия)

Траектории модернизации права и законодательства

А. С. Емельянов

доктор юридических наук, доцент,
заместитель директора

Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации.

Адрес: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»,
117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: ase722@mail.ru

Н. Н. Черногор

доктор юридических наук, профессор,
профессор Российской академии наук,
советник директора

Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации.

Адрес: Российская академия наук,
119071, Москва, Ленинский пр-т, д. 14;
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»,
117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: chernogor72@yandex.ru

Trajectories of Modernization of Law and Legislation

A. S. Emelyanov

Doctor of Law, Associate Professor,
Deputy Director of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation.

Address: Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
34 B.Cheremushkinskaya Street, 117218, Moscow, Russian Federation.
E-mail: ase722@mail.ru

N. N. Chernogor

Doctor of Law, Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences,
Advisor to the Director of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation.

Address: Russian Academy of Sciences,
14 Leninsky Ave., 119071, Moscow, Russian Federation;
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
34 B.Cheremushkinskaya Street, 117218, Moscow, Russian Federation.
E-mail: chernogor72@yandex.ru

Поступила 15.10.2025 Принята к печати 10.01.2026

Аннотация

Современное состояние общества характеризуется многочисленными трансформационными процессами, оказывающими существенное влияние на все сферы общественной жизни. Они обусловлены глобальными вызовами и угрозами, с которыми столкнулось человечество. Поражает скорость таких изменений.

В реальном времени отмечаются те явления, которые еще недавно относились к области фантастики – цифровизация и роботизация, геновая инженерия и нейрокогнитивные технологии, иные инновации. В этих условиях право и законодательство должны не только отвечать требованию устойчивости, но также быть адаптивными и гибкими. Вместе с тем далеко не все люди успевают встраиваться в быстро меняющуюся общественную среду, могут соответствовать тенденциям времени. В результате значительно усиливаются социальные риски, все большая часть населения нуждается в поддержке и защите со стороны государства. Указанные обстоятельства обуславливают потребность в философско-правовом и теоретико-правовом осознании актуальных траекторий развития права и законодательства. Таковыми представляются: расширение сферы правового регулирования, сопряженное с возрастанием значения законодательства и возникновением наднациональных правовых порядков; сохранение государства в качестве институциональной основы правового порядка, возрастание его значения в части обеспечения безопасности личности, общества и государства; трансформация структуры права и законодательства; потенциальное преобразование права из нормативной системы в систему нормативно-когнитивную вследствие развития нейронауки и когнитивных наук, а также автоматизации правового регулирования и государственного управления.

Ключевые слова: право, законодательство, эволюция права и законодательства, траектории модернизации права и законодательства, ценность права, возрастание значения статутного регулирования (законодательства), система права, правовой порядок.

Abstract

The current state of society is characterized by numerous transformational processes that have a significant impact on all spheres of public life. They are conditioned by the global challenges and threats that humanity is facing. The speed of such changes is amazing. In real time, phenomena that until recently belonged to the realm of fiction are noted – digitalization and robotics, genetic engineering and neurocognitive technologies, and other innovations. In these circumstances, law and legislation should not only meet the requirements of sustainability, but also be adaptive and flexible. At the same time, not all people manage to integrate into the rapidly changing social environment, and they can correspond to the trends of the time. As a result, social risks are significantly increasing, and an increasing part of the population needs support and protection from the state. These circumstances determine the need for philosophical, legal and theoretical awareness of the current trajectories of the development of law and legislation. These include: the expansion of the sphere of legal regulation, coupled with an increase in the importance of legislation and the emergence of supranational legal systems; the preservation of the state as the institutional basis of law and order, increasing its importance in terms of ensuring the security of individuals, society and the state; the transformation of the structure of law and legislation; the potential transformation of law from a normative system into a normative-cognitive system due to the development of neuroscience and cognitive sciences, as well as automation of legal regulation and public administration.

Keywords: law, legislation, evolution of law and legislation, trajectories of modernization of law and legislation, the value of law, the increasing importance of statutory regulation (legislation), the legal system, the rule of law.

Право в современном обществе представляет собой ценность высшего порядка, выступая универсальным социальным регулятором, устанавливая баланс различных интересов, определяя и организуя разнообразные регуляторные, а также управленческие механизмы, служа эффективной преградой произволу и беззаконию, поддерживая общественную стабильность и обеспечивая проведение социально-экономических, политических и иных преобразований.

При этом противоречивость и неопределенность – это характеристики современного мира. Достигнутый уровень технологического развития обострил противоречия между развитием и устойчивостью; поступательным прогрессом и локальной неравномерностью развития, универсально-

стью и самобытностью, социальным неравенством и социальной справедливостью, вновь появляющимися технологиями и безопасностью. Право, как универсальная регуляторная система, в первую очередь реагирует на соответствующие вызовы. В законодательстве происходят обусловленные этими процессами значительные изменения. Именно таким образом противопоставление и единство традиций и реформ, статики и динамики в праве всегда определяли пути совершенствования законодательства [15. – С. 28].

Текущий этап общественного развития характеризуется существенными изменениями на всех уровнях правового регулирования, формированием предпосылок перехода права в новое качественное состояние. Проводимые в настоящее

время исследования направлены на определение рациональной основы вариативных прогнозов такого перехода, его временного горизонта и особенностей модернизации законодательства применительно к отдельным правовым порядкам. Уже полученные и ожидаемые результаты могут позволить не только обозначить векторы указанных изменений, но и подвести к попыткам представить возможные траектории модернизации права и законодательства. Изменения, происходящие в праве и законодательстве, могут быть охарактеризованы через выделение трех групп таких траекторий: традиционные; обозначившиеся в последние десятилетия, но уже получившие научное осознание; становящиеся очевидными и нуждающиеся в научном постижении.

На предыдущих этапах общественного развития эволюция правового регулирования характеризовалась главным образом расширением его предмета, появлением новых общественных отношений, нуждающихся в своем упорядочении посредством права и законодательства, а также их концептуализацией на доктринальном уровне, выявлением и закреплении принципов, обеспечивающих необходимый баланс между различными интересами (частными и публичными).

Данные (традиционные) векторы развития права сохраняют свое значение и в настоящее время. Правовая сфера характеризуется не только возникновением новых общественных отношений, в первую очередь обусловленных современной технологической революцией, но и потребностью в правовом регулировании отношений, которые ранее его предмет не составляли, будучи упорядочены моральными (этическими) и религиозными нормами. Остается все меньше областей общественной жизни, применительно к которым не задействованы ресурсы права [28. – С. 11].

Расширение границ правового регулирования, характеризующее текущий этап общественного развития, происходит в значительной степени через прямое вторжение позитивного права в сферу морали и религии. Примером может служить так называемая «легальная этика», развивающаяся как на международном, так и национальном уровне [28. – С. 11]. Ее проявления характерны в равной степени и для публичной, и для частной сферы. Через нее происходит формализация и систематизация этических норм. Известно множество этических кодексов и сводов этических принципов. В свою очередь их нарушение служит основанием для применения мер правового принуж-

дения. Изучение данного феномена позволило идентифицировать его в качестве особой формы расширения границ правового воздействия на общественные отношения, только «имитирующей» экспансию этического регулирования в право (морализацию права) [28. – С. 11]. В результате применения различных моделей совместного действия права с другими традиционными социальными регуляторами, «кросс-граничного» режима их функционирования правовое регулирование становится все более объемным, существенно увеличивается число формализованных нормативных массивов, обеспеченных правовым принуждением. Как следствие, право проникает в область личной свободы и частной инициативы. Наиболее это характерно для правового опосредования отношений в области культуры, науки, образования, информации, экологии, противодействия коррупции, защиты конкуренции, миграции.

Расширение сферы правового регулирования обуславливает все большее усложнение процесса концептуализации права и законодательства. Их дифференциации, которая была основным вектором эволюции правовой доктрины ранее, уже недостаточно. Современные правовые теории развиваются преимущественно через анализ консолидации правового воздействия на общественные отношения, предполагающего проникновение публичного регулирования в частную сферу, а частного в публичную.

Происходит взрывное развитие тех правовых структур, которые ранее пребывали в зачаточном или латентном состоянии в силу того, что не могли быть правильно идентифицированы в прежних парадигмальных матрицах (отраслевой, разделения права на частное и публичное, общего права). Такие нетипичные правовые структуры, как антикоррупционное и антимонопольное законодательство, арктическое и военное право, некоторые другие не могли быть в полной мере охарактеризованы через их предмет и метод или охраняемые интересы. Для их научного постижения требуется новая методологическая основа, каковой является структурно-функциональный анализ, разработанный в прошлом веке представителями социологической науки [17; 37; 36; 7; 12].

Результаты проведенных ранее исследований подтверждают данное предположение. В юридической литературе уже были сформулированы и обоснованы некоторые выводы, характеризующие природу указанных правовых структур, их место в системе права, роль в консолидации его содержа-

ния и элементного состава [29; 27; 31; 32; 6]. Названные нормативные массивы имеют характер циклических (антикоррупционное и антимонопольное законодательство) или модульных (арктическое и военное право).

Первичным элементом первых являются «кросс-отраслевые» юридические нормы, которые своеобразно ведут себя внутри системы права, создают специфические связи и занимают в ней особое место, одновременно изменяя саму структуру права и законодательства. В своем развитии эти массивы не проявляют тенденции к обособлению, подобно отраслям или институтам права. Наоборот, они демонстрируют способность проникать в большинство элементов системы права, взаимодействовать с ними, определять их содержание, функционирование, а также векторы, траектории и темпы преобразований [29].

Достигнутый к настоящему моменту в мире в целом и в России в частности уровень общественного развития также обуславливает следующее: возрастание значения статутного регулирования (законодательства); восхождение отдельных законодательных норм на конституционный уровень и развитие конституционной основы модернизации законодательства [9. – С. 21–25]; развитие наднациональной регуляторики. Без сомнения, это феномены последних десятилетий, которые уже в значительной степени осознаны юридической наукой.

Возрастание значения законодательства – это черта, характерная не только для отечественного права и континентальных правовых систем. Она прослеживается в англо-саксонском праве [20. – С. 114] и традиционных правовых порядках. Ее проявлением в первую очередь служит общее увеличение законодательных массивов, начавшееся еще в последние десятилетия прошлого века. Например, во Франции в соответствии с Публичным отчетом за 2006 год «Правовая определенность и сложность права», подготовленным Государственным Советом Франции, только к 2000 г. было зарегистрировано 9 000 законов и 120 000 постановлений. Сложившееся положение в указанном отчете было охарактеризовано как «нормативная несдержанность» и «законодательная инфляция»¹. Анало-

гичный феномен был выявлен и немецкими учеными-юристами, назвавшими его «наводнение законов» (Gesetzesflut) [33. – S. 2]. Применительно к отечественному правопорядку данная проблема была обозначена еще в Постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 25 июня 1975 г. № 558 «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства»².

Некоторые авторы видят в рассматриваемой тенденции исключительно негативные стороны (падение уровня законодательной культуры и юридической техники, снижение эффективности права) [5]. Действительно, взрывное расширение законодательных массивов иногда сопровождается несколько поспешным принятием отдельных законодательных актов. Но это «болезнь роста». Она уже в достаточной степени осознана, и начинают внедряться правовые инструменты, позволяющие преодолеть ее. Одним из них является регуляторная реформа [14].

При этом приведенный критический взгляд на складывающуюся ситуацию не учитывает объективную обусловленность резкого увеличения числа ежегодно принимаемых законодательных актов. Нельзя игнорировать новые общественные отношения, предотвращая рост количества законов. Это влечет расширение области правовой неопределенности. Кроме того, на темпы законодательного процесса в целом влияют различные социально-экономические и политические процессы. Например, анализ законотворчества в Южной Корее за период с 1948 по 2016 г. демонстрирует, что пики законодательного производства напрямую связаны с процессами демократизации общества [35]. Кроме того, динамика законодательства определяется изменениями в приоритетах общественного развития и кризисными явлениями в обществе [18].

Увеличение законодательных массивов и указанные негативные явления (падение уровня законодательной культуры и юридической техники, снижение эффективности права) находятся в более сложной причинно-следственной связи, нежели та, которая отмечается указанными авторами. Расширение сферы законодательного регулирования не всегда и не во всем влечет падение уровня законодательной культуры и юридической техники. Как правило, они остаются на том же

¹ См.: Rapport public 2006 – Sécurité juridique et complexité du droit // République Française. – URL: <https://www.vie-publique.fr/rapport/28120-rapport-public-2006-securite-juridique-et-complexite-du-droit> (дата обращения: 10.07.2025).

² URL: <https://docs.cntd.ru/document/765708886> (дата обращения: 13.03.2026).

уровне, что и были. Вместе с тем этот уровень становится недостаточным для решения новых задач. В результате правовая доктрина и законодательная практика в настоящее время столкнулись с серьезным вызовом. Им предстоит найти те формы гармонизации правового регулирования, систематизации законодательства, государственного учета правовых актов, которые соответствовали бы возросшему значению законодательства, расширению его предмета. Первые шаги в этом направлении сделали еще наши предшественники – ученые Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства (в настоящее время – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; далее – Институт)¹.

Возрастание значения статутного регулирования и расширение законодательных массивов не предполагает умаления роли иных источников права (в широком смысле). В первую очередь речь идет о правовой доктрине и судебном правотворчестве. Фактически справедливо говорить об их интеграции в законодательный процесс [23; 21]. Примером такой интеграции может служить деятельность Института, который в рамках законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации в силу прямого указания на это в его регламенте ежегодно рассматривает около 3 тыс. проектов федеральных законов и иных правовых актов, осуществляя их научно-правовую экспертизу.

В отношении временного горизонта реализации рассматриваемой траектории модернизации права и законодательства существуют разные прогнозы [26. – С. 17]. Их объединяет вариативность возможных сценариев укрепления само-

управленческих начал различных общностей и развития саморегулирования в сетевых, профессиональных и других сообществах либо пролонгации данной тенденции в результате стремления законодателя к полноте регулирования, усиления «правового романтизма» в законотворчестве и публичном управлении – при преимущественном использовании законодательной формы для преодоления любых проблем, в том числе социальных, экономических, демографических, экологических и даже технических.

Возрастание значения законодательства сопряжено с восхождением отдельных законодательных норм на конституционный уровень и развитием конституционной основы модернизации законодательства. Проведенные исследования свидетельствуют, что предыдущие этапы общественного развития (XVIII – первая половина XX в.) характеризовались как период относительной конституционной стабильности. В свою очередь завершающее десятилетие XX в. и начало XXI в. озаменованы многочисленными конституционными реформами по всему миру, назначение, масштаб и динамика которых заметно отличаются от прежних лет [24. – С. 7–8]. Конституционное регулирование существенно расширяется. Отдельные нормы, первоначально появившиеся на законодательном уровне, получают свое конституционное закрепление. Применительно к конституционной реформе 2020 г. следует отметить, что в обновленный текст Конституции Российской Федерации были включены следующие положения: гарантирующие государственный суверенитет и территориальную целостность; обеспечивающие функционирование единой системы публичной власти (определяющие ее «дизайн»); развивающие законодательство Российской Федерации как социального государства; устанавливающие стандарты замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы.

В свою очередь, модернизация самого законодательства осуществляется на конституционной основе, развитие которой предполагает, что отдельные направления и аспекты его формирования определяются на конституционном уровне не в форме конституционных норм прямого действия, а через закрепление положений, которые должны учитываться при принятии нижестоящих нормативных правовых актов, обеспечивая единство, целостность, полноту и непротиворечивость всего

¹ Так, по инициативе И. С. Самощенко при Институте был образован Научный центр правовой информации. Его сотрудниками были не только юристы, но и математики-программисты, специалисты по техническому обслуживанию ЭВМ, лингвисты. К работе было также привлечено Пермское научно-производственное объединение «Парма», подведомственное Министерству приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР. Ее результатом стало введение в 1982 г. в эксплуатацию автоматизированной информационно-поисковой системы «Законодательство», которая стала передовым и на тот момент уникальным программно-аппаратным комплексом, обеспечивающим высшие органы государственной власти и управления актуальной правовой информацией [11. – С. 225–227].

законодательного массива. При этом за законодателем сохраняется весьма широкая дискреция.

Конституционная основа модернизации законодательства предполагает следующие процессы: ранжирование публичной власти и определение предметов ведения в части законодательного регулирования; гарантирование прав и свобод человека и гражданина; систематизацию законодательства; установление конституционных принципов; определение и закрепление конституционных стандартов; закрепление конституционных процедур законодательной деятельности.

В настоящее время в части реализации конституционной основы моделирования законодательства открылась проблемная зона, в отношении которой средство рассматриваемого моделирования еще только предстоит подобрать. Речь идет о преодолении технологической уязвимости человека, общества и государства. Вместе с тем в результате конституционной реформы 2020 г. данная сторона конституционного регулирования была существенно усилена. Так, в пункте «м» статьи 71 Конституции Российской Федерации был закреплён принцип безопасности всех трех названных субъектов.

Реализация конституционной основы модернизации законодательства не может рассматриваться в отрыве от иных политико-правовых средств достижения данной цели. Так, конституционная реформа 2020 г. во многом стала результатом начавшихся несколько ранее федеративной и административной реформ. В свою очередь, в вопросе построения российского законодательства она предполагает реализацию в том числе через продолжение текущих административной, судебной и регуляторных реформ.

Модернизация права и законодательства также сопряжена в современных условиях с формированием и развитием наднациональной регуляторики. История государства и права демонстрирует ряд интеграционных циклов. В их рамках активизация интеграционных процессов сменяется этапом фиксации их результатов на несколько более низком уровне. В 1990-е гг., после распада социалистической системы, был достигнут наивысший интеграционный уровень – глобализация, предполагавшая политическое, экономическое, культурное, технологическое и даже юрисдикционное доминирование США практически во всем мире. В силу различных обстоятельств в настоящее время она не только резко замедлилась, по некоторым направлениям начался обратный процесс.

Человечество вошло в очередной этап фиксации. Вместе с тем для современного мира продолжают быть характерными разнообразные интеграционные процессы, приобретшие форму регионализации. В первую очередь они носят социально-экономический или политический характер, могут быть связаны с обеспечением безопасности или международной кооперацией в иных сферах. Такие процессы протекают практически на всех уровнях транснационального взаимодействия: локальном (между приграничными территориями), мезорегиональном (в рамках нескольких имеющих общую границу государств), региональном (в определенном макрорегионе планеты) и др. Они могут иметь различные правовые формы, такие как заключение международных договоров, создание международных организаций, образование зон свободной торговли или общего (единого) рынка, формирование надгосударственных (наднациональных) структур управления и иные [19. – С. 33].

Ключевую роль в указанных процессах продолжает играть международное право. Вместе с тем в некоторых случаях в рамках отдельного региона могут формироваться наднациональные структуры и надгосударственное право. Примером последнего в первую очередь служит право Европейского союза, где до последнего времени интеграционные процессы отличались наибольшей интенсивностью¹. Подчеркнем, что Европа, являющаяся в настоящее время лидером международной регионализации, в исторической ретроспективе не являлась родиной данного феномена. Более того, сложившаяся здесь Аугсбургско-Вестфальская система может считаться его антиподом. В первую очередь это явление связано с Латинской Америкой, где оно стало средством

¹ Сам Европейский союз представляет собой экономическое и политическое объединение 27 европейских государств, созданное на основании Маастрихтского договора 1992 г., вступившего в силу 1 ноября 1993 г. Он имеет очень сложную юридическую природу, предполагающую сочетание признаков международной организации (межгосударственности) и государства (надгосударственности), не являясь юридически ни тем, ни другим. При этом на основе ЕС функционируют Таможенный союз, единое пограничное пространство (Шенгенская зона) и экономический валютный союз (Еврозона). При этом состав их участников может не совпадать с составом участников ЕС, либо отдельные государства могут не входить в них, но сотрудничать с ними на особых условиях (например, Соглашение по использованию евро).

преодоления колониальной зависимости от Испании и Португалии¹. На евразийском пространстве наиболее значимым интеграционным образованием является Евразийский экономический союз, объединяющий Россию, Беларусь, Казахстан, Киргизскую Республику и Армению.

Несмотря на обозначенные процессы и отдельные проявления так называемого разгосударствления права [13. – С. 193], оно (право) по-прежнему тесно связано с государством. Эта связь не утрачена и, вероятно, не будет утрачена вследствие текущей технологической революции. Вместе с тем в ее контексте идет активная полемика. В зарубежной доктрине популяризируются идеи о том, что в XXI в. государство постепенно утратит суверенитет и монополию на создание права, а новый зарождающийся социум формирует запрос на новое право, лишенное государственной идентичности [13. – С. 203]. Данная полемика характеризуется множеством позиций: от самых маргинальных, предполагающих отказ от государства (пока соответствующие предложения высказываются исключительно в контексте виртуального пространства), до необходимости формирования наднациональных, в том числе глобальных, регулирующих и административных структур, либо обновления государства, в основе суверенитета которого будет помимо прочего лежать некая технологическая платформа [25].

Последние два подхода имеют свои практические воплощения. Так, например, в 2024 г. на Генеральной ассамблее ООН (22 сентября 2024 г.) был принят Пакт во имя будущего, включающий Глобальный цифровой договор. Фактически данный международно-правовой акт направлен на закрепление монополии отдельных транснациональных структур, которые отводят подавляюще-

му большинству стран мира роль потребителей технологических инноваций и к тому же претендуют на внешнее управление их ресурсами через некие квазимеждународные институты. Подчеркнем, что Россия, в числе 13 других стран, его не поддержала. Обоснованно предположение, что реализация названного Пакта не будет способствовать поступательному в долгосрочной перспективе общественному развитию. Напротив, даже на уровне среднесрочного прогнозирования произойдет его торможение. Кроме того, в нем под сомнение ставится сама идея государственного суверенитета.

Поиск путей модернизации государства в результате реализации технологического императива идет во всех ведущих странах мира. Достаточно вспомнить концепцию электронного правительства/государства («E-Government»)², предполагающую построение единой программно-аппаратной платформы осуществления государственной власти в США на федеральном уровне. В последние десятилетия она активно транслируется в другие страны через Организацию экономического сотрудничества и развития. Другим примером может служить Закон США о Национальной инициативе в области искусственного интеллекта (*The National AI Initiative Act*), который предусматривает формирование скоординированной на федеральном уровне программы по ускорению исследований и внедрению искусственного интеллекта для обеспечения экономического процветания и национальной безопасности. В Китае рассматриваемая тенденция проявилась через принятие Закона о кибербезопасности, нацеленного на формирование и защиту собственной технологической платформы (также Закон об интернет-безопасности КНР, кит. 中华人民共和国网络安全法).

Представляется, что реализация последнего подхода является наиболее перспективной. Для государства научно-технологическое развитие становится имманентной функцией, что уже находит свое закрепление в конституциях последнего поколения. Соответствующие положения были внесены, например, в обновленный текст российской Конституции (см. пункты «е», «и», «м» статьи

¹ Именно в этом регионе появилась старейшая региональная организация в мире – Панамериканский союз. Решение о его создании было принято на I Панамериканской конференции (1889–1890). Официальной целью создания организации был обмен экономической информацией, и при ней было учреждено Коммерческое бюро американских республик (*Commercial Bureau of the American Republics*). В 1928 г. Союз стал постоянным органом Панамериканских конференций, а возглавил его Руководящий совет. В 1948 г. Панамериканский союз становится постоянным органом Организации американских государств, а в 1970 г. переименовывается в Генеральный секретариат. В настоящее время данная организация объединяет 34 государства Северной и Южной Америки (кроме Кубы, Венесуэлы, Никарагуа).

² Она сформировалась в истеблишменте Демократической партии США в середине 1990-х гг., а свое законодательное выражение получила в 2002 г. уже при республиканской Администрации с принятием Закона об электронном правительстве (*E-Government Act (public law §§ 107 – 347)*).

71, пункт «в¹» статьи 114). Кроме того, в Российской Федерации ее бесшовной реализации должно способствовать принятие Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленного не только на установление компетенций органов государственной власти и иных организаций в этой сфере, но и обеспечение взаимодействия между ними.

Укреплению связи права с государством способствовали международная турбулентность и связанное с ней снижение авторитета международного права вследствие открытой демонстрации его избирательного применения в качестве средства продвижения экономических и геополитических интересов отдельных государств, политической ангажированности его институциональной основы, а также многочисленные кризисы текущего века («пузырь доткомов» (*Dot-com bubble*), экономический кризис 2007–2008 гг., пандемический кризис, кризис монополярного мирового порядка, обусловленные им вооруженные конфликты). Их деструктивному влиянию страны и народы противостоят, опираясь преимущественно на ресурсы национального права и законодательства. При этом наднациональные структуры не сумели своевременно предложить эффективные правовые решения. В силу этого большинство государств развивают собственные правовые стратегии преодоления кризисных явлений.

Государство, формируя законодательство, решает с его помощью политические, экономические, социальные и иные задачи общественного развития, обеспечивает защиту прав и законных интересов граждан. При этом реализация правовых норм поддерживается не только государственным принуждением, которое всегда рассматривается в качестве связующего звена между правом и государством [22. – С. 13], но и всеми иными имеющимися средствами – идеологическими, организационными, экономическими, финансовыми.

В настоящее время усиливаются международная турбулентность и бифуркация, выражающиеся в конфронтации, в том числе вооруженной, стран и межгосударственных объединений, главной причиной которых выступает обострение межнациональной конкуренции, обусловленной «откатом» интеграционных процессов от глобализации, основанной на доминировании США, к регионализации с сохранением идеи государствен-

ного суверенитета. На уровне права данный откат обуславливает изменение соотношения «универсального» и национального. На смену их иерархическому соотношению приходит поиск баланса. Следует отметить, что «универсальность» не случайно взята в кавычки. Фактически так называемые универсальные ценности не являются таковыми. Они появились в рамках западной культуры и последние десятилетия навязывались другим странам и народам.

Наибольшую опасность из числа данных ценностей представляет ценность «абстрактного человека», которая игнорирует существующие социальные связи и отношения. Ее продвижение предполагает, что внимание не должно обращать на то, что у человека есть пол (который заменили гендером), что человек имеет маму и папу, сам может иметь детей, осуществляет трудовую или предпринимательскую деятельность, проявляет общественную и политическую активность. В конце концов, он имеет творческое начало, созидая некий общепольный результат. Все названные и многие другие социальные связи и отношения образуют тот феномен, который называется обществом. Оно, в свою очередь, нуждается в организующем начале, каковым традиционно выступает государство. Следовательно, права, свободы и законные интересы человека не могут быть надлежащим образом защищены, если аналогичный уровень защиты не будет предоставлен публичным интересам – интересам общества и государства.

При этом государство не только заинтересовано в защите своих интересов. Оно выступает институциональной основой обеспечения своей безопасности, а также безопасности общества и человека, формируют новые стратегии правового развития на основе поиска собственной социокультурной, национальной и правовой идентичности. Данный поиск предполагает создание оригинальных концептов соразмерности универсальных и национальных ценностей. Об этом свидетельствует обширная практика обновления национальных конституций и законодательства [24; 30; 34]. Вместе с тем процессы стандартизации права, запущенные этапом глобализации, сохраняют актуальность. Речь идет об отражении в национальном законодательстве международных стандартов в области прав человека, экологии, противодействия коррупции и отмыванию доходов, полученных преступным путем, а также некоторых других.

В результате право по-прежнему остается многомерным и многослойным, сочетающим в себе национальные, интеграционные и международные нормы. Следовательно, национальное законодательство содержательно должно продолжать учитывать данное обстоятельство. Мера сочетания юридических норм разного уровня, закрепленных в законодательстве, определяется социально-экономическими, культурными и политическими факторами, набор и особенности которых специфичны для каждого конкретного правопорядка. При этом в текущем веке право (в широком смысле слова) становится более мобильным, гибко и относительно оперативно реагирующим на кризисные ситуации. Речь идет не только об изменениях в законодательстве. Глобальные кризисы обусловили ситуативные изменения в праве, в том числе в иерархии ценностей и приоритетов в правотворчестве [15. – С. 32].

Происходит изменение самой нормативности права и законодательства. Это серьезный вызов для современной юриспруденции и не только для нее. Поиск ответа на него предполагает консолидацию усилий ученых-юристов и представителей других наук (общественных, естественных, технических). Вероятно, под воздействием достижений нейронауки и когнитивных наук и внедрения в результате этого прецизионной регуляторики произойдет преобразование права из нормативной системы в систему нормативно-когнитивную. По оценкам ученых, использование соответствующих разработок в области правового регулирования в перспективе может привести к построению и практической реализации модели права, адаптированной к природе человека и способу функционирования его мозга, предполагающей непосредственное воздействие на него на нейронном уровне, игнорирование воли человека (отказ от свободы воли), внешнее стимулирование эмоций и мотивационных процессов.

Право с момента своего возникновения представляло собой нормативную систему (наряду с другими социальными регуляторами, такими как мораль, религия). В этом качестве оно рассматривалось учеными и практиками. Развитие нейрокогнитивных технологий ведет к преобразованию права в нормативно-когнитивную систему, а соответствующая трансформация права – к формированию иной структурной организации его системы, внутренних и внешних связей, принципов и механизмов ее построения, развития, функционирования и т. д. Практическая реализация такого мас-

штабного проекта потребует решения ряда проблем не только фундаментального, теоретического и даже мировоззренческого порядка, но и прикладного характера. Данная траектория эволюции права предполагает решение ряда фундаментальных научно-познавательных задач, связанных с установлением новой элементарной основы правового регулирования и структурных связей при его осуществлении [23].

Следует отметить, что указанная траектория развития права и законодательства обозначилась еще до того, как нейронаука и когнитивные науки вышли на свой современный уровень. Толчком к этому стала автоматизация правового регулирования и государственного управления¹ [16; 4; 3; 2]. В настоящее время она выражается помимо прочего в развитии прецизионной регуляторики с использованием технологий *Big Data*, *Block Chain* и искусственного интеллекта. Она предполагает точечный характер регуляторного воздействия, обуславливающий переход к его индивидуализации (персонализации).

Согласие с тем, что развитие и внедрение конвергентных технологий² обуславливает некую трансформацию эволюционного уровня, предполагает необходимость ответа на ряд вопросов. Собственно, о какой эволюции идет речь – биологической, социальной или биосоциальной? Насколько предсказуемы и контролируемы ее результаты? Несут ли они благо человечеству или способствуют его гибели? Уже сама их постановка предполагает философское осмысление зарождающихся процессов, в том числе в части установления роли и места в них сферы права.

На начальном этапе данного осмысления необходимо остановиться на гибридации предмета правового регулирования. При этом речь не идет о взаимопроникновении различных механизмов социальной регуляции – морали, религии и права – друг в друга, или возникновении новой композиции сферы правового регулирования,

¹ Основы правовой кибернетики : учеб. пособие для юрид. вузов / под ред. Н. С. Полевого и А. Р. Шляхова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977.

² NBIC (= Nano-, Bio-, Info, and Cognitive Sciences) – так называемая большая технологическая четверка, в которую входят: 1) нанотехнологии; 2) биотехнологии и геномная инженерия; 3) информационные и коммуникационные технологии; 4) когнитивные технологии, в том числе, когнитивные нейротехнологии. Перечисленные технологии также называют конвергентными.

включающей как типичные, так и нетипичные общественные отношения. Имеется в виду изменение в результате технологической конвергенции на уровне «наномасштаба» самой природы общественных отношений, их структуры и содержания, выражающееся в появлении принципиально нового типа социального поведения, отличного от тех, которые были присущи человеческому обществу до этого. Слияние до степени неразличимости субъекта и объекта права, соединение которых демонстрирует правовое опосредование общественных отношений, складывающихся по поводу и с участием техно-, био- и природоподобных объектов, искусственных сущностей, возникших (или созданных) в процессе их техно-, нано-, био-научного инженерного конструирования, требует принципиально новых подходов к правовому регулированию.

Отдельные проявления подобного преобразования права уже сейчас можно наблюдать на примере взаимодействия современных технологий и права. Показательна в данном случае практика использования технологии блокчейн, функционирование которой подчинено машинному (программному) коду. По сути, участники экономического оборота, использующие данную технологию, оказываются в зависимости от нее. В результате троекратно усложняется сама структура регулирования соответствующих отношений, при этом собственно социальное регулирование переплетается с регулированием техническим, когда происходит «оцифровка» межлического взаимодействия, что обуславливает потребность в техническом регулировании, которое само нуждается в формировании правовой основы. При отсутствии надлежащего правового регулирования программный код начинает оказывать мощное воздействие на содержание и характер соответствующих социальных связей и становится едва ли не главным их «определителем». В связи с этим уже сейчас на доктринальном уровне решается задача определения пределов регулирующего (определяющего, устанавливающего) воздействия программных продуктов с целью обозначить линию их соприкосновения с правом [25. – С. 59–75].

Однако цифровизация, одним из элементов которой выступает применение блокчейн-технологий, не должна и не может рассматриваться отдельно от других составляющих «большой технологической четверки». Изменяется сам человек, изменяются механизмы мышления, изменяются социальные связи. Последнее в контексте

правового регулирования наиболее важно, поскольку происходит смешение до степени неразличимости не только объектов и субъектов, но формы и содержания, то есть сами социальные связи могут приобрести характер субъекта. На данное обстоятельство сейчас мало кто обращает внимание, что может оказаться стратегическим просчетом как на доктринальном уровне, так и при реализации государственно-правовой политики. Этот феномен, отражающий нарождающиеся производственные отношения и трансформацию производительных сил, становится все более очевидным. Тем не менее он пока остается неосмысленным на доктринальном уровне.

Формирование и реализация современного технологического императива обостряет философские проблемы права, служит предпосылкой к переосмыслению не только его предмета, но и самой сущности, роли и места в современном обществе, значения в механизме общественного развития, обуславливает постановку ряда вопросов, касающихся влияния технологического прогресса на человека как базового субъекта права, на правовую реальность и действительность права, в целом на правовое бытие, что позволяет некоторым ученым заявлять о зарождении нового права – «права второго модерна» [8].

Характер текущей общественной трансформации отражается не только и, пожалуй, не столько в предметной области права. Более значимыми видятся преобразования, наблюдаемые на методологическом уровне. Для этого есть рациональные предпосылки, так как праву имманентны конвергентные начала, проявлявшие себя ранее главным образом в интеграции правовых систем, взаимном проникновении частного и публичного права, правотворчестве и правоприменении (например, в судебной деятельности, когда суд создает правовые положения при разрешении конкретного дела), нормативном и казуальном регулировании (что выражено, например, в имплементации судебных решений в законодательство), процессах возникновения циклических нормативных массивов в праве и т. п. На доктринальном уровне данная тенденция нашла свое отражение в первую очередь в интегративном подходе к пониманию самого права, позволившему преодолеть противоречия, вызванные избыточной дифференциацией правового знания [10].

Подводя итог, следует выделить следующие траектории модернизации права и законодательства: расширение сферы правового регулирова-

ния, сопряженное с возрастанием значения законодательства и возникновением наднациональных правопорядков; сохранение государства в качестве институциональной основы правопорядка, возрастание его значения в части обеспечения безопасности личности, общества и государства; трансформация структуры права и законодатель-

ства; потенциальное преобразование права из нормативной системы в систему нормативно-когнитивную вследствие развития нейронауки и когнитивных наук, а также автоматизации правового регулирования и государственного управления.

Список литературы

1. Арктическое право: концепция развития / отв. ред. Т. Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве российской Федерации. – М. : Юриспруденция, 2014.
2. Венгеров А. Б. Научно-технический прогресс и применение права // Правоведение. – 1983. – № 3. – С. 22–28.
3. Венгеров А. Б. Право и информация в условиях автоматизации управления: теоретические проблемы. – М. : Юридическая литература, 1978.
4. Венгеров А., Лавров В. Юридическая сила машинных документов // Хозяйство и право. – 1981. – № 10. – С. 82–85.
5. Власенко Н. А., Залоило М. В. Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законодательства // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 78–89.
6. Залоило М. В. Циклический нормативный массив как нетипичное правовое явление в условиях цифровизации // Российское государственное управление. – 2019. – № 1. – С. 16–24.
7. Здравомыслов А. Г. Методология и процедура социологических исследований. – М. : Мысль, 1969.
8. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. – URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 06.07.2025).
9. Конституция и модернизация законодательства : материалы XV Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 27 мая – 5 июня 2020 г.) / отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ИД «Юриспруденция», 2021.
10. Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 15–28.
11. Летопись российской юридической науки : в 5 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М. : ИЗИСП ; ИД «Юриспруденция», 2023.
12. Лубенченко К. Д., Матюхин А. А. О функциональном подходе к исследованию социалистического права // Методологические проблемы юридической науки : сб. науч. трудов / под ред. М. Н. Марченко. – М., 1985. – С. 6–9.
13. Мажорина М. В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 1. – С. 191–206.
14. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях» / отв. ред. А. С. Емельянов, С. М. Зырянов, А. В. Калмыкова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М. : Контракт, 2024.
15. Научные концепции развития российского законодательства : монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М. : Норма, 2024.
16. Основы применения кибернетики в правоведении / под ред. Н. В. Витрука, Н. С. Полевого. – М. : Юридическая литература, 1977.
17. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня: проблемы и перспективы. – М., 1965. – С. 25–67.

18. Правовое управление в кризисных ситуациях : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. - М. : Проспект, 2022.
19. Правотворчество в условиях международной регионализации : монография / редколл.: Т. Я. Хабриева, А. С. Емельянов, М. В. Залоило; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М. : Инфра-М, 2025.
20. *Руперт Д.* Прецедент в английском праве. – М., 1985.
21. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. – М. : ИЗИСП ; Норма ; Инфра-М, 2020.
22. *Тихомиров Ю. А.* Право: традиции и новые повороты. – М., 2021.
23. *Хабриева Т. Я.* Доктрина правотворчества как квинтэссенция пути в науке: к 100-летию Института законодательства и сравнительного правоведения // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. – № 5. – С. 5–38.
24. *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в современном мире. – М. : Наука РАН, 2016.
25. *Хабриева Т. Я.* Право в реалиях технологической революции. – М.: Норма ; Инфра-М, 2025.
26. *Хабриева Т. Я.* Право в условиях цифровизации // Избранные лекции Университета. Вып. 189. – СПб. : СПбГУП, 2019.
27. *Хабриева Т. Я.* Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 5–18.
28. *Хабриева Т. Я., Габов А. В., Капустин А. Я., Черногор Н. Н.* Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 3 (70). – С. 5–21.
29. *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.
30. *Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е.* «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. – М., 2018.
31. *Хачиров С. Р.* Концептуализация эмпирического знания о циклических нормативных массивах в праве: опыт и перспектива // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 4. – С. 354–367.
32. *Хачиров С. Р.* Циклические нормативные массивы: предпосылки теоретико-правовой концептуализации // Экономика. Право. Общество. – 2024. Т. 9. – № 3 (39). – С. 46–55.
33. *Fliedner O.* Gesetzesflut und Paragraphendickicht – notwendige oder unnötige Erscheinung im demokratischen Rechts – und Sozialstaat? – Siegen : Vorländer, 1988.
34. *Khabrieva T.* La reforme constitutionnelle dans le monde contemporain. – Paris : Societe de legislation compare, 2019.
35. *Lagona F., Padovano F.* How does Legislative Behavior Change when the Country Becomes Democratic? The Case of South Korea // European Journal of Political Economy. – 2021. – Vol. 69. – URL: <https://hal.science/hal-03225568/document>
36. *Merton R.K.* Social Theory and Social Structure. – 1949
37. *Parsons T.* Social Systems and the Evolution of Action Theory. New York : Free Press, 1977.

Формирование доктринальных представлений о персонализации правовых норм в рамках юридической науки

Е. Р. Абызова

кандидат юридических наук, доцент,
судья Арбитражного суда г. Москвы.
Адрес: Арбитражный суд г. Москвы,
115225, Москва, ул. Большая Тульская, д. 17.
E-mail: barnaul2525@mail.ee

Formation of Doctrinal Ideas about the Personalization of Legal Norms in the Framework of Legal Science

E. R. Abyzova

PhD in Law, Associate Professor,
Judge of the Arbitration Court of Moscow.
Address: Arbitration Court of Moscow,
17 Bolshaya Tulsкая Str., Moscow, 115225, Russian Federation.
E-mail: barnaul2525@mail.ee

Поступила 17.12.2025 Принята к печати 25.12.2025

Аннотация

Актуальность темы обусловлена необходимостью научного осмысления теоретической и практической значимости вопросов, связанных с формированием доктринальных представлений о персонализации правовых норм в рамках юридической науки. Целью настоящей работы является установление взаимосвязи правовой доктрины с юридической наукой, теорией и концепцией на основе интеграции методов познания, с использованием современных информационных технологий в части правопонимания категории персонализации права. Достижение обозначенной цели предусматривало решение следующих задач: а) исследовать понятие юридической доктрины в работах отечественных и зарубежных ученых; б) изучить регуляторные возможности юридической доктрины и ее влияние на становление и развитие концепции персонализированного права через достижения современных научно-теоретических построений в отечественном праве; в) определить роль правовых принципов и обычаев в механизме правового регулирования общественных отношений с точки зрения индивидуализации и персонализации права. Научная новизна работы заключается в исследовании проблемы реализации юридической доктрины (особенно прав и свобод человека и гражданина) в свете будущего развития концепции персонализированного права. Выделены перспективные направления дальнейшего развития персонализированного права в части а) взаимосвязи цифровизации и «умного» права с акцентом на реабилитацию и ресоциализацию личности в правоприменении, б) учета культурных и социальных особенностей, современных информационных технологий при разработке его в качестве регуляторов общественных отношений.

Ключевые слова: право; персонализация права; правовое регулирование; юридическая доктрина; классификация правовых доктрин; правовая наука, теория, концепция; соотношение доктрины с наукой, теорией, концепцией; трансформация права; информационные технологии.

Abstract

The relevance of the topic is determined by the need for scientific understanding of the theoretical and practical significance of issues related to the formation of doctrinal ideas about the personalization of legal norms within the framework of legal science. The purpose of this work is to establish the relationship of legal doctrine with legal science, theory and concept based on the integration of cognitive methods, using modern information technologies in terms of legal understanding of the category of personalization of law. The achievement of this goal provided for the solution of the following tasks: a) to explore the concept of legal doctrine in the works of domestic and foreign scientists; b) to study the regulatory possibilities of legal doctrine and its impact on the formation and development of the concept of personalized law through the achievements of modern scientific and theoretical constructions in domestic law; c) to determine the role of legal principles and customs in the mechanism of legal regulation of

public relations in terms of individualization and personalization of law. The scientific novelty of the work lies in the study of the problem of the implementation of legal doctrine (especially human and civil rights and freedoms) in the light of the future development of the concept of personalized law. The paper highlights promising areas for the further development of personalized law: a) the relationship between digitalization and "smart" law with an emphasis on rehabilitation and resocialization of the individual in law enforcement; b) consideration of cultural and social characteristics, modern information technologies when developing it as regulators of public relations.

Keywords: law; personalization of law; legal regulation; legal doctrine; classification of legal doctrines; legal science, theory, concept; correlation of doctrine with science, theory, concept; transformation of law; information technology.

В юридической науке происходит становление и развитие доктринальных воззрений, касающихся персонализации права. Этот процесс подразумевает формирование теоретических концепций и подходов к пониманию и применению правовых норм с учетом индивидуальных особенностей субъектов права. Разработка доктринальных основ персонализации права представляет собой сложную задачу, требующую комплексного подхода и учета различных факторов, включая философские, социологические и психологические аспекты. В результате формируются научные представления о месте и роли индивида в правовой системе, определяются границы и формы реализации принципа персонализации в различных отраслях права.

Вопрос о персонализации права в юридической науке является многогранным и имеет глубокие исторические корни. Он затрагивает такие фундаментальные аспекты правопонимания, как соотношение права и личности, выявление ключевых факторов, влияющих на формирование доктрин о персонализации, и определение перспектив дальнейшего развития этих воззрений в современной юридической науке. Становление доктринальных воззрений о персонализации права можно проследить через различные этапы развития юридической мысли, от античности до современности.

В Античности зародились, в Средневековье развились идеи о справедливости и естественном праве. Хотя термин «персонализация права» в современном понимании не существовал в античности, уже тогда закладывались основы для его формирования. Идеи Платона и Аристотеля [1; 19. – С. 108–111, 219, 340; 20. – С. 201] о справедливости, благе и идеальном государстве, служении государства и права человеку можно рассматривать как предтечу персонализации. Стоики развили концепцию естественного права, основанного на разуме и универсальных законах природы. Они считали, что каждый человек обладает внутренней ценностью и достоинством, и право должно отражать эти принципы. Римские юристы, не-

смотря на свою прагматичность, уже тогда уделяли внимание вопросам справедливости и защиты прав индивидов.

В Средние века, с развитием христианской теологии, идеи о божественном праве и неотъемлемых правах человека, дарованных Богом, получили дальнейшее развитие. Фома Аквинский [16], например, интегрировал аристотелевские идеи в христианскую доктрину, ориентируя их на благо человека. Эпоха Просвещения сделала акцент на правах человека и индивидуальной свободе, став переломным моментом в становлении персонализации права. Идеи естественных прав, индивидуальной свободы и общественного договора получили широкое распространение и оказали огромное влияние на развитие правовой мысли.

Теория естественных прав (жизнь, свобода, собственность) Джон Локка [16] стала краеугольным камнем либеральной правовой мысли. Он утверждал, что государство создается для защиты этих прав, а не для их ограничения. Концепция общественного договора Жан-Жака Руссо [23; 24. – С. 117, 160] о том, что власть исходит от народа, а законы должны отражать общую волю, хотя и косвенно, также способствовала персонализации права. Идея автономии личности и категорического императива Иммануила Канта [10. – С. 205] – «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщей законодательницей» – подчеркивает важность разумного и морально обоснованного выбора индивида, что стало основой для персонализированного подхода к праву.

Именно в этот период начали формироваться представления о правах человека как о неотъемлемых, универсальных и защищаемых государством. Это стало прямым выражением персонализации права, где индивид, а не абстрактное государство или социальная группа, становится центральным элементом правовой системы.

В XIX в. получает развитие позитивизм и критика абсолютизации прав человека, сместившие акцент с естественного права на позитивное, т. е.

установленное государством право, что привело к некоторому отступлению от идей абсолютизации прав человека в их прежнем виде. Теория права как «приказа суверена» Джона Остина¹ в рамках парадигмы персонализации права сводилась к тому, насколько позитивное право учитывает и защищает интересы индивидов, но не выходила за рамки установленных норм.

Георг Еллинек, основатель теории несuverенных государств, хотя и был позитивистом, внес значительный вклад в понимание прав человека, разделив права на статусные (права индивида как члена государства) и индивидуальные (права индивида независимо от своего статуса) [6]. Это позволило более тонко анализировать взаимоотношения личности и государства в правовой сфере.

Марксистская теория, напротив, критиковавшая буржуазное понимание прав человека как абстрактных и формальных, считала, что подлинные права могут быть реализованы только в бесклассовом обществе, где преодолены эксплуатация и отчуждение. В этом контексте персонализация права понималась как обеспечение реальных, а не формальных прав трудящихся масс [9. – С.17–18].

В XX в. получают развитие концепции прав человека, гуманизации права и индивидуализации правоприменения, приведшие к глубокому переосмыслению роли права в защите личности. Концепция гуманизации права подчеркивала необходимость придания праву человеческого измерения, его ориентированности на благополучие и развитие личности. Согласно этой концепции, право должно быть справедливым и милосердным, учитывающим индивидуальные обстоятельства личности. Индивидуализация правоприменения означала, что при применении норм права необходимо учитывать конкретные обстоятельства дела, личность правонарушителя или субъекта права, его мотивы и цели, что проявилось в таких институтах, как дифференциация ответственности и индивидуализация наказания.

В последние десятилетия наблюдается интеграция различных дисциплин, таких как психология, социология и экономика, в правовую науку, что способствовало более глубокому пониманию роли личности в праве и необходимости персонализации правовых норм. С развитием цифровых технологий и интернета в XXI в. возникли новые

вызовы и возможности для персонализации права. Появление больших данных, искусственного интеллекта и онлайн-платформ изменило способы взаимодействия граждан с правовой системой. Это привело к необходимости адаптации правовых норм к новым условиям, а также к более индивидуализированному подходу в правоприменении, где учитываются уникальные обстоятельства каждого случая.

Таким образом, становление доктринальных воззрений о персонализации права, представляющих собой многогранный и динамичный процесс, отражает эволюцию правовой мысли и стремление к более гуманистическому подходу в праве, который учитывает интересы и права личности как центральный элемент правовой системы. Персонализация права подразумевает акцент на индивидуальных правах и свободах личности, а также на учете человеческого фактора в правоприменении и правотворчестве. Этот подход стал особенно актуален в XX и XXI вв., когда в обществе усилилось внимание к правам человека, гуманизму и социальной справедливости.

Понимание того, что такое доктрина, варьируется в разных источниках. Энциклопедические словари разных времен описывают ее как научную или философскую теорию, систематизированное учение, концепцию или основополагающий теоретический/политический принцип². В России понятие «доктрина» имеет юридическое значение и официально закреплено в указах Президента, которыми утверждены документы, называемые доктринами³. Анализ этих правовых актов позволяет понять, что доктрина – это структурированный набор официальных взглядов, определяющих политику государства, его стратегические цели и основные направления деятельности в конкретной области. Следовательно, доктрина, выступая в качестве своеобразной дорожной карты в российском правовом поле, является не просто теоретическим построением, а нормативно закрепленным

² Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – М., 1983; Краткая философская энциклопедия. – М., 1994.

³ Указ Президента Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 884 «О доктрине развития российской науки» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 3005; Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

¹ Матузов Н. И. Теория государства и права. – М. : Юрист, 2011.

инструментом государственного управления, служащим ориентиром для формирования и реализации политики в различных сферах, включая и такую критически важную область, как информационная безопасность.

В юридическом же сообществе устоялось понимание доктрины как специального юридического знания, способного нормировать профессиональное понимание юристами правовых явлений и оказывать воздействие на течение и результат юридических практик. Вместе с тем отечественными правоведами природа и влияние правовой доктрины изучены недостаточно. Исследователи-юристы активно рассматривают вопросы нормативного значения доктрины, но уделяют мало внимания тому, как она применяется на практике.

В качестве совокупности юридико-научных интерпретаций и суждений о позитивном праве, составляющих его догматическую основу, концептуализирует правовую доктрину В. С. Нерсисянц¹. Исследование юридической доктрины, с его точки зрения, позволяет идентифицировать две ее фундаментальные функции: одна из них представлена теоретическим базисом для законодательного процесса, а другая состоит в функционировании ее как источника права, реализуемого в рамках правоприменительной деятельности.

Ценность юридической доктрины, согласно А. И. Демидову, обусловлена ее способностью генерировать концептуальные положения, выступающие в качестве стратегических ориентиров для эволюции правовой системы, способствующих нивелированию многочисленных препятствий на пути к юридическому прогрессу [5. – С. 14]. В данном контексте сущность доктрины заключается в обобщении казуистического правового материала, характеризующегося детализацией признаков, приближенных к фактическим обстоятельствам дела. Роль казуального подхода в реализации концепции персонализированного права через трансформацию традиционной модели правового регулирования отмечает Н. Ф. Порываева. [22. – С. 93].

В качестве продукта профессиональной научной деятельности юридическую доктрину рассматривают Д. А. Полянский и Р. В. Пузиков, характеризуя ее так: «По своему генезису правовая доктрина представляет собой господствующий в

переходный период тип юридического мышления и правопонимания, отражающий правовые взгляды ведущих правоведов.» [21. – С. 328–337]. По их мнению, она выступает в качестве концентрированного выражения нового научного мировоззрения в праве, своеобразного катализатора для формирования новых отраслей, институтов и норм права, способствующих разработке новых юридических конструкций, понятий и инструментов и предвосхищающих грядущие перемены.

Исследование, проведенное О. А. Латыниным, позволяет рассматривать юридическую доктрину в одном случае как комплексный правовой феномен, относящийся равно как к сфере правосознания, так и к позитивному праву, в другом – в качестве совокупности идей о праве, которые признаются государством или юридической практикой благодаря их авторитету и общепризнанности [13. – С.44-49]. При этом автор уточняет, что регулятивный потенциал доктрин в российском праве обусловлен не столько их распространенностью или авторитетом научного сообщества, сколько степенью их воздействия на индивидуальное правосознание лиц, принимающих ключевые государственные решения.

Наиболее полное представление о правовой доктрине дает нам Е. О. Мадаев, который трактует ее как достаточно независимый и многогранный компонент правопорядка страны. Он описывает ее как систему авторитетных и научно подтвержденных взглядов и концепций, тесно связанных с иными элементами юридической практики и правовой системы. [15. – С. 54, 61–62]. Этот исследователь выделяет несколько основных свойств доктрины: научную обоснованность, признанный авторитет, практическую и научно-прикладную значимость, а также способность оказывать регулирующее воздействие. Среди дополнительных, или необязательных, черт доктрины ученый отмечает формальную четкость, предсказательную силу, широкий охват, декларативный характер и самодостаточность. Вместе с тем этот автор акцентирует внимание на том, что научная идея трансформируется в доктрину лишь при выполнении ряда условий: она должна опираться на одну из традиционных школ правопонимания, заслужить признание в профессиональной среде, получить общественную поддержку, быть усвоенной правоприменительной практикой и благодаря своему авторитету служить мерой общественного поведения.

¹ Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства : учебник для юридических вузов и факультетов. – М. : Норма ; Инфра-М, 1999. – С.382.

Важное свойство юридической доктрины, выполняющей двойную функцию, отмечает Л. И. Петражицкий, по мнению которого она систематизирует и классифицирует существующие правовые модели, а также восполняет пробелы в действующем законодательстве. Поскольку в праве не должно быть неясности, доктрина не только описывает идеальные правовые конструкции, но и предлагает решения для ситуаций, не урегулированных законом. Таким образом, при наличии надежной методологии доктрина активно участвует в формировании права, предлагая новые правовые решения [18. – С. 22].

В российском праве достаточно близкими, но не тождественными доктрине являются понятия «юридическая наука», «правовая теория» и «концепция». В самом общем виде Т. Я. Хабриева характеризует доктрину как авторитетное мнение ученых, так и сложившиеся юридические конструкции, выраженные в форме принципов, теорий, концепций [27. – С. 23]. Если обратиться к юридической науке, то она, на наш взгляд, призвана разрабатывать концептуальные основы права как социального института, формировать новые правовые отрасли, институты и нормы, а также прогнозировать динамику развития юридических технологий и правовой жизни. Юридическая доктрина, являясь продуктом научной деятельности, в свою очередь должна способствовать углублению и расширению масштабов научных исследований в области права.

В немецкой юридической науке персонализация права не является отдельной доктриной, но пронизывает многие направления: от конституционного права и философии права до цифрового права и криминологии. Ключевыми ее идеями считаются следующие: право должно защищать достоинство и автономию личности; конкретный человек важнее абстрактной нормы; персонализация требует этических ограничений, чтобы не нарушить принцип равенства.

В части разграничения исследуемых понятий И. С. Зеленкевич отмечает «более высокий авторитет доктрины по сравнению с научными работами и концепциями» [7. – С. 45], поскольку понятие «доктрина» по отношению к понятию «наука» является более узким по объему. В дополнение к предыдущему суждению И. Б. Григорьев отмечает, что «доктринальными следует считать только те научные взгляды, которые пользуются авторитетом среди юристов и в обществе, являются общепринятыми и применяются на

практике в правотворчестве и правореализации» [4. – С. 69].

Различие между понятиями «теория» и «доктрина» в юриспруденции отмечает О. А. Латынин: понятие «теория» имеет более четкое определение и единообразное понимание, в то время как «доктрина» – понятие более широкое и многогранное, встречающееся даже в официальных юридических документах [12. – С.19]. Если теория стремится объяснить существующее право, то доктрина указывает на то, каким право должно быть, предлагая идеальные модели и пути его развития. По словам Л. В. Голоскокова, доктрина, будучи глубоко разработанной и авторитетной научной теорией, отражает общепринятые взгляды юридического сообщества. Благодаря своей значимости и глубине она находит применение в обществе и оказывает влияние на процесс создания законов [4. – С. 320]. Теоретические разработки в сфере персонализации права означают, что правовые нормы применяются с учетом индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей конкретного человека или группы лиц. Это может проявляться в гибкости законодательства, учитывающего уникальность ситуации; в индивидуальных договоренностях при заключении договоров; в альтернативных способах разрешения споров, наиболее подходящих для конкретных сторон; правовой помощи, адаптированной к клиенту, и т. п.

Термины «доктрина» и «концепция» часто используются как синонимы, однако между ними также существует разница. В отличие от доктрины, концепция – понятие более широкое и охватывает не только теоретические положения, но и практические шаги по их внедрению. Однако в силу своей широты концепции могут быть нежизнеспособными и, как следствие, не всегда реализуемыми. Разные концепции могут противоречить друг другу в отношении одного и того же вопроса, а их практическое применение может оказаться затруднительным или невозможным. В частности, персонализированное право в качестве концепции может быть предметом теоретических исследований, объясняющих следующее: как правовые нормы отражают и формируют человеческую личность; каким образом индивидуальные моральные принципы и этика влияют на понимание и применение права; как обеспечивается равенство сторон при осуществлении справедливого правосудия с учетом индивидуальных различий. Вместе с тем концепцию можно считать составной частью

юридической доктрины. Применительно к нашему исследованию персонализированное право рассматривается как концепция, которая подразумевает адаптацию правовых норм и нормотворческих процессов к индивидуальным потребностям и обстоятельствам конкретных людей или групп.

В научной литературе попытки классифицировать правовую доктрину предпринимали Д. Ю. Любитенко, А. А. Васильев, Е. О. Мадаев [14. – С. 25–26; 2. – С. 8; 15. – С. 76–78]. Правовые доктрины, охватывающие идеи, определения, мнения, основы и модели, могут существовать в двух вариантах: в виде индивидуальных разработок, ассоциирующихся с конкретным влиятельным юристом или узким кругом специалистов, и в виде коллективных построений, приписываемых признанной в юридической среде школе мысли.

Коллективная форма правовой доктрины основывается не на персональном авторитете выдающегося ученого-правоведа, а на общем мнении значительной части юридической общественности или конкретной юридической структуры, что придает ей институциональную устойчивость. Л. И. Петражицкий [21. – С. 463–466], рассматривая правовую науку дореволюционной России, различал «право научных представлений» (коллективные правовые доктрины) и «право учений отдельных юристов и их объединений» (индивидуальные правовые доктрины), относя их к различным типам позитивного права. Изначальный характер и органичность индивидуальных правовых доктрин определяют их историческое возникновение раньше, чем обезличенных коллективных концепций.

Российские доктрины, как правило, не содержат предписаний, требующих немедленного исполнения со стороны государства, граждан и организаций. Скорее, они представляют собой декларации о намерениях, стратегических планах, ключевых принципах и приоритетных направлениях деятельности в конкретных сферах, а также предложения по совершенствованию соответствующего законодательства. Иными словами, как верно заметил В. М. Капицын, доктрина не столько предписывает что-то конкретное, сколько создает условия для разработки, применения и понимания уже существующих законов. Она, скорее, задает общий вектор развития, чем непосредственно регулирует чьи-либо действия [11. – С. 107].

Роль юридической доктрины в законотворческой деятельности, направленной на оптимизацию действующего законодательства, восполнение правовых пробелов и модификацию сфер право-

вого регулирования общественных отношений, признавалась существенной еще О. Е. Мадаевым [15. – С. 27]. Отставание формирования научных доктрин (теоретических основ и взглядов) от оперативного принятия законов в Российской Федерации является причиной недостаточной последовательности и досадных дефектов в законодательстве. Вследствие этого само «текущее» законодательство порождает необходимость в разработке доктрин его практического применения.

Будучи практически направленной, доктрина может иметь узкий характер, а в основе своей – тот или иной тип научного правопонимания. Доктрина российского права в своем узком толковании представляет собой взгляд компетентных органов на то, как правовые принципы, закрепленные в формально определенных и официально признанных положениях, связаны между собой и подчинены друг другу. Показательным примером являются правовые позиции, выраженные Конституционным Судом Российской Федерации в его постановлениях и определениях [28. – С. 60–64].

Для осмысления взаимосвязи доктрины и принципов права представляется целесообразным акцентировать внимание на их концептуальной близости. Доктрина функционирует как поле, в котором реализуется диалектическое единство правовых принципов и норм, формирующих онтологическую основу права. Принципы права в их общем виде, а также принципы законодательства и его отдельных отраслей могут демонстрировать существенные различия, вплоть до несопоставимости. К примеру, персонализация права предполагает систему других принципов: индивидуальный подход, технологичность, контекстуальность, соразмерность и пропорциональность, превентивность, необходимость баланса. В этом смысле принципы права могут быть интерпретированы как «неписаное право», лишенное прямой юридической санкции за нарушение, обозначены как «мягкое право», «субправо» или «дух закона». Таким образом, основное различие заключается в том, что персонализированное право стремится учитывать уникальные обстоятельства каждого человека, тогда как традиционное право основывается на универсальных принципах и правилах. Тем не менее именно принципы детерминируют логику конституирования всей правовой системы.

По мнению А. А. Зозули, регулятивный потенциал доктрины в контексте персонализированного права может быть реализован в двух ключевых аспектах юридической деятельности. Во-первых,

это связано с внедрением в законодательство декларативных норм и принципов, имеющих доктринальное происхождение. Во-вторых, это проявляется в правоприменительной практике, когда решаются юридические коллизии, устраняются пробелы в законодательстве и используются дискреционные полномочия судов [8. – С. 57–58]. В этом контексте правовая доктрина, анализирующая правовую действительность, может рассматриваться как особый источник права.

Ввиду невозможности законодателя предусмотреть все аспекты на все времена, в рамках данной проблемы целесообразно обратиться к феномену правового обычая. Он сформировался в результате естественного развития общества. При этом, как справедливо указывают А. Э. Черников и А. В. Слинько, не каждый социальный обычай способен трансформироваться в правовой в ходе своей эволюции [29. – С. 469–491].

Правовые обычаи, будучи изначальной формой права, относятся к его нетрадиционным источникам. Они возникли на заре правовой системы, когда понятия обычая, традиции, морали и привычки были тесно переплетены и не имели четких границ. Доктрина, как и обычай, формируется вне рамок формализованного законодательного процесса. Первоначальное воплощение актуальных и необходимых правовых идей для современного этапа часто происходит в виде доктринальных разработок в научных статьях и трудах авторитетных ученых-правоведов и юристов-практиков. Юридическая ценность обыкновений заключается в их способности, даже при отсутствии санкций за нарушение, служить оправданием определенных действий в контексте юридических споров.

Итак, рассматриваемый подход представляет собой специфический вид конституционного договора, который опирается на общее понимание необходимости и логической оправданности выбранного способа действий. Решающим фактором для превращения обычая в юридическую норму является его польза для государства. Признание обычая правовым и его использование для регулирования общественных отношений во многом определяется взглядами и принципами, принятыми в конкретной стране. Еще в начале XX в. И. В. Михайловский в своих знаменитых «Очерках по философии права» писал: «Чтобы применить обычай в качестве правовой нормы, суд должен убедиться в следующем: а) обычай должен быть устоявшимся и применяться постоянно; б) его со-

блюдение должно быть обязательным для всех; в) обычай не должен противоречить действующему законодательству; г) обычай должен быть разумным и соответствовать моральным нормам [17. – С. 278].

Важно подчеркнуть, что обычаи как элемент юридической доктрины не используются для регулирования определенных публично-правовых сфер, таких как уголовное право. В то же время проекты резонансных нормативных актов, затрагивающих ключевые общественные отношения и сферы жизни, которые разрабатываются в условиях дискуссий и разногласий, также представляют интерес для юридической науки как часть доктрины. Примером такого акта является Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции», принятие которого сопровождалось значительными спорами. Для урегулирования этих разногласий в России в 2010 г. впервые была внедрена практика публичного обсуждения законопроектов в интернете.

Фундаментальной правовой концепцией современности является доктрина, провозглашающая права и свободы человека и гражданина высшей ценностью. По мнению В. В. Талянина и И. А. Тальяниной, это означает, что при разработке и принятии законов главным приоритетом является защита неотчуждаемых прав личности, а не интересы государства, его органов или должностных лиц [25. – С. 2]. Реализация доктрины прав и свобод человека и гражданина является ключевым направлением современной правовой практики. В этом случае при разработке и применении законов приоритет отдается защите неотъемлемых прав и свобод личности, что и демонстрирует особенность предназначения персонализированного права.

Таким образом, одним из перспективных направлений научного поиска должно стать доктринальное освоение [26. – С. 5–10] новых явлений и процессов, возникающих и протекающих в государственно-правовой сфере под воздействием цифровизации экономики, управления и права. Сегодня персонализация права не является фантастикой, она стала неизбежным этапом эволюции правовой системы в условиях технологического прогресса. Она может сделать право более справедливым, гибким и эффективным, но требует осторожного, взвешенного и этически обоснованного внедрения.

В современном мире, где социальные структуры становятся все более сложными, а индивиду-

альные потребности разнообразнее, доктринальные исследования концепции персонализации права приобретут еще большее значение. Можно выделить несколько направлений ее дальнейшего развития: взаимосвязь цифровизации и «умного» права, акцент на реабилитацию и ресоциализацию, правовое просвещение и доступность, учет культурных и социальных особенностей.

Более того в будущем персонализация права, вероятно, будет развиваться по-разному и из разных источников (публичных или частных), становясь широко распространенным явлением задолго

до того, как законодатели предпримут какие-либо действия. Важно понять истинное предназначение персонализации права, заключающееся в стремлении юридической науки и практики к более справедливому и эффективному правоприменению в условиях развития современных технологий. Главная задача будущего – не создать «идеально персонализированное право», а обеспечить условия для того, чтобы оно оставалось правом предсказуемым, равным, справедливым и защищающим человеческое достоинство.

Список литературы

1. *Аристотель*. Сочинения : в 4-х т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. – Т. 4. – М. : Мысль, 1983.
2. *Васильев А. А.* Правовая доктрина как источник права (историко-теоретические вопросы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2007.
3. *Голоскоков Л. В.* Правовые доктрины: от Древнего мира до информационной эпохи. – М. : Научный мир, 2003.
4. *Григорьев И. Б.* Правовая доктрина Российской Федерации и категория «национальная безопасность» // *Право и государство: теория и практика*. – 2011. – № 12. – С. 69–76.
5. *Демидов А. И.* Принципы юридической доктрины России // *Российская юридическая доктрина в XXI в.: проблемы и пути их решения*. – Саратов, 2001. – 318 с.
6. *Еленек Г.* Система субъективных публичных прав / пер. со 2-го нем. изд. под ред. прив.-доц. Моск. ун-та А. А. Рождественского. – Вып. 1. – СПб. ; М. : Освобождение, 1913.
7. *Зеленкевич И. С.* Правовая доктрина и правовая наука: некоторые аспекты соотношения и использования в качестве источников права // *Северо-Восточный научный журнал*. – 2010. – № 2. – С. 42–47.
8. *Зозуля А. А.* Доктрина в современном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006.
9. *Кабанов В. С.* Политико-правовые взгляды Карла Маркса // *Новый юридический вестник*. – 2025. – № 4 (46). – С.17–18.
10. *Кант И.* Основоположения метафизики нравов // *Кант И. Собрание сочинений в восьми томах*. – Т. 4. – М. : Издательство «Чоро», 1994.
11. *Капицын В. М.* Доктрина, интерпретационный процесс и конституционное право // *Конституция и доктрины России современным взглядом (серия «Материалы Всероссийской научной конференции»)*, Москва, 17 марта 2009 г. – М. : Научный эксперт, 2009. – С. 103–117.
12. *Латынин О. А.* Доктрина и теория: сходство и различия в сфере юриспруденции // *История государства и права*. – 2019. – № 3. – С. 14–20.
13. *Латынин О. А.* К вопросу об определении понятия правовой доктрины и соотношении правовой доктрины с близкими понятиями // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. – 2019. – Т. 5 (71). – № 4. – С. 44–49.
14. *Любитенко Д. Ю.* К вопросу о содержании понятия «правовая доктрина» // *Законность и правопорядок в современном обществе*. – 2010. – № 1. – С. 265–270.
15. *Мадаев Е. О.* Доктрина в правовой системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2012.
16. *Меняева М. П.* Идея культуры согласия в контексте теорий «Общественного договора» Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо // *Социум и власть*. – 2015. – № 1 (51). – С. 115–120.
17. *Михайловский И. В.* Очерки философии права. – Т. 1. – Томск, 1914.
18. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб., 2000.
19. *Платон*. Законы // *Платон. Сочинения* : в 3 т. – Т. 3, ч. 2. – М., 1972.
20. *Платон*. Государство // *Древнегреческая философия: от Платона до Аристотеля*. М. : АСТ, 2003.

21. Полянский Д. А. Пузиков Р. В. Правовая доктрина как особое правовое явление // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 11 (127). – С.328–337.
22. Порываева Н. Ф. Алгоритмы и право // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 5 (159). – С. 90–95.
23. Руссо Ж. Рассуждения о начале и основаниях неравенства. – М. : Унив. тип., у Н. Новикова, 1782.
24. Руссо Ж. Трактаты. – М., 1969.
25. Талянин В. В., Талянина И. А. Особенности правовой системы современной России // История государства и права. – 2007. – № 4. – С. 2–3.
26. Тихомиров Ю. А. Право в современном мире: векторы развития // Государство и право. – 2017. – № 5. – С. 5–10.
27. Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. – 2009. – № 2. – С. 34–38.
28. Хальметов А. И. Конституция России: альтернативные проекты и современное развитие // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 3 (97). – С. 60–64.
29. Черноков А. Э., Слинко А. В. Правовой обычай и судебный прецедент в правовой системе России (социально-антропологическое измерение гражданского права) // Антропология права: постклассическая научно-исследовательская программа : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб. : Алетей. 2025. – С.469–491.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-36-43>

Постмодернистский этап развития культуры правотворчества

П. В. Степанов

кандидат юридических наук,
директор Департамента сопровождения законопроектной деятельности
и нормативно-правового регулирования Правительства Российской Федерации;
врио полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде
Российской Федерации и Верховном Суде Российской Федерации.
Адрес: Правительство Российской Федерации,
103274, Москва, Краснопресненская наб., д. 2, стр. 2.
E-mail: stepanov.p.v@mail.ru

The Postmodern Stage of Legal Culture Development

P. V. Stepanov

PhD in Law,
Director of the Department for Legislative Assistance and Regulatory Regulation
of the Government of the Russian Federation;
Acting Plenipotentiary Representative of the Government of the Russian Federation to the Constitutional Court
of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation.
Address: Government of the Russian Federation,
2 build 2 Krasnopresnenskaya emb., Moscow, 103274, Russian Federation.
E-mail: stepanov.p.v@mail.ru

Поступила 29.12.2025 Принята к печати 15.01.2026

Аннотация

Культура правотворчества в полной мере испытала на себе влияние концепции постмодернизма – отрицание целостной концепции знания привело к отрицанию возможности существования универсальных концепций. Размываются не только конкретные правовые институты, в том числе институты собственности, юридической ответственности, имущества; размывается сама концепция законотворчества – за счет увеличения количества субъектов, уполномоченных вносить изменения в правовое регулирование, за счет увеличения количества инструментов правового воздействия на общественные отношения, за счет закрепления в нормах действующего законодательства ссылок на внеправовые факторы, оценочные категории и ценности. Сыграли свою роль и активное заимствование правовых понятий и институтов, их «трансплантация» в иностранное законодательство, в котором они часто приобретают совершенно новые смыслы, роль и содержание. Специфическая черта российского законодательства – абсолютизация отраслевого деления – создает условия для автономного развития отдельных отраслей законодательства без связи как с объектом правового регулирования, так и с иными отраслями законодательства. Автор приходит к выводу о том, что причиной возникновения этой ситуации стало развитие отраслевых наук, в том числе юридических наук об отдельных отраслях права – будучи основанными на совершенно разных принципах и регулируя совершенно разные по своей сути общественные отношения, они перешли в состояние, при котором истинное для одной отрасли не всегда истинно для другой.

Ключевые слова: правотворчество, законотворчество, постмодернизм, релятивизм, рецепция, законодательство, фрагментация права, «мягкое право», публичное и частное право.

Abstract

The culture of law-making has been fully influenced by the concept of postmodernism - the denial of the holistic concept of knowledge has led to the denial of the possibility of the existence of universal concepts. It is not only specific legal institutions that are being developed: ownership, legal responsibility, and property are blurring the very concept of lawmaking due to an increase in the number of subjects authorized to change legal regulation, due to an increase in the number of instruments of legal influence on public relations, due to the consolidation of references to extralegal factors, evaluative categories, and values in the norms of current legislation. The active borrowing of legal concepts and institutions, their "transplantation" into foreign legislation, in which they often acquire completely new meanings, role and content, also played a role. A specific feature of Russian legislation is

the absolutization of the sectoral division, which creates conditions for the autonomous development of individual branches of legislation without connection with both the object of legal regulation and other branches of legislation. The author comes to the conclusion that the reason for this situation was the development of branch sciences, including the legal sciences of certain branches of law. Being based on completely different principles and regulating completely different social relations, they have moved into a state in which what is true for one branch is not always true for another.

Keywords: law creation, lawmaking, postmodernism, relativism, reception, legislation, fragmentation of law, "soft law", public and private law.

Будучи социальным явлением, правовое регулирование зависит от развития общества, отношения внутри которого являются предметом его регулирования. В. С. Степин справедливо указывал на такие характерные черты современной науки, как релятивизм, усиление связей объекта исследования с субъектом, усиление междисциплинарных начал и т. д. [24]. Представляется, что эти тенденции сближают науку с культурой. Не стала исключением и юридическая наука.

По словам Т. Я. Хабриевой, право все острее испытывает влияние императивов политики и экономики, нового технологического уклада, как бы опровергая «чистое учение о праве» Ганса Кельзена [27. – С. 6].

Суть постмодернизма – в доверии к деталям и непостижимости целостной картины мира. Из этого логичным образом вытекает многополярность истины и отказ от попыток проникновения в суть вещей. Более того, любая обобщающая концепция с точки зрения постмодернизма выглядит догмой и должна обладать определенной гибкостью [9].

С одной стороны, теоретики постмодернизма в сфере права «деконструировали» традиционные правовые конструкции (собственность, права человека, справедливость и т. п.), демонстрируя отсутствие в них универсальности и подчеркивая их условность, историческую изменчивость и смысловую «размытость». В каждой правовой семье (или даже национальной правовой системе) эти понятия могут иметь собственный историко-культурный смысл, который необходимо адекватно раскрывать. С другой стороны, постмодернизм сделал акцент на принципиальном значении юридического текста, роли правового языка и внутренних коммуникативных аспектов развития права как фундаментальных явлений «правового бытия».

Правотворчество не ограничивается простым отражением изменений внешней среды, но преобразует ее. Именно поэтому оно, испытывая влияние среды, вырабатывает собственную культуру воздействия на нее. На современном этапе развития исследователи отмечают следующие тенден-

ции: 1) общее расширение ценностного содержания права и универсализацию многих правовых (и прежде всего конституционных) ценностей, особенно в сфере прав человека, противодействия коррупции, охраны окружающей среды; 2) возрастающее значение «правовых трансплантатов» [19. – С. 12], кросс-заимствование правовых принципов, понятий и институтов, в особенности в новых отраслях права, связанных с развитием технологий и финансов [38]; 3) вовлечение в «правовой оборот» новых многочисленных сфер общественных отношений, ранее не подвергавшихся правовому регулированию [29]; 4) технологичность и повышенную сложность современного законодательства, в том числе как результат технологической революции и появления новых сфер правового регулирования; 5) резкое увеличение количества законов и фактически «равноценных» им подзаконных актов, повышенную скорость их принятия; при этом зачастую без их широкого и глубокого общественного обсуждения; 6) большое количество изменений и поправок в нормы действующего законодательства, количество которых кратно превышает даже новые многочисленные законы¹; 7) увеличение количества субъектов права, имеющих полномочия издавать нормативные акты и даже заключать международные договоры²; 8) активное вторжение права в области личной свободы и частной инициативы; 9) количественный и качественный рост различных санкций

¹ Российское законодательство в определенной степени противодействует этим тенденциям. Так, пункт 2.1. статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации усложняет процедуру внесения в него изменений, а также приостановления действия (признания утратившими силу) его норм, предписывая осуществлять их исключительно путем принятия отдельных федеральных законов, специально направленных исключительно на эти процедуры.

² Речь идет о так называемых межведомственных международных договорах, которые могут заключаться отраслевыми органами исполнительной власти и иными субъектами (уполномоченными организациями) в рамках предоставленных им полномочий. Подробнее см.: [11].

и правовых запретов, «запретительный», а не «поощрительный» уклон в законодательстве; 10) существенное расширение юридической терминологии, чаще всего заимствованной из других языков или из сугубо профессиональной лексики, которая далеко не всегда отличается ясностью и определенностью смыслов¹.

К самым последним тенденциям нужно отнести и «правовой тоталитаризм» XXI в. – отказ от защиты и соблюдения некоторых важнейших прав и свобод граждан несмотря на их декларирование в международных документах, актах конституционного характера и законах. Исследователи связывают это с усилением органов исполнительной власти, в частности с тем, что они получили полномочия осуществлять подзаконное правовое регулирование.

Нельзя не отметить и влияния на культуру законотворчества более общих изменений в общественном сознании XXI века. Н. Н. Черногор считает возникновение «искусственного интеллекта» точкой, за которой современный правопорядок (правопорядок модерна) преобразуется в правопорядок пост- или даже метамодерна [32].

Зигмунд Бауман характеризует общество постмодерна как принципиально плюралистичное – в нем нет единой правды, единой трактовки исторических событий и нет единой культуры. Говоря иначе, в обществе постмодерна отсутствуют внеконтекстуальные единые критерии валидности [34]. Это означает, что истина существует только в строго определенном контексте или зависит от индивидуальных, групповых предпочтений, которые легко конструируются и режиссируются. В итоге возникает своего рода «мультивселенная» – параллельное существование часто взаимоисключающих перспектив, каждая из которых опирается на собственный набор «фактов», что ведет к утрате коммуникации между субъектами и в перспективе к фрагментации общества на отдельные сегменты, каждый из которых живет собственной жизнью вне какой-либо связи с остальными.

¹ В качестве типичного примера можно привести законодательство о недрах, активно использующее терминологию горного дела, юридический смысл которой далеко не всегда очевиден. Это стало причиной возникновения сугубо практических проблем – невозможности юридически разделить поиск, разведку и добычу полезных ископаемых; разведку, эксплуатацию и разработку месторождений; «участок недр» и «месторождение». Подробнее см.: [4].

Схожие процессы происходят и в правотворчестве. Известный финский юрист Аулюс Аарнио рассуждал о том, что «разумность» действия или решения отличается от «рациональности» как раз тем, что имеет множество толкований – для одних «разумное» заключается в человеческой природе, для других тождественно здравому смыслу, для третьих разумность зависит от аргументации и соответствует убедительному для участников дискуссии результату [33].

Ю. А. Тихомировым отмечается «чрезмерная специализация ученых-юристов и юристов-практиков» и ставится задача «преодоления узкого отраслевого практицизма» в юриспруденции. Вместе с тем и объем подлежащего анализу нормативного материала, и динамика его изменения таковы, что узкая специализация и отраслевой практицизм юристов являются вынужденной мерой. Стоит, впрочем, согласиться с высказыванием Ю. А. Тихомирова о необходимости интеграции исследований представителей разных наук [26], тем более что искусственный интеллект – это математическая модель, построенная по принципу организации и функционирования биологических нейронных сетей (систем нервных клеток живого организма) [32], т. е. сам является продуктом интеграции научных исследований разных отраслей. Н. Н. Черногор и Т. Я. Хабриева говорят о том, что цифровая трансформация правопорядка обусловит «...разворот с дивергенционного тренда (последовательное размежевание отраслей и институтов права) к конвергентному, предполагающему изменение базовых принципов построения системы права, отказ от отраслевого подхода в пользу функционального (функционально-институционального), состоящего в выделении циклических правовых массивов» [30; 31].

Решение данной задачи нельзя отнести к числу новых вызовов: она успешно решалась в советские годы – в конце 60-х гг. прошлого века в СССР был создан Институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ), в котором были разработаны планы социального развития ряда предприятий во всех аспектах с использованием методов и достижений точных и общественных наук, экономики, медицины, психологии [14].

Правотворчество обладает спецификой: оно находится на пересечении теории и практики. Относить правотворчество к теории абсурдно, поскольку оно не обладает исключительно умозрительным характером, но априори предполагает преобразование окружающей действительности;

кроме того, нормативные акты обладают обязательной юридической силой и обеспечиваются государственным принуждением. Но и свести правотворчество к сугубо практической деятельности тоже нельзя, поскольку разработка нормативных актов далеко не всегда предполагает деятельность по их применению (хотя бы в силу принципа разделения властей, если говорить исключительно о законодательстве – исключительной компетенции парламента).

Еще одной постмодернистской чертой современной культуры правотворчества является *разрыв между намерениями разработчика нормативного акта и его применением*. В работе К. Аллена «Становление права» утверждается, что юристы воспринимали законодательную модель развития, предполагающую необходимость обращения к юридической доктрине – творческому элементу в юриспруденции, который постоянно следует адаптировать к меняющимся социальным потребностям. В результате правило отделяется от воли и намерений его создателя и приобретает иную жизнь и характер в руках интерпретатора [34]. В отношении Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) С. А. Синицын указывает, что «сама концепция ГК РФ не была согласована с задачей обеспечения баланса частных и публичных интересов, соотношением ценностей частного и публичного права» [20]. То есть современное развитие гражданского права отличалось от первоначальных идей его авторов.

Происходит усложнение структуры права, появление в праве новых сущностей, включая социокультурные феномены, которые ранее в условиях господства юридического позитивизма существовали параллельно с правом или рассматривались как имеющие неправовой [7] или неправовой [37] характер. Право подвержено фрагментации: помимо таких существовавших уже 50 лет назад тенденций, как развитие системы международных договоров и постоянное развитие судебной практики [39], для российской системы правового регулирования характерна абсолютизация деления законодательства на отрасли при том, что эти отрасли возникают с принятием почти каждого нового федерального закона [13]; в системе российского права отсутствует федеральный закон, закрепляющий соотношение и иерархию нормативных правовых актов, других инструментов правового регулирования – юридическая сила той или иной нормы российского законодательства определяется в соответствии с положе-

ниями соответствующей его отрасли¹; не до конца очевидно соотношение отраслей права и отраслей законодательства².

В трудах известного немецкого философа Юргена Хабермаса с конца XX в. констатируется тенденция к «юридификации» современного общества [3; 36] – резкому расширению объема и сфер действия правового регулирования. Общественные отношения, находившиеся вне сферы действия права в состоянии, описанном Томасом Гоббсом как «*bellum omnem contra omnes*»³, становятся объектом все более детальной регламентации (типичный пример – ситуация с защитой цифровых прав и криптовалюты: если первая категория уже перешла к состоянию института действующего российского правопорядка, то вторые все еще находятся не столько вне закона, сколько вне правового регулирования). Причем попав однажды в сферу правового регулирования, общественные отношения крайне редко покидают ее – зона действия права постоянно расширяется, развиваясь преимущественно экстенсивно.

Состояние правового вакуума существенно упрощает взаимодействие друг с другом для субъектов правоотношения; а поскольку для российского общества традиционен консервативный подход к ведению дел, то субъект, реализующий свои права своей волей и в собственных интересах вне правового регулирования (особенно если он реализует их в течении долгого времени), крайне болезненно воспринимает необходимость

¹ Например, в объем понятия «гражданское законодательство» включаются сам Гражданский кодекс Российской Федерации и федеральные законы, регулирующие гражданско-правовые отношения, тогда как градостроительное законодательство к нему не относится. См.: Гражданское право. Общая и особенная части : учебник / Р. А. Курбанов, О. А. Рузакова, А. С. Лалетина [и др.]. – М. : Проспект, 2025.

² Так, специалисты в сфере международного права обращают внимание на употребление в тексте Конституции Российской Федерации термина «правовая система», а не термина «российское законодательство» [15. – С. 636]. Исследования в сфере частного права указывают на второй абзац пункта 2 статьи 3 Гражданского кодекса Российской Федерации, разграничивающий нормы права и акты законодательства: нормы гражданского права понимаются как содержание, а акты законодательства – как форма их существования, причем нормы гражданского права могут содержаться и в актах законодательства другой отраслевой принадлежности. Именно поэтому Т. Я. Хабриева указывает на то, что частное право не сохраняет свою целостность [29. – С. 45].

³ Война всех против всех (лат.).

подчиняться требованиям норм законодательства. Ограничения свободы усмотрения адресатов исходящими от государства правовыми нормами стимулируют естественное стремление противодействовать им, вырабатывая иные, не подпадающие под действие новых правил модели поведения. Исследователи отмечают неизбежность частого возникновения конфликтов между сиюминутными насущными интересами и интересами долгосрочными, опосредованными, потенциальными. Риск стать жертвой правонарушения психологически воспринимается как потенциальный, а не непосредственно угрожающий, тогда как неудобства, создаваемые применением мер правового предупреждения, всегда реальны, непосредственно осязаемы, неизбежны и влекут издержки, доступные для простого измерения [17].

Правовое регулирование становится фрагментированным: решая утилитарные, сиюминутные, сугубо практические задачи, разработчики нормативных правовых актов не всегда утруждают себя комплексным анализом проблем, с проявлением которых имеют дело при их решении. Вследствие этого нормативное правовое регулирование того или иного института неравномерно: типичным примером является аренда – обязательственное правоотношение, которому законодатель придал вещную защиту ввиду фактического отсутствия системы вещного права в российской правовой системе.

Эволюция в сфере правопонимания сопровождается постепенным отходом юридической мысли от традиционного позитивизма и нормативизма XX в. и формированием постмодернистского правосознания. Актуальны дискуссии об интегральной юриспруденции [12], о так называемых культуральном и антропологическом типе правопонимания, о коммуникативной и семиотической концепции права [6], о так называемом «мягком праве»¹. Уточняются широко представленные в современных конституциях концепции социального государства [2] и правового государства [31], хотя

единого мнения относительно содержательной части этих концепций пока не достигнуто².

Указанные процессы, происходящие как в сфере бытия, так и в сфере сознания, так или иначе трансформируются и отражаются в законодательстве, влияя и на его культуру.

Авторы говорят о положениях Конституции Российской Федерации, развивающих так называемую конституционную идентичность российского государства – это вера в Бога, государствообразующий народ и правопреемство в отношении СССР, – тогда как в отношении Конституции Российской Федерации в первоначальной редакции указывают на психологический разрыв между декларируемыми в Конституции ценностями и распространёнными в обществе представлениями о справедливом и должном, как и между некоторыми другими традициями национального мировосприятия [36].

Российские исследователи обращают внимание на проблему абсолютизации границ отраслей российского права. Так, С. А. Сеницын пишет, что дальнейшая некритическая догматизация ширмы отраслевого деления права ведет к еще большему погружению юриспруденции и правоведения в «старую механическую парадигму» вместо рационального восприятия природы и общества как «единой сети» [18]. К. И. Налетов видит выход из этой ситуации в решении дихотомии двух вопросов: 1) вопроса о соотношении публичного и частного права и 2) вопроса о взаимодействии отраслей законодательства. По его мысли, категории «законодательство» и «право» соответствуют таким диалектическим категориям, как а) часть и целое и б) форма и содержание. С его точки зрения соотношение законодательства и права выглядит следующим образом: гражданское законодательство является основной частью частного

¹ Под этим термином понимается как международные документы, не имеющие юридически обязывающего характера (подробнее см.: [16]), так и документы, обретающие таковой в случае указания на него в юридически обязательном международном договоре, государственно-властном акте или в частноправовом соглашении (подробнее см.: [10]).

² См., например, дискуссии представителей юридической науки государств англо-саксонской правовой системы и представителей юридической доктрины континентального права о понимании принципа верховенства права в проекте DCFR. Возражения английских судей вызывало то, что в конечном итоге позитивно-правовые нормы DCFR были подчинены требованию добросовестности и справедливого баланса прав и обязанностей сторон. Один из представителей английского судейского сообщества заявил: «Звучит хорошо, но английские юристы очень усердны и изобретательны. Это может ... сделать закон очень неопределённым. Английское право предпочитает претворять в жизнь разумные ожидания обычных людей или бизнесменов с помощью четких правил» [31].

права и одновременно основной формой его существования. Что же касается понятия «гражданское право», то это искусственно обособленная часть частного права как содержания. Логичным в этой связи выглядит то, что нормативные акты, принадлежащие к одной отрасли законодательства, вполне могут содержать в себе как частно-правовые, так и публично-правовые нормы [13]. Если деление права на отрасли естественно, но достаточно условно, то выделение отраслей законодательства искусственно, но дихотомично за счет воспроизводства в «отраслевых» федеральных законах формулировки абзаца второго пункта 2 статьи 3 ГК РФ о необходимости соответствия ему федеральных законов (например, части 2 статьи 2 Водного Кодекса Российской Федерации или абзаца 2 пункта 2 статьи 1 Земельного Кодекса Российской Федерации) или требования о непротиворечии самих федеральных законов «кодифицирующему» федеральному нормативному правовому акту (например, части 2 статьи 3 Градостроительного Кодекса Российской Федерации). При этом количество федеральных законов только растет. Периодически возникает вопрос о принятии Энергетического кодекса [8]; ученые регулярно предлагают кодификацию административного законодательства [25], законодательства о трубопроводном транспорте [21] и т. д. При том, что значимость разделения на отрасли права снижается, разделение на отрасли российского законодательства только возрастает.

Современная наука все в большей степени сближается с культурой: развитие отраслевых

наук перешло в такое качественное состояние, при котором научная истина становится относительной в том смысле, что истинное в одной отрасли далеко не всегда истинно для другой. Все более характерен узконаправленный, частнонаучный подход к той или иной проблеме. Ясно, что возникновение таких противоречий (относительность истинного и ложного) является сигналом для усиления междисциплинарных научных исследований.

Постмодернистскими чертами современной юриспруденции являются увеличивающееся расхождение между намерениями авторов правовой нормы и ее фактическим применением, включение в структуру права новых феноменов и фрагментация правового регулирования, которая, с одной стороны, способствует развитию многообразных подходов к решению правовых вопросов, но с другой – заметно усложняет и применение права, и правотворчество. Увеличение количества отраслей законодательства происходит в постмодернистской логике мультиплицирования реальностей: специалисты в той или иной области общественных отношений часто не склонны видеть за изучаемыми ими частными явлениями единую сущность, что транслируется и в структуре позитивно-правового регулирования, которое все больше напоминает «сад расходящихся тропок» из одноименного произведения Хорхе Луиса Борхеса, бесконечно умножая сущности без необходимости.

Список литературы

1. *Быков А. Г.* О проекте Энергетического кодекса Российской Федерации // *Энергетическое право.* – 2013. – № 2. – С. 6–8.
2. *Василевич Г. А.* Социальное государство – государство, основанное на труде и социальной ответственности каждого // *Трудовое и социальное право.* – 2024. – № 3 (51). – С. 8–9.
3. *Денисенко В. В.* Юридификация общества как научная проблема современной правотворческой техники // *Юридическая техника.* – 2012. – № 6. – С. 159–162.
4. *Ибрагимов В. Б.* Ресурсы недр в законодательстве о недропользовании: основные понятия и их толкование // *Нефть, газ и право.* – 2011. – № 1. – С. 13–23.
5. *Клеандров М. И.* О кодификации энергетического законодательства: размышления, общие подходы // *Правовой энергетический форум.* – 2025. – № 1. – С. 7–15.
6. *Ковкель Н. Ф.* Семиотическая концепция права в контексте постмодернистской парадигмы // *Типы правопонимания и вызовы меняющегося мира : сб. научных статей.* – СПб. : Астерион, 2016. – С.93–103.
7. *Лазарев В. В.* Судебный активизм в формировании правового пространства // *Журнал российского права.* – 2021. – Т. 25. – № 9. – С. 5–17.
8. *Лахно П. Г.* Энергетический кодекс Российской Федерации – основополагающий юридический документ, регулирующий отношения в ТЭК // *Бизнес, менеджмент и право.* – 2006. – № 3 (12). – С. 27–29.

9. *Малиновская Н. В.* Постмодерн и его влияние на понимание права // Вестник ВГУ. Серия «Право». – 2009. – № 2. – С. 83–84.
10. Мехтиев М. Г. Регулирование искусственного интеллекта: некоторые аспекты взаимодействия международного и национального права // Цивилист. – 2023. – № 5 (45). – С. 10–17.
11. *Морозов А. Н.* Международные договоры государственной корпорации как новая разновидность международных договоров Российской Федерации межведомственного характера // Развитие законодательства на современном этапе : Доклады и сообщения VIII Международной научной конференции Москва, 17 апреля 2008 г. – М. : Российский гос. гуманитарный ун-т, 2008. – С. 464–468.
12. *Муромцев Г. И.* Юридическая энциклопедия, интегративная юриспруденция или правовая культурология? // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания : материалы Седьмых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца / отв. ред. В. Г. Графский. – М., 2013. – С. 41–45.
13. *Налетов К. И.* Разграничение публичного и частного права как фактор межгосударственной интеграции // Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10. – № 2 (42). – С. 198–204.
14. *Налетов К. И.* Роль научных воззрений Д. А. Керимова в развитии правовой науки, законодательства и правоприменительной практики // Экономика. Право. Общество. – 2024. – Т. 9. – № 4 (40). – С. 9–13.
15. Научные концепции развития российского законодательства / Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров, В. Р. Авхадеев [и др.]. – М. : Норма, 2024.
16. Новая реальность международного права / А. Я. Капустин, В. Р. Авхадеев, Я. Н. Аду [и др.]. – М. : Норма, 2026.
17. Правовое регулирование безопасности аэропортов. Законодательство, практика его применения, проблемы и пути их решения / Р. А. Курбанов, А. М. Моисеев, К. И. Налетов [и др.]. – М. : Проспект, 2019.
18. *Синицын С. А.* «Экологизация» как неовектор становления и развития частного права XXI в.: общее и особенное // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2025. – № 1. – С. 3–36.
19. *Синицын С. А.* Парадигмы развития сравнительного правоведения: от проблем общей методологии к вопросам частного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2024. – Т. 20. – № 1. – С. 8–22.
20. *Синицын С. А.* Сроки исковой давности по антикоррупционным искам об изъятии имущества из частной собственности: вопросы правовой квалификации // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29. – № 1. – С. 131–140.
21. *Синицын С. А.* Трубопроводный транспорт: предмет законодательного регулирования и специфика отдельных договорных конструкций // Законодательство. – 2019. – № 3. – С. 75–85.
22. Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, С. В. Чиркин [и др.]. – М. : Норма ; Инфра-М, 2023.
23. Сравнительное конституционное право: монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, В. В. Лазарев [и др.]. – М. : Норма, 2025.
24. *Степин В. С., Аршинов В. И., Гусейнов А. А.* Анализ структуры и динамики науки в социокультурном контексте. Материалы обсуждения избранных трудов В. С. Степина // Вопросы философии. – 2017. – № 12. – С. 5–31.
25. *Тихомиров Ю. А.* Векторы административно-правового регулирования // Административное право и процесс. – 2025. – № 7. – С. 11–14.
26. *Тихомиров Ю. А.* Мироустройство: устойчивость и распад // Журнал российского права. – 2025. – № 2. – С. 5–16.
27. *Хабриева Т. Я.* Вступительное слово на открытии XIII Международного конгресса сравнительного правоведения «Современное сравнительное правоведение: традиции, новации, перспективы» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2024. – Т. 20. – № 1. – С. 5–7.
28. *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90. – № 5. – С. 403–414.
29. *Хабриева Т. Я.* Правовые очерки технологической революции. – М., 2025
30. *Хабриева Т. Я.* Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 5–18.

31. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 90–94.
32. Черногор Н. Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правопорядка // Журнал российского права. – 2022. – № 4. – С. 5–15.
33. Aarnio A. *The Rational as Reasonable. A treatise on Legal Justification.* – Dordrecht, 1987.
34. Allen K. *Law in making.* – Oxford, 1927.
35. Bauman Z. *Intimations of Postmodernity.* – N.Y. : Routledge, 1992.
36. Habermas Ju. *The Theory of Communicative Action.* – Boston, Mass. : Beacon Press. 1984.
37. Llewellyn K. N. *A Realistic Jurisprudence – The Next Step* // Columbia Law Review. Columbia Law Review Association. – 1930. – Vol. 30. – No. 4. – P. 431–465.
38. *Towards a European Legal Culture* / Geneviève Helleringer, Kai Purnhagen (eds.) – C. H. Beck – Hart – Nomos, 2014.
39. Wilfried C. Jenks. *The conflict of law-making treaties* // British Yearbook of International Law. – 1953. – Vol. 30. P. 401–453.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-44-50>

Философия всеединства Владимира Соловьева и его учение о государстве и праве (часть II)

А. И. Федорищенко

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии.
Адрес: ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,
140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, 4.
E-mail: fedorishenko.kfn@yandex.ru

Vladimir Solovyov's Philosophy of Unity and His Doctrine of the State and Law (Part II)

A. I. Fedorishchenko

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Humanities of Russian Customs Academy.
Address: Russian Customs Academy,
4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.
E-mail: fedorishenko.kfn@yandex.ru

Поступила 12.01.2026 Принята к печати 29.01.2026

Аннотация

Первая часть нашей статьи¹ была посвящена общефилософским основаниям учения Соловьева – генезису его системы, онтологии и метафизике всеединства, софиологии и учению о Богочеловечестве. В предлагаемой второй части статьи рассматривается непосредственно философия права и государства – нравственные основания права, концепция «минимума добра», учение о государстве и теократический идеал. В статье аргументируется вывод о том, что концепция права как «минимума добра» преодолевает ложную альтернативу между юридическим позитивизмом и моральным ригоризмом и имеет при этом практическое значение, так как позволяет обосновать критику законов, противоречащих фундаментальным нравственным принципам (человеческое достоинство, базовые права личности), и вместе с тем указывает на границы правового регулирования. Не все нравственно желательное может и должно быть предметом законодательства – значительная область человеческой жизни остается сферой свободного морального выбора. В статье отмечается, что философия государства Соловьева содержит элементы как утопии, так и реализма. Утопическими являются теократические проекты, надежды на соединение церквей и построение христианского государства. Реалистичными же можно назвать требования социальной справедливости, защиты слабых, обеспечения достойного существования для всех членов общества. Вместе с тем критический анализ показывает и ограничения соловьевской философии. Ее слабыми сторонами являются: чрезмерная систематичность, порой приводящая к насилию над реальностью во имя схемы; недостаточное внимание к эмпирической конкретности социальных процессов; утопические элементы, недооценивающие силу зла в истории; некоторая произвольность метафизических построений, особенно в области софиологии.

Ключевые слова: право, нравственность, стыд, жалость, благоговение, добро, свобода, справедливость, государство, принуждение, соборность, Богочеловечество, «минимум добра», Абсолют, диалектика, идеал, позитивизм, юснатурализм, теократия, иерократия, цезаропапизм, свободная теократия.

Abstract

The first part of our article was devoted to the general philosophical foundations of Solovyov's teachings, including the genesis of his system, the ontology and metaphysics of all-unity, sophiology, and the doctrine of God-manhood. The second part of the article focuses on the philosophy of law and the state, including the moral foundations of law, the concept of the "minimum of goodness," the doctrine of the state, and the theocratic ideal.

¹ См.: Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10. – № 4. – С. 43–51.

The article argues that the concept of law as the "minimum of goodness" overcomes the false alternative between legal positivism and moral rigorism, and has practical significance, as it allows for the justification of criticism of laws that contradict fundamental moral principles (human dignity and basic individual rights), while also indicating the limits of legal regulation. Not everything that is morally desirable can or should be subject to legislation, as a significant area of human life remains a realm of free moral choice. The article notes that Solovyov's philosophy of the state contains elements of both utopia and realism. The theocratic projects, the hopes for the unification of churches, and the construction of a Christian state are utopian. The demands for social justice, protection of the weak, and ensuring a dignified existence for all members of society are realistic. At the same time, a critical analysis reveals the limitations of Solovyov's philosophy. Its weaknesses include: excessive systematicity, which sometimes leads to the violation of reality in the name of a scheme; a lack of attention to the empirical specifics of social processes; utopian elements that underestimate the power of evil in history; and a certain arbitrariness in metaphysical constructions, particularly in the field of sophiology.

Keywords: right, morality, shame, pity, reverence, goodness, freedom, justice, state, coercion, conciliarity, God-manhood, "minimum of goodness", Absolute, dialectics, ideal, positivism, jusnaturalism, theocracy, hierocracy, caesaropapism, free theocracy.

Наиболее известным положением соловьевской философии права является определение права как «минимума добра» или, более полно, как «принудительного требования реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [7. – С. 466]. Это определение содержит несколько важных элементов, каждый из которых заслуживает детального анализа.

Во-первых, право имеет нравственное содержание – оно нацелено на обеспечение добра и ограничение зла. Это положение направлено против юридического позитивизма, для которого содержание права безразлично. Соловьев настаивает на том, что право не может быть ценностно нейтральным: оно всегда служит определенным целям, и эти цели должны быть нравственно оправданы. Право, противоречащее фундаментальным нравственным принципам, не заслуживает признания и повиновения.

Во-вторых, нравственное содержание права ограничено «минимумом» – право не претендует на полное осуществление морального идеала. Если бы право требовало от людей святости, героизма, самоотверженной любви, оно было бы невыполнимо для большинства людей и превратилось бы в инструмент тирании. Право устанавливает лишь тот минимальный уровень нравственного поведения, который необходим для сохранения общества и который может быть обеспечен внешним принуждением.

Это различие минимума и максимума представляется чрезвычайно важным. Оно позволяет избежать двух опасностей: с одной стороны, морального индифферентизма права (всё дозволено, что не запрещено законом), с другой – морального тоталитаризма (закон регулирует все

аспекты жизни и требует совершенства). Право, по Соловьеву, занимает промежуточное положение: оно выражает определенные нравственные требования, но не все и не в полной мере.

В-третьих, специфическим признаком права является принудительность. Иными словами, в отличие от морали, право обеспечивается внешним принуждением. Моральные нормы обращаются к совести человека и не могут быть навязаны силой; правовые нормы, напротив, поддерживаются организованным принуждением государства. Это не делает право безнравственным – принуждение может быть нравственно оправдано, если оно направлено на защиту невинных и ограничение зла. Но это указывает на ограниченность права: оно не может достичь того, что достигается свободным нравственным самосовершенствованием.

Соловьев подчеркивает, что право и нравственность находятся в отношении не противоположности, а дополнительности. Право без нравственности превращается в голое насилие; нравственность без права остается бессильным пожеланием. Здоровое общество нуждается в обоих: право обеспечивает внешний порядок, нравственность – внутреннюю культуру. При этом право должно постоянно совершенствоваться в направлении нравственного идеала: то, что сегодня регулируется принуждением, завтра может стать предметом добровольного исполнения.

Представляется, что концепция «минимума добра» имеет как теоретические достоинства, так и практические следствия. Теоретически она позволяет преодолеть ложную дилемму между юснатурализмом и позитивизмом, признавая ценностное содержание права, но не отождествляя его с моралью. Практически она обосновывает

как необходимость государственного принуждения для защиты базовых ценностей, так и границы этого принуждения – оно не должно вторгаться в сферу личных убеждений и совести.

Вместе с тем концепция Соловьева вызывает и некоторые вопросы. Кто определяет содержание этого «минимума»? Не ведет ли признание нравственного содержания права к субъективизму и произволу в толковании законов? На эти вопросы Соловьев отвечает, апеллируя к общечеловеческому нравственному сознанию: существуют базовые моральные принципы (не убий, не укради, соблюдай договоры), которые признаются всеми нормальными людьми независимо от культуры и эпохи. Право фиксирует именно эти универсальные принципы.

Такой ответ представляется частично убедительным, но не вполне достаточным. Действительно, существуют некоторые базовые нравственные нормы, признаваемые повсеместно. Но их интерпретация и применение существенно различаются в разных обществах. Что считать убийством? В некоторых культурах убийство на войне или казнь преступника не считается убийством. Что считать кражей? В обществах с коллективной собственностью само понятие кражи имеет иной смысл. Эти вопросы свидетельствуют о том, что содержание «минимума добра» не так очевидно, как может показаться на первый взгляд.

Соловьев выводит содержание права из трех первичных нравственных чувств: стыда, жалости и благоговения. Стыд свидетельствует о господстве человека над своей низшей природой, потому что человек испытывает его за все животные, бесформенные, хаотические проявления. Жалость обнаруживает солидарность с другими живыми существами, она есть основа альтруизма и социальности. Благоговение указывает на связь с высшим, божественным началом – оно лежит в основе религиозности и почитания святыни.

Эти три чувства развиваются в три основные добродетели: воздержание (аскетизм), справедливость (альтруизм) и благочестие (религиозность). В социальном плане им соответствуют три сферы: экономическая жизнь, связанная с господством над материей; правовая жизнь, регулирующая отношения между людьми; духовная жизнь, связывающая человека с Богом. Право, таким образом, укоренено в чувстве жалости и добродетели справедливости, поскольку оно выражает солидарность людей и их взаимные обязательства.

На наш взгляд, эта психологическая и аксиологическая конструкция имеет определенную эвристическую ценность, но вряд ли может служить строгим обоснованием содержания права. Выведение правовых норм из «первичных чувств» выглядит умозрительным и не учитывает исторической изменчивости моральных представлений. Тем не менее сама идея о нравственных корнях права представляется плодотворной и может быть развита на иных, более прочных основаниях.

Государство в философии Соловьева получает нравственное обоснование и определяется как «организованная жалость» – институт, призванный защитить слабых от произвола сильных и обеспечить условия достойного существования для всех членов общества. При всей лаконичности эта формула содержит целую программу понимания государственности, существенно отличающуюся от распространенных либеральных и консервативных концепций.

Либеральная традиция, идущая от Локка и Канта, рассматривает государство прежде всего как гаранта индивидуальных прав – жизни, свободы и собственности. Государство есть «ночной сторож», охраняющий границы индивидуальной автономии и вмешивающийся в жизнь граждан лишь для предотвращения взаимного насилия. Консервативная традиция, напротив, видит в государстве органическое единство, историческую общность, объединенную религией, традицией и культурой. Государство есть не механический агрегат индивидов, а живой организм, обладающий собственной ценностью и целью.

Позиция Соловьева занимает промежуточное положение. С либералами он разделяет признание прав личности и недопустимости их нарушения; с консерваторами – понимание органической природы общества и государства. Но его главный акцент иной: государство призвано не просто охранять уже существующий порядок, но активно содействовать нравственному прогрессу общества, защищая слабых и обездоленных.

Формулировка «организованная жалость» указывает на то, что государство есть институционализация естественного человеческого чувства сострадания к страдающим. Подобно тому как отдельный человек, видя несчастье ближнего, испытывает побуждение помочь ему, так и общество в целом, организованное в государство, должно помогать своим слабейшим членам. Это не благотворительность и не милостыня, а обя-

занность, вытекающая из самой природы общественной связи.

Отметим, что соловьевская концепция государства содержит важную истину, часто упускаемую из виду в современных дискуссиях. Она указывает на нравственное измерение политики, которое не сводится ни к защите индивидуальных прав, ни к обеспечению экономической эффективности. Государство имеет нравственное призвание – служить добру и справедливости, и оно должно оцениваться не только по формальным критериям, но и по тому, насколько оно выполняет эту миссию.

Соловьев различает три исторических типа государственности, соответствующих различным уровням нравственного развития. Военное государство основано на силе и подчинении; его принцип – «цель оправдывает средства», а высшей ценностью является могущество государства как такового. Примеры такого государства – древневосточные деспотии, Римская империя, а в Новое время к таким можно отнести государства, исповедующие *realpolitik*. Такое государство, хотя и выполняет определенную историческую функцию (обуздание первобытного хаоса), морально несовершенно, и это несовершенство должно быть преодолено.

Полицейское, или юридическое, государство руководствуется началом права и формального равенства граждан перед законом. Здесь уже признаются определенные права личности, не зависящие от произвола власти. Государство выступает как беспристрастный арбитр, применяющий одинаковые правила ко всем. Это значительный прогресс по сравнению с военным государством, и современные западные демократии в значительной мере соответствуют этому типу. Однако и он недостаточен: формальное равенство часто оказывается прикрытием фактического неравенства.

Нравственное государство – высший тип – ставит своей задачей не только соблюдение формального права, но и активное содействие нравственному совершенствованию общества. Оно заботится о материальном благосостоянии граждан, обеспечивает им достойное существование, защищает слабых от эксплуатации со стороны сильных. При этом оно не подавляет индивидуальную свободу и не претендует на регламентацию всех аспектов жизни, а лишь создает условия, при которых свободное нравственное развитие становится возможным [7].

На наш взгляд, типология Соловьева имеет определенную эвристическую ценность, хотя и грешит упрощением. Реальные государства редко соответствуют чистым типам и обычно сочетают элементы различных уровней. Современные демократии содержат элементы всех трех типов: и насилие (армия, полиция), и формальное право (конституции, суды), и социальную заботу (системы образования и здравоохранения). Вопрос в том, какой элемент преобладает и определяет характер государства.

Важной составной частью соловьевского учения о государстве является его социальная философия. Соловьев признает право собственности, но настаивает на его ограничении социальными обязанностями. Собственность есть не абсолютное господство над вещью, а функция, предполагающая ответственное использование. Государство вправе и обязано ограничивать права собственников во имя общего блага (например, через прогрессивное налогообложение, трудовое законодательство, социальное страхование).

Философ последовательно выступает за признание социальных и экономических прав. Государство обязано обеспечить каждому гражданину необходимый минимум материального благосостояния, без которого невозможно достойное человеческое существование. Право на труд, справедливое вознаграждение, защита от чрезмерной эксплуатации – все эти требования вытекают из нравственного принципа уважения к человеческому достоинству. В этом отношении Соловьев предвосхитил многие идеи социал-демократии и концепцию «*welfare state*» (государство всеобщего благосостояния), воспринятую, например, скандинавскими странами.

На наш взгляд, социальная философия Соловьева сохраняет актуальность в современных условиях растущего неравенства и размывания социальных гарантий. Его требование «достойного существования» для всех членов общества противостоит как либертарианской апологетике неограниченного рынка, так и уравнилельным утопиям. Соловьев признает роль частной инициативы и конкуренции, но настаивает на их социальной ответственности и государственном регулировании.

Особо следует отметить позицию Соловьева по вопросу уголовного права. Целью наказания, по его убеждению, не может быть ни месть, ни устрашение, ни даже справедливое воздаяние за совершенное зло. Истинная цель уголовной ре-

прессии – исправление преступника, его нравственное перевоспитание [7]. Соловьев последовательно выступает против смертной казни, которая исключает возможность исправления и противоречит христианскому пониманию личности как образа Божия, в таком качестве способной к покаянию и преображению [8].

На наш взгляд, соловьевская критика карательной юстиции сохраняет свое значение. Хотя реабилитационный подход к наказанию столкнулся с серьезными практическими трудностями (рецидивизм, сложность «перевоспитания» закоренелых преступников), его моральные основания остаются прочными. Смертная казнь, пожизненное заключение, бесчеловечные условия содержания – все это противоречит признанию достоинства человеческой личности и свидетельствует о нравственном несовершенстве нашей системы правосудия.

Своеобразной кульминацией социально-политической философии Соловьева является его теократический идеал, изложенный преимущественно в трудах 1880-х годов – «Духовные основы жизни» (1882–1884) [5], «История и будущность теократии» (1885–1887) [6], «Россия и Вселенская Церковь» (1889) [9]. Теократия в понимании Соловьева есть не господство духовенства над светской властью (иерократия), не слияние церкви и государства (цезаропапизм), а органическое единство трех общественных сил, каждая из которых сохраняет свою автономию [6].

Эти три силы суть священство (церковь), царство (государство) и пророчество (свободные деятели культуры). Священство представляет божественное начало в обществе, хранит и возвещает абсолютную истину. Царство воплощает человеческую волю, направленную на достижение общего блага, осуществляет практическую организацию жизни. Пророчество выступает посредником между вечной истиной и изменяющейся действительностью, указывая конкретные пути воплощения идеала в данных исторических условиях.

Гармоничное сочетание этих трех начал образует «свободную теократию». Это общественный строй, в котором религиозная истина, политическая власть и культурное творчество находятся в согласии и взаимно поддерживают друг друга. При этом ни одно из начал не подавляет другие: церковь не подчиняет себе государство, государство не превращает церковь в свой инструмент,

интеллигенция не отрывается от религиозных и национальных корней.

Особую роль в осуществлении теократического идеала Соловьев первоначально отводил России. По его замыслу, союз русского православного царя с римским папой мог бы положить начало воссоединению христианских церквей и созданию вселенской теократии. Россия, сохранившая полноту государственной власти, и Рим, сохранивший духовный авторитет, должны были дополнить друг друга, образовав «социальную Троицу» вместе с пророческим началом, представленным свободными мыслителями и деятелями культуры.

На наш взгляд, теократический проект Соловьева представляет собой характерный пример утопического мышления со всеми его сильными и слабыми сторонами. Сильной стороной является постановка вопроса о целостности общественной жизни, о необходимости ее духовных оснований. Соловьев справедливо указывает, что общество, лишённое религиозной санкции и нравственных идеалов, обречено на распад и деградацию. В этом смысле его теократия противостоит секулярному индивидуализму, видящему в обществе лишь агрегат атомизированных индивидов.

Слабой стороной является недооценка реальных исторических сил и противоречий. В идее соединения православия и католицизма игнорируются глубина богословских и культурных различий между ними, а также политические интересы, стоящие за церковным разделением. Идеализация русского самодержавия была явно некритичной – Соловьев недооценивал архаичность и репрессивность царского режима. Сама схема трех социальных сил выглядит умозрительной конструкцией, не имеющей опоры в реальных общественных процессах.

Показательна эволюция взглядов Соловьева в последние годы жизни. Разочаровавшись в возможности воссоединения церквей и в готовности русского государства к нравственному преобразованию, философ постепенно отходит от своих теократических построений. В «Трёх разговорах» (1900) [10], одном из своих последних произведений, он уже не возлагает надежд на политические средства достижения идеала. Торжество добра может совершиться лишь эсхатологически, в конце истории, через катастрофическое столкновение добра и зла и окончательную победу Христа.

Эта эволюция представляется весьма показательной. Она свидетельствует о способности Соловьева к самокритике, о его готовности пересматривать свои взгляды под давлением опыта. Переход от утопического оптимизма к эсхатологическому реализму означал признание трагичности истории, невозможности построения совершенного общества земными средствами. Это не отказ от идеала, но признание его трансцендентности. Он указывает направление движения, но не может быть полностью реализован в пределах истории.

Представляется, что «поздний» Соловьев ближе к истине, чем Соловьев периода теократических проектов. История XX в. с ее тоталитарными режимами, мировыми войнами и геноцидами наглядно показала опасность утопических попыток «построить рай на земле». Вместе с тем эсхатологическая перспектива не снимает с человека ответственности за посюстороннюю жизнь, она лишь указывает на ее ограниченность и несовершенство.

Несмотря на утопические элементы, теократическая концепция Соловьева содержит плодотворные идеи, сохраняющие значение и сегодня. Прежде всего это идея о необходимости нравственной легитимации власти. Власть, не служащая добру, не заслуживает повиновения, даже если она формально законна. Далее, это идея о служебном характере государства по отношению к высшим духовным ценностям. Государство есть не самоцель, но средство для осуществления нравственного идеала. Наконец, это идея о взаимодополнительности религиозных, государственных и культурных институтов. Здоровое общество нуждается во всех трех, и ни один из них не должен подавлять другие.

Эти идеи оказали значительное влияние на развитие русской религиозной философии права XX в. Такие авторы, как Е. Н. Трубецкой [11], П. И. Новгородцев [4], И. А. Ильин [2; 3], Н. Н. Алексеев [1] в той или иной мере испытали воздействие соловьевской мысли, развивая и корректируя ее в различных направлениях. Можно сказать, что В. С. Соловьев заложил основания целой школы философии права, ориентированной на синтез правовой культуры и религиозно-нравственных ценностей.

Проведенное исследование философии всеединства Владимира Соловьева и его учения о государстве и праве позволяет сформулировать

ряд актуальных выводов, имеющих как историко-философскую, так и теоретическую значимость.

Философская система Соловьева представляет собой грандиозную попытку синтеза различных интеллектуальных традиций: немецкого идеализма, христианской патристики, русского славянофильства, западной мистики и научного позитивизма. При всей противоречивости этого синтеза его значение для русской культуры трудно переоценить, ведь именно В. Соловьев создал первую в истории России законченную философскую систему, оказавшую определяющее влияние на последующее развитие отечественной мысли. По сути, он был нашим «русским Гегелем» – ни больше, и ни меньше.

Центральное понятие всеединства, то есть единства в многообразии, сохраняющего различия, а не поглощающего их, представляется чрезвычайно актуальным для современных размышлений о природе социальной связи. В эпоху глобализации и мультикультурализма оно предлагает альтернативу как унифицирующему универсализму, так и релятивистскому партикуляризму. Подлинное единство человечества возможно не через нивелирование различий, а через их признание и гармонизацию.

Софиология и учение о Богочеловечестве, при всей их метафизической сложности и спорности отдельных положений, выражают важную истину о высоком достоинстве мира, природы и человека. Они противостоят как нигилистическому обесцениванию бытия, так и наивному оптимизму, игнорирующему реальность зла. Мир несовершенен, но призван к совершенству; человек грешен, но способен к преображению – таково послание соловьевской философии.

Учение Соловьева о праве представляет собой значительный вклад в философию права, актуальный и сегодня. Концепция права как «минимума добра» преодолевает ложную альтернативу между юридическим позитивизмом и моральным ригоризмом. Она признает нравственное содержание права, но не отождествляет его с моралью; обосновывает необходимость государственного принуждения, но ограничивает его сферу.

На наш взгляд, эта концепция имеет практическое значение для решения современных правовых проблем. Она позволяет обосновать критику законов, противоречащих фундаментальным нравственным принципам (человеческое достоинство, базовые права личности), и вместе с тем указывает на границы правового регулирования.

Не все нравственно желательное может и должно быть предметом законодательства – значительная область человеческой жизни остается сферой свободного морального выбора.

Философия государства В. Соловьева содержит элементы как утопии, так и реализма. Утопическими являются теократические проекты, надежды на соединение церквей и построение христианского государства. Реалистичными же можно назвать требования социальной справедливости, защиты слабых, обеспечения достойного существования для всех членов общества. Эти требования не утратили своего значения; более того, в условиях растущего неравенства и размывания социальных гарантий они звучат особенно актуально.

Думается, что главная ценность соловьевского наследия состоит не в отдельных концепциях и доктринах (многие из них действительно устарели или требуют существенной корректировки), а в общей установке его мышления. Эта установка может быть охарактеризована как «нравственный идеализм», т. е. убеждение в том, что мир имеет смысл, что добро реально и что человек призван к его осуществлению. В эпоху морально-релятивизма и цинизма такая установка представляется спасительным противоядием.

Вместе с тем критический анализ показывает и ограничения соловьевской философии. Ее слабыми сторонами являются: чрезмерная систематичность, порой приводящая к насилию над реальностью во имя схемы; недостаточное внимание к эмпирической конкретности социальных процессов; утопические элементы, недооценивающие силу зла в истории; некоторая произвольность метафизических построений, особенно в области софиологии.

В заключение представляется уместным привести слова самого Соловьева о значении философского мышления: «Задача философии – не в том, чтобы указать людям, что они должны делать (это дело совести), а в том, чтобы показать им, что, делая то или другое, они остаются верны или изменяют истине, добру и красоте» [7]. Эта скромная, но важная задача – прояснение связей между различными сферами человеческой жизни, выявление нравственного смысла социальных институтов, критическая рефлексия над основаниями нашего существования – остается актуальной и в наше время. И в этом отношении наследие Владимира Соловьева продолжает служить источником вдохновения и размышления для правоведов современности.

Список литературы

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. – М. : Лань, 1999.
2. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. – М. : Директ-Медиа, 2014.
3. Ильин И. А. О сущности правосознания. – М. : АСТ, 2025.
4. Новгородцев П. И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева // Вопросы философии и психологии. – 1901. – Кн. 56. – С. 112–129.
5. Соловьев В. С. Духовные основы жизни. – М. : Директ-Медиа, 2025.
6. Соловьев В. С. История и будущность теократии : том 1. – М. : ARCHIV PUBLICA, 2025.
7. Соловьев В. Оправдание добра / отв. ред. О. А. Платонов. — М. : Институт русской цивилизации ; Алгоритм, 2012.
8. Соловьев В. С. Право и нравственность // Власть и право: Из истории русской правовой мысли. – Л. : Лениздат, 1990. – С. 93–130.
9. Соловьев В. С. Россия и Вселенская Церковь. – М. : Амрита-Русь, 2024.
10. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Три свидания. – М. : Директ-Медиа, 2014.
11. Трубецкой Е. Н. Мирозерцание Вл. С. Соловьева : в 2 т. – М. : Медиум, 1995.

Значение права для достижения общественного идеала в понимании П. И. Новгородцева¹

С. В. Хохлов

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, политологии, социологии
им. Г. С. Арефьевой ФГБОУ ВО «НИУ «МЭИ».
Адрес: ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
111250, Москва, Красноказарменная ул., д. 14.
E-mail: skhokhlov85@mail.ru

Е. И. Наумова

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социальной философии и философии истории
Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»;
старший научный сотрудник Центра фундаментальных и прикладных научных проектов
Департамента научной деятельности
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».
Адрес: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9;
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»,
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6.
E-mail: naumova11@inbox.ru

The Importance of Law for Achieving the Social Ideal in the Understanding of P. I. Novgorodtsev

S. V. Khokhlov

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology
named after G. S. Arefieva of National Research University «Moscow Power Engineering Institute».
Address: National Research University «Moscow Power Engineering Institute»,
14 Krasnokazarmennaya Street, Moscow, 111250, Russian Federation.
E-mail: skhokhlov85@mail.ru

E.I. Naumova

Doctor in Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Department of Social Philosophy and Philosophy of History
of the Institute of Philosophy of the Saint Petersburg State University;
Senior Research Fellow at the Center for Fundamental and Applied Research Projects
of the Department of Research Activities of the Russian State University for the Humanities.
Address: Saint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia;
Russian State University for the Humanities,
6 Bldg. 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia.
E-mail: naumova11@inbox.ru

Поступила 17.12.2025 Принята к печати 25.12.2025

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания по НИР «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», шифр FSZG-2025-0004. Регистрационный номер: 1025021700071-2-6.3.1.

Аннотация

В статье исследуются взгляды на право в учении юриста и философа П. И. Новгородцева (1866–1924) об общественном идеале. Рассмотрена роль права в жизни государства и общества, стремящегося к идеальному состоянию. П. И. Новгородцев в сочинении «Об общественном идеале» сопоставляет различные направления мысли по вопросам достижения возможных идеалов в общественно-государственном развитии, особенно детально исследует марксизм. Как представитель и идейный вдохновитель нового формата концепции естественного права (возрожденное естественное право) в России, П. И. Новгородцев особое значение отводит правам личности, отстаивает идеи правового государства. Излагается мнение о недостижимости абсолютного идеала в организации государственно-правовых условий жизни. Подчеркивается важность самого процесса стремления и движения в направлении к идеалам. Сбалансированное соотношение индивидуальных и общественных интересов, принятие государственных законов с учетом естественного права и нравственных канонов – важнейшие факторы для развития и движения в направлении идеальных форм человеческого сосуществования. Сделаны выводы о положительном отношении П. И. Новгородцева к русской религиозной традиции как основе формирования нравственности и ее важности для сферы права.

Ключевые слова: право, нравственность, мораль, общество, общественный идеал, личность, свобода, философия права, нравственная философия, естественное право, возрожденное естественное право, положительное право, правовое государство, марксизм, консерватизм.

Abstract

The article examines the views on law within the doctrine of the public ideal as advanced by the jurist and philosopher P.I. Novgorodtsev (1866–1924). It analyzes the role of law in the life of a state and society striving for an ideal condition. P.I. Novgorodtsev, in his work «On the Public Ideal», juxtaposes various strands of thought concerning the attainment of possible ideals in socio-political development, with a particularly detailed examination of Marxism. P.I. Novgorodtsev, as a representative and ideological inspirer of the revived natural law concept in Russia, assigns paramount importance to individual rights and champions the ideas of rule of law. The text presents the idea of unattainability of an absolute ideal in organizing the state-legal conditions of life. It is emphasized the crucial importance of the very process of striving and progressing toward ideals. The fundamental factors for development and advancement toward ideal forms of human coexistence are the balanced correlation of individual and public interests and the consideration of natural law and moral precepts in the formulation of state legislation. Conclusions are drawn in relation P.I. Novgorodtsev's positive regard for the Russian religious tradition as a foundation for morality and its importance for the sphere of law.

Keywords: law, ethics, morality, society, social ideal, individual, freedom, philosophy of law, moral philosophy, natural law, revived natural law, positive law, rule of law, Marxism, Conservatism.

Павел Иванович Новгородцев – русский правовед и философ, профессор Московского университета, директор Московского коммерческого института, проживший большую часть жизни в России и эмигрировавший после революционных событий. Его жизнь и профессиональная карьера закончилась в Праге. По правовой тематике публиковались различные его труды. Издавались лекции и конспекты к лекциям по истории философии права. Недаром Г. Гурвич называет П. И. Новгородцева лучшим специалистом по истории философии права в российской и в европейской науке того времени [3. – С. 392].

Сочинение «Введение в философию права» задумывалось в трех частях, что поясняет сам автор в предисловии к «Кризису современного правосознания». В первую часть входят работы «Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права)»

(1902) и «Государство и право» (1904), во вторую часть – работа «Кризис современного правосознания», вышедшая отдельной книгой в 1909 г., и, наконец, в третью часть – труд «Об общественном идеале» [9], который при жизни автора переиздавался 5 раз с 1917 по 1922 г. как в России, так и на Западе уже после эмиграции автора. П. И. Новгородцев много лет занимался изучением правового идеала, что неразрывно связано и с общественным идеалом, и с самим обществом. Вне общества и государства нет права. Вполне логично, что и сочинения Павла Ивановича имели столь характерные названия – как те, что представляют собой составные части «Введения в философию права». Общественные, правовые, нравственные идеалы переплетаются между собой.

Диссертации П. И. Новгородцева также были посвящены философско-правовым вопросам. И. А. Кацапова отмечает, что общефилософские

проблемы интересовали П. И. Новгородцева опосредованно, а именно – сквозь призму естественно-правовой парадигмы [6. – С. 12].

Магистерская диссертация П. И. Новгородцева, защищенная в 1896 г., касалась исторической школы юристов и Савиньи, а его докторская диссертация, защищенная в 1902 г., была посвящена учениям Канта и Гегеля о праве и государстве. По мнению польского ученого Анджея Валицкого, специализировавшегося на русской философии права, упомянутая докторская диссертация была попыткой противостояния историцистскому и позитивистскому подходам, большое значение имела и кантовская автономия нравственности, а гегельянство было лишь средством демонстрации некоторых слабых мест позиции Канта [1. – С. 370]. Именно тогда он становится защитником идеализма в праве (с фокусом на идеальном значении в праве), поддерживает нравственную автономию личности [1. – С. 373]. Неслучайно идеи П. И. Новгородцева именуют идеалистическим направлением в праве.

В вопросах права П. И. Новгородцев ориентировался хорошо не только как теоретик и университетский профессор. Он стал депутатом Государственной Думы первого созыва в 1906 г., был директором Московского коммерческого института (ныне РЭУ им. Г. В. Плеханова), в эмиграции – деканом Русского юридического факультета в Праге. Такие должности требовали не только знания теории права, но и понимания правоприменения.

Защищая позиции естественного права, П. И. Новгородцев понимал его как идеальный и безусловный предел, к которому тяготеет система положительного права [15. – С. 10]. Вопросы возрождения естественного права начали занимать П. И. Новгородцева еще в ранние годы, а в дальнейшем за ним закрепилась репутация идейного вдохновителя данной концепции.

Испытав влияние немецких (прежде всего Канта и Гегеля), а также русских (таких как Б. Н. Чичерин, Вл. Соловьев) философов, П. И. Новгородцев постепенно формирует правовое учение, которое было воспринято многими мыслителями. Среди них – И. А. Ильин, Н. Н. Алексеев, С. И. Гессен и др.

Исследовать соотношение нравственности и права П. И. Новгородцева во многом сподвигла полемика Б. Н. Чичерина и Вл. Соловьева, которая велась на страницах московского журнала «Вопросы философии и психологии» в 1897 г. Б. Н. Чичерин полагал, что нравственность и право – независимые сферы и не должны пересекаться, а Вл. Соловьев взывал к необходимости

нравственного обоснования права, толкуя право как минимум нравственности. А. Валицкий указывает на неприятие П. И. Новгородцевым исключительно утилитарного, практического подхода к праву и отстаивание им моральной основы права [1. – С. 372–373]. Ю. Б. Мелих, характеризуя учения П. И. Новгородцева и Б. А. Кистяковского, отмечает своеобразный синтез ими позиций Б. Н. Чичерина и Вл. Соловьева в «преображенном варианте русского либерализма» [8. – С. 41]. К моменту написания работы «Об общественном идеале» П. И. Новгородцев проявлял себя как большой сторонник нравственной философии Вл. Соловьева, нежели идей Б. Н. Чичерина. По мнению А. Н. Литвинова именно соловьевский акцент на нравственной ценности правовых институтов стал краеугольным камнем естественно-правовой концепции П. И. Новгородцева и получил свое законченное выражение в учении об общественном идеале [13. – С. 20].

Работа «Об общественном идеале» представляет собой некие итоги всей философии П. И. Новгородцева. Половина произведения посвящена анализу марксистских теорий, включая отношение марксистского учения к праву и государству.

Выводы о недостижимости окончательных и полных идеалов в вопросах построения безмятежного общества, которое бы зиждилось на почве полной согласованности различных интересов, – центральный посыл, который пронизывает все сочинение. Говорится о важности самого процесса совершенствования без достижения какой-то конечной гармонии и удовлетворенности всех. «Не останавливаться ни на чем данном, но вечно стремиться вперед, вечно искать...» – то, к чему призывает П. И. Новгородцев [10. – С. 46]. Говоря об ограниченности теорий «земного рая», он называет имена Руссо, Канта, Гегеля, Конта, Спенсера, Маркса, имевших влияние на умы [10. – С. 23]. Мыслили они очень по-разному. К примеру, Руссо, Кант, Гегель видели обновление в утверждении форм права, а Конт видел спасительное слово в подчинении истинам науки. Их взгляды роднит признание утверждения совершенной организации [10. – С. 26].

Проект гражданской религии Руссо, идею обожествления государства Гегеля, теорию спасения человечества позитивизмом Конта, принцип абсолютной человеческой эмансипации Маркса П. И. Новгородцев рассматривает как общественные идеалы, базирующиеся на идеях «земного рая» [10. – С. 42].

Говоря о XIX в., П. И. Новгородцев описывает разочарования, возникавшие из-за обнаруживших себя недостатков парламентаризма, всеобщего избирательного права, референдума [10. – С. 32]. Имело место крушение политических идеалов прошедшего столетия. Не представлялось возможным найти универсальное спасительное средство для общественного устройства.

П. И. Новгородцев отмечал подорванность веры в политику в XIX в., в «чудеса республики», которая сменилась социалистической и анархической эсхатологией, очередной идеей «земного рая» [1. – С. 403]. Полное совершенство не могло бы исключать предпосылок для деформации и деградации подобного состояния, если бы оно было достигнуто. В таком случае идеал оборачивается не тем, что от него ожидается, и дальнейший регресс способен разрушить все ранее имеющие место чаяния и надежды.

Только формулой бесконечного развития может быть выражен абсолютный идеал, требования которого не могут быть полностью осуществлены. П. И. Новгородцев соглашается с Вл. Соловьевым в том, что требования нравственного совершенствования могут быть обращены к несовершенным, нуждающимся в улучшении, относительным ступеням. Перед нравственным началом стоит особо сложная задача по организации примирения непокорных стихий, противоречий и раздоров в человеческом общежитии [10. – С. 90].

Применительно к праву это означает и невозможность выработки какой-то окончательной безупречной конституции страны, о чем и говорит П. И. Новгородцев, солидаризируясь с мнением юриста А. Дэйси (1835–1922). Едва ли П. И. Новгородцев может поверить в подобный образец конституции, способной безусловно усовершенствовать государственные формы [10. – С. 32]. В государственных формах в течение всей истории проявлялись и будут проявляться различные недостатки. Порой только практика жизни, меняющиеся запросы и ожидания граждан обнаруживают несовершенство и недоработку законодательных установлений. Отсюда же вытекает потребность в изменении правовых норм, их актуализации с учетом развития общества.

П. И. Новгородцев неустанно повторяет тезис о невозможности осуществления полной гармонии общественных сил, какие бы средства для этого не использовались. Все то, что говорили представители государственного права того времени (Г. Еллинек, Л. Дюги) об идеях внепарламентских

инициатив, децентрализации управления и федерализма, виделось П. И. Новгородцеву как угодение интересам личности, не лишенное искажений [10. – С. 51].

Та же идея народовластия интерпретируется П. И. Новгородцевым как искажающая правильное понимание принципа личности [10. – С. 50]. Он заключает: «Власть всегда остается властью, и никакое перемещение или переустройство ее не решает еще проблемы общественного идеала» [10. – С. 49]. Очевидно, что и перемещение власти в руки народа от другой силы не решает полностью всех проблем.

Анализ права как явления, сопоставление либерализма и социализма в трудах П. И. Новгородцева осуществлялись вкупе с исследованием вопросов соотношения личного и общественного, индивидуального и коллективного.

П. И. Новгородцев не соглашается как с абсолютизацией коллективизма, так и с абсолютизацией индивидуализма. Ему видятся ограниченными учения мыслителей, отстаивавших что-то одно. С точки зрения соотношения индивидуального и коллективного вся история права представляется как примирение личности и общества, сочетание либерализма и социализма. И это уже во времена жизни П. И. Новгородцева воспринималось как старая законодательная практика [10. – С. 53].

Дискутируя с другим известным юристом, И. В. Гессеном (отцом философа и правоведа С. И. Гессена), П. И. Новгородцев продолжает отрицать возможность установления окончательных примирительных схем, призывает приучать свой взор смотреть в бесконечность. Возрождение доктрины естественного права должно стоять на почве моральных стремлений. Новый же путь личности, задачи которой стоят шире общественного прогресса, заключается в оставлении надежд на земной рай [10. – С. 54].

Развивая свои рассуждения о соотношении абсолютного коллективизма и абсолютного индивидуализма, П. И. Новгородцев считает необходимым рассмотреть учения Гегеля и Л. Н. Толстого, в том числе выводы Гегеля о неизбежности сочетания принципа личности с объективной нравственностью, которая находит воплощение в обществе. Гегель, как замечает П. И. Новгородцев, полагает, что субъективная воля формальна и требует своего восполнения [10. – С. 171]. Науку об индивидуальной моральности, не переходящую на более высокую ступень общественных нравов, Гегель считал «разглагольствованием о долге ра-

ди долга» [2. – С. 191–192]. Комментируя взгляды Гегеля, П. И. Новгородцев отмечает, что для немецкого философа общественная нравственность является продолжением и восполнением личной морали. И такой нравственности придается безусловное значение [10. – С. 171].

Важность взаимосвязи общества и личности П. И. Новгородцев не отрицает, но линии соединения могут проводиться как от общества к личности сверху вниз, так и от личности к обществу снизу вверх. Второй способ видится П. И. Новгородцеву более правильным. Учреждения могут быть несовершенновыми, и нравы могут быть жестокими [10. – С. 174]. Несмотря на значимость идей Гегеля, П. И. Новгородцев видел его ошибку в абсолютизации общественного прогресса, подчиняющего себе личное начало [10. – С. 174].

Другую точку зрения, отличную от Гегеля, находим у Л. Н. Толстого, позицию которого в отношении права и государства (а вернее – их отрицание) П. И. Новгородцев называет «отвлеченным морализмом» [10. – С. 95]. Толстой перестал верить в обычную общественную деятельность. Отвратили его от этого желание безусловного обновления, религиозная жажда жизни по закону любви. П. И. Новгородцевым не принимаются доводы Толстого об упразднении государства и права и мнение о том, что для морального прогресса не требуется внешних опор [10. – С. 186]. Совершенно блекнет у Льва Николаевича значение общественных форм, хотя и сияет свет религиозного просвещения [10. – С. 189–190].

Несмотря на то, что славянофилы, Гоголь и Достоевский придавали большое значение делу личного совершенствования, только у Толстого подобная идея достигает такой непримиримости («Все или ничего»). В качестве возражения П. И. Новгородцевым приводится мнение Вл. Соловьева о недостаточности одного личного совершенствования в том же вопросе отмены крепостного права [10. – С. 192]. В своей знаменитой работе «Оправдание добра» Вл. Соловьев пишет о том, что крепостное право в России было отменено посредством принятия государственного юридического акта. Осуществлено это было государственной волей, а не многолетней нравственной проповедью [12. – С. 337]. Вл. Соловьев еще ранее П. И. Новгородцева указывал на несостоятельность толстовского подхода о непротивлении злу силою и идей о необходимости упразднения армии, полиции, судов, права и государства.

Правовые установления важны. П. И. Новгородцев, будучи юристом, не игнорирует право и выступает в его защиту, в отличие от Л. Н. Толстого. Литературные таланты знаменитого классика и его размышления о русском характере, нравственном совершенствовании человека получили большее признание в России и во всем мире, чем его правовой нигилизм.

В вопросах соотношения личности и общества П. И. Новгородцеву близки положения нравственной философии Вл. Соловьева. Поддерживается соловьевский взгляд на личность, которая может быть солидарна с общественной средой только в ее бесконечной целостности [10. – С. 200]. Это выглядит как синтезирование индивидуалистской философии идеалиста Канта и объективистской философии идеалиста Гегеля.

П. И. Новгородцев считает ошибочным ожидание полного совпадения индивидуального и коллективного. Солидарность личности и общественной среды относится к моменту бесконечной целостности общения, к недостижимому и трансцендентному идеалу [10. – С. 200].

Анализируя марксизм и социализм, П. И. Новгородцев находит в них неоднозначные подходы к праву и государственному устройству. Рассматриваются два направления марксизма – реалистическое, связанное с реформами, и утопическое, основанное на революционной вере. С одной стороны, присутствовала вера в близкое торжество социализма, с другой – был прагматизм, требующий текущих улучшений жизни [10. – С. 254].

Говоря о программе Маркса, предложенной им в «Коммунистическом манифесте», П. И. Новгородцев подытоживает, что этот документ таил в себе обещания «все отвергнуть для того, чтобы создать все вновь». Революционная борьба в попытке достижения социальной справедливости предполагала победу пролетариата с помощью экспроприации земельной собственности, высоко прогрессивного налога, упразднения права наследования [10. – С. 259–260].

Когда же слабела надежда на близость победы пролетариата, в марксистском учении появлялись реалистические предложения, свидетельствующие о противоречивости доктрины. Для иллюстрации подобных противоречий приводится пример, как в 1864 г. Маркс уже приветствовал законодательное ограничение рабочего дня десятью часами [10. – С. 265–266]. А ведь это было отстаиванием частных реформ, с точки зрения революционного марксизма неприемлемых.

Вышеуказанные установки разных направлений марксизма важны для понимания отношения к праву в этой теории. Абсолютное совершенство после окончательной победы пролетариата означало построение бесклассового общества, чему соответствовало отрицание государства. О наличии права в бесклассовом обществе также не шел разговор. Ожидался безусловный разрыв с прошлым и преобразование существующего. Социалистическое состояние противопоставлялось государственному [10. – С. 271].

Отталкиваясь в своих построениях от философии Гегеля, превозносившего государство, ставящего его выше общества, Маркс, однако, выступает за поглощение государства обществом. П. И. Новгородцев трактует взгляды Маркса, отмечая, что тот смотрел на историческое развитие по Гегелю как на частичную политическую эмансипацию, осуществляемую правовым государством. Но Маркс противопоставляет этому эмансипацию полную, общечеловеческую, в которой государство должно быть поглощено обществом [10. – С. 272].

П. И. Новгородцева тревожит поглощение государства обществом и построение общества, где человек превращается исключительно в родовое существо, когда происходит обобществление личной жизни и слияние личности с обществом. Ему трудно принять позицию, когда перерождение человека ставится в зависимость от торжества пролетариата, а бесклассовое общество, по Марксу, означает ниспровержение правового государства как неспособного противостоять проявлениям человеческого эгоизма. В противовес подобному взгляду П. И. Новгородцев ссылается на мнения Штейна, Лассалья, согласно которым социальная справедливость не исключалась в правовом государстве, а ограничение индивидуального эгоизма прямо увязывалось с идеей правового государства. П. И. Новгородцев не считал правильным принимать первые шаги правовых государств (пускай и неудачные) за окончательный результат [10. – С. 276–277].

Правовое государство имеет в своей основе принцип личности, означающий право на индивидуальное творчество и проявление, что не исключает публично-правовых ограничений частного произвола. Такое государство зиждется на признании прав свободы, объем которой фактически бывает разным. Противоречие между общественной и частной жизнью неустранимо, но полное их слияние означало бы уничтожение свободы. Пра-

вовому государству присущи два свойства: 1) организация общей связи входящих в него лиц; 2) система свободы. Отрицательными представляются как поглощение государством общества, так и наоборот – поглощение обществом государства, что означает не только исчезновение государства, но и исчезновение личности [10. – С. 278–279].

Важный контраргумент против «ненужности» государства в бесклассовом обществе (по Марксу и Энгельсу) состоит в том, что государство есть не только классовое господство, но и публично-правовое регулирование частной и общественной жизни. С исчезновением классовых различий государство не может исчезнуть [10. – С. 282]. П. И. Новгородцеву ближе позиция Лассалья, согласно которой борьба с существующими формами государства не должна перерастать в отрицание самой идеи государства [10. – С. 293]. П. И. Новгородцев замечает, как с давних времен теория правового государства вдохновлялась идеями естественного права – представлением об общечеловеческой справедливости, находящим выражение в положительном праве. Торжество идеи права должно осуществляться неразрывно с реализацией справедливого регулирования жизни. Есть нормы высшей справедливости, возвышающиеся над разнообразием лиц. Теория правового государства должна исходить из признания наличия такой идеи права, которая ставится выше и буржуазии, и пролетариата, а также выше богатых и бедных, сильных и слабых [10. – С. 283–284]. Необходимость государства продиктована не классовыми различиями, а разнообразием индивидуальных характеров, стремлений [10. – С. 285]. По мнению Е. А. Фроловой, неокантианец П. И. Новгородцев возвышал социально-правовой идеал над современными проблемами и предлагал освободиться от классового подхода [14. – С. 63].

Политическая власть представляется П. И. Новгородцеву системой юридических отношений, способной при помощи правил регулировать общественную жизнь. Предполагать отсутствие политической власти в социалистическом строе можно по причине неясности представления о природе юридических и политических форм. П. И. Новгородцев разделяет мнение юристов, считающих, что в социализме имеет место преобразование существующего государства, а не его упразднение вообще. Согласно правовой науке, идеал социализма – не анархическое общество, а

союз, обладающий всеми признаками государства, включая принуждение [10. – С. 306–307].

Рассматривает П. И. Новгородцев и так называемое «буржуазное право» в интерпретации Маркса, считавшего, что никакое право не может избавиться от буржуазного характера. Если буржуазными считать притязания лиц на вознаграждение и их удовлетворение, то здесь много верно [10. – С. 310]. Как юрист, П. И. Новгородцев указывает на формально равную мерку в праве, которая в то же время приводит по своим результатам к праву неравенства. Ведь право встречается с неравными положениями. Свобода, которую признает право, ограничивается началами равенства, а также общего блага. Как источник права, свобода неустранима. Право стремится сочетать равенство и свободу, насколько это возможно. Свобода без равенства способна привести к произволу личности, а равенство без свободы – к подавлению личности. Под исчезновением буржуазного права Маркс, как предполагает П. И. Новгородцев, имеет в виду устранение различий лиц в их способностях и дарованиях [10. – С. 311]. Безусловно, свобода и равенство – труднопримиримые и трудносочетаемые начала.

При анализе взглядов П. И. Новгородцева становится понятно, почему он много внимания уделил марксизму. Как заметил А. Валицкий, выводы Маркса использовались для того, чтобы оправдать право и государство [1. – С. 406].

П. И. Новгородцев находит в марксизме и положительные стороны. Сама постановка вопроса о достойном человеческом существовании составляет ту жизненную правду марксизма, которая все более входит в общее сознание. Марксизм – та грань, которая повернула нравственное сознание и после которой современные правовые государства должны были пересмотреть свои подходы к свободе и равенству. Перед правовым государством стоят сложнейшие задачи в деле обеспечения достойного человеческого существования. Есть насущные вопросы, которые решить немедленно невозможно. В этом видится одно из самых слабых мест правового государства [10. – С. 521–522].

В конце книги «Об общественном идеале», указав на то, что на помощь политическим средствам в правовом государстве должны прийти силы нравственности, автор поясняет свое намерение дать более общее заключение по вопросам восполнения правового государства во втором выпуске.

Общего заключения, как и объединенного труда «Об общественном идеале» (с включением описания кризиса анархизма) опубликовать не удалось. Однако своеобразные черты русской философии права, восходящие к многовековому опыту жизни, опубликованы были.

В 1995 г. в составе сочинений П. И. Новгородцева полностью издана работа «О своеобразных элементах русской философии права» [11]. Изначально это была журнальная публикация 1922–1923 гг. В названной работе продолжается разговор об идеалах, затрагиваются и вопросы права. Право – для России явление не столь характерное, как для западноевропейских стран. П. И. Новгородцев признает, что у нас нет своего «Духа законов» (Монтескье) или «Общественного договора» (Руссо). Отсутствие апологии права и государства объясняется тем, что русский дух выражает стремление к чему-то большему, чем государство и право [11. – С. 368]. Выделяются две значимые книги – «Философия права» Б. Н. Чичерина и «Оправдание добра» Вл. Соловьева. Но П. И. Новгородцев не желает останавливаться на характеристике русской философии права, а ставит задачу пояснить особенности творящего ее русского духа. И здесь нельзя обойтись без обращения не только к Вл. Соловьеву, но и к Ф. М. Достоевскому как непревзойденному изобразителю особенностей русского самосознания и мировоззрения [11. – С. 368]. Своеобразные или самобытные элементы отечественной философии права как раз и приведены с опорой на Ф. М. Достоевского. П. И. Новгородцев истолковал и изложил основную суть русской философии права, содержащуюся в произведениях великого русского классика. Подчеркивается важность единения людей, достигаемого не внешним авторитетом, но религиозным законом, на основе веры в который возможен подлинный общественный прогресс. Право и государство имеют лишь вспомогательное значение. Их задача – ближе подняться к общественному идеалу, но без перехода к теократии, где используются сила и принуждение для достижения гармонии. Право и государство своим источником должны полагать закон Божий. Важно не просто соотношение нравственности и права, а их подчинение религиозному началу [11. – С. 373–374]. Повторяя основные идеи работы «Об общественном идеале» о значимости процесса развития и трактуя взгляды Ф. М. Достоевского, П. И. Новгородцев отмечает важность развития права и государства и тщетность ожидания пол-

ной гармонии, удовлетворяющей всех. Реальность состоит в наличии в земной жизни постоянных противоречий личности и общества, равенства и свободы, нравственности и права. Обращает внимание на невозможность полной рационализации социальных отношений, невозможность полагаться только на человеческий разум без Бога и на науку как решение всех проблем [11. – С. 374–375].

У П. И. Новгородцева нет речи об обожествлении государства, как это было у Гегеля в его «Философии права». Подобный русский подход отличается от западноевропейской философии права тем, что гуманистические начала не должны отрицать христианской веры, автономизироваться. Согласно русскому мировоззрению, не конституции, а религии представляют собой высшую цель жизни. Западные правовые институты также не отрицаются. Им находится место как в философии Ф. М. Достоевского, так и у Вл. Соловьева, что верно подмечает и с чем соглашается П. И. Новгородцев [11. – С. 376].

Рассматривая взгляды гегельянца Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцев также подчеркивает определенное своеобразие, отличие его взглядов от западной мысли. У Б. Н. Чичерина, несмотря на положительную оценку государства как института, не удастся найти «гегелева, западного обожествления идеи государства» [11. – С. 383]. Гегель, разумеется, объективист, для которого важны общественно-государственные формы, которые ставятся выше человека. Чичерин же, следовавший в русле гегелевской философии, не сходится с немецким философом по данному пункту, ставя на более высокую степень не учреждения и институты, а лица. Подобный подход П. И. Новгородцев «называет русским комментарием и обработкой гегелизма» [11. – С. 383].

Вл. Соловьев, не будучи убежденным гегельянцем, однако предпринял попытку дополнения философии немецкого мыслителя в плане синтеза общества и индивида в большей степени, чем Б. Чичерин. Значительное влияние оказала на него и философия Канта, превозносящего индивидуальную мораль. П. И. Новгородцеву, стремящемуся обходить односторонние выводы, у Соловьева близок синтез кантовских и гегелевских взглядов. Важны для П. И. Новгородцева и проработка Вл. Соловьевым трудов Ф. М. Достоевского, развитие идеи права на достойное человеческое существование, которое вдохновило и его самого заниматься подобной проблематикой. Эта идея была воспринята и преобразована П. И. Новго-

родцевым с позиции требований юриспруденции [14. – С. 60]. Взгляды знатока русской души Ф. М. Достоевского П. И. Новгородцев оценивал как находящиеся в теснейшей связи с ходом развития народного характера и потому получающие в сердцах русских людей живой отклик. В сравнении с этим взгляды западноевропейских мыслителей были расценены как «изолированные абстракции отдельных философов» [11. – С. 386]. Тот факт, что Ф. М. Достоевский спустя время приобрел еще большую популярность во всем мире, показывает, что П. И. Новгородцев, писавший свою работу в 1922–1923 гг., был не так уж не прав, когда столь достойно оценивал русского классика, не оставлявшего без внимания и проблематику права.

В заключительный период жизни у П. И. Новгородцева фиксируется пересмотр взглядов, связанный с отдалением от либеральных подходов и все более скептическим оцениванием демократических идей. В труде «Демократия на распутье» (1923) говорится о том, что «...демократия сильна только тогда, когда над ней стоит Высшая Воля, пред которой народная воля должна преклониться» [10. – С. 557]. Читая подобные строки, уже сложно безоговорочно отнести П. И. Новгородцева к убежденным идейным либералам. Скорее, напротив, в этом проявляется близость к консервативным подходам, отмеченная современными учеными во взглядах П. И. Новгородцева в поздний период его научной деятельности.

Ученый-политолог В. А. Гусев назвал Новгородцева-эмигранта «ярко выраженным консерватором» [4. – С. 74]. П. И. Новгородцев продвигает идею о губительности отрыва правосознания от религиозных начал [4. – С. 76]. В. А. Гусев, специализировавшийся на русском консерватизме, главным принципом этого направления полагал следование традиции, потому и предложил свое видение трудов П. И. Новгородцева, которого он относит в рамках современной политической науки к либералам [7. – С. 197].

В. Н. Жуков также говорит о значимости религии для формирования философии права П. И. Новгородцева, сравнивая его либеральные идеи с «листьями на древе русского консерватизма». Отмечается переоценка (особенно в послеволюционный, эмигрантский период) славянофильства и переход к национальным корням. Первоначально в учении Новгородцева имели место симпатии к западным государственным институтам, а затем – критика политических учре-

ждений Запада. И если защита западного типа демократии велась на формально-юридическом уровне, то критиковаться она стала с позиций религиозных и духовно-нравственных [5. – С. 197]. А. В. Соболев во вступительной статье к опубликованной в 1991 г. книге «Об общественном идеале» отмечает, что произошедшие русские революции повлияли на пересмотр П. И. Новгородцевым своих взглядов на славянофилов и Ф. М. Достоевского в части их отношения к философии права [10. – С. 10]. При этом кардинального пересмотра отношения к общественному идеалу не произошло. Как заметил А. Валицкий, подход церкви просто был близок собственной позиции П. И. Новгородцева [1. – С. 413].

В целом П. И. Новгородцев придерживался вполне определенных и четких взглядов насчет важности правовых начал. Правовое совершенствование должно опираться на духовно-религиозные основы и осуществляться, соотносясь с ними. Испытанное влияние и осмысление под собственным углом зрения взглядов Канта, Гегеля и других западных философов, единодушные с Вл. Соловьевым по многим вопросам предопределило содержание учения П. И. Новгородцева как философской концепции, заключающейся в необходимости обусловливания права нравственностью и религией. П. И. Новгородцев осознавал второстепенность институтов права и государства, что согласуется с традициями русской философии.

Список литературы

1. Валицкий А. Философия права русского либерализма / пер. с англ. О. В. Овчинниковой, О. Р. Пазухиной, С. Л. Чижкова, Н. А. Чистяковой; под науч. ред. С. Л. Чижкова. – М. : Мысль, 2012.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столпнера; вступ. ст. В. С. Соловьева; примеч. В. С. Нерсесянца. – М. : Мир книги : Литература, 2007.
3. Гурвич Г. Д. Профессор Новгородцев как философ права // Современные записки. – Т. 20. – Париж, 1924. – С. 389–393.
4. Гусев В. А. П. И. Новгородцев как консерватор // Социально-политические процессы в меняющемся мире : сб. научных трудов. Выпуск 16. – Тверь : Тверской государственный университет, 2016. – С. 74–83.
5. Жуков В. Н. Консервативно-религиозный идеал русского либерала: П. И. Новгородцев // Философия политики и права. – 2016. – № 7. – С. 246–267.
6. Кацапова И. А. Соотношение морали и права в философии П. И. Новгородцева : автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Москва, 2003.
7. Козлова Н. Н. Проблемы русской политической философии в трудах В. А. Гусева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2016. – № 1. – С. 195–203.
8. Мелих Ю. Б. Расширение либерализма коллективизмом у С. И. Гессена // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2020. – Т. 36. № 1. – С. 35–48.
9. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Том 2. Кризис современного правосознания. – М. : Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1909.
10. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. – М. : Пресса, 1991.
11. Новгородцев П. И. Сочинения / Сост., вступ. статья и прим. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. – М. : Раритет, 1995.
12. Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. – Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Loseва и А. В. Гулыги; примеч. С. Л. Кравца и др. – М. : Мысль, 1988.
13. Философия права: П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, Б. А. Кистяковский / под ред. Е.А. Прибытковой. – М. : Политическая энциклопедия, 2018.
14. Фролова Е. А. Идея правового и социального государства в учении П. И. Новгородцева // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2016. – Т. 10. – № S5. – С. 60–65.
15. Яхина А. Р. Учение П. И. Новгородцева о праве и государстве : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-60-66>

К вопросу о понятиях допустимости, достоверности, относимости и достаточности доказательств в уголовном процессе

Е. В. Мищенко

доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики.
Оренбургского государственного университета имени В. А. Бондаренко.
Адрес: ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет
имени В. А. Бондаренко»,
460018, г. Оренбург, пр. Победы, 13.
E-mail: map_1234@inbox.ru

Е. А. Марина

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Оренбургского государственного университета имени В. А. Бондаренко.
Адрес: ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет
имени В. А. Бондаренко»,
460018, г. Оренбург, пр. Победы, 13.
E-mail: marina250610@mail.ru

On the Issue of the Concepts of Admissibility, Reliability, Relevance and Sufficiency of Evidence in Criminal Proceedings

E. V. Mishchenko

Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
of Orenburg State University named after V. A. Bondarenko.
Address: Orenburg State University named after V. A. Bondarenko,
13 Pobedy ave., Orenburg, 460018, Russian Federation.
E-mail: map_1234@inbox.ru

E. A. Marina

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
of Orenburg State University named after V. A. Bondarenko.
Address: Orenburg State University named after V. A. Bondarenko,
13 Pobedy ave., Orenburg, 460018, Russian Federation.
E-mail: marina250610@mail.ru

Поступила 01.02.2026 Принята к печати 12.02.2026

Аннотация

В статье рассматриваются признаваемые в юридической литературе неизменно актуальными вопросы, касающиеся понятий, обозначающих необходимые свойства уголовно-процессуальных доказательств, такие как относимость, допустимость, достоверность и достаточность. Последовательно уделяется внимание каждому из перечисленных свойств. В процессе исследования использованы такие общенаучные методы познания, как обобщение, теоретический анализ и систематизация научных данных и правоприменительной практики. Для иллюстрации выводов используются примеры из судебной и следственной практики. Авторы разделяют мнение ученых, признающих свойство достоверности доказательств, имеющих ключевое значение для принятия процессуальных решений о виновности или невиновности лица. Обращается внимание на то, что существенную роль при этом играет механизм отображения следственного события в объективных данных, вследствие чего значение приобретают как внутренние свойства доказа-

тельств, так и их соотношение с иными материалами дела. Критически оценивается в связи с этим отсутствие нормативной дефиниции понятия «достоверность», а также процедурного алгоритма ее установления. Делается вывод о том, что достаточность доказательств является итоговым критерием, обобщающим результаты оценки доказательств и определяющим возможность признания обстоятельств дела установленными.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказательственная информация, доказательства, уголовно-процессуальное доказывание, относимость, допустимость, достоверность, достаточность, проверка доказательств, оценка доказательств, принятие уголовно-процессуальных решений, задачи расследования, версии, справедливость правосудия.

Abstract

The article examines the issues recognized in the legal literature that are always relevant regarding the concepts of the necessary properties of criminal procedural evidence, namely their relevance, admissibility, reliability and sufficiency. Attention is consistently paid to each of the listed properties. The research uses such general scientific methods of cognition as generalization, theoretical analysis and systematization of scientific data and law enforcement practice. Examples from judicial and investigative practice are used to illustrate the conclusions. The authors share the opinion of scientists who recognize the reliability of evidence as crucial for making procedural decisions about a person's guilt or innocence. Attention is drawn to the fact that the mechanism of displaying an investigative event in objective data plays an essential role, as a result of which both the internal properties of evidence and their relationship to other case materials acquire importance. In this regard, the lack of a normative definition of the concept of reliability, as well as a procedural algorithm for its establishment, is critically assessed. It is concluded that the sufficiency of evidence is the final criterion summarizing the results of the evaluation of evidence and determining the possibility of recognizing the circumstances of the case as established.

Keywords: : criminal proceedings, evidentiary information, evidence, criminal procedural evidence, relevance, admissibility, reliability, sufficiency, verification of evidence, evaluation of evidence, adoption of criminal procedural decisions, tasks of investigation, versions, justice.

В уголовном процессе познание обстоятельств преступления осуществляется не напрямую, а опосредованно – через систему доказательств, которые представляют собой своеобразный «мост» между событием преступления и его юридической оценкой. Формирование доказательственной базы возможно благодаря свойству объектов материального мира оставлять следы взаимодействия, а также способности человека воспринимать, фиксировать и анализировать эти следы. Таким образом, доказательства становятся носителями информации, позволяющей установить фактические обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Свойства доказательств определяет часть 1 статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), которая включает такие свойства, как относимость, достоверность, допустимость и достаточность.

В уголовном судопроизводстве центральное место занимает категория относимости доказательств, под которой понимается их способность устанавливать обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Такая способность обусловлена логической связью между полученными сведени-

ями и фактами, которые требуется установить в ходе расследования и судебного разбирательства [8. – С. 108]. УПК РФ прямо указывает, что доказательства должны быть относимыми, т. е. способными подтверждать или опровергать обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 88 УПК РФ).

Динамика движения уголовного дела, переходящего от одной процессуальной стадии к другой, сопровождается ростом массива доказательств, а вместе с этим – изменением круга фактических обстоятельств. В результате оценка относимости конкретных данных может трансформироваться. Так, например, заключение судебно-медицинской экспертизы нередко открывает новые сведения о времени смерти потерпевшего, что, в свою очередь, позволяет по-новому взглянуть на доказательства, связанные с алиби обвиняемого. Следовательно, изменяются логические связи между обстоятельствами и вновь появившимися фактами, что прямо отражается на выводах об относимости.

Относимость доказательств всегда определяется кругом следственных версий, которые представляют собой предположения о механизме, характере и обстоятельствах произошедшего события. Как справедливо подчеркивается в научной

литературе, именно версии задают направление расследования и служат основой для логической оценки полученной информации [10. – С. 180].

Правильная оценка относимости 1) обеспечивает объективность расследования; 2) предотвращает ошибки правоприменения; 3) способствует установлению материальной истины [12].

Умение следователя и суда гибко оценивать относимость доказательств в условиях изменяющейся фактической картины является одним из важнейших условий справедливого правосудия.

Чтобы установить относимость сведений, необходимо прежде всего определить, какие факты подлежат доказыванию. Предмет доказывания выступает главным критерием относимости: если сведения могут способствовать установлению обстоятельств, перечисленных в статье 73 УПК РФ, они признаются относимыми. Таким образом, корректная постановка задач расследования и формирование полноценных версий – ключевое условие правильной оценки доказательственной информации [6. – С. 38].

Из этого следует два важнейших вывода. Во-первых, следователь обязан формулировать все реально возможные версии, позволяющие реконструировать картину события. Во-вторых, оценка относимости доказательств не является статичной: появление новых данных, опровержение прежних версий или изменение направления расследования неизбежно ведут к пересмотру выводов о доказательственной пригодности отдельных сведений. Эта гибкость оценки – неотъемлемый элемент доказательственного процесса, обеспечивающий его объективность и полноту [3. – С. 126].

Приведем пример. В деле о поджоге дома были опрошены родственники, сообщившие о давнем конфликте между подозреваемым и потерпевшим. Первоначально данные показания казались несущественными, так как поджог рассматривался как несчастный случай. После проведения экспертизы был установлен факт намеренного применения горючих веществ, вследствие чего произошло изменение относимости, т. к. сведения о конфликте, свидетельствуя о возможном мотиве преступления, приобрели большую значимость¹.

В деле о дорожном происшествии суд первой инстанции признал относимыми данные о скоро-

сти автомобиля, полученные с видеорегистратора. Однако апелляция установила, что на записи с видеорегистратора с функцией ADAS фиксировалась скорость другого транспортного средства, движущегося впереди. В результате доказательство стало неотносимым, в связи с чем подлежащим исключению из оценочной части приговора, а дело было направлено на новое рассмотрение².

Приведенные примеры показывают, что относимость требует не только логической проверки, но и фактической идентификации обстоятельств, служащих доказательствами.

Относимость доказательств – сложная и динамичная категория, основанная на логическом анализе связи между доказательственной информацией и фактическими обстоятельствами уголовного дела. Она зависит от системы следственных версий, характера поступающих данных и корректности реконструкции события.

Понятие допустимости доказательств в уголовном процессе отражает их пригодность и полноценность для использования в доказывании. Эта категория охватывает четыре ключевых параметра:

- легитимность субъекта, осуществившего получение доказательства;
- законность источника сведений;
- соответствие примененного следственного или судебного действия предусмотренному законом способу получения данных;
- соблюдение процессуального порядка производства действия, в ходе которого сформировано доказательство [5. – С. 81].

Отсюда, во-первых, доказательство может считаться юридически значимым только тогда, когда оно получено лицом или государственным органом, обладающим процессуальными полномочиями на проведение конкретного действия. Речь идет о суде, следователе, дознавателе или ином субъекте, прямо уполномоченном законом на осуществление соответствующей деятельности.

Во-вторых, законность источника доказательства предполагает соблюдение требований, предъявляемых к лицам, от которых поступают сведения. Для отдельных категорий обстоятельств законодатель устанавливает обязательный способ получения информации. Так, например, в

¹ Решение № 21-142/2020 от 22 мая 2020 г. по делу № 21-142/2020 Иркутского областного суда (Иркутская область). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QJo5890rQ2gK/>

² Приговор № 1-20/2022 1-278/2021 Шарыповского городского суда (Красноярский край) от 4 февраля 2022 г. по делу № 1-20/2022. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JDrmtiablmdt/>

случаях, связанных с установлением причин смерти или характера вреда здоровью, производство экспертизы является не факультативным, а обязательным (ст. 196 УПК РФ). Следовательно, единственно возможным источником таких данных признается эксперт.

В-третьих, уголовно-процессуальный закон детально регламентирует способы сбора и фиксации доказательственной информации. Существенно не только то, чтобы процессуальное действие было выполнено по правилам, но и то, чтобы оно соответствовало природе необходимых сведений. Подмена одного способа доказывания другим ведет к пороку формы доказательства. Так, проведение допроса вместо опознания не может рассматриваться как корректная замена, даже если допрос выполнен без нарушений. Любое доказательство, полученное вне установленных процедур, утрачивает качество допустимости.

В-четвертых, соблюдение установленного законом порядка производства следственных и судебных действий – важнейший элемент процессуальной формы. На практике именно эта часть требований нарушается чаще всего.

Часть 1 статьи 75 УПК РФ прямо указывает, что доказательства, добытые в нарушение закона, признаются недопустимыми и не могут использоваться ни для обоснования обвинения, ни для установления обстоятельств, перечисленных в статье 73 УПК РФ. Данное положение конкретизирует конституционный запрет использовать доказательства, полученные незаконным путем (ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации; ч. 3 ст. 7 УПК РФ). Закон отдельно отмечает два типичных случая недопустимости:

- отсутствие надлежащего источника сведений (например, показания, основанные на предположениях или данные от лица, не способного указать источник информации);
- нарушение порядка получения доказательства (например, объяснения подозреваемого, данные без участия защитника и не подтвержденные в суде) [11. – С. 72].

Несмотря на общий характер запрещающей нормы, в науке уголовного процесса обсуждается вопрос: действительно ли любое нарушение порядка получения доказательства автоматически делает его недопустимым? Если несоблюдение касается субъекта, источника или способа получения – такие нарушения всегда признаются фатальными. Однако нарушения процедуры оцениваются более гибко.

В научной литературе обоснована возможность признания доказательства допустимым, если допущенное нарушение является восполнимым и несущественным¹. Восполнимость означает, что сведения могут быть получены повторно или подтверждены иными способами, позволяющими устранить сомнения в их достоверности и полноте.

Вместе с тем доказательства, добытые преступным путем или связанные с существенным нарушением прав участников процесса, не могут рассматриваться как допустимые. Бремя устранения сомнений, возникающих в связи с такими материалами, всегда лежит на стороне обвинения.

В случаях, когда доказательство признано допустимым несмотря на нарушения, решение носит исключительный характер и может быть пересмотрено в дальнейшем. Более того, такие нарушения способны повлечь отмену приговора, поэтому доказательства, исключенные из числа допустимых, не удаляются из дела, а подлежат отдельной правовой оценке.

Категория достоверности отражает способность доказательственной информации воспроизводить реальные события и факты, которые имели или имеют место в действительности и не вызывают у органов предварительного расследования, прокурора или суда обоснованных сомнений в их существовании. Иными словами, достоверное доказательство – это такое доказательство, которое соответствует объективной картине происшедшего и может быть проверено доступными уголовно-процессуальными средствами. Как отмечается учеными, проверяемость доказательства – важнейшее условие его оценки как достоверного [7. – С. 72].

В российском уголовно-процессуальном законодательстве данный признак был нормативно закреплен с принятием действующего УПК РФ. В пункте 2 части 2 статьи 75 УПК РФ особо подчеркивается недопустимость использования в доказывании сведений, представляющих собой слухи, догадки, предположения, а также показаний лиц, которые не могут указать источник своей осведомленности. Подобная информация не подтверждает объективную действительность и не подлежит проверке в порядке статьи 87 УПК РФ, вследствие чего не может рассматриваться как достоверная.

¹ Лазарева В. А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе : учеб. пособие. – М. : Юрайт, 2025. – С. 117.

Аналогичные подходы прослеживаются и в других положениях закона: часть 4 статьи 14 УПК РФ предусматривает запрет на постановление обвинительного приговора на основе предположений, часть 4 статьи 302 УПК РФ закрепляет требование бесспорности выводов суда, а пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 № 55 «О судебном приговоре»¹ дополнительно подчеркивает необходимость опоры суда на проверенные и достоверные данные.

Несмотря на многократное упоминание достоверности, законодатель не сформулировал легального определения этого понятия, равно как не предложил процедурного алгоритма ее установления. С учетом предписания пункта 1 статьи 88 УПК РФ, обязывающего суд оценивать каждое доказательство, в том числе и с позиции достоверности, отсутствие нормативной дефиниции можно признать существенным пробелом.

В научной литературе понятие «достоверность доказательств» трактуется по-разному. Одни исследователи связывают достоверность с соответствием действительности, другие – с установленной истинностью сведений и их доказательной силой. Некоторые авторы подчеркивают, что достоверность включает надежность источника и доброкачественность способа получения доказательств².

Установление достоверности требует тщательного исследования всех обстоятельств уголовного дела, анализа следов преступного деяния, сопоставления доказательств между собой, а также проверки каждого доказательства в отдельности. Существенную роль играет механизм отображения следственного события в объективных данных, вследствие чего значение приобретают как внутренние свойства доказательства, так и его соотношение с иными материалами дела.

Практическая сложность заключается в том, что достоверность далеко не всегда может быть установлена формально. Значительное влияние оказывают субъективные факторы: возраст и психологическое состояние потерпевшего, особенности восприятия свидетеля, возможная заинтересованность участников процесса и т. д. В связи с этим проверка доказательств становится цен-

тральным элементом деятельности следователя, прокурора и суда. В процессе проверки выясняется порядок формирования доказательства, его внутреннее содержание, непротиворечивость, источники получения, а также наличие или отсутствие признаков ложности [13. – Р. 1015].

Оценка доказательств как логический мыслительный процесс неизбежно следует за их проверкой. Только будучи проверенными, доказательства могут быть оценены с точки зрения достоверности. При этом особое внимание уделяется качеству источника информации, вероятности искажения восприятия, а также согласованности сведений с другими доказательствами по делу [1. – С. 36]. Если возникающие сомнения в достоверности невозможно устранить, доказательство признается недостоверным.

Достоверность доказательств имеет ключевое значение для принятия процессуальных решений о виновности или невиновности лица [11. – С. 81]. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что обоснованность судебных и процессуальных решений предполагает анализ всей доказательственной базы дела; защита личности от необоснованного обвинения является составной частью назначения уголовного судопроизводства³.

Для предотвращения внедрения в процесс доказания недостоверной информации законодатель установил требования к источникам доказательств и процедурам их получения. Исследование доказательств в их совокупности позволяет установить взаимное подтверждение: «достоверность одного доказательства может укрепляться содержанием другого, если оба отражают одно и то же обстоятельство преступного события»⁴.

Следует учитывать, что проверка и оценка доказательств на достоверность осуществляется исключительно субъектами, перечисленными в статьях 17 и 87 УПК РФ. Иные лица не вправе вмешиваться в данный процессуальный механизм.

Дискуссионным остается вопрос о соотношении категорий допустимости и достоверности. Как

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. – 2016. – № 292.

² Лазарева В. А. – С. 201.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 марта 2004 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона “О национально-культурной автономии в связи с жалобой граждан А. Х. Дитца и О. А. Шумахер”» // Российская газета. – 2004. – № 36.

⁴ Головкин Л. В. Российский уголовный процесс : учебник. – М. : Статут, 2023. – С. 86.

указывают исследователи, их различие заключается в том, что допустимость характеризует законность формы получения доказательства, а достоверность – истинность и непротиворечивость его содержания» [2. – С. 117]. Нарушение процессуальной формы может повлечь признание доказательства недопустимым (ч. 1 ст. 75 УПК РФ), однако такое нарушение само по себе не влияет на его истинность. Недостатки допустимости восполнимы, что подтверждается нормой о возможности переоценки доказательства и признания его допустимым (ч. 7 ст. 235 УПК РФ). В отличие от этого, установление ложности содержания окончательно исключает доказательство из процесса [4. – С. 112]. При этом признание доказательства недопустимым может быть как полным, так и частичным: допускается ситуация, когда часть сведений признается истинной, а часть – нет. Недопустимость же касается всего доказательства в целом.

Таким образом, достоверность – это свойство доказательства, заключающееся в соответствии содержащихся в нем сведений объективной реальности и их согласованности с иными доказательствами уголовного дела. Она устанавливается в ходе проверки и оценки доказательств и является обязательным элементом процесса доказывания. Достоверность исследуется после решения вопроса о допустимости доказательства, а установление ложности содержания ведет к признанию его недопустимым.

Следует подчеркнуть, что современный механизм оценки доказательств остается несовершенным и вызывает споры среди ученых и практиков. Нерешенность ряда вопросов и противоречивость подходов подтверждают необходимость дальнейших исследований в этой области.

Категория достаточности доказательств относится к числу наиболее сложных и во многом субъективных характеристик процесса доказывания. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве она закреплена в рамках общих правил оценки доказательств, сформулированных в статье 88 УПК РФ. Законодатель прямо указывает, что все собранные по делу доказательства в своей совокупности образуют достаточность доказательственной базы. Тем самым подчеркивается, что этот признак не может быть оценен отдельно от других свойств доказательств – относимости, допустимости и достоверности.

Очевидно, что без оценки перечисленных свойств невозможно придать доказательству юридическое значение. Однако ошибочным является

отождествление совокупности допустимых, достоверных и относимых доказательств с их достаточностью. Достаточность формируется вместе с ними, но не сводится к ним. Более того, решение по делу должно быть принято даже в тех ситуациях, когда отдельные доказательства исключены как недопустимые, признаны недостоверными или не имеют отношения к рассматриваемому событию. Следовательно, достаточность выступает итоговой оценочной категорией, возникающей на основании реального массива материалов дела.

Проблемным является вопрос о том, каким образом лицо, принимающее процессуальное решение, должно определять достаточность. Каким должен быть объем установленных сведений? Как количество доказательств соотносится с их качеством? Поскольку УПК РФ опирается на принцип внутреннего убеждения (ст. 17 УПК РФ), то вывод о достаточности неизбежно связан с индивидуальными особенностями мышления субъекта доказывания. Поддерживая позицию Ф. М. Кудина и Р. В. Костенко, можно утверждать, «что количественная сторона доказательств никогда не имеет абсолютного значения: важен, прежде всего, их качественный уровень» [9. – С. 112].

Показательным примером является приговор Фокинского городского суда Приморского края по делу № 1-71/2023, в котором рассматривалась ситуация применения насилия в ходе бытового конфликта между супругами. Суд признал Запорожского Р. Н. виновным в причинении вреда здоровью средней тяжести (п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ) на основании совокупности доказательств: признания подсудимого, показаний потерпевшей, заключения судебного эксперта и протоколов следственных действий¹. Напротив, Беловский районный суд Кемеровской области возвратил прокурору уголовное дело в отношении Ериной Т. Г., указав, что обвинительное заключение составлено с нарушением требований УПК РФ².

Все приведенные доказательства дела № 1-71/2023 были получены с соблюдением процессуального порядка, что обеспечило их допу-

¹ Приговор Фокинского городского суда Приморского края по уголовному делу № 1-71/2023 // Архив судебных актов Приморского края за 2023 г.

² Постановление Беловского районного суда Кемеровской области о возвращении прокурору уголовного дела № 1-31/2020 от 2 сентября 2020 г. по делу № 1-32/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nP57v8oFY3xK/?ysclid=mie8g52dst619361904>

стимость; их содержание соответствовало действительности, а потому суд обоснованно признал их достоверными и заверил вывод об умышленном характере действий. Качественная сторона доказательств позволила суду сформировать убедительную и достаточную доказательственную базу для вынесения обвинительного приговора. В деле же Ериной Т. Г. суд пришел к выводу, что имеющихся в деле доказательств недостаточно для постановления законного процессуального решения. Этот пример демонстрирует, что даже при наличии ряда доказательств их совокупность может оказаться неполной и неубедительной.

Значение достаточности трудно переоценить: ее неправильная оценка приводит к существенным судебным ошибкам, в том числе к постановлению незаконного и необоснованного приговора. Суд, как и стороны, руководствуется внутренним убеждением, однако при возникновении сомнений

он обязан инициировать дополнительные действия, направленные на устранение неясностей.

В связи с этим направленностью оценки доказательств на соответствие критерию достаточности, по верному утверждению исследователей, определяется цель ее реализации – установление достаточных оснований для принятия уголовно-процессуальных решений и выводов по уголовному делу [4. – С. 14]. Таким образом, достаточность представляет собой не только субъективное убеждение лица, принимающего решение, но и необходимый элемент уголовно-процессуального доказывания – без ее формирования невозможно постановление ни одного процессуального акта по делу. Она является итоговым критерием, обобщающим результаты оценки доказательств и определяющим возможность признания обстоятельств установленными.

Список литературы

1. Баяев О. Я. Защита доказательств в уголовном судопроизводстве. – М. : Проспект, 2016.
2. Балакшин В. С. Проверка и оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе. – М. : Юрлитинформ, 2024.
3. Быкадорова Е. В. Установление достоверности доказательства как элемент его проверки и оценки // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 123–128.
4. Гребенникова А. П., Корнакова С. В. Элементы уголовно-процессуального доказывания: содержание, взаимосвязь и самостоятельное значение // Российский следователь. – 2024. – № 10. – С. 11–15.
5. Корнакова С. В. Актуальные проблемы уголовно-процессуального доказывания. – М. : Юрлитинформ, 2025.
6. Корнакова С. В. Достижение достоверного знания в ходе уголовно-процессуального доказывания: логический аспект // Российский судья. – 2025. – № 7. – С. 37–42.
7. Корнакова С. В. К дискуссии о свойствах относимости, допустимости и достоверности уголовно-процессуальных доказательств // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74. – № 9 (178). – С. 67–76.
8. Корнакова С. В. Логика уголовно-процессуального доказывания // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 2 (28). – С. 103–109.
9. Кудин Ф. М., Костенко Р. В. Достаточность доказательств в уголовном процессе. – Краснодар : Кубан. гос. аграр. ун-т, 2000.
10. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. – М. : Норма ; Инфра-М, 2010.
11. Мищенко Е. В., Гребенникова А. П. Проверка и оценка доказательств в уголовном процессе: содержание и соотношение // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – Т. 19. – № 1. – С. 75–83.
12. Чигрина Е. В. К дискуссии об истине в уголовном процессе // Human Progress. – 2024. – Т. 10. – № 9. – URL: https://progress-human.com/images/2024/Tom10_9/Chigrina.pdf
13. Kostenko R. V. Rudin A. Notion and meaning of evidence verification in criminal procedure // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2018. – Vol. 9. – No. 3. – P. 1011–1017.

Депонирование показаний участников уголовного судопроизводства: история, перспективы

В. Н. Яшин

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Тулского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Адрес: Тульский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет
(РПА Минюста России)»,

300026, г. Тула, пр-т Ленина, д. 104.

E-mail: 6021111@inbox.ru

Depositing Testimony of Criminal Procedure Participants: History and Prospects

V. N. Yashin

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law and Procedure
of Tula Institute (branch)

of All-Russian State University of Justice.

Address: Tula Institute (branch) of All-Russian State University of Justice,
Lenin Ave., 104, Tula, 300026, Russian Federation.

E-mail: 6021111@inbox.ru

Поступила 20.12.2025 Принята к печати 10.01.2026

Аннотация

На основе анализа уголовно-процессуального законодательства ряда стран как ближнего, так и дальнего зарубежья рассматриваются особенности и проблемные вопросы депонирования показаний отдельных участников досудебного производства. Автор разделяет позицию ряда ученых относительно распространения сферы деятельности суда на досудебное судопроизводство в формате обеспечения депонирования показаний отдельных участников процесса при наличии обстоятельств, исключающих или делающих затруднительным их участие при разрешении уголовного дела в суде по существу. На основе приведенных в статье аргументов в пользу внедрения положений анализируемого института в отечественный уголовный процесс, обобщения зарубежного опыта, а также имеющих место позиций отечественных теоретиков и практиков автором предлагается ряд конструктивных изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Подчеркивается, что в настоящее время отсутствуют какие-либо существенные препятствия для внедрения анализируемого института в упомянутый кодекс, а потребность в применении его положений на практике неоспорима.

Ключевые слова: судопроизводство, досудебное производство, показания участников процесса, доказательство, депонирование показаний, сохранение доказательств, уголовный процесс, свидетель, потерпевший.

Abstract

Based on the analysis of the criminal procedure legislation of a number of countries, both near and far abroad, the article examines the features and problematic issues of depositing the testimonies of individual participants in pre-trial proceedings. The author shares the position of a number of scholars regarding the extension of the court's jurisdiction to pre-trial proceedings in the format of ensuring the deposition of the testimonies of individual participants in the process, provided that there are circumstances that exclude or make it difficult for them to participate in the resolution of the criminal case in court. Based on the arguments presented in the article in favor of introducing the provisions of the analyzed institution into the domestic criminal process, the generalization of foreign experience, as well as the positions of domestic theorists and practitioners, the author proposes a number of constructive changes and additions to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It is emphasized that there are currently no significant obstacles to introducing the analyzed institution into the

Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and the need for applying its provisions in practice is undeniable.

Keywords: legal proceedings, pre-trial proceedings, testimonies of participants in the proceedings, evidence, deposition of testimonies, preservation of evidence, criminal proceedings, witness, victim.

В уголовно-процессуальном законодательстве многих стран как дальнего (Федеральные правила уголовного судопроизводства США (раздел 15¹), УПК ФРГ (параграфы 135 и 136)²), так и ближнего зарубежья (УПК Республики Казахстан (ст. 217)³, УПК Кыргызской Республики (п. 27 ст. 5)⁴, УПК Эстонии (ст. 69¹)⁵, УПК Республики Молдова (ст. 109, 110¹)⁶, УПК Грузии (ст. 114)⁷ и т. п.) предусмотрена процедура судебного депонирования показаний свидетеля (потерпевшего), данных им в ходе предварительного расследования, в случае невозможности его явки в суд по объективным причинам.

Под депонированием показаний в уголовном судопроизводстве в указанных странах, как правило, понимают допрос соответствующего участника уголовного процесса (далее — внесудебный допрос), проводимый судьей (следственным судьей) на этапе предварительного расследования в случаях, оговоренных в законе.

И хотя цели депонирования в законах вышеуказанных стран четко не сформулированы, они однозначно вытекают из оснований, установленных для внесудебного допроса судьей. В частно-

сти, анализ процедуры применения положений соответствующих уголовно-процессуальных институтов ряда зарубежных стран позволяет констатировать, что цель депонирования показаний тех или иных участников процесса заключается в обеспечении получения и сохранения личных доказательств при наличии объективных причин (оснований), которые могут исключить в последующем возможность допроса соответствующего участника процесса в суде либо повлиять на полноту и достоверность его показаний.

Следует отметить, что данный нормативный прием широко применяется и в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. Хотя в статье 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁸ (далее — УПК РФ) не указаны цели задержания подозреваемого, они однозначно вытекают из анализа оснований применения данной меры процессуального принуждения. Аналогичную ситуацию можно отметить и с определением цели избрания мер пресечения (ст. 97 УПК РФ).

Принципиально важно отметить, что депонирование показаний представляет собой не однократное действие, а совокупность достаточно специфичных правил и действий, требующих законодательного закрепления, и поэтому должно рассматриваться как институт уголовно-процессуального права [7. – С. 196].

Рассматривая наличие анализируемого института в законах отмеченных выше стран в целом как положительный момент, считаем не совсем верным ограничение круга участников, депонирование показаний которых допустимо, лишь свидетелем и потерпевшим. Представляется, что ситуации, порождающие необходимость применения положений анализируемого института, могут возникнуть и в отношении иных участников досудебного производства (обвиняемого, подозреваемого, эксперта, специалиста). Достаточно часто эта ситуация возникает при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с об-

¹ Федеральные правила уголовного судопроизводства США (с изм. от 01.12.2023) // Cornell.edu. – URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/frcmp>

² Уголовно-процессуальный кодекс (с изм. от 30.10.2017) Германии // Int/wipolex. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17666>

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по состоянию на 16.09.2025) // Adilet.zan.kz. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики (с изм. и доп. по состоянию на 01.01.2026) // Zakon.kz. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004&pos=685;-8#pos=685;-8.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии от 12 февраля 2003 г. (ред. от 21.03.2023) // Zinref.ru. – URL: https://www.zinref.ru/000_uchebniki/04600_raznie_6/196_zakoni_Estonii/034.htm

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изм. и доп. по состоянию на 04.10.2025) // Zakon.kz. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729&pos=2369;-46#pos=2369;-46

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. № 1772-Ис (с изм. и доп. по состоянию на 16.10.2025) // Zakon.kz. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37807676&pos=6;-106#pos=6;-106

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2021 г. № 174-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // КонсультантПлюс.

виняемым или подозреваемым (угроза их жизни со стороны соучастников преступления) либо в тех случаях, когда их здоровью был причинен существенный вред при пресечении совершаемого ими преступления или при их задержании (при оказании ими вооруженного сопротивления и т. п.). Не лишено смысла предложение о распространении положений депонирования и при фиксации показаний любых несовершеннолетних участников уголовного процесса [6. – С. 52].

Однако чрезмерное увлечение депонированием, как это предлагают сделать отдельные процессуалисты, также нельзя признать приемлемым, в частности, распространить его на проверочные действия, осуществляемые на стадии возбуждения уголовного дела, на иные следственные действия, а также привлечь к депонированию нотариусов [8. – С. 106-107]. Это приведет как минимум к тому, что участие судьи в процессе доказывания на досудебных стадиях отечественного уголовного процесса превратится из исключения в рутинную, обыденную деятельность, что нивелирует свойственные для депонирования основания и, кроме того, потребует введения института следственных судей, что, в свою очередь, породит финансовые проблемы.

Полагаем, что депонирование целесообразно распространить, при наличии соответствующих оснований, лишь на следственные действия, предусмотренные для получения вербальной информации, но при этом не ограничивая искусственно круг участников, показания которых могут быть депонированы.

Несмотря на отсутствие в действующем отечественном уголовно-процессуальном законодательстве института депонирования, обсуждение перспектив его введения ведется в уголовно-процессуальной науке уже на протяжении ряда лет. При этом однозначной позиции по данному вопросу в научной литературе до настоящего момента не выработано.

Одни процессуалисты рассматривают депонирование показаний как гарантию повышения эффективности процесса доказывания и как средство установления объективной истины по делу, а также как дальнейшее развитие принципа состязательности уголовного процесса [3. – С. 31; 11. – С. 18]. Другие считают, что депонирование ставит интересы отдельных участников процесса выше интересов правосудия, а окончательное выбытие депонента из процесса доказывания в суде может иметь негативные послед-

ствия [4. – С. 43-46]. Третьи полагают, что это может повлечь за собой критическую вероятность злоупотребления этим правом и повсеместные попытки (обоснованные и вероятностные) закрепления доказательств на досудебных этапах расследования данным способом [9. – С. 119].

Тем не менее следует отметить, что данный институт для России не является таким уж новым. В частности, возможность допросить свидетеля до начала судебного процесса была предусмотрена еще в Кратком изображении процессов или судебных тяжб 1715 г.¹ В данном документе содержалось положение, предусмотренное пунктом 10 главы III части 2, согласно которому в тех случаях, когда свидетель не мог прибыть в суд для допроса в силу того, что он «уже в путь, куда собрался, и возвращением своим может уمدлить, или так жестоко заболит, что о возвращении здравия его сумнение иметь можно», был возможен допрос свидетеля еще до начала судебного заседания.

Аналогичная возможность была предусмотрена и пунктом 9 главы III части 2 указанного нормативного акта для отдельной категории граждан, в частности, эта норма адресовалась «знатым особам или шляхетским женам, или немощным, которым в суд предстать не можно».

Некоторые авторы справедливо называют описанные выше положения Краткого изображения процессов или судебных тяжб 1715 г. прототипом современного депонирования показаний [2. – С. 190; 5. – С. 222]. Общее в положениях указанного документа и процедуры депонирования, закрепленной в кодексах государств ближнего зарубежья, где данный институт предусмотрен, прослеживается в схожести оснований депонирования (в общих чертах их можно описать как объективные причины невозможности последующего допроса соответствующего участника в суде), а также в том, что допрос (депонирование) соответствующего участника уголовного процесса в ходе досудебного производства осуществляется судьей (исключение касается лишь лиц, указанных в п. 9 гл. III ч. 2 Краткого изображения процессов или судебных тяжб (знатные особы и немощные), где предусмотрено осуществление их допроса по поручению судьи специальным

¹ История государства и права России (электронная библиотека) // Nnov.hse [сайт] URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/kip>.

должностным лицом суда, ассессором совместно с секретарем суда).

Следует также отметить, что некоторые авторы придерживаются небесспорной позиции, отождествляя с институтом депонирования еще и положения статьи 446 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [9. – С. 118], забывая о том, что, согласно указанной норме, допрос в ходе досудебного производства осуществлялся судебным следователем, а не судьей, что далеко не одно и то же.

В целом поддерживая сторонников возрождения института депонирования в отечественном уголовном процессе, считаем необходимым помнить, что поспешность, равно как и необоснованное заимствование отдельных норм и институтов из чужих правовых систем без соответствующей интеграции досудебных стадий, грозит их неприятием и отторжением в плоскости практической реализации [11. – С. 106]. Негативных примеров последствий такого рода экспериментов с уголовно-процессуальным законом в России имеется в избытке.

В этой связи следует согласиться с позицией авторов, обращающих внимание на то, что судья ни в коем случае не должен подменять органы предварительного расследования, а судебное депонирование показаний не должно преобразовываться в суррогат судебного следствия [5. – С. 195].

С целью недопущения этого перегиба некоторые специалисты предлагают ограничить количество и вид участников процесса, показания которых можно было бы депонировать. В частности, предлагается закрепить в законе конкретное количество депонированных показаний [1. – С. 178], ограничить возможность применения данного института определенной категорией уголовных дел [11. – С. 117] либо предоставить согласование этого вопроса сторонам, а если соглашение не будет достигнуто, то решение о количестве показаний, подлежащих депонированию, должен принять судья [10].

Представляется, что формализованный подход к закреплению в законе допустимого количества депонированных показаний и намерение сделать количество таковых предметом сделки неприемлемы, так как невозможно заранее предвидеть количество участников процесса, в отношении которых могут возникнуть неустрашимые обстоятельства, исключающие их участие в суде.

Для того чтобы судебное депонирование не превратилось в суррогат судебного следствия, депонирование должно иметь статус исключительного случая, реализуемого при наличии строго оговоренных в законе оснований, имеющих закрытый перечень.

При этом в ходе подготовки к судебному заседанию для рассмотрения уголовного дела по существу судья в обязательном порядке должен выяснить, не упряднены ли обстоятельства, явившиеся основаниями депонирования показаний того или иного участника процесса. И если таковое произошло, нужно обеспечить его явку в суд для дачи показаний независимо от того, что в отношении него были применены положения института депонирования.

Апеллируя к ранее приведенным аргументам и отчасти обобщая анализ зарубежного опыта, а также имеющие место позиции отечественных теоретиков и практиков, полагаем возможным предложить для обсуждения внесение следующих изменений и дополнений в УПК РФ.

1. Дополнить статью 5 УПК РФ пунктом 63 в следующей редакции:

«63) судебное депонирование показаний – допрос судьей в ходе досудебного производства одного из участников уголовного судопроизводства, указанного в ч. 3¹ ст. 29 настоящего Кодекса, в связи с невозможностью его последующего участия в судебном разбирательстве, проводимый по ходатайству и в присутствии сторон».

2. Дополнить статью 29 УПК РФ частью 3¹ в следующей редакции:

«3¹. Суд правомочен в ходе досудебного производства осуществить депонирование показаний свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста, подозреваемого и обвиняемого при наличии оснований, предусмотренных ст. 194¹ настоящего Кодекса».

3. Название главы 26 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«Глава 26. Допрос. Очная ставка. Опознание. Проверка показаний. Депонирование показаний».

4. Главу 26 УПК РФ дополнить статьями 194¹ и 194² в следующей редакции:

«Статья 194¹. Основания депонирования показаний.

При наличии достаточных оснований полагать, что более поздний допрос в судебном заседании свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста, подозреваемого и обвиняемого при рассмотрении дела по существу может стать не-

возможным в силу объективных причин, в ходе досудебного производства может быть осуществлено депонирование их показаний путем допроса указанных участников процесса судьей в следующих случаях:

1) лицо находится в беспомощном состоянии или тяжело заболело;

2) это обусловлено интересами обеспечения безопасности участника судебного разбирательства, его близких родственников, родственников или близких лиц;

3) лицу предстоит выезд за границу или оно постоянно проживает на территории другого государства;

4) необходимо исключить воздействие на допрашиваемого одной из сторон процесса с целью исключения дачи ложных показаний;

5) допрос несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до 14 лет в судебном процессе по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности может оказать психотравмирующее воздействие».

«Статья 194². Порядок депонирования показаний.

1. При наличии оснований депонирования показаний следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора вправе вынести постановление о возбуждении перед судьей ходатайства о допросе одного из участников процесса, указанных в ч. 3¹ ст. 29 настоящего Кодекса, по месту производства предварительного расследования.

2. Постановление о возбуждении ходатайства о допросе соответствующего участника процесса подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня в течение 5 суток с момента его поступления в суд.

По результатам рассмотрения ходатайства судья выносит одно из следующих постановлений:

1) о допросе одного из участников процесса, указанных в ч. 3¹ ст. 29 настоящего Кодекса;

2) об отказе в удовлетворении ходатайства.

3. В случае удовлетворения ходатайства не позднее 10 суток судья проводит допрос, о чем извещаются прокурор, следователь (дознаватель) и участники процесса со стороны защиты.

В зависимости от основания депонирования показаний допрос проводится по месту расположения суда или по месту пребывания лица, подлежащего допросу, в порядке, предусмотренном ст. 189–191, 277–281 настоящего Кодекса.

4. Постановление судьи об отказе в удовлетворении ходатайства о депонировании показаний может быть обжаловано в апелляционном порядке.

5. Отказ судьи в удовлетворении ходатайства не препятствует повторному обращению следователя (дознавателя) в случае возникновения дополнительных обстоятельств, указывающих на наличие оснований для направления в суд ходатайства о депонировании показаний».

5. Пункт 4 части 2 статьи 231 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«4) о вызове в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами, за исключением лиц, чьи показания были получены судьей в ходе досудебного производства в порядке, предусмотренном ст. 194² настоящего Кодекса».

Представляется, что предложенные изменения обеспечат в первую очередь реализацию таких принципов уголовного судопроизводства, как состязательность сторон, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, осуществление судопроизводства в разумный срок.

Таким образом, можно констатировать, что судебное депонирование показаний является важным и давно назревшим уголовно-процессуальным институтом, позволяющим на этапе досудебного производства и при наличии предусмотренных законом оснований реализовать процедуру, направленную на сохранение и придание легитимности в суде показаний отдельных участников уголовного процесса, что позволит повысить коэффициент полезного действия досудебного производства и отчасти разгрузит этап судебного разбирательства.

Дальнейшее развитие института депонирования показаний требует комплексного подхода, включающего в себя совершенствование законодательства, повышение профессиональной подготовки специалистов, налаживание взаимодействия между органами предварительного расследования и судов и обеспечение доступности данной процедуры для всех заинтересованных лиц.

Список литературы

1. *Ахпанов А. Н.* Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – № 4 (45). – С. 173–179.
2. *Гамбарян А. С.* Судебное депонирование показаний: старый процессуальный институт под новым названием // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 2. – С. 184–198.
3. *Гамбарян А. С., Симонян С. А.* Судебное депонирование показаний в современном уголовном процессе : монография / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. С. С. Аветисяна. – М.: Юрлитинформ, 2016.
4. *Кенжетеев Ч. Д.* Особенности депонирования показаний в уголовном процессе Республики Казахстан // Уголовное право и уголовный процесс. – 2016. – № 2 (43). – С. 43–46.
5. *Молчанов В. В.* Свидетели и свидетельские показания в гражданском судопроизводстве. – М. : Городец, 2010.
6. *Николюк В. В., Судницын А. Б.* Внесудебное депонирование показаний несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) как одно из процессуальных средств охраны его психического и физического здоровья (часть первая) // Общество и право. – 2021. – № 4 (78). – С. 50–58.
7. *Попов А. А.* Проблемы регламентации досудебного депонирования показаний в уголовном процессе (компаративистский подход) // Проблемы в российском законодательстве. – 2014. – № 6. – С. 196–200.
8. *Сильнов М. А.* О депонировании доказательств как о способе обеспечения уголовно-процессуального доказывания // Проблемы правовой и технической защиты информации. – 2023. – № 11. – С. 103–108.
9. *Терехов А. Ю., Латыпов В. С.* Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 12. – № 1. – С. 115–121.
10. *Хан А. Л., Тяжина А. Ж.* О некоторых проблемах депонирования показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Республики Казахстан // Параграф. – URL: https://prg.kz/Document/?doc_id=33504069 (дата обращения: 20.12.2025).
11. *Шестакова С. Д., Иманалиева У. Э.* Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Кыргызской Республики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 176–182.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-73-78>

Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации

И. В. Макеева

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет».
Адрес: ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»,
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 78.
E-mail: makeevainna2011@yandex.ru

Д. П. Канатов

магистрант кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Академии труда и социальных отношений.
Адрес: ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»,
119454, Москва, ул. Лобачевского, 90.
E-mail: dimakanatov@gmail.com

The Use of Artificial Intelligence in Criminal Proceedings in the Russian Federation

I. V. Makeeva

PhD in Law, Associate professor,
Associate professor of the Department of Public Law Disciplines of RTU MIREA.
Address: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«MIREA – Russian Technological University»,
78 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.
E-mail: makeevainna2011@yandex.ru

D. P. Kanatov

Master's Student of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics
of the Academy of Labour and Social Relations.
Address: Academy of Labour and Social Relations,
90 Lobachevskogo Street, Moscow, 119454, Russian Federation.
E-mail: dimakanatov@gmail.com

Поступила 10.01.2026 Принята к печати 25.01.2026

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу теоретических, нормативных и этико-правовых аспектов использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Обосновывается, что при объективной потребности в цифровой трансформации правосудия и правоохранительной деятельности внедрение ИИ происходит в условиях фрагментарного и неполного правового регулирования, что порождает риски для реализации конституционных гарантий и принципов уголовного процесса. На основе анализа национальной стратегии развития ИИ, специального экспериментального регулирования, зарубежного опыта (США, КНР, государства Европы) и отечественной правоприменительной практики выделяются ключевые проблемные поля: неопределенный статус электронных доказательств, алгоритмическая предвзятость, непрозрачность алгоритмов, угрозы презумпции невиновности и справедливому судебному разбирательству. Формулируются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и подзаконного регулирования с учетом принципа вспомогательной роли ИИ в принятии процессуальных решений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовное судопроизводство, цифровизация правосудия, электронные доказательства, предиктивная аналитика, алгоритмическая предвзятость.

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of the theoretical, regulatory and ethical aspects of the use of artificial intelligence (AI) technologies in criminal proceedings in the Russian Federation. It is proved that, given the objective need for digital transformation of justice and law enforcement, the introduction of AI takes place in conditions of fragmented and incomplete legal regulation, which creates risks for the implementation of constitutional guarantees and principles of the criminal process. Based on the analysis of the national AI development strategy, special experimental regulation, foreign experience (USA, China, European countries) and domestic law enforcement practice, key problem areas are identified: the uncertain status of electronic evidence, algorithmic bias, lack of transparency of algorithms, threats to the presumption of innocence and fair trial. Proposals are formulated to improve criminal procedure legislation and bylaws, taking into account the principle of the auxiliary role of AI in making procedural decisions.

Keywords: artificial intelligence, criminal justice, digitalization of justice, electronic evidence, predictive analytics, algorithmic bias.

Цифровая трансформация затронула все стороны уголовного судопроизводства – от стадии возбуждения дела до исполнения приговора, однако базовая модель доказывания и процессуальных гарантий формировалась в условиях «аналоговой» правовой реальности. Существенное увеличение объема дел и усложнение доказательственного материала объективно стимулируют поиск технологических решений, включая использование искусственного интеллекта (далее – ИИ) для обработки больших массивов данных, распознавания образов и автоматизации рутинных операций. Вместе с тем отсутствие прямых норм об ИИ в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), неопределенность статуса электронных доказательств и отсутствие единых стандартов допустимости результатов алгоритмического анализа создают противоречие между фактическим использованием цифровых инструментов и их «невидимым» правовым положением в структуре уголовного процесса.

В отечественной доктрине подчеркивается, что цифровизация уголовного процесса носит преимущественно инфраструктурный характер (электронный документооборот, дистанционные технологии), тогда как внедрение ИИ в собственно доказательственную деятельность пока не сопровождается системным законодательным обновлением [8]. Исследователи указывают, что фрагментарные нормы УПК РФ о цифровой информации (например, о порядке изъятия электронных носителей) не образуют целостного режима электронных и алгоритмически обработанных доказательств, что затрудняет их оценку и оспаривание [4]. На этом фоне зарубежные документы *soft law* (Европейская этическая хартия СЕРЕJ 2018 г.) и национальные стратегии в сфере ИИ задают общие ценностные ориентиры – такие как соблюде-

ние прав человека, недискриминация, прозрачность и контроль пользователя, – но сами по себе не подменяют процессуальное регулирование.

Исходной точкой анализа использования ИИ в уголовном судопроизводстве должна стать фиксация разрыва между темпами технологических изменений и скоростью адаптации уголовно-процессуального законодательства. Пока ИИ-системы остаются вне прямого поля УПК РФ, любые результаты их применения будут восприниматься как вспомогательная информация, в лучшем случае как «подсказка» для человека, а в худшем – неконтролируемое влияние на его видение ситуации. В этой связи центральной задачей представляется не только введение дефиниций и отдельных норм, но и переосмысление самой структуры доказывания с учетом появления алгоритмически сгенерированных выводов.

Зарубежный опыт демонстрирует широкий потенциал ИИ для оптимизации уголовной юстиции (оценка рисков, предиктивное полицирование, автоматизация анализа дел) [5]. Использование алгоритмов для прогнозирования рецидива, распределения ресурсов полиции или подготовки судебных решений неизбежно ставит вопросы о дискриминации, прозрачности и распределении ответственности за ошибки ИИ. Для России этот опыт представляет особую ценность именно как поле «предупреждающих уроков», поскольку позволяет увидеть последствия внедрения ИИ до появления аналогичных практик в отечественной системе.

В США система COMPAS, применяемая для оценки риска рецидива, стала символом алгоритмической предвзятости. Исследования выявили различия в оценках риска в отношении афроамериканцев и иных групп, при том что точность прогнозов оказалась сопоставимой, а порой и ниже

человеческих оценок. Судебная практика (в частности, позиция Верховного суда штата Висконсин) подчеркивает, что алгоритмические оценки могут использоваться лишь как вспомогательный инструмент, не подменяющий судебное решение. Системы предиктивного полицирования (PredPol и др.), основанные на анализе исторических данных о преступлениях, оказались под критикой за воспроизведение существующих паттернов социального и территориального неравенства, что показывает пределы статистического подхода к прогнозированию преступности [9].

Китайский опыт демонстрирует наиболее масштабную интеграцию ИИ в судебную деятельность, включающую систему «Умный суд», интернет-суды, виртуальных ИИ-судей и алгоритмы, рекомендуемые нормы и судебные решения, которые применяются в массовом порядке. Однако обязанность судьи мотивировать отказ от рекомендаций ИИ и участие частных технологических компаний в разработке систем вызвали обоснованные опасения относительно фактического смещения центра принятия решений от судейского корпуса к разработчикам алгоритмов и административным структурам [3].

Европейская этическая хартия CEPEJ 2018 г. стала первым комплексным документом, сформулировавшим пять базовых принципов использования ИИ в правосудии: соблюдение основных прав, недискриминация, качество и безопасность, прозрачность и контроль пользователем. Особое значение для уголовных дел имеет осторожное отношение CEPEJ к алгоритмам, характеризующим личность, и критика чисто статистического подхода, который не способен заменить индивидуализированную оценку обстоятельств дела [1].

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что без опережающего нормативного и этического каркаса использование ИИ в уголовной юстиции неизбежно приводит к конфликту с базовыми гарантиями справедливого судебного разбирательства. Для российской правовой системы он ценен не столько возможностью прямого заимствования конкретных решений (моделей COMPAS, PredPol или китайских «умных судов»), сколько как источник негативных и позитивных прецедентов, требующих тщательной доктринальной переработки. На наш взгляд, наиболее целесообразно выстраивать отечественную модель с ориентацией на европейский подход, при котором ИИ рассматривается как вспомогательный сервис под жестким контролем человека, а не как «второй судья», чье

мнение практически непреодолимо в силу технической сложности и закрытости алгоритма.

Несмотря на отсутствие специальных норм в УПК РФ, ИИ уже используется как в суде, так и в правоохранительных органах – прежде всего для автоматизации технических операций, включая протоколирование, обработку текстов, поиск и систематизацию правовых норм и судебной практики. Параллельно развиваются проекты, направленные на применение ИИ для выявления серийности преступлений, анализа оперативной информации и биометрической идентификации лиц. Таким образом, формируется ситуация, когда технологии ИИ фактически включены в практику уголовного судопроизводства, но их применение не сопровождается единым регуляторным стандартом, что осложняет оценку их влияния на доказательственную деятельность и процессуальные гарантии.

По мнению ученых, значительная часть российских судов уже использует системы распознавания речи для составления протоколов судебных заседаний, а также ИИ-инструменты для анализа документов и поиска нормативно-правовых актов [1]. В ряде регионов применяются специализированные программы, позволяющие выделять ключевые факты, формировать проекты решений и автоматизировать заполнение шаблонных документов. В правоохранительных органах реализуются проекты по созданию систем анализа массивов данных для выявления взаимосвязанных преступлений, формированию фотороботов по биометрическим параметрам и построению предиктивных моделей на основе информации из систем видеонаблюдения и биометрических учетов [6]. В выступлениях представителей судебной власти подчеркивается, что ИИ рассматривается как инструмент снижения нагрузки и минимизации ошибок, при этом специально акцентируется невозможность замещения им судьи как носителя полномочий по принятию судебных актов.

Практика показывает, что наиболее безопасным и продуктивным направлением внедрения ИИ в уголовном судопроизводстве сегодня остается технологическая сторона процесса – автоматизация протоколирования, поиск информации, аналитическая поддержка, а не принятие юридически значимых решений. При этом уже на данных этапах необходимо предусмотреть такие процессуальные механизмы, как фиксация использования ИИ в протоколах, определение роли специалиста и установление стандартов проверки корректности

работы алгоритмов, чтобы не допустить превращения ИИ в «невидимого участника» процесса. Более рискованные сферы, такие как предиктивное полицирование, биометрическая идентификация и автоматизированная оценка доказательств, требуют предварительного нормативного урегулирования, иначе велика вероятность того, что технологическая целесообразность будет подменять собой процессуальную допустимость.

Внедрение ИИ в уголовное судопроизводство обостряет целый ряд классических для уголовного процесса проблем. Среди них, безусловно, вопросы соблюдения принципа равенства перед законом и судом, презумпции невиновности, мотивированности решений, права на защиту и требования справедливого судебного разбирательства. Алгоритмическая предвзятость, обусловленная качеством исходных данных и архитектурой моделей, способна воспроизводить и усиливать социальные стереотипы и прошлые ошибки правоприменения. Закрытость и техническая сложность алгоритмов, работающих по принципу «черного ящика», вступают в противоречие с требованием мотивированности процессуальных решений и возможностью их эффективного обжалования.

Опыт использования системы COMPAS в США продемонстрировал, что алгоритмы оценки риска рецидива могут формировать системно более высокие оценки риска для отдельных расовых групп, несмотря на сопоставимую или более низкую точность прогнозов по сравнению с человеческими оценками [8]. В научной литературе выделяются различные источники предвзятости, среди которых можно упомянуть искаженность исходной статистики, особенности внутренних настроек модели и ограниченность контекста, когда алгоритм не учитывает индивидуальные обстоятельства дела, не отраженные в массивах данных. Отмечается, что использование риск-оценочных алгоритмов может вступать в конфликт с принципом презумпции невиновности, поскольку переносит оценку личности с плоскости установленных фактов в сферу статистических предположений.

В отечественной доктрине обращается внимание на противоречие между непрозрачностью алгоритмов и требованием статьи 7 УПК РФ о законности, обоснованности и мотивированности процессуальных решений, а также на необходимость фиксировать факт и условия использования ИИ в протоколах следственных действий, определять роль специалиста и устанавливать стандарты верификации и воспроизводимости алгоритмов как

условия допустимости цифровых доказательств. Отдельный блок обсуждения связан с проблемой распределения ответственности за ошибочные решения, принятые с участием ИИ. Действующее законодательство исходит из персональной ответственности судьи и не допускает «растворения» ее в технической системе. Европейская этическая хартия CEPEJ подчеркивает необходимость прозрачности методов обработки данных и допуска внешнего аудита, чтобы стороны могли оспаривать результаты алгоритмического анализа.

Следует признать, что ключевой этико-правовой вызов состоит в недопустимости превращения ИИ в «неоспоримую инстанцию», формирующую де факто предрешающие выводы, которые сторона защиты не в состоянии проверить и опровергнуть в процессуальной форме. Для минимизации алгоритмической предвзятости и защиты презумпции невиновности необходимо закрепить на уровне закона как минимум три группы гарантий: прозрачность (обязанность раскрывать информацию о принципах работы и источниках данных ИИ), воспроизводимость (возможность проверки и повторения алгоритмического вывода независимыми специалистами) и оспоримость (процессуальные механизмы предъявления возражений против использования конкретных ИИ-результатов в качестве доказательств). Без этих условий интеграция ИИ в уголовный процесс будет означать не усиление объективности и рационализации правосудия, а смещение центра тяжести с открытой судебной процедуры на закрытые технические решения, неподконтрольные традиционным средствам процессуального контроля.

Существующая модель УПК РФ не предусматривает специальных норм о технологиях ИИ и электронных доказательствах, что вынуждает правоприменителя внедрять новые инструменты, наслаивая их на старые конструкции, что создает неоднозначную практику и правовую неопределенность. В этих условиях возрастает риск либо полного игнорирования возможностей ИИ (соответственно, утраты доказательственного потенциала цифровых технологий), либо, напротив, их фактического использования без должных процессуальных ограничений и гарантий.

В научных работах и экспертных заключениях предлагается целый комплекс мер по модернизации УПК РФ, включающий введение в статью 5 легальной дефиниции технологий ИИ для целей уголовного судопроизводства, дополнение статьи 74 УПК РФ частью 2 об электронных (цифровых) до-

казательствах, а также закрепление специальной нормы о порядке использования ИИ при производстве следственных действий. Отмечается необходимость законодательно закрепить обязанность отражать в протоколах факт и условия использования ИИ, предусмотреть обязательное участие специалиста при применении таких технологий, установить стандарты верификации и воспроизводимости алгоритмов, а также процессуальное право участников дела на ознакомление с методологией работы системы. Одним из ключевых предложений является установление в законе прямого запрета на принятие процессуальных решений исключительно на основе вывода ИИ без участия человека.

Представляется целесообразным при поддержке основных доктринальных предложений дополнительно выделить несколько направлений развития законодательства.

Во-первых, помимо включения определения ИИ и электронных доказательств в УПК РФ, требуется разработка отдельного подзаконного акта (или комплекса актов), устанавливающего техническо-процессуальные стандарты для ИИ-систем, допускаемых к использованию в уголовном судопроизводстве. Такие стандарты должны включать требования к системам ИИ, обязательную сертификацию и регулярный аудит на предмет алгоритмической предвзятости, а также механизмы реагирования на выявленные нарушения (приостановление использования системы, пересмотр решений, принятых с ее участием).

Во-вторых, необходимо нормативно закрепить процессуальный статус специалиста по ИИ как участника процессуальных действий, обладающего компетенцией не только по обслуживанию технических систем, но и по разъяснению суду и сторонам характера и ограничений конкретного алгоритма. Такой подход позволит превратить техническую экспертизу алгоритма в полноценный элемент судебного контроля, сопоставимый по значимости с традиционной экспертной деятельностью.

В-третьих, целесообразно развивать концепцию «алгоритмической отчетности» в уголовном процессе, в соответствии с которой для каждой ИИ-системы, чьи результаты используются в доказывании, должен формироваться документированный «след решения», позволяющий восстановить использованные данные, задействованные параметры модели и механизм формирования итогового вывода. Это создаст предпосылки для эффективного судебного и научного контроля, а также для последующей оценки допустимости и относимости соответствующих результатов.

Технологии искусственного интеллекта обладают значительным потенциалом для повышения эффективности российского уголовного судопроизводства, прежде всего в части обработки больших массивов данных, автоматизации рутинных операций и аналитической поддержки правоприменителя. Однако их внедрение без должной нормативной и этико-правовой «рамки» несет риск подрыва фундаментальных принципов уголовного процесса – презумпции невиновности, равенства сторон, непосредственности и состязательности. Опыт зарубежных государств показывает, что ИИ в уголовной юстиции должен оставаться строго вспомогательным инструментом, а не параллельным субъектом принятия решений; именно человек несет ответственность за оценку доказательств и итоговый судебный акт.

Для российской правовой системы приоритетным представляется формирование комплексной нормативной архитектуры, в которой ИИ интегрируется в уголовный процесс на условиях прозрачности, верифицируемости и подчиненности конституционным гарантиям и международным стандартам в области прав человека. Только в этом случае цифровизация и использование ИИ перестанут восприниматься как угроза процессуальным правам, превратившись в инструмент укрепления качества и справедливости правосудия.

Список литературы

1. *Антинуцци М.* Этическая хартия ЕС по использованию технологий искусственного интеллекта в судебной системе и законодательство, регулирующее блокчейн, как «троянский конь» борьбы с контрафакцией в глобальной перспективе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2020. – № 2 (66). – С. 36–42.
2. *Гордеев А. Ю.* Перспективы развития и использования искусственного интеллекта и нейросетей для противодействия преступности в России (на основе зарубежного опыта) // Научный портал МВД России. – 2021. – № 1 (53). – С. 123–135.

3. Грановская О. Л., Зверев Д. Р. Цифровизация уголовного судопроизводства и арбитража Китая: проблемы и принципы // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2024. – № 3. – С. 198–206.
4. Зуев С. В., Черкасов В. С. Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации (статья 1641 УПК РФ): преимущества и недостатки новеллы // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – Т. 16. – № 2. – С. 193–197.
5. Калужина М. А. Цифровизация постпенитенциарной probation в зарубежных странах // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2025. – № 11. – С. 31–37.
6. Клевцова О. Ю., Игнатьев С. А., Плотников В. А. Совершенствование государственного управления на основе использования технологии интеллектуального анализа данных // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2025. – № 2 (152). – С. 50–58.
7. Коданева С. И. Разработки в области искусственного интеллекта как основа трансформации механизмов управления: ожидания и риски // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2019. – № 14-2. – С. 540–541.
8. Мальгин К. В. Правовые и инфраструктурные проблемы цифровизации уголовного судопроизводства // Пермский юридический альманах. – 2023. – № 6. – С. 501–511.
9. Пальшева Е. С. Пределы допустимости участия искусственного интеллекта в постановлении приговора // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2023. – Т. 16. – № 5. – С. 386–391.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-79-87>

Доказательственная атрибуция при расследовании преступлений: проблемы криминалистической науки и правоприменительной практики, пути их решения

В. В. Пушкарёв

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры противодействия преступлениям
в сфере информационно-телекоммуникационных технологий
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя.
Адрес: ФГКОУ ВО «Московский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»,
117437, Москва, Академика Волгина ул., д. 12.
E-mail: vvp77@rambler.ru

С. В. Расторопов,

доктор юридических наук, профессор,
руководитель департамента уголовного права, процесса и криминалистики
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
Адрес: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20.
E-mail: rastoropov_sv@mail.org

О. В. Расторопова,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации.
Адрес: ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
117638, Москва, Азовская ул., д. 2 корп. 1.
E-mail: niigp@msk.rsnet.ru

Evidentiary Attribution in the Investigation of Crimes: Problems of Criminalistic Science and Law Enforcement Practice, Ways to Solve Them

V. V. Pushkarev

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Combating Crimes
in the Field of Information and Telecommunication Technologies
of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.
Address: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot',
12 Academic Volgin Str., Moscow, 117437, Russian Federation.
E-mail: vvp77@rambler.ru

S. V. Rastoropov,

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Criminal Law, Process and Criminology
of the HSE University.
Address: National Research University – Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: rastoropov_sv@mail.org

O. V. Rastoropova

PhD in Law, Leading Researcher of the Research Institute
of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Address: University of Prosecutor's Office of the Russian Federation,
2 bldg. 1, Azovskaya Str., Moscow, 117638, Russian Federation.
E-mail: niigp@msk.rsnet.ru

Поступила 12.12.2025 Принята к печати 25.12.2025

Аннотация

Статья посвящена критическому исследованию и систематизации криминалистических задач, возникающих при разработке и имплементации механизмов цифровой атрибуции, специально ориентированных на требования и ограничения сферы судопроизводства и криминалистики. В этой сфере, в отличие от адаптации инструментов, изначально разработанных для смежных областей, подход авторов основывается на необходимости создания систем атрибуции, которые удовлетворяют строгим нормативным стандартам, применимым в процедурах доказывания. В статье изучается текущее состояние правоприменительной практики в ведущих юрисдикциях мира для выявления разрывов между техническими возможностями атрибуции субъектов и правовыми требованиями, предъявляемыми к процессу доказывания. Цель данного исследования – провести всесторонний анализ существующих проблем и разработать аналитические рекомендации для их разрешения путем создания механизмов доказательственной атрибуции, изначально спроектированных с учетом жестких нормативных требований процесса доказывания в уголовном судопроизводстве, а также криминалистических рекомендаций, а не последующей их адаптации. Мы рассматриваем эту цель как междисциплинарную проблему, требующую глубоких знаний в области информатики, теории доказательств и сравнительного правоведения и их интеграции. В соответствии с этим исследуются ключевые проблемы, связанные с обеспечением прослеживаемости, воспроизводимости, целостности и, что наиболее важно, допустимости электронных данных в качестве доказательств. Результаты исследования предлагают концептуальную основу для разработки нормативно-технических стандартов, способствующих повышению надежности и юридической устойчивости процессов доказательственной атрибуции в судопроизводстве для повышения эффективности расследования преступлений в информационно-телекоммуникационной сфере.

Ключевые слова: криминалистика, атрибуция, допустимость, целостность данных, воспроизводимость, электронные данные, доказательства, доказывание, предварительное расследование.

Abstract

The article is devoted to a critical study and systematization of criminalistic tasks that arise during the development and implementation of digital attribution mechanisms specifically focused on the requirements and limitations of the field of legal proceedings and criminology. Unlike the adaptation of tools originally developed for related fields, the authors' approach is based on the need to create attribution systems that meet the strict regulatory standards applicable in evidentiary procedures. The article examines the current state of law enforcement practice in the world's leading jurisdictions in order to identify gaps between the technical capabilities of attribution of subjects and the legal requirements for the evidentiary process. The purpose of this study is to conduct a comprehensive analysis of existing problems and develop analytical recommendations for their resolution by creating evidence-based attribution mechanisms, initially designed taking into account the strict regulatory requirements of the criminal prosecution process, as well as criminalistic recommendations, rather than their subsequent adaptation. We view this goal as an interdisciplinary problem requiring the integration of deep knowledge in computer science, evidence theory, and comparative law. According to it, the key issues related to ensuring the traceability, reproducibility, integrity and, most importantly, the admissibility of electronic data as evidence are being investigated. The results of the study provide a conceptual framework for the development of regulatory and technical standards that enhance the reliability and legal stability of evidentiary attribution processes in court proceedings to improve the effectiveness of investigating crimes in the information and telecommunications sector.

Keywords: criminology, attribution, admissibility, data integrity, reproducibility, electronic data, evidence, proof, preliminary investigation.

Ведение. Развитие цифровых технологий привело к серьезному росту объемов данных, генерируемых при подготовке, совершении и сокрытии преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, что требует применения обоснованных методов криминали-

стического исследования. Основной задачей в таких условиях является доказательственная атрибуция – процесс установления связи между цифровым артефактом (например, вредоносным кодом, сетевым трафиком, действием пользователя) и конкретным субъектом (лицом, группой,

государственным актором). Однако эта часть проблемы является наименее разработанной в криминалистической науке: ее ярко выраженный синергетический характер обуславливает положение, при котором механизмы атрибуции часто являются результатом модификации инструментов и методик, созданных для других целей, но аналитические методы, заимствованные из области анализа угроз или поведенческой аналитики пользователей, объективно несут в себе фундаментальные ограничения для использования в процессе доказывания по уголовному делу. Эти ограничения касаются прежде всего юридической обоснованности и криминалистической строгости методов. В частности, многие проприетарные алгоритмы атрибуции не позволяют независимо проверить логику вывода, что прямо противоречит принципу состязательности уголовного судопроизводства и возможности проверки доказательств стороной защиты.

Методология исследования и результаты ее применения. Исследование базируется на комплексной методологии, сочетающей сравнительно-правовое исследование, анализ технических стандартов и криминалистическое изучение существующей практики.

Авторы использовали методы криминалистического и технического аудита для исследования актуальных технических фреймворков¹ [11] с точки зрения их применимости к сложным задачам атрибуции (например, атрибуция АРТ-групп). Была оценена применимость концепций прослеживаемости и целостности к процессам, используемым для сбора и анализа данных, служащих основой для доказательственной атрибуции (табл. 1).

¹ ISO/IEC 27041:2015. Information technology – Security techniques – Guidance on assuring suitability and adequacy of incident investigative methods. – Geneva : International Organization for Standardization, 2015. – URL: <https://www.iso.org/standard/44405.html>; ISO/IEC 27042:2015. Information technology – Security techniques – Guidelines for the analysis and interpretation of digital evidence. – Geneva : International Organization for Standardization, 2015. – URL: <https://www.iso.org/standard/44406.html>; ISO/IEC 27043:2015. Information technology – Security techniques – Incident investigation principles and processes. – Geneva : International Organization for Standardization, 2015. – URL: <https://www.iso.org/standard/44407.html>; Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Руководства по идентификации, сбору, получению и хранению свидетельств, представленных в цифровой форме: ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037–2014 (введен в действие 01.11.2015). — М. : Стандартинформ, 2015.

Таблица 1

Основные отличия криминалистических положений о доказательственной атрибуции от существующих стандартов

Критерий	ISO 27041 / 27043	NIST SP 800-86	Положения настоящего исследования
<i>Юридический порог ошибки / рода</i>	Не регламентирован	Не регламентирован	Обязательное статистическое обоснование ($\leq 1\%$)
<i>Криптографическая цепочка трансформации</i>	Рекомендуется	Опционально	Обязательна на каждом шаге агрегации данных
<i>Доступ защиты к алгоритму</i>	Не требуется	Не требуется	Верификационный протокол + процедура видеофиксации исследования

Разработанные нами положения не являются более строгой версией существующих стандартов и не сводятся к уже известным фреймворкам. Так, ISO/IEC 27037 не требует юридически заданного уровня ошибок и не обязывает открывать алгоритм защите, а ISO/IEC 27041-27043 уже включает методы валидации и измерения частоты ошибок. Поэтому наша теория дополняет первый стандарт правовым требованием, а второй – жестким статистическим порогом ($\leq 1\%$ FPR) и процедурой видеофиксации исследования, превращая научную валидацию в допустимое доказательство.

Также применение описанной методологии выявило общую проблему исследования, связанную с отсутствием стандартизированных, открытых, юридически валидированных методик для сложной доказательственной атрибуции субъекта преступления. Результаты сравнительно-правового исследования (табл. 2) свидетельствуют о том, что если метод атрибуции основан на проприетарном алгоритме, то в большинстве юрисдикций его допустимость ставится под сомнение, так как сторона защиты не может провести независимую экспертизу для опровержения методологии.

Таким образом, проблемы разработки юридически значимых механизмов атрибуции лежат не столько в сфере возможности технической идентификации, сколько в различных стандартах доказывания этой идентификации в условиях правового поля, процессуальной регламентации процедур доказывания и режиме секретности.

Таблица 2

Анализ правовых аспектов атрибуции кибератак

Критерий	США [7; 14; 18]	Страны ЕС [5; 6; 12; 16]	КНР [1; 3; 4; 13]	Россия [2; 17; 19; 22; 23; 24; 25]
1	2	3	4	5
<i>Правовая основа</i>	Нет единого «закона об атрибуции»; используются уголовное право (в т. ч. 18 U.S.C. §1030), санкционное законодательство, руководства по кибербезопасности и решения исполнительной власти	Директива NIS2 + GDPR + национальные законы о киберпреступлениях и защите информации; атрибуция опирается на общеевропейскую рамку киберустойчивости и координации	Комплекс законов, ориентированных на нацбезопасность: Cybersecurity Law, Data Security Law, PIPL, подзаконные акты САС	Нет единого комплексного закона о кибербезопасности; основа – 149-ФЗ «Об информации...», 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры», 152-ФЗ «О персональных данных», УПК РФ и доктринальные документы по информационной безопасности
<i>Характер атрибуции</i>	Преимущественно политическое решение исполнительной власти, опирающееся на разведданные и теханалитику; суды работают в основном с отдельными хакерами, а не с государствами	Более формализованный, процедурный подход в рамках NIS2 и общей политики ЕС, но окончательные выводы о том, «кто виноват», остаются политико-дипломатическими	Централизованная административно-политическая атрибуция органами нацбезопасности и САС, суды играют вторичную роль	Суды почти не используются для международной атрибуции
<i>Техническая база атрибуции</i>	Трассировка IP, анализ вредоноса, инфраструктуры, TTP и метаданных; активное использование SIGINT/HUMINT для повышения уверенности	Анализ сетевого трафика, журналов, IoT и инфраструктуры, встроенный в процессы NIS2 (аудиты, отчетность, обмен информацией)	Анализ трафика и вредоноса под контролем силовых структур, обязательное участие САС и органов госбезопасности	Анализ журналов, метаданных и цифровых следов с опорой на компьютерно-техническую экспертизу и требования УПК РФ к доказательствам
<i>Стандарты доказывания</i>	Уголовный процесс: «вне разумного сомнения»; гражданский процесс: «перевес доказательств»; электронные данные должны быть аутентифицированы по FRE 901–902 и сопровождаться цепочкой хранения.	В национальных судах: высокий стандарт доказанности в уголовных делах; для регуляторных мер по NIS2/GDPR – достаточность и обоснованность для санкций к операторам	Формально применяется китайское доказательственное право, но по уголовным делам о преступлениях в сфере ИТТ, связанных с нацбезопасностью, значительную роль играет дискреция госорганов, а не открытая состязательная проверка	В уголовном процессе оценивается совокупность доказательств; для «цифровых» следов предусмотрены специальные требования к получению, оформлению и экспертизе

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5
<i>Режим использования доказательств (ответные меры / суд)</i>	Для санкций и ответных мер довольно того, что исполнительная власть «признает» базу достаточной; разведанные часто не попадают в суд. Для уголовных дел действует строгий режим допустимости электронных доказательств	Обязательные сообщения об инцидентах и аудит формируют большой пул технических данных; часть идет в регуляторные и координационные решения, лишь часть – в уголовные дела	Доказательства собирают органы национальной безопасности; то, что показывается вовне (включая международные обвинения) – тщательно отобранный минимум; основной массив остается засекреченным	ФСБ и иные силовые ведомства координируют сбор и анализ; для судов передается ограниченный объем, ориентированный на внутренние уголовные дела, а не международную атрибуцию
<i>Бремя доказывания</i>	В суде – на обвинении и истце; для внешнеполитической атрибуции формально не закреплено, фактически – на исполнительной власти, которая обосновывает свои заявления	В судах – классическое бремя на органе обвинения; при коллективной атрибуции ЕС – на государствах и институтах, формирующих совместные заявления	В административных и политических решениях бремя фактически несут госорганы и партии; для компаний по CSL/PIPL часто действует «перегруженное» бремя демонстрации комплаенса	В уголовном процессе – на стороне обвинения; в политической атрибуции формальных правил нет
<i>Международное признание атрибуции</i>	Односторонние заявления часто воспринимаются как политически нагруженные; без раскрытия доказательств другие государства могут их не признавать или признавать выборочно	ЕС пытается выстраивать «коллективную» атрибуцию и единые требования для множества критических секторов, что повышает воспринимаемую легитимность внутри блока, но не гарантирует признания третьими странами	Китай активно обвиняет другие государства (в том числе США), представляя ограниченный набор доказательств; многие внешние партнеры относятся к такой атрибуции настороженно	Российские заявления часто оспариваются или игнорируются рядом государств; одновременно Россия подчеркивает сложность выработки универсального алгоритма атрибуции в международном праве
<i>Типы доказательств</i>	Логи, контент, метаданные, отчеты экспертов, показания, SIGINT/HUMINT; значительная часть разведанных не может быть раскрыта, что создает разрыв между политической и легитимным судопроизводством	Технические индикаторы, журналы, экспертные заключения, обмен информацией и разведанными между государствами-членами и структурами ЕС	Технические данные и разведматериалы под государственным контролем, публикуется только то, что вписывается в политическую линию и не раскрывает источники	Материальные носители, электронные документы, журналы и экспертизы, оформленные по УПК; разведанные в открытые материалы попадают крайне ограниченно
<i>Сроки уведомления и расследования</i>	Зависят от отраслевого регулирования; унифицированных сроков именно для завершенной атрибуции нет, крупные дела длятся месяцами/годами	NIS2 и GDPR устанавливают жесткие сроки уведомления (часы/дни), но не фиксируют сроков окончательной атрибуции; расследования могут идти длительно	Подзаконные акты часто требуют уведомления об инциденте в течение нескольких часов; сроки окончательной атрибуции непрозрачны и определяются ведомственно	УПК РФ задает сроки предварительной проверки сообщений о преступлении и предварительного следствия, но политические сроки атрибуции не регламентированы

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
Особенности и понятийные разрывы	Атрибуция де-факто расширяет полномочия исполнительной власти для санкций и киберопераций; острый разрыв между уровнем разведки и тем, что допустимо в суде	NIS2 делает акцент на киберустойчивости и отчетности для множества секторов; ЕС стремится «процедурализировать» риски, но понятие атрибуции все равно остается на стыке права и политики	Жестко централизованная система с приоритетом нацбезопасности; атрибуция – инструмент стратегического и политического управления, а не дискуссии о стандартах доказанности	В техстандартах (ISO, NIST, ГОСТ) термин «атрибуция кибератак» прямо не закреплен; существует разрыв между техническими стандартами безопасности и политико-правовой практикой атрибуции

Основная часть. Статья 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливает, что доказательства, полученные технически эффективным методом, но с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ.

Кроме того, статья 57 УПК РФ устанавливает требования к эксперту, который должен быть независимым, компетентным и иметь надлежащую квалификацию. Заключение эксперта должно быть основано на научно-обоснованных методах и соответствовать требованиям уголовно-процессуального законодательства.

Эти нормативные установки напрямую влияют на разработку эффективных механизмов доказательственной атрибуции (привязки киберинцидента к субъекту), выявляя ряд фундаментальных проблем, которые можно структурировать по трем основным осям.

1. Техническая прослеживаемость

Важным отличием атрибуции в области кибербезопасности от традиционных систем реагирования заключается в целеполагании, поскольку в криминалистике и доказывании акцент смещается с быстрого блокирования угрозы на формирование неопровержимых доказательств преступления.

Именно поэтому в процессе реализации технической прослеживаемости возникает две проблемы. Первая – «проблема черного ящика», когда современные инструменты атрибуции, особенно те, что базируются на анализе вредоносного программного обеспечения или сетевой инфраструктуры, часто используют сложные запатентованные эвристики или модели машинного обучения. Этим обеспечивается высокая точность вывода,

достигаемая такими моделями. Однако она, как правило, не сопровождается предоставлением явного, прослеживаемого пути от исходного цифрового артефакта до финального заключения об атрибуции. Например, модель глубокого обучения может атрибутировать образец кода как принадлежащий определенной группе на основании тысяч неявных признаков, однако она неспособна выделить минимальный, критический набор признаков (например, специфические байты или паттерны вызовов функций), послуживший основанием для вывода. Также требование доказывания в правовом поле диктует необходимость воспроизводимости и объяснимости полученных результатов. Непрозрачность алгоритма или метода (отсутствие возможности независимой верификации пути вывода) существенно снижает его доказательную силу в судебном процессе.

Вторая проблема касается целостности и неизменности данных атрибуции. Поскольку процесс атрибуции является многоступенчатым и опирается на агрегацию данных из разнородных источников (например, лог-файлы, дампы памяти, сетевой трафик, результаты статического и динамического анализа кода), то значимым условием является сохранение целостности каждого артефакта на всем протяжении цепочки обработки, от момента сбора до представления в суде. Однако агрегация данных из различных систем повышает риск их случайного или преднамеренного изменения/искажения. Многие проприетарные инструменты анализа не включают нативные механизмы криптографического хеширования или цифровой подписи на каждом этапе обработки данных, что является стандартом де-факто в криминалистической практике (например, обязательное хеширование при снятии образов дисков). Именно поэтому механизмы атрибуции (например, отчет о корреляции IP-адресов с известными серверами

управления) для целей расследования правонарушений должны быть спроектированы с учетом криптографической связанности конечного результата (например, отчета о корреляции сетевых индикаторов) с исходными данными, на которых этот результат базируется.

2. Юридическая валидация

Приемлемость научных доказательств определяется требованиями к методу, который должен быть обоснованным, проверяемым, рецензированным, иметь известный или потенциально низкий уровень ошибок, быть общепризнанным в научном сообществе. Однако методы атрибуции, особенно в сфере кибервойн, часто являются новыми, секретными или основанными на закрытых данных (например, о действиях хакерских групп, чьими акторами являются государства¹). Это затрудняет их рецензирование и установление общепризнанности, создает проблемы для субъектов оценки доказательств, так как они могут быть основаны на интуитивных или неформализованных методах анализа.

Обоснованно представляется, что если инструмент атрибуции разработан и используется той же организацией, которая инициировала расследование (например, государственным органом), возникает конфликт интересов, который может быть использован защитой для оспаривания объективности выводов. В связи с этим необходима разработка механизмов атрибуции, использующих открытые стандарты или сертифицированные, независимые платформы, а также формирование правового поля, ориентированного на приоритетное обеспечение приоритетов национальной и информационной безопасности в процессе противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Также механизмы атрибуции, основанные на анализе инфраструктуры (например, доменных имен или IP-адресов), априори связаны с быстрым устареванием технологий и могут быть быстро скомпрометированы (например, через быструю смену регистрационных данных или использование одноразовых VPN-сетей). Поэтому инструменты должны быть адаптивными, но при этом каждый шаг адаптации должен быть зафиксирован и

юридически обоснован, чтобы минимизировать подозрения в предвзятости.

3. Междисциплинарная интеграция

Целевой и фактический разрыв существует между специалистами по киберразведке и криминалистами. Механизмы атрибуции, созданные для разведки при оценке вероятности и принятии требуемых решений, оперируют вероятностями (например, «75% вероятность принадлежности к группе А»). В суде же часто требуется не вероятность, а обоснованный вывод, основанный на доказательствах, который может быть представлен как факт, подкрепленный проверяемой методикой.

Исследование проблем разработки механизмов атрибуции выявило, что основное препятствие лежит не в области технической реализуемости, а в несоответствии между требованиями криминалистической строгости и архитектурой существующих аналитических инструментов. Адаптация инструментов из смежных областей без учета юридических и практических ограничений (таких как «черный ящик» и отсутствие проверяемости, что прямо противоречит принципам состязательности и возможности проверки доказательств стороной защиты) приводит к созданию выводов, которые, будучи убедительными для аналитиков, являются юридически уязвимыми.

Проведенное изучение текущего положения дел в современной криминалистике является значимым моментом в понимании дальнейшего направления развития цифровой юстиции. В связи с этим необходима разработка положений о доказательственной атрибуции – единой, многоуровневой архитектуры доказательственной надежности в цифровой атрибуции, – которая должна основываться на таких принципах, как:

1) *редукция неопределенности* – когда каждый шаг атрибуции должен быть направлен на минимизацию энтропии информации, при этом должна быть сохранена полная прослеживаемость этого процесса;

2) *контрфактическое тестирование* – чтобы существовала проверяемая фактическая возможность показать, что другой субъект, обладающий схожим набором инструментов, но не являющийся подозреваемым или обвиняемым, не мог бы сгенерировать наблюдаемые артефакты с той же вероятностью. Применение такого принципа в рамках стадий уголовного процесса позволяет проверить допустимость механизма атрибуции: он либо остается инструментом разведки, либо его

¹ Записки цифрового ревизора: три кластера угроз в киберпространстве // Лаборатория Касперского. – URL: <https://lp.kaspersky.com/ru/stream-analytical-report-by-CTI-and-TE/>

результаты становятся допустимым доказательством по уголовному делу.

Криминалистические положения доказательственной атрибуции основываются на следующих авторских тезисах.

1. Традиционная модель, где криминалист собирает цифровые артефакты, а затем пытается связать их с известным субъектом, не соответствует требованиям современного доказывания в цифровом мире. *Доказательственная атрибуция должна быть врожденной частью процесса сбора данных.* Если система сбора данных (например, сетевой сенсор) настроена на сбор данных, которые могут быть использованы для атрибуции, она должна с самого начала применять криптографические метки, фиксирующие контекст сбора (время, местоположение, целостность). Это соответствует концепции цифровой цепочки хранения доказательств, где их целостность доказывается непрерывным криптографическим контролем.

2. *Необходима интеграция криптографии и доказывания.* Так, применение хеширования и цифровых подписей к результатам промежуточного анализа создает непрерывную, неразрывную криптографическую цепь. Например, если эксперт А извлекает набор IP-адресов, а эксперт Б использует их для анализа шаблонов трафика, хеш-сумма от набора А должна быть привязана к входным данным для анализа Б. Любое изменение в наборе данных между этапами анализа будет немедленно выявлено при проверке цепочки хешей. Это обеспечивает доказуемость трансформации доказательств.

3. *Разработанные методики криминалистического исследования и судебной экспертизы, прошедшие независимую аккредитацию, должны быть формализованы и функционировать как стандарт операционной процедуры.* Специалист или эксперт должны не просто описывать то, как запустить программу, а отвечать на вопросы, предложенные ниже. Почему были выбраны определенные входные данные? Какая статистическая модель применялась? Какой порог уверенности (например, 95% статистической значимости) был установлен для вынесения заключения? Например, методика, применяемая для атрибуции фишинговых компаний, должна указывать, что для вывода о причастности группы X требуется совпадение не менее трех из пяти формализованных

признаков (см. ниже: пункт 1 базовых технических требований) с Area Under the Curve (AUC)¹ не ниже 0,90 (см. ниже: пункт 2 базовых технических требований).

Данные тезисы служат важной научной методологической основой для частной криминалистической теории доказательственной атрибуции, в которую встраиваются нижеследующие базовые технические требования, позволяющие разрабатывать не просто алгоритмы, а полные методики, основанные на следующих трех столпах предлагаемой теории.

1. *Формальное описание признаков цифровых артефактов, содержащихся в парадигме базы кода, стратегии инфраструктурного взаимодействия или концептуальных моделях сокрытия, считается релевантным для атрибуции.* Это обосновывает необходимость онтологического подхода к цифровым данным и требует создания стандартизированных словарей (глоссариев) и таксономий, применимых в судебно-следственной практике. Например, при осуществлении анализа вредоносного ПО необходимо перейти от простого сравнения хешей к стандартизированному описанию структурных аномалий в секциях PE-файлов или уникальных примитивов, используемых для обфускации.

2. *Технические метрики могут выступать как юридически приемлемые данные для оценки доказательств.* Например, включение Area Under the Curve (AUC) в качестве юридически приемлемых данных напрямую адресует к проблеме уровня ошибок и статистической значимости выводов, особенно при использовании систем, основанных на машинном обучении. Юридическая приемлемость этих метрик зависит от того, насколько хорошо они коррелируют с вероятностью ошибки I и II рода в реальной следственной или судебной ситуации, когда при атрибуции, где ложное обвинение (ошибка I рода) имеет катастрофические последствия, а субъекты доказывания (дознатель, следователь, прокурор или суд) должны быть информированы о минимальном приемлемом уровне точности модели, при котором доказательство считается достаточно надежным. Это требует внедрения статистического обоснования

¹ Area Under the Curve – площадь под графиком, на котором отображается зависимость доли истинно положительных результатов (TPR) от доли ложноположительных результатов (FPR) при различных пороговых значениях.

пороговых значений, а не просто предоставления числового значения метрики.

3. *Протоколы верификации* – встроенные механизмы, позволяющие независимо эксперту перепроверить ключевые шаги анализа, даже если основной инструмент является проприетарным (например, путем предоставления доступа к промежуточным, анонимизированным наборам данных или к детерминированным функциям, используемым в процессе).

Перечисленные технические элементы должны быть инкапсулированы в ряд исходных положений (Тезис 3. Разработанные методики криминалистического исследования и судебной экспертизы, прошедшие независимую аккредитацию, должны быть формализованы и функционировать как стандарт операционной процедуры), который, в свою очередь, должен быть встроен в сам процесс сбора данных (Тезис 1. Доказательственная атрибуция должна быть врожденной частью процесса сбора данных) и защищен криптографическими гарантиями целостности (Тезис 2. Необходима интеграция криптографии и доказывания).

Проведенное исследование убедительно доказывает, что базовые технические требования превращают абстрактную теорию в чек-лист для разработчика экспертного программного обеспечения, специалиста, эксперта, дознавателя, следователя, прокурора и для судьи при оценке допустимости электронных данных в качестве доказательств.

Заключение. Данное исследование вносит вклад в общую теорию криминалистики, предлагая смещение парадигмы от реактивной (пост-инцидентной) обработки данных к проактивному проектированию криминалистически обоснованных систем сбора и анализа информации. Теоретическая новизна заключается в формулировании значимых криминалистических положений о доказательственной атрибуции.

Научная новизна работы состоит в выявлении и формализации пробельности процедур доказывания в атрибуции. Этот пробел возникает, когда высокоточное, но непрозрачное техническое заключение (например, о принадлежности вредоносного ПО к определенной группе) не может быть трансформировано в юридически состоятельное доказательство из-за невозможности его независимой проверки (верификации). Исследование предлагает концептуальный каркас для преодоления этого пробела путем интеграции криптографических методов обеспечения целостности с формальными моделями юридической аргументации. Успешная разработка механизмов атрибуции в цифровой криминалистике требует признания того, что юридическая состоятельность является не дополнением, а неотъемлемой технической характеристикой такого механизма.

Практическая значимость заключается в разработке рекомендаций для государственных органов и правоохранительных структур по стандартизации, обучению и нормотворчеству.

Список литературы

30. Андреев Е. В., Токолов А. В. Противодействие киберпреступлениям в сфере национальной безопасности // Противодействие преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий : Сборник научных статей. – М. : Буки-Веди, 2023. – С. 21–24.
31. Константинов А. В. Поисково-познавательная деятельность в сети Интернет (OSINT) как объект уголовно-правового исследования // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Международной научно-практической конференции памяти профессора В. Е. Квашица. – Краснодар, 26 сентября 2025 года. – Краснодар : Краснодарский университет МВД РФ, 2025. – С. 128–132.
32. Соломатина А. Г. К вопросу о правовом регулировании применения технологий в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: международная научно-практическая конференция: сборник научных трудов, Москва, 17 ноября 2022 г. – М. : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2023. – С. 163–165.
33. Digital transformation of criminal justice: case of Russia / A. Volevodz, E. Kleshchina, S. Nuikin [et al.] // Revista do Curso de Direito do Unifor. – 2024. – Vol. 15. – No. 2. – P. 176–186.
34. Kent K., Chevalier S., Grance T., Dang H. NIST Special Publication 800-86. Guide to Integrating Forensic Techniques into Incident Response. – Gaithersburg, MD : National Institute of Standards and Technology, 2006. – URL: <https://csrc.nist.gov/pubs/sp/800/86/final>

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-88-93>

Криминалистический анализ цифровых следов в блокчейне: методология верификации для уголовного процесса

А. Г. Соломатина

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры противодействия преступлениям
в сфере информационно-телекоммуникационных технологий
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя;
доцент кафедры международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
Адрес: ФГКОУ ВО «Московский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»,
117437, Москва, Академика Волгина ул., д. 12;
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
125167, Москва, ул. Ленинградский проспект, д. 49/2.
E-mail: a.smorodina@mail.ru

Forensic Analysis of Digital Traces in Blockchain: Verification Methodology for Criminal Proceedings

A. G. Solomatina

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Combating Crimes in the Field of Information and Telecommunication Technologies
of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot;
Associate Professor of the Department of International and Public Law
of Financial University under the Government of the Russian Federation.
Address: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
12 Academic Volgin Str., Moscow, 117437, Russian Federation;
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education
“Financial University under the Government of the Russian Federation”,
49/2 Leningradskiy Ave., Moscow, 125167, Russian Federation.
E-mail: a.smorodina@mail.ru

Поступила 25.12.2025 Принята к печати 10.01.2026

Аннотация

Статья посвящена разработке комплексной методологии криминалистического анализа цифровых следов в блокчейне для их использования в уголовном процессе. Авторы предлагают многоуровневую модель, которая интегрирует этапы верификации блокчейн-данных, поведенческой кластеризации адресов, графового анализа потоков активов, сигнатурного выявления аномалий и деанонимизации псевдонимных идентификаторов. Практическая значимость подхода подтверждена на примерах реальных уголовных дел, расследуемых ГУЭБиПК МВД России, включая схемы вишинга и отмыwania средств через криптообменники вроде Suex и BTC-e. Сформулированы строгие критерии допустимости таких следов как доказательств в соответствии со статьями 75, 80, 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделено первичной экстракции данных через полные узлы или API-эксплореры с перекрестной верификацией, преодолению псевдонимности отечественных платформ («Прозрачный блокчейн», «ШАРД») и конвергенции с внешними источниками (VASP по Travel Rule FATF). Результаты формируют научно-методическую основу для органов предварительного расследования и финансового мониторинга.

Ключевые слова: блокчейн-криминалистика, цифровые следы, доказывание, криминалистическая идентификация, кластеризация блокчейн-адресов, графовый анализ транзакций, деанонимизация, электронные доказательства, допустимость доказательств, верификация данных.

Abstract

The article is devoted to the development of a comprehensive methodology for forensic analysis of digital traces in the blockchain for their use in criminal proceedings. The authors propose a multi-level model that integrates the stages of blockchain data verification, behavioral clustering of addresses, graph analysis of asset flows, signature detection of anomalies, and de-anonymization of pseudonymous identifiers. The practical significance of the approach is confirmed by examples of real criminal cases investigated by the Main Directorate for Economic Security and Anti-Money Laundering of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, including schemes of vishing and money laundering through crypto exchanges such as Suex and BTC-e. Strict criteria for the admissibility of such traces as evidence have been formulated in accordance with Articles 75, 80, and 86 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Special attention has been paid to the primary extraction of data through full nodes or API explorers with cross-verification, overcoming pseudonymity via domestic platforms (Transparent Blockchain, SHARD), and convergence with external sources (VASP according to the FATF Travel Rule). The results form a scientific and methodological basis for preliminary investigation and financial monitoring bodies.

Keywords: blockchain forensics, digital traces, proof, forensic identification, blockchain address clustering, transaction graph analysis, deanonymization, electronic evidence, admissibility of evidence, data verification.

Стремительная цифровизация экономических отношений, сопровождающаяся внедрением децентрализованных реестров, детерминировала возникновение качественно нового класса цифровых следов. Их правовая природа и доказательственное значение остаются дискуссионными как в рамках теории доказывания, так и в правоприменительной практике. Блокчейн-транзакции, представляя собой криптографически защищенные записи, объективно совмещают атрибуты публичной доступности с псевдонимностью участвующих субъектов [7]. Данное обстоятельство ставит под вопрос прямую применимость традиционных криминалистических методик, ориентированных на централизованные системы хранения информации и материальные носители. Высокая степень стандартизации протоколов ведущих публичных блокчейн-сетей (Bitcoin, Ethereum и их форков) создает предпосылки для формализации строгой, научно обоснованной методологии анализа и процессуальной верификации соответствующих цифровых следов [6].

Отечественное уголовно-процессуальное законодательство не содержит специальных норм, регламентирующих порядок собирания, проверки и оценки данных распределенных реестров в качестве источников доказательств. Существующие научные подходы [1] зачастую либо ограничиваются общими положениями цифровой криминалистики, либо фокусируются на частных технико-криптографических особенностях вне системной связи с критериями допустимости доказательств, установленными нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Вместе с тем правопримени-

тельная практика требует разработки четких оснований для признания легитимными таких цифровых данных, как записи криптовалютных кошельков, отчеты блок-эксplorеров, кластерные модели владения адресами и графовые схемы движения средств. Актуальность разработки методологии подчеркивается ростом числа преступлений, связанных с криптоактивами, в России начиная от крупных международных дел, таких как расследование деятельности биржи BTC-e/WEX и Александра Винника, до внутренних расследований вишинга и кибермошенничеств, где криптовалюты используются для финального обналичивания средств [3]. Таким образом, формируется ключевая научная проблема: каковы методологические и процессуальные основания, позволяющие рассматривать результаты блокчейн-анализа в качестве достоверных, верифицируемых, воспроизводимых и соответствующих фундаментальным принципам доказательственного права?

Под цифровым следом в блокчейн-среде понимается формализованная совокупность структурированных данных, отражающих факт, условия и результат совершения юридически значимых действий в распределенном реестре. Эта совокупность может быть объективно выявлена, зафиксирована, исследована и интерпретирована с применением специальных криминалистических и технических познаний. Блокчейн-транзакция, содержащая детерминированные поля (хеши предыдущих выходов, публичные ключи получателей, суммы, временные метки, цифровые подписи), полностью соответствует указанным критериям. Однако имманентные свойства распределенного реестра – децентра-

лизация, неизменяемость и криптографическая целостность – формируют новые квалифицирующие признаки: отсутствие единого администратора данных и техническая невозможность уничтожения или модификации записи без получения контроля над большинством хешрейта сети [6]. В этой связи классические следственные действия по изъятию материальных носителей (ст. 164, 176 УПК РФ) подлежат трансформации в процедуры «логико-криптографической фиксации», фокусирующиеся на доказательном закреплении конкретных криптографических хешей, временных интервалов доступа и состояния реестра.

Методологический каркас блокчейн-криминалистики как прикладного направления криминалистической техники образует синтез следующих методов: криптографическое восстановление – проверка подлинности цепочек транзакций путем верификации цифровых подписей и хеш-связей (доказательства по Мерклу, упрощенная верификация платежей); поведенческая кластеризация – группировка адресов по признакам вероятного единого владельца на основании закономерностей использования (общие входы, адреса сдачи, цепочки последовательных переводов) с применением методов машинного обучения; сетевое моделирование – реконструкция и анализ направленного мультиграфа движения активов для выявления ключевых узлов и маршрутов; сигнатурно-статистический анализ – выявление аномалий и криминалистически значимых закономерностей (сервисы смешивания, атаки пылевыми транзакциями, круговые переводы) на основе эталонных моделей; внешняя корреляция – установление вероятной связи псевдонимных идентификаторов с реальными субъектами путем сопоставления с данными из регулируемых внеблочных источников (криптовалютные биржи, фиатные платежные шлюзы, интернет-сервисы).

Реализация указанных методов предполагает наличие надлежащей эмпирической базы, что обуславливает первостепенное значение процедуры первичного извлечения данных.

Первый этап следует обозначить как экстракцию ончейн-данных (on-chain data) и обеспечение криптографической цепочки сохранности. Этот этап является исходной точкой и эквивалентен первоначальному изъятию и фиксации вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве. Его целью является получение из блокчейн-сети точной, неизменной и верифицируе-

мой копии цифровых данных (транзакций), пригодной для последующего экспертного исследования и приобщения к материалам уголовного дела, а главной задачей – технически и процессуально гарантировать, что полученные данные подлинны, не подвергались манипуляциям, поскольку любое нарушение целостности исходного массива делает последующую верификацию транзакций, построение поведенческих паттернов и корреляционный анализ юридически недопустимыми.

Процедура включает два ключевых компонента: получение данных и обеспечение их достоверности. Данные извлекаются из публичного распределенного реестра двумя способами, выбор которых определяется требуемой степенью автономности и доказательственной значимостью. Первый способ – через программный интерфейс (API) публичных обозревателей блоков (Blockchair, Etherscan), что оперативно, но создает зависимость от потенциально уязвимого стороннего сервиса. Второй способ – запуск и синхронизация полного узла сети (например, Bitcoin Core, Geth), являющегося «золотым стандартом», поскольку обеспечивает независимую полную копию блокчейна и исключает риски, связанные с доверием третьим лицам. Для подтверждения подлинности извлеченной информации, учитывая возможность технических сбоев или целенаправленных воздействий даже на авторитетные источники, применяется принцип перекрестной верификации.

Следующим этапом следует установление единства контроля и идентификация владельцев, направленный на преодоление ключевого свойства блокчейна – псевдонимности. Цель этапа – установить вероятную принадлежность множества разрозненных адресов (публичных ключей) единому контролирующему субъекту (кошельку, сервису, преступной группе), преобразуя тем самым анонимные идентификаторы в значимые для расследования сущности. Практическое значение данного этапа ярко иллюстрируется в расследовании деятельности криптообменной платформы Suex (OTCbro). Аналитики, используя методы кластеризации, смогли сформировать устойчивые кластеры адресов, связанных с платформой, и впоследствии доказать, что более 40% ее транзакций были связаны с незаконными операциями, и это послужило основанием для

введения против нее санкций Министерством финансов США¹. Блокчейн-аналитики компании Chainalysis, чьи данные использовались в этом расследовании, отмечали, что именно кластеризация позволила выявить масштаб и паттерны взаимодействия Suex с хакерскими группами².

Аналогичный подход применяется в России с использованием отечественных сервисов. Сервис Росфинмониторинга «Прозрачный блокчейн» позволяет кластеризовать адреса по более чем 30 криптоактивам, выявляя подозрительные кластеры, связанные с отмытием средств от наркоторговли и других преступлений. В 2025 г. завершен пилотный проект с пятью банками для интеграции в антиотмывочную систему³. Платформа «ШАРД» реализует кластеризацию через графы связей для деанонимизации адресов мошенников, определения путей вывода средств на биржи и холодные кошельки, что упрощает подготовку запросов в полицию и сервисы для заморозки активов⁴.

Третьим этапом служит графовый анализ потоков активов и идентификация аномальных структур. Он необходим для системного исследования взаимодействий между установленными на предыдущем шаге субъектами (адресами и кластерами). Его цель – выявление структуры финансовых потоков, обнаружение ключевых точек концентрации и распределения активов, а также распознавание паттернов, характерных для легальных экономических операций и противоправной деятельности. В расследовании дела вишинг-банды, действующей в России, сотрудники ГУЭБиПК МВД России и эксперты Росфинмониторинга построили детальную схему движения средств (граф), которая позволила выявить аккаунты на P2P-площадках, через которые проходил основной объем конвертации украденных фиатных средств в криптовалюту и обратно. Этот графовый

анализ стал ключом к пониманию архитектуры всей преступной схемы. Ниже наглядно представлены входящие в него процессы.

Построение и формализация модели потоков моделирует всю транзакционную активность в виде ориентированного взвешенного мультиграфа $G=(V, E)$, где:

– V (вершины) – множество адресов или кластеров адресов, представляющих единых контролируемых субъектов;

– E (ребра) – множество транзакций между вершинами. Каждое ребро обладает направлением (от отправителя к получателю) и весом, соответствующим сумме перевода. Визуализация такого графа создает интуитивно понятную карту движения средств, на которой явно видны основные пути, источники и стоки активов.

Далее следует количественный анализ топологии графа на основе аппарата сетевого анализа для объективной идентификации наиболее значимых узлов в целях расчета ключевых метрик, позволяющих количественно охарактеризовать структурную роль вершин. Завершает процесс сигнатурный анализ, который фокусируется на обнаружении аномальных и подозрительных паттернов, служащих маркерами попыток маскировки следов или иной нелегальной активности. Это дополняет структурный анализ графа, усиливая способность выявлять скрытые стратегии противодействия.

Таким образом, графовый анализ трансформирует линейную последовательность транзакций в структурную модель, поддающуюся как количественному измерению, так и качественному анализу. Он позволяет перейти от наблюдения за отдельными операциями к пониманию логики и архитектуры всей финансовой схемы, будь то легальный бизнес-процесс или многоуровневая система отмытия средств.

Четвертый этап – сигнатурный и статистический анализ транзакционных паттернов – направлен на переход от структурного анализа связей к семантическому анализу поведения. Его цель – выявить не просто связи между субъектами, а характерные поведенческие шаблоны (сигнатуры), которые статистически коррелируют с противоправной деятельностью, что достигается за счет синтеза экспертного (сигнатурного) и машинного (статистического) подходов. Библиотека сигнатур формируется в том числе на основе анализа реальных дел, рассматриваемых Росфинмониторингом, что обеспечивает ее практическую релевантность для российских правоохранительных органов.

¹ U.S. Department of the Treasury. Treasury Sanctions Russia-Based Cryptocurrency Exchange Suex for Facilitating Financial Transactions for Ransomware Actors. 2021, Sent. 21. – URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0426>

² Chainalysis. Suex (OTCbro) Investigation Summary. 2021, Sent. 16. – URL: <https://go.chainalysis.com/suex-otcbro-investigation-summary.html>

³ Росфинмониторинг завершил апробацию сервиса по отслеживанию криптовалют для банков // Федеральная служба по финансовому мониторингу. 2025, 28 дек. – URL: <https://www.fedsfm.ru/news/9441>

⁴ Практические аспекты криптовалютных расследований // Платформа Shard. 2022, 31 окт. – URL: https://shard.ru/article/practical_aspects_of_cryptocurrency_investigations

Кульминацией аналитического процесса выступает этап деанонимизации – финальная стадия, нацеленная на установление реальной личности, стоящей за псевдонимом блокчейн-адреса или кластера. Эта процедура, основанная на вероятностях и доказательствах, объединяет данные из блокчейна со сведениями из внешних источников, получая надежную доказательственную основу в рамках российского и международного законодательства. Среди признанных легитимных методов деанонимизации первостепенное место занимает запрос сведений у регулируемых провайдеров виртуальных активов (VASP). В соответствии с рекомендациями Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) – в частности, Рекомендацией 16 «Электронные переводы средств» (также известной как «Правило поездки», или *Travel Rule*) – операторы криптовалютных бирж и аналогичных сервисов обязаны внедрять процедуры идентификации клиентов («Знай своего клиента») и сохранять идентификационные данные клиентов¹. Правоохранительные органы, в свою очередь, инициируют официальные запросы через механизмы международного сотрудничества и в соответствии с нормами УПК РФ, требуя раскрытия владельца адреса, временных меток операций, IP-адресов и связанных банковских счетов.

Дополнительно применяется корреляционный анализ цифровых следов и временных сигнатур, позволяющий сопоставить таймстампы блокчейн-транзакций с параллельными следами активности подозреваемого – логами входов в онлайн-аккаунты (форумы, мессенджеры, электронный адрес), IP-адресами и сессионными идентификаторами (cookies) при управлении кошельком через веб-интерфейсы, а также публикациями под устойчивыми псевдонимами, эхом отзывающимися на обсуждаемые операции. Точная синхронизация временных окон порождает косвенные, но убедительные доказательства идентичности субъекта.

Сопоставление с традиционными финансовыми потоками приобретает решающее значение

¹ Рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (с изменениями 2023 г.). Рекомендация 16 «Переводы средств» («Правило поездки»). Париж, FATF, 2019 (обновлено 2023). – URL: <https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/fatf-recommendations.html>

в уголовно-процессуальном доказывании в точке конвертации между фиатом и криптоактивами. Здесь тщательно изучаются банковские выписки, фиксирующие переводы на счета известных криптобирж или OTC-платформ. Установив по материалам биржи конкретный криптоадрес, на который зачислены приобретенные средства, и соотнеся его с данными о владельце фиатного счета из банка, следователь обретает прямое доказательство цепочки «физическое лицо → блокчейн-адрес».

Критерий доказанности связи опирается на принцип конвергенции доказательств. Для минимизации ошибок и формирования убедительной доказательственной базы установление личности считается достоверным при выполнении принципа трех независимых источников. Личность считается установленной, когда одна и та же связь (например, «адрес 1ABC... принадлежит гражданину И.») подтверждается из трех или более независимых каналов, не вытекающих один из другого, например: сведения идентификационной проверки с биржи, журналы регистрации операторов связи, показания свидетеля или данные изъятой переписки. Это исключает случайные совпадения и формирует устойчивую систему доказательств [1].

Заключительным этапом является фиксация и процессуальное оформление доказательств блокчейн-анализа. В структуру процедурного протокола входят две ключевые операции: 1) криптографическая фиксация и 2) временное анкерование (в порядке, установленном приказом Минцифры России от 06.11.2020 № 580²), завершающиеся оформлением финального отчета (рекомендуемый формат – PDF/A-2u в соответствии с ГОСТ Р ИСО 19005-2-2013³). Криптографическая фиксация – вычисление уникального цифрового отпечатка для всего массива данных и отчета посредством стойких алгоритмов хеширования, обнаруживающего любое вмешательство в содержимое и делающего подлог технически невозможным.

² Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 6 ноября 2020 г. № 580 «Об утверждении порядка создания и проверки метки доверенного времени» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 46. – Ст. 7266.

³ ГОСТ Р ИСО 19005-2-2013. Системы управления документацией. Формат файлов электронных документов для долгосрочного хранения. Часть 2. Применение ИСО 32000-1 (PDF 1.7). – М., Стандартинформ, 2015.

возможным. Результат криптографической фиксации обязательно документируется в протоколе. Временное анкерование – направление цифрового отпечатка в аккредитованную службу доверенных меток времени (согласно рекомендациям упомянутого приказа Минцифры), которая возвращает криптографический сертификат, удостоверяющий момент предъявления отпечатка по всемирному координированному времени. Финальный отчет составляется в формате, обеспечивающем долговременное сохранение и неизменность представления электронного документа (рекомендуется применение упомянутого формата PDF/A-2u). Документ заверяется усиленной квалифицированной электронной подписью ответственного исполнителя (следователя, эксперта), что в соответствии с частью 1 статьи 6 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [1] придает ему юридическую силу, равнозначную документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью и скрепленному печатью.

Результаты анализа обретают силу уголовно-процессуального доказательства только при неукоснительном соблюдении уголовно-процессуальной формы и протокола, гарантиру-

ющим их целостность, аутентичность, неизменность и юридическую значимость.

Наконец, все материалы – отчеты, сырые данные, хеши, сертификаты – переносятся на новый чистый носитель информации (флеш-накопитель или диск), снабжаются этикеткой по ГОСТ Р 7.0.8-2013 и приобщаются к материалам уголовного дела в соответствии со статьями 81, 84, 166 УПК РФ, обретая статус вещественного доказательства.

Подводя итог, следует сделать вывод, что предложенная многоуровневая криминалистическая методология решает фундаментальную задачу процессуального освоения блокчейн-данных, обеспечивая научную обоснованность, воспроизводимость и юридическую неуязвимость результата. Каждый этап формализован для идентичной репликации результатов; система перекрестных верификаций, криптографической защиты и конвергенции источников создает монолитную доказательственную цепь. Все процедуры – от извлечения данных до оформления протокола – разработаны с учетом критериев допустимости доказательств, установленных статьями 75, 80, 86 УПК РФ.

Список литературы

1. Борисов А. С. Совершенствование уголовно-процессуального режима обращения информации в досудебном производстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – № 2. – С. 195–215.
2. Крылов Г. О., Токолов А. В. Разработки ФАТФ для провайдеров услуг виртуальных активов // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 8. – С. 197–200.
3. Лемайкина С. В. Актуальные вопросы установления личности, использующей криптовалюту в преступных целях // Юрист — Правоведъ. – 2021. – № 3 (98). – С. 213–218.
4. Любый И. А., Сидоренко Р. В. Расследование преступлений, связанных с криптовалютой: правовые инструменты и эффективность их применения // Российский следователь. – 2025. – № 10. – С. 9–13.
5. Пушкарев В. В., Токолов А. В. Основы организации противодействия преступлениям, совершаемым с использованием криптовалют // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 4. – С. 88–92.
6. Токолов А. В. Блокчейн как инструмент в борьбе за искоренение коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2020. – № 3 (25). – С. 155–157.
7. Токолов А. В., Морозов А. В. Особенности правового регулирования технологии блокчейн // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 1. – С. 149–151.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-94-105>

Правовые особенности проведения обыска у адвоката: теория и практика

Р. Ф. Гасановкандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.E-mail: gasanov.rf@rea.ru

Legal Features of Conducting a Search at a Lawyer's Office: Theory and Practice

R. F. Gasanov

PhD in Law,

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.E-mail: gasanov.rf@rea.ru*Поступила 17.01.2026 Принята к печати 22.01.2026*

Аннотация

Статья посвящена анализу правовых оснований и процессуальных пределов проведения обыска у адвоката в рамках уголовного судопроизводства. Предметом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся при осуществлении следственных действий в отношении адвокатов, а также механизм обеспечения гарантий адвокатской деятельности и сохранности адвокатской тайны. Особое внимание уделяется соотношению публичных интересов уголовного преследования и частных интересов защиты, а также проблемам правоприменительной практики, возникающим при санкционировании и проведении обысков у адвокатов. Методологический фундамент исследования образуют совокупность общенаучных и специальных способов познания, включая аналитические и синтетические процедуры, формально-правовой инструментарий, а также системный, структурно-функциональный подходы к изучаемым явлениям и сравнительно-правовой анализ. В исследовании применяются нормы уголовно-процессуального права и законодательства, регулирующего адвокатскую деятельность, а также учитываются правовые позиции высших судебных инстанций и материалы правоприменительной практики. Научная новизна проведенного исследования обусловлена комплексным анализом обыска в отношении адвоката как исключительной процессуальной меры, затрагивающей основы независимости адвокатской деятельности. Обосновывается вывод о необходимости строгого соблюдения принципа соразмерности вмешательства в профессиональную сферу деятельности адвоката и усиления судебного контроля за санкционированием соответствующих следственных действий. Предлагается правовая аргументация, заключающаяся в том, что несоблюдение установленных гарантий приводит к нарушению адвокатской тайны и ставит под сомнение допустимость полученных доказательств, что негативно отражается на эффективности уголовного правосудия в целом.

Ключевые слова: адвокатская деятельность, адвокатская тайна, обыск у адвоката, уголовное судопроизводство, следственные мероприятия, досудебное расследование, процессуальные гарантии деятельности адвоката, охрана адвокатской тайны, допустимые пределы вмешательства в профессиональную деятельность адвоката, судебный контроль, разрешение на проведение следственных действий, допустимость доказательственной информации, права стороны защиты, соразмерность публичных и частных интересов, правовое регулирование адвокатской деятельности, независимость адвокатуры, практика правоприменения, конституционно-правовые механизмы защиты, защита профессиональных прав адвоката, эффективность уголовного правосудия.

Abstract

The article examines the legal grounds and procedural limits of conducting searches of lawyers' premises within the framework of criminal proceedings. The subject of the research is the system of legal relations arising in the course of investigative actions involving lawyers, as well as the mechanisms for ensuring guarantees of legal

practice and the protection of attorney–client privilege. Particular attention is paid to the correlation between the public interest in effective criminal prosecution and the private interests of the defense, as well as to the problems of law enforcement practice associated with the authorization and execution of searches involving lawyers. The methodological basis of the research includes general scientific and special legal methods of cognition, such as analysis and synthesis, the formal legal method, systemic and structural-functional approaches, and comparative legal analysis. The study is based on the provisions of criminal procedural legislation, legislation governing legal practice, as well as the legal positions of higher courts and materials from judicial practice. The originality of this study is grounded in its integrated examination of searches conducted at lawyers' offices as an extraordinary procedural intervention that has a direct bearing on the autonomy of legal practice. The article argues that rigorous adherence to the principle of proportionality, along with strengthened judicial oversight in authorizing investigative measures, is essential to preventing unwarranted intrusion into attorneys' professional activities. It further demonstrates that disregard for established legal safeguards results in breaches of attorney–client confidentiality and compromises the evidentiary value of materials obtained, ultimately diminishing the overall effectiveness of criminal justice.

Keywords: legal profession, attorney–client privilege, search of a lawyer's premises, criminal proceedings, investigative actions, preliminary investigation, procedural guarantees of lawyers, inviolability of attorney–client privilege, limits of interference in legal practice, judicial review, authorization of investigative actions, admissibility of evidence, rights of the defense, balance between public and private interests, legal regulation of the legal profession, independence of legal practice, law enforcement practice, constitutional legal guarantees, protection of lawyers' professional rights, effectiveness of criminal justice.

Современная адвокатура выступает не только институтом гражданского общества, но и элементом механизма реализации правосудия. Независимость адвоката – необходимое условие существования состязательного процесса и гарантии защиты прав человека.

Право на получение квалифицированной юридической помощи закреплено в статье 48 Конституции Российской Федерации¹ и находится в системной взаимосвязи с конституционными гарантиями неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, предусмотренными статьей 23 Основного закона. Совокупность указанных положений обуславливает обращение к нормам законодательства об адвокатской деятельности, устанавливающим запрет на доступ посторонних лиц к документам и сведениям, ставшим известными адвокату от доверителя в процессе осуществления профессиональных функций. Указанная информация имеет нормативное закрепление и квалифицируется законодателем как адвокатская тайна².

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации, 04.07.2020. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

² Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024) – Ст. 8 // Российская газета. – № 100. – 05.06.2002.

Вопросы взаимоотношений между адвокатом и доверителем имеют богатую историю. Как указывал профессор И. Л. Перетрухин, обеспечение сохранности адвокатской тайны является неотъемлемым компонентом профессиональной деятельности каждого адвоката и составляет элемент ее сущностного содержания, отражая базовую ценность адвокатской этики. Игнорирование данного принципа привело бы к утрате институционального значения адвокатуры и сделало бы невозможным ее полноценное функционирование. В процессуальном аспекте соблюдение адвокатской тайны выступает одним из ключевых гарантийных механизмов реализации права на защиту, без которого принцип состязательности неизбежно утрачивает свое практическое содержание [5].

Адвокатская тайна представляет собой фундамент взаимоотношений между адвокатом и доверителем, которые по своей природе имеют фидуциарный характер и основываются на особом уровне личного доверия. В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что подобные отношения предполагают обязанность защитника сохранять верность интересам клиента в той же мере, в какой представитель в гражданском процессе связан обязанностями перед своим доверителем. В этой связи К. Ж. А. Миттермайер указывал, что такая правовая и этическая связь трансформирует адвоката в советника и помощника доверителя в наиболее широком и содержательном понимании данных категорий [4].

Вместе с тем заслуживает внимания точка зрения А. Ф. Кони, согласно которой адвокат выступает самостоятельным участником судебного разбирательства, выполняющим роль союзника подсудимого и стремящимся сохранить его законные интересы в пределах возможного, не прибегая при этом к безусловному оправданию доверителя любыми средствами [1].

Закрепляя термин «адвокатская тайна» в правовых нормах, государство таким образом признает данную конструкцию, вводит указанное понятие в правовую систему и берет под свою защиту правоотношения, связанные с его реализацией. Подобный подход имеет глубокие исторические корни. Так, присяжный заседатель Н. А. Марков высказывал позицию, согласно которой осуществление правосудия предполагает уважительное отношение к профессиональному долгу представителей юридических профессий, поскольку выполнение данного долга обусловлено объективной социальной необходимостью [3].

Преимущество вышеописанных подходов усматривается и в современном законодательстве. Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) подчеркивает, что для надлежащей реализации соответствующего конституционного права на защиту подлежит учету не только формально-юридический процессуальный статус лица, но и его реальное положение. Такой подход направлен на создание условий, при которых лицо получает полноценное и осознанное понимание принадлежащих ему прав и возлагаемых обязанностей¹. Указанное мнение КС РФ свидетельствует о том, что критерием признания законом некоей информации в качестве адвокатской тайны является факт заключения соответствующего соглашения между адвокатом и лицом, обратившемся к нему за юридической помощью.

Признание государством такого понятия, как адвокатская тайна, не может рассматриваться как самодостаточный факт. Так, КС РФ указал, что суд и уполномоченные государством органы, в первую очередь правоохранительные, обязаны с должным вниманием относиться к правовым

механизмам соблюдения и защиты адвокатской тайны, поскольку последняя, помимо прочих, входит в фундаментальное право личности, закрепленное в статье 23 Конституции Российской Федерации, на защиту частной жизни, а также на сохранение личной и семейной конфиденциальности².

Несмотря на законодательное закрепление и последующее разъяснение Конституционным судом, вопросы, связанные с производством обыска, выемки, допроса адвоката, получения сведений, составляющих адвокатскую тайну, являются постоянным предметом активного научного и практического обсуждения как в национальной, так и в зарубежной правовой практике. Поводом для этого послужили как конкретные резонансные дела, так и формирование современной международной практики о недопустимости давления на защитников.

Процессуальные действия в отношении адвокатов носят двойственный характер: с одной стороны, государство реализует свои полномочия по расследованию преступлений, с другой – вторжение в адвокатскую тайну подрывает доверие к судебной системе и нарушает фундаментальные гарантии справедливого правосудия.

Так, на стадии возбуждения или расследования уголовного дела информация, которой, вероятно, может обладать адвокат, является «бесценной» для следственных органов, поскольку исходит «от первого лица» и носит изобличающий характер. Характер такой информации может оказаться фатальным для доверителя (подзащитного), и заполучить эти сведения любой ценой становится самой целью для недобросовестных сотрудников правоохранительных органов. В случае если удастся заполучить такую инсайдерскую информацию, даже процессуально незаконным способом, что безусловно влечет невозможность ее легализации, сотрудники следственных органов получают полную и подробную дорожную карту позиции защиты, что создает предпосылки для полного нивелирования полезности состязательности процесса.

Кроме того, в случае изъятия адвокатского досье, содержащегося на электронном носителе,

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки В. И. Маслова» // Российская газета. – № 128. – 04.07.2000.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С. В. Бородина, В. Н. Бурбина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – № 18. – 31.01.2006.

в руки правоохранительных органов может попасть конфиденциальная информация в отношении иных лиц, не имеющих никакого отношения к интересующим вопросам.

Правовая позиция КС РФ исходит из того, что адвокатский иммунитет не сводится к профессиональной привилегии корпоративного характера, а представляет собой совокупность дополнительных гарантий реализации и защиты основополагающих конституционных принципов. К их числу относятся закрепленные в Конституции Российской Федерации права: право на неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23), установленный запрет на сбор, хранение и распространение сведений о лице без его согласия (ч. 1 ст. 24), принцип презумпции невиновности (ч. 1 ст. 49), а также право отказаться от дачи показаний и предоставления объяснений, которые могут быть использованы против самого лица, его супруга или близких родственников (ч. 1 ст. 51). При этом КС РФ последовательно исходит из недопустимости совмещения процессуальной роли защитника с обязанностью давать свидетельские показания по тому уголовному делу, в котором он участвует. Одновременно КС РФ разъясняет, что, исходя из указанных принципиальных положений, установленный пунктами 2 и 3 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) запрет на допрос адвоката относительно обстоятельств, ставших ему известными в связи с участием в уголовном судопроизводстве либо в процессе оказания иной юридической помощи, распространяется на факты любых событий независимо от времени их наступления – как до, так и после допуска адвоката к участию в деле в качестве защитника обвиняемого. Указанный запрет действует также вне зависимости от того, каким органом разрешается вопрос о возможности допроса адвоката – судом либо органом предварительного расследования¹.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2007 г. № 516-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Гольдмана Александра Леонидовича и Соколова Сергея Анатольевича на нарушение их конституционных прав статьей 29, пунктом 3 части второй статьи 38, пунктами 2 и 3 части третьей статьи 56 и пунктом 1 части первой статьи 72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Приведенный выше документ датируется 2007 г., однако и по сей день исследуемый в настоящей статье вопрос далек от эффективного законодательного решения.

УПК РФ в пункте 1 статьи 450.1 закрепляет положение, в соответствии с которым проведение обыска, осмотра либо выемки в отношении адвоката, включая жилые и служебные помещения, используемые им при осуществлении профессиональной деятельности, в том числе в ситуациях, указанных в части пятой статьи 165 УПК РФ, допускается исключительно после возбуждения в отношении адвоката уголовного дела либо привлечения его в качестве обвиняемого². В случаях, когда уголовное преследование осуществляется в отношении иных лиц либо по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, указанные следственные действия подлежат осуществлению в порядке, предусмотренном частью первой статьи 448 УПК РФ, на основании судебного постановления о разрешении их производства и при обязательном участии члена совета адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации либо иного представителя, уполномоченного президентом данной палаты и обеспечивающего соблюдение неприкосновенности предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну.

Имплементацию указанного положения в систему процессуального законодательства, безусловно, следует оценивать положительно, однако его нормативное содержание не предусматривает механизмов, обеспечивающих безусловную и полноценную защиту как адвокатской тайны, так и дополнительных гарантий в отношении адвокатов при проведении следственных и оперативно-разыскных мероприятий в отношении адвоката. Указанная правовая конструкция дезавуирует законодательно закрепленные, в том числе в Конституции Российской Федерации, правовые гарантии, указанные выше.

Вместе с тем КС РФ в очередной раз подтвердил последовательность и устойчивость своей правовой позиции, согласно которой конституционные нормы, а также соотносимые с ними положения международного права, направ-

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Российская газета. – № 249. – 22.12.2001.

ленные на исключение произвольного вмешательства в сферу личной автономии человека, возлагают на государство обязанность формировать в законодательстве и правоприменительной практике такие условия, которые обеспечивали бы реальную возможность осуществления гражданами права на квалифицированную юридическую помощь и надлежащее исполнение адвокатами профессиональных функций. Реализация указанных условий предполагает, с одной стороны, возможность для лица свободно передавать адвокату сведения, которые не подлежат сообщению иным субъектам, а с другой – способность адвоката обеспечить сохранение конфиденциального характера полученной информации (Постановление КС РФ от 29 ноября 2010 г. № 20-П¹; определения КС РФ от 6 июля 2000 г. № 128-О², от 8 ноября 2005 г. № 439-О³, от 29 мая 2007 г. № 516-О-О⁴).

Международные стандарты также исходят из необходимости признания и обеспечения со стороны государства конфиденциального характера всех форм профессионального общения и консультаций между юристами и их доверителями.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2010 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений” в связи с жалобами граждан Д. Р. Барановского, Ю. Н. Волохонского и И. В. Плотникова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 1.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2000 г. № 128-О «По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 1.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С. В. Бородин, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 2.

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2007 г. № 516-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Гольдмана Александра Леонидовича и Соколова Сергея Анатольевича на нарушение их конституционных прав статьей 29, пунктом 3 части второй статьи 38, пунктами 2 и 3 части третьей статьи 56 и пунктом 1 части первой статьи 72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Соответствующий подход закреплен в Основных принципах, касающихся роли юристов, принятых восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в августе–сентябре 1990 г. В развитие данных положений Стандарты независимости юридической профессии Международной ассоциации юристов, утвержденные 7 сентября 1990 г., указывают на необходимость гарантирования самостоятельности адвокатской деятельности при ведении дел в целях обеспечения свободного, справедливого и конфиденциального оказания юридической помощи, а также сохранности доверительных отношений с клиентом. В числе таких гарантий особо подчеркивается защита адвокатской документации – как в традиционной, так и в электронной форме – от изъятия и проверок, а равно недопустимость вмешательства в используемые адвокатами электронные средства связи и информационные системы⁵.

Несмотря на столь позитивное доктринальное закрепление гарантий соблюдения фундаментальных прав человека, возникает ряд вопросов к попытке установления некоего стандарта проведения следственных мероприятий. В указанном выше Постановлении разъясняется, что режим адвокатской тайны распространяется исключительно на те предметы и документы, которые были получены либо созданы адвокатом правомерным способом в рамках отношений по оказанию квалифицированной юридической помощи. При этом подчеркивается, что действие адвокатской тайны не охватывает материалы, способные указывать на наличие признаков преступления в отношениях между адвокатом и его доверителем либо в связи с такими отношениями, включая преступления против правосудия, а также орудия и предметы преступной деятельности. Иное толкование ставило бы под сомнение законность поведения адвоката и (или) его доверителя и формировало бы дополнительные основания для допустимых ограничений прав, обусловленных необходимостью защиты конституционно значимых ценностей в соответствии с требованиями

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других» // Российская газета. – № 296. – 30.12.2015.

части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации¹.

Далее указывается, что при проведении в отношении адвоката обыска, осуществляемого органами уголовного преследования на основании судебного разрешения, недопустимы исследование и принудительное изъятие материалов адвокатского производства, содержащих сведения, относящиеся исключительно к оказанию профессиональной юридической помощи доверителю в установленном законом порядке. Речь идет о материалах, которые не связаны с противоправными деяниями уголовно-правового характера со стороны адвоката, его доверителя либо иных лиц².

Наконец, подчеркивается, что конкретизация судом предмета обыска, т. е. четкое определение подлежащих обнаружению объектов, обуславливает недопустимость изъятия следователем адвокатских производств в целом, равно как и использование видео-, фото- либо иных средств фиксации сведений, содержащихся в просматриваемых материалах адвокатского производства. Кроме того, исключается возможность ознакомления, а тем более оглашения содержания документов, имеющих признаки их создания адвокатом или адвокатским образованием, если такие документы не были прямо указаны в судебном акте, санкционировавшем проведение соответствующего следственного действия³.

Механизмы обеспечения сохранности адвокатской тайны, закрепленные в соответствующем Постановлении, в значительной степени остаются на уровне доктринальных установок, тогда как их реализация в обозначенном виде на практике представляется невозможной, что подтверждается негативными примерами, выявляемыми в реальной правоприменительной деятельности.

Так, в Постановлении введен критерий о законности и не противоправности документов, составляющих адвокатское досье. В силу уголовно-

правовой специфики трудно предположить, что все документы (сведения), переданные доверителем своему адвокату для построения позиции защиты, будут иметь строго законный характер. В противном случае уголовное дело бы не возбуждалось. Следуя логике Конституционного суда, адвокат во избежание возможного изъятия документов обязан при получении документов от доверителя проводить некую сепарацию сведений.

Возникает вопрос: как следователь на стадии предварительного расследования может однозначно представить суду перечень документов, «которые способны указывать на наличие признаков преступного деяния в рамках взаимоотношений между адвокатом и его доверителем либо в связи с осуществлением таких отношений»? То есть создается предпосылка к приданию сведениям заранее установленной силы, что согласно пункту 2 статьи 17 УПК РФ является недопустимым.

В дополнение к изложенному в сложившейся правовой действительности адвокатское досье может содержать десятки терабайт информации и состоять из сотен тысяч документов (файлов). Оценить этот массив информации на несоответствие «адвокатской тайне» в рамках обыска в помещении, используемом адвокатом, представляется нереальным. Соответственно, системный блок компьютера и/или ноутбук будет изъят. В такой ситуации вопрос о добросовестности следователей, особенно при отсутствии личной ответственности, становится небеспредметным, поскольку осмотр и последующее опечатывание не предусматривает участия заинтересованных лиц.

Более того, в осмотренных документах неминуемо окажутся такие, которые в силу закона полностью подпадают под категорию «адвокатская тайна».

Еще в 2005 г. Ю. А. Костанов высказывал предложение о внесении изменений в статью 75 УПК РФ, посвященную вопросам недопустимости доказательств, путем дополнения ее положением, предусматривающим отнесение к таковым сведений, предметов и документов, составляющих адвокатское производство по делам доверителей [2]; вместе с тем обозначенный подход остался реализованным лишь частично и не был доведен до завершённой нормативной формы.

В 2017 г. в УПК РФ были внесены изменения, в результате которых в часть вторую статьи 75 УПК РФ был включен новый пункт – 2.1, предусматривающий признание недопустимыми в ка-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 2.

² Там же.

³ Там же.

честве вещественных доказательств тех предметов, документов и сведений, которые входят в адвокатское производство по делам доверителей и получены в ходе оперативно-розыскных мероприятий либо следственных действий, за исключением случаев, указанных в части первой статьи 81 УПК РФ. Данное нововведение могло бы рассматриваться как шаг в сторону усиления гарантий адвокатской тайны, однако его правовой эффект существенно ослабляется содержащейся в статье 81 УПК РФ отсылкой, согласно которой к вещественным доказательствам относятся также иные предметы и документы, способные служить средствами выявления преступления и установления обстоятельств уголовного дела. Подобная формулировка фактически нивелирует защитный потенциал введенной нормы, поскольку категория «иные предметы и документы» охватывает практически любой информационный массив.

В качестве иллюстрации, что возможно расширительное толкование вышеприведенной нормы, используем дело, рассмотренное в ЕСПЧ по жалобе Смирнова (дело Смирнова против России). Согласно фабуле дела, в ходе проведения обыска у адвоката наряду с иными документами был изъят системный блок персонального компьютера, который в дальнейшем был квалифицирован как вещественное доказательство и приобщен к материалам возбужденного уголовного дела, причем, что характерно, не в отношении самого адвоката. Указанный системный блок не возвращали адвокату на протяжении более 6 лет, вплоть до момента рассмотрения ЕСПЧ поданной жалобы. Суд в своем Постановлении указал, что при этом сам компьютер не являлся ни предметом, ни орудием, ни результатом совершения какого-либо уголовно наказуемого деяния (ср.: дело «Фризен против России», № 58254/00, §§ 29–31, 24 марта 2005 г.). Существенное значение для целей расследования представляли исключительно сведения, содержащиеся на жестком диске указанного устройства. Несмотря на это, компьютер продолжал находиться во владении национальных органов на протяжении длительного периода, т. е. свыше шести лет. В данном контексте суд отметил, что изъятное устройство являлось профессиональным инструментом заявителя, использовавшимся им для подготовки юридических документов и хранения материалов, связанных с делами доверителей. Его изъятие повлекло не только причинение заявителю значительных бытовых затрудне-

ний, но и фактически воспрепятствовало осуществлению профессиональной адвокатской деятельности, что, в свою очередь, могло отразиться на функционировании системы правосудия. В результате Европейский суд пришел к выводу о том, что государственными органами не был соблюден справедливый баланс между интересами общества и необходимостью защиты права заявителя на беспрепятственное владение и пользование своим имуществом, вследствие чего было установлено нарушение статьи 8 Конвенции, статьи 1 Протокола № 1, а также статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1¹.

В Обзоре судебной практики от 8 декабря 2021 г. Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) подтвердил ориентированность национальных судов на применение общепризнанных принципов и норм международного права. В качестве иллюстрации соответствующего подхода указанный суд сослался на постановление Европейского суда по правам человека от 4 февраля 2020 г. по делу «Круглов и другие против Российской Федерации», подчеркнув, что проведение обысков в жилых и служебных помещениях адвокатов подлежит особенно строгому контролю. При оценке того, являются ли такие меры «необходимыми в демократическом обществе», подлежат учету, в частности, наличие судебного разрешения либо последующего судебного контроля, обоснованность подозрений, лежащих в основе санкционирования обыска, а также разумная ограниченность его объема. Дополнительно обращается внимание на необходимость проведения обыска в присутствии независимого наблюдателя и наличия специальных процессуальных гарантий, направленных на предотвращение изъятия материалов, охватываемых режимом адвокатской тайны. При этом суду надлежит учитывать потенциальные последствия подобных следственных действий для профессиональной деятельности и репутации лиц, в отношении которых они осуществляются (см., в частности, п. 125 постановления ЕСПЧ от 4 фев-

¹ Смирнов против России (Smirnov v. Russia): Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 июня 2007 г. (жалоба № 71362/01). – <https://european-court.org/ru/reshe-niya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/smironov-protiv-rossii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>

раля 2020 г. по делу «Круглов и другие против Российской Федерации»¹.

ВС РФ также сослался на правовую позицию, выработанную Европейским судом по правам человека по делу «Колесниченко против Российской Федерации», в рамках которого было признано, что вмешательство в сферу профессиональной тайны адвоката в результате проведения обыска носило несоразмерный характер по отношению к преследуемым целям. Европейский суд указал, что посягательство на профессиональные секреты адвоката способно повлечь негативные последствия для надлежащего осуществления правосудия и, как следствие, затронуть гарантии, предусмотренные статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В связи с этим было сделано заключение о том, что проведение обыска в жилом помещении и служебном офисе адвоката при отсутствии достаточных оснований, а также при недостаточности процессуальных гарантий, направленных на защиту адвокатской тайны, не отвечало критерию необходимости, особенно с учетом того, что адвокат не являлся подозреваемым в совершении преступления, а осуществлял защиту обвиняемого по уголовному делу. Данная правовая позиция получила дальнейшее подтверждение в последующей практике Европейского суда, включая постановление от 12 февраля 2015 г. по делу «Юдицкая и другие против Российской Федерации».

С учетом правовых позиций, сформированных в практике Европейского суда по правам человека, ВС РФ приходит к обоснованному выводу о необходимости точного определения в соответствующем судебном акте предмета обыска, включая конкретизацию отыскиваемых объектов, документов либо сведений. Такая конкретизация призвана предотвратить необоснованное исследование, изъятие либо копирование материалов, не поименованных в судебном решении, в том числе содержащихся в адвокатском производстве, сформированном адвокатом по делам иных доверителей, при презумпции правомерного характера формирования указанных материалов. По мнению суда, данные процессуальные гаран-

тии направлены на исключение явной несоразмерности применяемых в целях расследования мер задачам уголовного судопроизводства, на поддержание баланса между публичными интересами и необходимостью защиты основных прав личности, а также на повышение эффективности защиты субъективных прав граждан и обеспечение их своевременного доступа к правосудию»².

Сформулированная ВС РФ позиция не носила характера новеллы, поскольку еще в 2020 г. в Обзоре судебной практики № 11 обращалось внимание на несоответствие обысков, проводимых в помещениях, принадлежащих адвокатам, международным правовым стандартам. В указанном обзоре, в частности, подчеркивалось, что любая мера, которая по способу реализации и фактическим последствиям тождественна обыску, независимо от ее формальной квалификации в национальном законодательстве, должна рассматриваться как вмешательство в права затронутых лиц. Отмечалось также, что в большинстве выявленных случаев адвокаты не являлись субъектами уголовного преследования, а осуществляли защиту в пределах, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Вместе с тем имели место ситуации, при которых обыски проводились без судебного разрешения под предлогом наличия обстоятельств, не терпящих отлагательства.

В рассматриваемом обзоре ВС РФ сослался на правовые выводы Европейского суда по правам человека, из которых следует, что в соответствующих делах отсутствовали какие-либо критерии или правила, позволяющие судам разграничивать допустимые и недопустимые формы вмешательства в конфиденциальность документов, охраняемых адвокатской тайной. Напротив, при санкционировании обысков суды фактически исходили из допустимости нарушения конфиденциальности общения между адвокатом и доверителем при любом уголовном расследовании, включая случаи, когда оно осуществлялось не в отношении самих адвокатов, а их клиентов. В результате такие обыски приводили к вмешательству в сферу профессиональной тайны в

¹ Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел (утв. Президиумом Верховного Суда 08.12.2021) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2022. – № 2, февраль.

² Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел (утв. Президиумом Верховного Суда 08.12.2021) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2022. – № 2, февраль.

объеме, несоразмерном преследуемой законной цели»¹.

Приведенный фрагмент позволяет выявить еще одно уязвимое положение анализируемой нормы, закрепленной в пункте 1 статьи 450.1 УПК РФ. Так, в ее тексте содержится оговорка о применимости правил, предусмотренных частью пятой статьи 165 УПК РФ, которая допускает проведение следственных действий в ситуациях, не терпящих отлагательства, на основании постановления следователя либо дознавателя без предварительного судебного разрешения. При этом последующий контроль со стороны суда и прокурора осуществляется не незамедлительно, а в течение трех суток с момента начала соответствующего следственного действия. Таким образом, даже прокурорский надзор в подобных случаях носит отсроченный характер, что объективно ослабляет превентивные гарантии защиты прав и законных интересов затронутых лиц.

В соответствии с действующей логикой законодательного регулирования вопрос обеспечения повышенного уровня защиты адвокатской тайны фактически оказывается полностью переданным на усмотрение следователя. В результате при отсутствии достаточных оснований для санкционирования обыска в жилых либо служебных помещениях, используемых адвокатом для осуществления профессиональной деятельности, отдельные недобросовестные представители правоохранительных органов получают возможность инициировать проведение следственного действия в порядке статьи 165 УПК РФ. Это, в свою очередь, создает предпосылки для фактически неограниченного доступа к материалам адвокатского производства на срок до трех суток.

В ходе первоначального восприятия может возникнуть предположение о том, что указанные «случаи» являются частной, исключительной ситуацией, не заслуживающей особого внимания. Однако, как показывает практика, такие случаи, к сожалению, нередки.

Так, одной из последних и достаточно яркой иллюстрацией может служить обыск в рамках «случаев, не терпящих отлагательств», проведенный сотрудниками правоохранительных орга-

нов 22 сентября 2025 г. в жилище Екатерины Шаровой, которая является стажером адвоката Анны Коваленко. Исключив возможность поставить адвоката в известность, пришедшие потребовали выдать ключи от помещения, в котором адвокат Анна Коваленко осуществляла свою профессиональную деятельность, а также все адвокатское досье, находившееся в тот момент у стажера. Далее, доставив стажера к кабинету адвоката, потребовали его вскрыть. Из кабинета адвоката было изъято адвокатское досье, включающее в себя в том числе материалы арбитражного дела, назначенного к рассмотрению в арбитражном суде на следующий день, 23 сентября 2025 г. При этом следователь ссылался на наличие уголовного производства, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного частью 4 статьи 159 УК РФ, в отношении лица, интересы которого адвокат представлял в рамках арбитражного спора. Самого стажера доставили в Следственный комитет Российской Федерации (далее – СК РФ) и допрашивали на протяжении нескольких часов. Постановление следователя о проведении обыска, как и его протокол, вручены не были.

На дату написания настоящей статьи никаких организационных действий в отношении сотрудников не последовало, несмотря на неоднократные обращения адвокатской палаты г. Москвы, адвоката и ее стажера к руководству СК РФ.

Возможно, к описанной ситуации можно отнестись как к исключительному случаю совершения должностными лицами самостоятельного преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации. Будем ждать реакции руководства СК РФ и результатов рассмотрения заявления в Замоскворецком суде города Москвы.

Однако стоит отметить, что при наличии расплывчатых формулировок сохранения адвокатской тайны и дополнительных гарантий адвоката, предусмотренных законом, остается возможность совершения неправомерных действий.

Вернемся к теме исследования. В целях соблюдения баланса между неприкосновенностью адвокатской тайны и публичными интересами законодательство предусматривает участие в следственных действиях в отношении адвоката представителя адвокатской палаты. Так, в части 1 статьи 450.1 УПК РФ закреплена формулировка, согласно которой присутствие представителя адвокатской палаты при проведении следствен-

¹ Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 11 (2020) (подготовлен Верховным Судом Российской Федерации) // СПС «КонсультантПлюс».

ных мероприятий направлено на обеспечение адвокатской тайны. Приведенная норма, безусловно, является очень важной, но в то же время порождает немало вопросов, не разрешенных на момент написания настоящей статьи.

Первостепенное значение в данном контексте приобретает размытость формулировки «направлено на обеспечение адвокатской тайны» и невнятность правового статуса «представителя». Из буквального толкования нормы следует, что представитель не является ни защитником, ни представителем адвоката, в отношении которого проводятся следственные действия. В круг интересов представителя не входит оказание содействия следователю, так же как и его полномочия, отличные от полномочий защитника, не позволяют влиять на ход процессуального действия.

В целях разъяснения полномочий представителя адвокатской палаты Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации принял соответствующий акт «Методические рекомендации для представителя адвокатской палаты при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката» (далее – Методические рекомендации)¹, который на сегодняшний день является единственным документом, содержащим в себе перечень прав представителя.

Несмотря на безусловно высокую значимость данного документа, следует отметить некую декларативность его положений. Так, согласно рекомендациям, представитель вправе ознакомиться с постановлением суда о производстве следственного действия, при этом не указывается, вправе ли представитель требовать от следователя предоставления возможности изготовления копии документа с задействованием технических средств визуальной фиксации. Трактовать понятия «ознакомиться» и «изготовить копию» как синонимы не представляется возможным как в силу смыслового различия, так и в силу устоявшейся практики. Всем известна ситуация, когда при ознакомлении в суде с материалами дела необходимо подать отдельное ходатайство об

изготовлении копий (фотографировании), помимо ходатайства о самом ознакомлении.

Далее, представитель палаты вправе предъявлять замечания в отношении действий следователя, которые должны быть отражены в протоколе, но которые никоим образом не влияют как на сами действия следователя, так и на процессуальное действие в целом.

По мнению автора, важным и очень актуальным действием, которое вправе совершать представитель, является фиксация факта добровольной выдачи адвокатом документов и предметов, указанных в постановлении суда. Указанный факт может предотвратить дальнейшее проведение обыска. Данный сценарий возможен только при условии, что в судебном постановлении исчерпывающе четко указаны признаки определенного индивидуального предмета, а не, например, документы, относящиеся к деятельности того или иного лица, поскольку выдача одного или нескольких документов не означает отсутствие иных, подпадающих под те же указанные в постановлении суда критерии.

Право представителя адвокатской палаты на общение с адвокатом, безусловно, является актуальным, поскольку, особенно в отсутствие защитника, степень эмоциональной стабильности в сильной психотравмирующей ситуации у всех людей разная, а присутствие представителя адвокатской палаты способно исключить давление со стороны представителей правоохранительных органов.

Представитель адвокатской палаты вправе знакомиться с документами, которые следователь посчитает необходимым изъять, на предмет их соответствия адвокатской тайне. Замечания по данному поводу по требованию представителя также могут быть внесены в протокол следственного действия, копию которого представитель не вправе требовать от следователя.

В случае наличия существенных нарушений в действиях следователя представитель адвокатской палаты вправе обжаловать их, однако, речь идет не о нарушенных правах адвоката, а о нарушенных правах самого представителя, что в свою очередь, вряд ли способно оказать какое-либо влияние на исход дела.

Помимо вышеизложенного, имеется еще один актуальный аспект, который нельзя не учитывать в силу его практической значимости. Методические рекомендации носят характер корпоративного рекомендательного акта и, в силу иерархии

¹ Методические рекомендации для представителя адвокатской палаты при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/guidelines-for-the-representative-of-the-bar-association-during-the-search-inspection-and-seizure-in/>

нормативных актов, не представляют никакой правовой значимости для представителей правоохранительных органов. Вся правовая система построена по такому принципу, что субъективному праву одного субъекта корреспондирует объективная обязанность другого. В условиях, анализируемых в настоящей статье, при отсутствии нормативного закрепления даже самих субъективных прав представителя адвокатской палаты представляется невозможным возлагать на следователя исполнение обязанностей, не имеющих законодательного оформления. При наличии подобной правовой неопределенности, а также с учетом стремления отдельных должностных лиц правоохранительных органов любыми средствами получить доступ к сведениям конфиденциального характера в рамках расследования уголовного дела, было бы необоснованно исключать риск злоупотребления предоставленными полномочиями.

При таком положении вещей с большим сожалением стоит констатировать, что фактическое участие представителя адвокатской палаты при обыске в помещении, принадлежащем адвокату, носит не столь эффективный характер, как того требует сама ситуация.

Обобщая все вышеописанное, нетрудно прийти к выводу о фактической незащищенности адвоката в процессе осуществления своей профессиональной деятельности. Причем степень незащищенности, по мнению автора, в некоторых случаях даже выше, чем у человека – представителя другой профессии. Так, если к физическому лицу, не являющемуся адвокатом, «могут прийти» с обыском по причине возможного его противоправного деяния, то в отношении адвоката, помимо указанного, обыск допускается к проведению в связи с предполагаемыми противоправными действиями иных лиц, правовая защита интересов которых осуществляется данным адвокатом в рамках его профессиональной деятельности.

По итогам исследования автор подготовил свое видение направлений совершенствования правового регулирования процедуры проведения обысков в помещениях, используемых адвокатом в процессе осуществления профессиональной деятельности.

1. На федеральном уровне представляется обоснованным нормативно закрепить понятийное разграничение между двумя процессами: обыск и (или) выемка, осуществляемые при расследова-

нии преступления, в котором подозреваемым либо обвиняемым является доверитель (подзащитный) адвоката, и обыск и (или) выемка, проводимые в рамках уголовного преследования, где соответствующий процессуальный статус имеет сам адвокат.

2. На уровне федерального законодательства целесообразно закрепить недопустимость проведения обыска и (или) выемки в порядке «неотложных следственных действий» в помещениях, используемых адвокатом для осуществления профессиональной деятельности, независимо от того, в отношении какого лица возбуждено уголовное дело.

3. В федеральном законодательстве целесообразно закрепить требование об обязательном участии представителя адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации, наделенного правом предъявлять возражения и обращаться с жалобами в порядке, предусмотренном УПК РФ, при судебном рассмотрении вопроса о санкционировании обыска и (или) выемки в помещениях, используемых адвокатом для осуществления профессиональной деятельности, независимо от процессуального статуса лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело.

4. На федеральном законодательном уровне целесообразно закрепить право адвоката на привлечение защитника по соглашению при проведении обыска и (или) выемки в помещениях, используемых им для осуществления профессиональной деятельности.

5. На федеральном уровне целесообразно законодательно закрепить недопустимость изъятия в ходе обыска и (или) выемки в помещениях, используемых адвокатом для осуществления профессиональной деятельности, каких-либо предметов и (или) документов, которые прямо не указаны в судебном акте, санкционирующем проведение соответствующих процессуальных действий.

6. На уровне федерального законодательства следует закрепить право следственных органов на изъятие/выемку телефонов, компьютеров, ноутбуков, процессоров, флэш-накопителей всех видов, внешних жестких дисков и любых иных устройств для хранения информации на срок не более 5 суток. При этом при опечатывании указанных устройств также должны присутствовать подпись самого адвоката, его защитника и представителя адвокатской палаты субъекта Российской Федерации.

7. На федеральном законодательном уровне целесообразно закрепить обязанность следственных органов проводить исследование изъятых устройств, указанных в пункте 6, только в присутствии самого адвоката, его защитника и представителя адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, имеющих право на фото- и видеофиксацию процесса исследования и принесения соответствующих жалоб в порядке статей 124 и 125 УПК РФ.

8. Представляется обоснованным закрепить в УПК РФ обязанность органов предварительного расследования рассматривать обращения, по-

ступившие от адвоката, его защитника, а равно и представителя адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации, в порядке, предусмотренном статьями 124 и 125 УПК РФ, в срок, не превышающий трех суток с момента их поступления.

Целесообразность внесения вышеуказанных изменений именно в федеральные законы обусловлена необходимостью исключить правовые коллизии, способные причинить вред как самому защитнику, его доверителям, так и правосудию в целом.

Список литературы

1. *Кони А. Ф.* Судебные речи. – М. : Юрайт, 2019.
2. *Костанов Ю. А.* Блеск и нищета уголовно-процессуального кодекса. – М. : Р. Валент, 2005.
3. *Марков Н. А.* Правила адвокатской профессии в России: опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. – М/ : Тип. О. Л. Сомовой, 1913.
4. *Миттермайер К. Ж. А.* Уголовный процесс Европы. – СПб., 1864.
5. *Перетрухин И. Л.* Право на защиту в уголовном судопроизводстве. – М. : Норма, 2008.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-106-113>

Типологические характеристики личности женщин-преступниц

С. В. Корнакова

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Байкальского государственного университета.
Адрес: ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.
E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

Typological Characteristics of Female Criminals

S. V. Kornakova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of Baikal State University.
Address: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Baikal State University»,
11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation.
E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

Поступила 25.10.2025 Принята к печати 10.11.2025

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы, касающиеся женской преступности в контексте личностных особенностей женщин-преступниц. Автор разделяет позицию, согласно которой личность преступника формируется до момента совершения преступления в ходе социализации под воздействием внешних факторов, а также зависит от психологических, биологических и антропологических данных. В процессе исследования использованы общенаучные методы обобщения, теоретического анализа и систематизации научных данных. Обращается внимание на то, что женская преступность имеет свои особенности, поскольку преступления, совершенные женщинами, отличаются от иных категорий преступлений тем, что они в большей степени связаны непосредственно с личностными характеристиками лиц, совершивших преступления. В связи с этим основное внимание в статье уделяется особенностям имеющих в юридической науке типологий личности женщин-преступниц. Сделан вывод о том, что понимание этих типологий и знание специфических особенностей личности женщины-преступницы имеет важное практическое значение, поскольку такие сведения необходимо учитывать при осуществлении профилактики женской преступности, при работе с женщинами в ходе предварительного следствия, при избрании соответствующих их типу мер воздействия и при назначении наиболее эффективного и справедливого вида наказания.

Ключевые слова: преступность, преступление, личность преступника, тип личности преступника, причины преступного поведения, женская преступность, личностные особенности женщин-преступниц, психология преступного поведения, типология личности преступника, направленность преступного поведения, субъективные особенности поведения, асоциальная деятельность, антисоциальная деятельность, рецидивная преступность, профилактика преступлений.

Abstract

The article discusses relevant issues related to female crime in the context of the personal characteristics of female criminals. The author shares the view that the personality of a criminal is formed before the crime is committed during the process of socialization under the influence of external factors, and it also depends on psychological, biological, and anthropological data. The study uses general scientific methods of generalization, theoretical analysis, and systematization of scientific data. The article emphasizes that female crime has its own characteristics, as crimes committed by women differ from other types of crimes in that they are more closely related to their personal characteristics. Therefore, the article focuses on the characteristics of the existing typologies of female criminals in legal science. The article concludes that understanding the specific features of the female criminal's personality and their typology is crucial for effective prevention of female crime, working with

women during the preliminary investigation, selecting appropriate measures of influence, and determining the most effective and fair punishment.

Keywords: crime, criminal, criminal personality, criminal personality type, causes of criminal behavior, female crime, personality traits of female criminals, psychology of criminal behavior, typology of criminal personality, direction of criminal behavior, subjective features of behavior, asocial activity, antisocial activity, recidivist crime, crime prevention.

Изучение личности преступника в рамках анализа преступности в целом является одной из важнейших составляющих уголовно-правовой политики государства. Глубокое исследование психологии преступного поведения лица дает ключ к пониманию его причин, поскольку преступление как деяние имеет тесную связь с лицом, его совершившим. При этом ученые справедливо отмечают, что «преступления, совершаемые женщинами, не только создают угрозу безопасности различных общественных отношений и интересов, но и значительно влияют на духовно-нравственное состояние общества, его культуру, уровень конфликтности в нем» [13. – С. 702].

Теоретическое изучение субъективных особенностей поведения той или иной категории лиц позволяет разработать наиболее эффективные меры по их профилактике и предупреждению на практике. Ученый-криминалист В. К. Гавло писал о важности изучения характеристик личности преступников следующее: «Личность субъекта преступления является следообразующим компонентом, и именно по этому компоненту также можно судить о событии преступления через призму личности преступника» [3. – С. 78]. Более того, по обоснованному мнению С. В. Пархоменко и Д. В. Синькова, «многими исследователями недооценивается такой важный физиологический признак человека, как пол. Как правило, это оборачивается тем, что традиционно мужские свойства и принципы поведения невольно принимаются за универсальные, а функциональные, психологические, социальные особенности женщин при исследовании совершенных ими преступлений не учитываются, что, несомненно, сказывается на качестве предупреждения этих преступлений» [12].

При анализе особенностей личности преступниц-женщин прежде всего необходимо понимание содержания понятия «личность преступника». Данное понятие появилось в криминологической науке практически одновременно с понятием «преступность». Одним из первых, кто поднял проблему изучения личности преступника с научно-практической точки зрения, был профессор А. Б. Сахаров. В своей монографии он указывает

на важность изучения личности преступника для получения более полных знаний о самой преступности, а также о путях и средствах ее предупреждения [14. – С. 3].

По поводу определения сущности личности преступника мнения ученых разделяются на две основные позиции. Первая группа ученых считает, что личность преступника формируется до момента совершения преступления в ходе социализации под воздействием внешних факторов, а также зависит от психологических, биологических и антропологических данных. В частности, по мнению А. А. Бакина, личность преступника – это «устойчивая совокупность психофизиологических свойств и качеств, мотивационных установок эмоциональной и рациональной сфер человеческого сознания» [2. – С. 85].

Согласно позиции второй группы, вести речь о личности преступника можно только после непосредственного совершения преступления лицом, а именно тогда, когда он признан виновным в его совершении. Ярким представителем данной группы ученых является Ю. М. Антонян. Вместе с тем представляется, что такая позиция не вполне логична, поскольку преступный умысел формируется под влиянием детерминирующих факторов еще задолго до момента совершения преступления. В ходе формирования преступного умысла и происходит формирование личности преступника. В этом отношении безусловно справедливым является суждение Е. В. Кунц о том, что «преступление – это результат целой цепочки причин, среди которых есть довольно удаленные во времени, например, относящиеся к раннему детству будущей преступницы» [9. – С. 476]. Также вторая теория не согласуется с совершением преступления по неосторожности. Обычно лицам, которые совершают преступления не умышленно, не присущи черты и характеристики личности преступника. В своем исследовании мы будем отталкиваться от мнения ученых первой группы.

Для более подробного и глубокого изучения личности преступника криминологи ввели понятия «типология личности преступника» и «тип личности преступника». Под типологией личности

преступника следует понимать «выявление и ранжирование наиболее существенных, закономерно присущих только данному типу личности преступника признаков, свойств и связей, которые в своей совокупности и образуют его суть» [1. – С. 27]. Каждому типу личности преступника характерны те или иные особенности, знание которых способствует более быстрому и эффективному раскрытию и расследованию преступлений, а также внедрению грамотных мер по их предупреждению. В правоохранительных органах разработкой типологий личности преступника занимаются специализированные сотрудники – профайлеры. В России подразделение профайлеров (отдел поведенческого анализа) дислоцируется в Научно-исследовательском отделе № 1 НИЦ № 5 Всероссийского научно-исследовательского института МВД. В обязанности данных сотрудников входит изучение особенностей поведения лица на месте совершения преступления, а также до и после его совершения. Выявленные особенности позволяют определить тип личности конкретного преступника и составить по нему профиль – характеристики преступника, способ и место его поиска, тактику его допроса и так далее.

Женская преступность имеет свои особенности, поскольку преступления, совершенные женщинами, отличаются от иных категорий преступлений тем, что они в большей степени связаны непосредственно с личностными характеристиками совершивших их лиц. В связи с этим в науке было выделено несколько основных типологий, которые характерны исключительно для данного вида преступности.

Первым свою типологию вывел итальянский психолог Чезаре Ломброзо в своем исследовании «Женщина: преступница и проститутка». Напомним, что этот автор был представителем уголовно-антропологической теории и рассматривал любое преступное поведение как заложенное от рождения. Он выделял три типа женщин-преступниц:

- врожденные преступницы;
- случайные преступницы;
- преступницы по страсти [10. – С. 85].

Ч. Ломброзо считал, что у женщины на генетическом и биологическом уровне заложены инстинкты. В зависимости от того, какой инстинкт преобладает, к таким видам преступлений женщина и склонна или не склонна вообще. Эта теория неоднократно подвергалась критике не только по научным, но по политическим причинам.

Описанные в исследовании признаки врожденных преступниц нередко совпадали с внешностью известных женщин, а также жен политических деятелей.

В настоящем исследовании мы не будем отталкиваться от данной типологии и рассмотрим иные типологии, которые были составлены позднее учеными-криминологами на основании научно обоснованных данных психологии и права. Традиционной считается типология, которая разделяет женщин-преступниц на типы в зависимости от характера действий и содержания мотивации¹.

1. Насильственный тип. Такой тип встречается относительно редко, но тем не менее встречается. Женщины такого типа в общении с окружающими склонны проявлять грубость, бестактность, равнодушие. Кроме того, в их поведении периодически возникают внезапные вспышки агрессии, сопровождающиеся импульсивными поступками. Также у таких женщин может наблюдаться диссоциальное расстройство личности (социопатия). Для таких женщин характерно совершение преступлений против личности (убийства, детоубийства, причинение вреда здоровью различной тяжести), а также хулиганства.

2. Корыстный тип. Для данного типа женщин-преступниц характерны такие черты характера, как жадность, зависть, меркантильность, желание обладать предметами роскоши. Помимо отрицательных качеств, такие женщины могут проявлять экономность, хозяйственность и запасливость. У таких женщин на первом месте стоит желание обеспечить себя или своих близких материальными благами. При этом у них отмечается низкий уровень правосознания и нравственности, они считают, что достичь своей цели – обладать каким-либо материальным благом – можно любыми способами, даже противозаконными. Поэтому у них отсутствует критика собственных действий. Естественно, самые распространенные преступления, характерные для данного типа личности, – это преступления против собственности, в основном совершенные тайным или обманным способом. Их главное оружие – это ум и хитрость. Им проще продумать план, чем вступить в открытое противостояние. Также им свойственно совершение должностных преступлений, в результате которых они могут получить мате-

¹ Алауханов Е. О. Криминология : учебник. – Алматы, 2008. – С. 326–327.

риальную выгоду. Ученые выявили зависимость между семейным положением женщины и корыстным тип личности. Около 85% женщин, совершающих корыстные преступления, находятся в браке и имеют на иждивении несовершеннолетних. Свои преступления они оправдывают необходимостью поддерживать семейное благополучие [4. – С. 244].

3. Корыстно-насильственный. Данный тип личности является наиболее опасным, поскольку его представители обладают теми же чертами характера, что и два вышеуказанных типа. Главная опасность заключается в том, что у таких женщин в большей степени действуют негативные социальные установки, поэтому для достижения своей цели они не видят никаких препятствий. Таким препятствием для них также не является и человеческая жизнь. Поэтому женщины данного типа склонны к совершению грабежей, разбоев, вымогательств, убийств, движимые мотивами получения материальной выгоды и др.

4. Зависимый тип. При нормальных условиях жизни женщины данного типа не склонны к совершению противоправных деяний. Но они обладают такими чертами характера, как ведомость, преданность, доверчивость, покорность, гибкость, внушаемость, исполнительность. Также для них характерно отсутствие веры в себя и низкая самооценка. В том случае, когда женщина сталкивается с антисоциальными факторами, она с легкостью поддается их влиянию и при совершении определенных действий не может руководствоваться собственным разумом. Оказать влияние на женщин могут различные факторы, в том числе психологические, вызывающие разные виды зависимости, например, алкоголь, наркотики, азартные игры и даже любовь к человеку с более сильным типом личности. Такие женщины способны на совершение любого вида преступления, кроме тех, которые она как субъект преступления совершить не может.

5. Неосторожный тип. Женщины данного типа не имеют устойчивой негативной направленности характера. До совершения преступления они проявляются преимущественно с положительной стороны. Им присущи такие черты характера, как легкомыслие, самонадеянность, эгоцентризм, безответственность, невнимательность, рассеянность, пренебрежительное отношение к общепринятым правилам поведения. Совершение такими женщинами преступлений происходит в результате случайного стечения

обстоятельств с неосторожной формой вины. Примером их преступлений является нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Насильственные преступления, совершенные женщинами, вызывают большой резонанс, поэтому ученые-криминологи провели более углубленные исследования насильственного типа личности и выявили несколько его подтипов [6. – С. 166].

1. Мазохический подтип. Женщины, относящиеся к данному подтипу, совершают насильственные преступления с неосторожной формой вины, а также вследствие превышения пределов необходимой обороны или в состоянии аффекта. Такие женщины не имеют преступных намерений, поэтому данный подтип очень схож по своему описанию с неосторожным типом личности. Для женщин этого типа характерно терпение унижений, физических и психологических издевательств со стороны кого-то из близких. Это происходит до того момента, пока на ситуацию не повлияет какой-либо объективный или субъективный фактор (условие совершения преступления), и тогда женщина совершает противоправные насильственные действия по отношению к своему обидчику. Такие преступления носят спонтанный и импульсивный характер без заранее продуманного плана.

2. Открытый враждебный насильственный подтип. Женщины данного типа воспринимают насилие как обыденную часть жизни, поскольку на этапе своего взросления были либо свидетелями насилия, либо принимали в нем участие. Как следствие, этот подтип характеризуется устойчивой негативной направленностью, проявляющейся в виде агрессивности, эмоциональной нестабильности, вспыльчивости. Насилие применяется такими женщинами в критических жизненных ситуациях, в основном для самоутверждения, и они даже не пытаются скрыть следы своих деяний. Для них также характерна алкогольная, наркотическая зависимость и наличие иных вредных привычек.

3. Скрытый враждебный насильственный подтип формируется под влиянием тех же факторов, что и предыдущий, отличаясь тем, что эти женщины, также будучи агрессивными и жестокими, еще и достаточно хитры, поскольку позволяют себе срываться и применять насилие только в безопасных для них ситуациях, исключая осведомленность кого-либо об их деяниях. Для них характерно применение насилия по от-

ношению, например, к своим детям или младшим родственникам, а также животным.

4. Аморальный подтип. Данный подтип личности женщины-преступницы является самым опасным, поскольку такие женщины идут на преступление намеренно, тщательно продумывают план и уничтожают следы своих противоправных деяний. Подобное поведение со стороны женщины встречается очень редко. Такие женщины имеют максимально нарушенную систему ценностей, а также отличаются высоким уровнем умственных способностей, хладнокровностью, коварностью, хитростью и умеют хорошо манипулировать окружающими. Цели и мотивы их преступного поведения могут быть различными – например, месть, корысть, зависть, защита своих интересов. Такой подтип характерен для женщин, которые на профессиональной основе занимаются наемными убийствами. Профессия киллера в принципе не характерна для женского пола, но, как известно, женщины в какой-то степени стали заполнять все преимущественно мужские ниши деятельности.

5. Неадекватный подтип. Женщины данного подтипа обладают теми же качествами, что и женщины зависимого подтипа. А если быть точным, то этот подтип можно назвать смешением насильственного и зависимого типов. Такие женщины по своей натуре не способны на применение насилия, но могут его совершить по указанию авторитетного для них лица, к которому испытывают сильную привязанность. Из-за своей внушаемости и низкого уровня интеллекта они могут даже до конца не осознавать, что своим насильем причиняют боль другому лицу.

6. Психотический подтип. Про таких женщин можно сказать одно: они страдают психиатрическими и душевными заболеваниями (шизофренией, биполярным расстройством, ПТСР, тревожными расстройствами). Они совершают насильственные преступления, будучи в неадекватном состоянии, и не осознают общественно-опасный характер своих действий.

Существуют и иные типологии женщин-преступниц, выделяемые по различным критериям. Например, Л. М. Щербакова выделяет следующие типы женщин-преступниц в зависимости от механизма совершенного преступления [16. – С. 156].

1. Неустойчивый тип. К такому типу преступниц относятся женщины, которые имеют стойкую деформацию в структуре направленности личности. Также у них нарушены моральные установки.

Они склонны проявлять агрессию, но умеют при необходимости подавлять ее проявления. Поэтому их импульсивную сторону поведения знают только очень близкие им люди. Для остальных же аморальное или противоправное поведение с их стороны становится неожиданностью. Для такого типа характерно совершение проступков или мелких правонарушений. Преступления они совершают редко при случайном стечении обстоятельств, чаще всего в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

2. Устойчивый (злостный) тип. Личность женщины такого типа формировалась в условиях аморального и противоправного поведения окружающих, поэтому у них изначально нарушена система ценностей. По манере поведения они отличаются социальной дезориентированностью. Им трудно находить общий язык с окружающими, а также их поведение представляется другим людям как логически непоследовательное. Это может проявляться в виде резкой смены настроения, а также необоснованных вспышек гнева в относительно нейтральных условиях. Они совершают преступления обычно на пике отрицательных эмоций, которые возникают у них часто и беспричинно. До совершения преступления они также ранее могли привлекаться к иным видам ответственности, а за аморальные поступки подвергаться общественному осуждению, что не оказывало на них превентивного воздействия.

3. Ситуационный тип. Поведение женщин такого типа в повседневной жизни не представляет опасности для окружающих. Они характеризуются исключительно с положительной стороны и имеют положительные установки направленности личности. Преступления они совершают только при определенных обстоятельствах, когда поставлены в жесткие условия и не видят иного приемлемого способа разрешения проблемы. Примером этому может быть защита себя или своего ребенка. Также часто такие женщины совершают преступления, будучи в состоянии аффекта.

4. Обороняющийся тип. Женщины данного типа характеризуются такими чертами характера, как мнительность, повышенная тревожность и подозрительность. Они часто впадают в крайности вплоть до навязчивых состояний, поэтому у них может наблюдаться социофобия, они боятся контактировать с людьми, особенно с незнакомыми, потому что считают, что те несут для них опасность. Из-за своей манеры поведения им трудно реализоваться в жизни, они не удовле-

творены собой, что может проявиться в агрессивном поведении и совершении преступления.

5. Утверждающийся тип. Женщины данного типа обладают такими качествами, как уверенность и даже самоуверенность, а также гордыня, завышенная самооценка, самолюбие и властность. Они считают, что достойны в жизни только самого лучшего, поэтому добиваются этого любыми способами, даже незаконными. При возникновении препятствий к достижению своей цели они легко могут пойти на преступления для их преодоления, поскольку их девиз по жизни – «цель оправдывает средства». В. Н. Кудрявцев считал, что для таких женщин важна не столько цель, сколько процесс ее достижения, потому что они стремятся самоутвердиться за счет совершаемых ими бескомпромиссных решений и поступков [7. – С. 103].

6. Зависимый тип. Такой тип личности преступницы характерен для женщин с совершенно противоположными, в отличие от предыдущего пункта, качествами. Они имеют заниженную самооценку и желают постоянно получать одобрение и внимание окружающих. Такие женщины легко поддаются влиянию и не имеют собственного мнения. Они эмоционально зависимы от тех людей, к которым привязались, и желают во всем им угодить. Чтобы получить нужное им внимание, они готовы пойти на преступление, даже если это противоречит их системе ценностей.

7. Мстительный тип. Женщины, принадлежащие к указанному типу, имеют четкую завышенную систему ценностей и точно уяснили для себя понятия о добре и зле. Они придерживаются правомерного типа поведения до тех пор, пока не сталкиваются с какой-либо несправедливостью в жизни. Если, по их мнению, лицо, виновное в совершении указанной несправедливости, подвергается слишком мягкому наказанию или вообще ему не подвергается, они готовы самостоятельно вершить правосудие, а все события, их касающиеся, меряют по собственным понятиям о законности. Для восстановления справедливости они готовы совершить преступление, но для них это будет не преступлением с точки зрения уголовного закона, а мерой возмездия. Совершив преступление, они уверены в правомерности своих действий и не испытывают раскаяния. Вину в совершении преступления они также не признают, поскольку считают, что потерпевший сам совершает аморальные или незаконные

поступки и должен понимать, что будет наказан соответствующим образом.

Кроме этого, в зависимости от направленности преступного поведения и степени социальной дезадаптации всех женщин-преступниц можно поделить их на два больших типа: антисоциальный и асоциальный [15. – С. 148]. Женщины с антисоциальным типом личности обладают четкой системой ценностей, которая противоречит принятым в обществе убеждениям. Они имеют ярко выраженные антиобщественные взгляды и привычки, что выражается в их повседневных действиях. Преступления они совершают в форме действий, причем достаточно активных. В групповых преступлениях они также играют активную роль.

Асоциальный тип личности характерен для женщин, которые не имеют четких убеждений, однако их личность сформирована на основе общей асоциальной направленности. Чаще всего такие женщины находятся под влиянием вредных привычек или зависимостей. Их противоправные деяния носят пассивный характер. Данный тип личности менее опасен, поскольку такие женщины не выражают готовности совершить преступление. Они готовы его совершить только с целью урегулирования своих жизненных проблем при условии, что это будет самый легкий способ их разрешения. Например, женщина, зависимая от наркотических средств, нуждается в их получении, но не имеет средств на это. Если ей предложат сбывать наркотические средства в обмен на «дозу», то она с легкостью согласится на совершение данного преступления.

Таким образом, рассмотренные основные типологии позволяют лучше понять личность женщины-преступницы. Кроме того, стоит отметить и другие особенности личности, характерные для криминалистического портрета современной женщины.

Основной пик преступной активности приходится на женщин в возрасте от 30 до 39 лет, хотя, например, отдельные виды преступлений затронула тенденция «омоложения». В их число входят насильственные преступления, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, хулиганство, участие в массовых беспорядках. Такие преступления совершаются чаще женщинами в возрасте от 18 до 25 лет и даже несовершеннолетними лицами женского пола.

По такому критерию, как местность, большую преступную активность проявляют женщины, ко-

торые проживают в городах и районных центрах, а не в сельских поселениях.

Большая часть преступлений совершается женщинами со средним общим или средним специальным образованием, но также отмечается рост образовательного уровня. Например, экономические и должностные преступления в основном совершаются женщинами, имеющими высшее образование. Также преступления совершаются чаще всего безработными женщинами или с так называемыми «рабочими» профессиями, такими как, например, работа по найму в сфере торговли, сфере обслуживания или на производстве.

Что касается семейного положения, то женщины, которые не связаны брачными узами или отношениями, чаще совершают преступления. Согласно статистике, только каждая пятая женщина из числа осужденных состояла в браке или сожительствовала [5. – С. 90]. При этом у замужних женщин прослеживается зависимость между семейным благополучием и преступностью. Чем ниже состояние микроклимата в семье, тем выше вероятность совершения женщиной противоправных деяний. Также 38,7% осужденных женщин не имеют собственной семьи, в разводе состоят 17% женщин, 4,6% – вдовы. Кроме того, наличие детей на иждивении оказывает влияние на криминальную активность женщин. Женщины,

имеющие детей, в 5 раз реже совершают противоправные деяния, чем, те у которых их нет [11. – С. 7].

Также имеется зависимость между асоциальным поведением женщин и уровнем женской преступности. Большинство преступлений совершаются женщинами, которые зависимы от вредных привычек и ведут маргинальный образ жизни.

В последнее время женская преступность приобрела тенденцию рецидива. Около 50% женщин, освободившись из мест лишения свободы, вскоре совершают преступления повторно [8. – С. 515]. При этом данный уровень еще десять лет назад был намного ниже. Это говорит о том, что в учреждениях уголовно-исполнительной системы не ведется должная работа по воспитанию, превенции и ресоциализации женщин-преступниц.

Таким образом, знание специфических особенностей личности женщин-преступниц и понимание их типологии имеет важное практическое значение. Данные сведения необходимо учитывать при осуществлении профилактики женской преступности, а также при работе с женщинами в ходе предварительного следствия, при избрании соответствующих их типу мер воздействия и назначении наиболее эффективного вида наказания.

Список литературы

1. *Ахраменка Н. Ф.* Типология личности преступника и классификация преступников // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. – Т. 4. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. – С. 27–28.
2. *Бакин А. А.* Личность обвиняемого (подозреваемого) как объект криминалистического исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2008. – № 1 (37). – С. 83–87.
3. *Гавло В. К.* О понятии криминалистического механизма преступления и его значении в расследовании криминальных событий // Алгоритмы и организация решений следственных задач. – Иркутск : ИГУ, 1982. – С. 75–80.
4. *Иванова Л. А.* Типология личности женщин-преступниц // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 9 (189). – С. 244–245.
5. *Кононыхина Т. С.* Криминологическая характеристика личности женщины-преступницы // Евразийская адвокатура. – 2019. – № 5 (43). – С. 88–94.
6. *Криминальная агрессия женщин с психическими расстройствами / под ред. Т. Б. Дмитриева, К. Л. Иммерман, М. А. Качаева, Л. В. Ромасенко.* – М., 2003.
7. *Кудрявцев В. Н.* Структура преступности и социальные изменения // Советское государство и право. – 1971. – № 6. – С. 101–109.
8. *Кунц Е. В.* Научное обоснование проблемы преступного поведения женщин // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17. – № 6. – С. 514–522.
9. *Кунц Е. В.* Уголовная политика и ее значение в сфере борьбы с женской преступностью // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18. – № 5. – С. 473–481.

10. Ломброзо Ч. Женщина преступница и проститутка / пер. с ит. Г. Гордона. – СПб. : Азбука-Аттикус, 2019.
11. Озерова К. И., Кондря Т. И. Исследование женской преступности в современной России // Инновации в науке. – 2012. – № 8 (2.) – С. 5–9.
12. Пархоменко С. В., Синьков Д. В. Развитие знаний о женской преступности и ее современное состояние в России // Baikal Research Journal. – 2016. – Т. 7. – № 5. – URL: <https://brj-bguer.ru/reader/archive.aspx?id=664>
13. Репецкая А. Л., Кононыхина Т. С. Виктимологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых женщинами (региональный аспект) // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 6. – С. 702–713.
14. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. – М. : Госюриздат, 1961.
15. Соловьева Н. А. Елфимова Е. И. Криминалистическая типология женщин, совершивших насильственные преступления // Legal Concept. – 2010. – № 2 (13). – С. 146–154.
16. Щербакова Л. М. Криминологические основы изучения личности женщин-преступниц // Государство и право: теоретико-правовое понимание. – Ставрополь, 2003. – С. 156–157.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-114-121>

Философско-правовой анализ специфики женской педофилии (парафилии) в контексте современных медико-психологических и правовых парадигм

В. А. Середнев

преподаватель кафедры истории, обществознания и права
Арзамасского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского».

Адрес: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (Арзамасский филиал),
607220, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 39.
E-mail: naganov1910@mail.ru

A Philosophical and Legal Analysis of the Specifics of Female Pedophilia (Paraphilia) in the Context of Modern Medical, Psychological and Legal Paradigms

V. A. Serednev

Lecturer of the Department of History, Social Studies and Law
of Arzamas Branch

of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
Address: National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas Branch),
39 K. Marks Str., Arzamas, 607220, Russian Federation.
E-mail: naganov1910@mail.ru

Поступила 05.01.2026 Принята к печати 15.01.2026

Аннотация

Исследование посвящено философско-правовому осмыслению женской педофилии, определяемой в работе как специфическая форма парафилии. Автор акцентирует внимание на распространенном заблуждении, отождествляющем педофилию исключительно с мужским сексуальным насилием над детьми. Однако, согласно эмпирическим данным, мужчины-педофилы зачастую страдают эректильной дисфункцией, обусловленной, в частности, соматическими заболеваниями, например, сахарным диабетом. В ряде случаев эректильная дисфункция может выступать этиологическим фактором, провоцирующим выбор ребенка в качестве объекта сексуального влечения, при этом акт пенетрации может отсутствовать. В статье аргументируется, что для реализации полного спектра объективных проявлений феномена педофилии эрегированный мужской половой орган не является обязательным условием. В настоящее время женская педофилия, как правило, остается вне поля общественного дискурса, что порождает иллюзию ее отсутствия. По результатам анализа автор формулирует два ключевых вывода: во-первых, идентифицируются факторы, способствующие возникновению женской педофилии; во-вторых, осуществляется анализ причин недостаточной общественной рефлексии данной проблемы несмотря на наличие задокументированных случаев преступлений, совершенных женщинами.

Ключевые слова: педофилия, женщина, мужчина, ребенок, психические расстройства, пенетрация, сахарный диабет, эректильная дисфункция, соматические заболевания, медицина, сексология, право, наказание.

Abstract

This study examines the philosophical and legal implications of female pedophilia, which is defined in this paper as a specific form of paraphilia. The author highlights a common misconception in society that equates pedophilia exclusively with male sexual abuse of children. However, empirical data show that male pedophiles often suffer from erectile dysfunction, particularly due to somatic conditions such as diabetes. In some cases, erectile dysfunction may act as an etiological factor, triggering the choice of a child as a sexual object, although penetration may be absent. The article argues that an erect male genital organ is not a prerequisite for the full spectrum of objective manifestations of pedophilia. Currently, female pedophilia generally remains outside the scope of public discourse, creating the illusion of its absence. Based on the results of the analysis, the author formulates two key conclusions: first, the factors contributing to the emergence of female pedophilia are identified;

second, the reasons for the insufficient public awareness of this problem, despite the existence of documented cases of crimes committed by women, are analyzed.

Keywords: pedophilia, woman, man, child, mental disorders, penetration, diabetes, erectile dysfunction, somatic diseases, medicine, sexology, law, punishment.

...Исследования, посвященные сексуальным расстройствам у женщин, больных СД, стали проводиться не так давно... Такие женщины реже остаются удовлетворенными взаимоотношениями со своими сексуальными партнерами. Некоторые исследователи отмечают высокий уровень злости, депрессии и одиночества...

*Т. Р. Бахтадзе,
Эндокринологический
научный центр РАМН, Москва*

При изучении мер борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних, в частности, тех, что совершаются лицами с отклонениями в сексуальных предпочтениях, наблюдается заметный рост частоты употребления термина «педофилия» в юридических публикациях, официальных отчетах государственных структур, интернет-пространстве и законодательных актах. На сегодняшний день при исследовании педофилии ключевая трудность заключается в том, что существующие правовые акты, регулирующие ответственность за преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних, не предоставляют исчерпывающего определения, полностью отражающего специфику данной формы сексуальной девиации. Следует особо подчеркнуть, что, хотя термин «педофилия» является сугубо медицинским, сексологическим [3], значительное число сексуальных правонарушителей не отвечают медицинским критериям педофилии [18. – С. 108]. То есть, например, в общественном представлении педофилия может ассоциироваться с мужчиной, совершающим половой акт с несовершеннолетними, даже в случаях отсутствия явного насилия. И. С. Кон выдвигает гипотезу о том, что значительная доля лиц, совершающих сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, не соответствует диагностическим критериям педофилии. Он относит их к категории «обычных» мужчин с нормальным пси-

хическим профилем, часто имеющих семейные обязательства и потомство. В контексте исследования данной группы насильственных сексуальных преступников ученый характеризует их как индивидов с пониженной самооценкой и выраженной неуверенностью, испытывающих трудности в формировании эгалитарных взаимоотношений со взрослыми женщинами, включая супруг. Следовательно, совершение посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних обусловлено не привлекательностью их сексуальной незрелости, а фактором их уязвимости и беспомощности [4. – С. 321].

В данном контексте, обусловленном «пониженной самооценкой и выраженной неуверенностью», мы можем, поддерживая позицию И. С. Кона, расширить наше понимание, добавив, что, как мы уже отмечали, психологические проблемы, такие как заниженная самооценка и неуверенность, у мужчин могут быть тесно связаны с половой импотенцией. В таких случаях невозможность осуществления полового акта с женщиной может побуждать к поиску сексуального удовлетворения через альтернативные действия, например, мастурбацию в присутствии ребенка¹.

Следует провести четкое разграничение между состояниями, требующими медицинского вмешательства, и индивидуальными особенностями поведения как мужчин, так и женщин, которые не представляют угрозы для общественного здоровья и не нуждаются в регулировании со стороны органов здравоохранения [15. – С. 205–221].

Согласно руководству МКБ-11 (одиннадцатый пересмотр Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, разработанной Всемирной организацией здравоохранения), индивидуальные особенности сексуального влечения, не совпадающие с преобладающими в обществе паттернами

¹ Середнев В. А. Проблемы розыска преступников и безвестно исчезнувших лиц (оперативно-розыскные, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) : учебное пособие. – Арзамас : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2018. – С. 108 – 119.

или с тем, что вызывает возбуждение у большинства, сами по себе не свидетельствуют о наличии психического расстройства [14. – С. 1529–1545]. Хотя нормы уголовного права, религиозные доктрины и общественные представления о нравственности способны оказывать влияние на индивидуальные поступки, само по себе соответствие или несоответствие этим нормам не является достаточным основанием для диагностирования психических расстройств [16. – С. 205–207].

При создании МКБ-11 был сформулирован диагностический принцип, позволяющий дифференцировать поведенческие проявления, не достигающие уровня патологии, и состояния, классифицируемые как психические расстройства. Данный критерий направлен на идентификацию моделей поведения, при которых в сексуальные действия вовлекаются лица, не имеющие возможности или намерения выразить согласие в силу своего возраста или физического/психического состояния [14. – С. 1529–1545].

В настоящее время более детальное разграничение представляется затруднительным, поскольку любое дальнейшее расширение допустимых границ медицинского вмешательства в частную жизнь неизбежно приведет к их чрезмерному размыванию. Это, в свою очередь, трансформирует систему здравоохранения, наделяя ее функциями социального института, который берет на себя оценку моральных аспектов, традиционно относящихся к компетенции общества, правоохранительных органов и религиозных институтов.

Существует точка зрения, поддерживаемая некоторыми научными кругами, согласно которой эректильная дисфункция может рассматриваться как самостоятельная нозологическая единица [7. – С. 131]. При этом некоторые исследователи не выделяют импотенцию (синоним эректильной дисфункции) в качестве отдельного заболевания, поскольку она зачастую является следствием других патологических процессов.

В ряде клинических ситуаций эректильная дисфункция может служить ранним индикатором наличия таких серьезных состояний, как сахарный диабет, атеросклероз, артериальная гипертензия, сердечно-сосудистые заболевания и психические расстройства [6; 1. – С. 54–59]. У половины пациентов с сахарным диабетом, испытывающих эректильную дисфункцию, наблюдается значительная психоэмоциональная уязвимость, способствующая возникновению стрессовых со-

стояний, депрессии, тревожности и фобий, что, в свою очередь, усугубляет или вызывает эректильные расстройства [20. – С. 1174–1179]. У пациентов с сахарным диабетом часто наблюдается тесная корреляция между сексуальными дисфункциями и депрессивными состояниями (а также иными психическими нарушениями), причем это явление затрагивает как мужчин [10. – С. 134–148], так и женщин [15. – С. 23].

Результаты ряда научных работ указывают на то, что у пациентов, страдающих пролиферативной диабетической ретинопатией, наблюдается более выраженная агрессивность, склонность к депрессивным состояниям и социальному отчуждению с повышенным уровнем стресса [21. – С. 367–373]. Усугубление этих психогенных факторов может происходить вследствие органических патологий, возникающих на этапах формирования и лечения сексуальных расстройств [17. – С. 9–17]. При этом именно педофилия признана психическим расстройством, изучаемым в рамках медицины и сексологии.

Для точного определения и понимания этого явления рекомендуется обратиться к Международной статистической классификации болезней (МКБ-10). Согласно этой классификации, педофилия характеризуется как «сексуальное влечение к детям (мальчикам, девочкам или обоим), как правило, препубертатного и раннего пубертатного возраста»¹, т. е. к индивидам, еще не достигшим половой зрелости. Согласно медицинским критериям, диагноз «педофилия» может быть поставлен лицу, достигшему 16 лет, при наличии у него стойких (не менее 6 месяцев) сексуальных фантазий, направленных на детей препубертатного или раннего пубертатного возраста, или же при наличии устойчивого сексуального влечения к данной возрастной группе несовершеннолетних [5. – С. 169–174].

Существуют мнения, согласно которым педофилия рассматривается как одна из форм сексуальной ориентации, наряду с гомосексуализмом или лесбийством. Сторонники этой точки зрения полагают, что в таком контексте попытки лечения педофилии могут быть признаны неэтичными, неэффективными и незаконными [12].

В научном сообществе в настоящее время ведутся концептуальные споры относительно

¹ Международная классификация болезней (МКБ-10). – URL: <https://mkb10.su/F65.4.html>

применимости термина «ориентация» к педофилии. Тем не менее представляется необходимым предварительно выработать четкое и недвусмысленное определение понятия «ориентация». Невыполнение этого условия чревато непреднамеренным смещением в сознании индивидов категорий, традиционно ассоциируемых с термином «ориентация» (сексуальное влечение, нормативность, правомерность, неизменность), с категорией педофилии [8. – С. 50]. Таким образом, утверждения, подобные высказываниям «педофилия является ориентацией, но при этом болезнью» [18 – С. 231] и «ориентация подразумевает платонические отношения, а не сексуальные» [12. – С. 79], демонстрируют внутреннюю несогласованность. Исходя из общепринятых концепций сексуальной ориентации, имеющиеся эмпирические данные свидетельствуют о том, что педофилия не соответствует критериям, позволяющим классифицировать ее как ориентацию.

Современная система законодательного регулирования медицинских мер в отношении лиц, страдающих педофилией, в Российской Федерации была сформирована в результате введения в действие Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ. Данный закон был направлен на ужесточение уголовной ответственности за совершение преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних¹.

В настоящее время действуют поправки в контекстах статей 57, 63, 73 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). По данным Следственного комитета Российской Федерации, за 2024 год в России зарегистрировано почти 17 тысяч несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений против половой неприкосновенности. Статистика показывает, что наибольшую долю среди пострадавших составляют подростки – их число достигло 7 тысяч. Далее следуют дети в возрасте от 11 до 14 лет, ко-

торых насчитывается более 6 тысяч, и дети от 6 до 10 лет – 2,6 тысячи человек².

Статистический анализ, даже с учетом исключения случаев, где возраст жертвы находится в диапазоне 12–17 лет (что усложняет точную диагностику педофилии), демонстрирует, что лица с педофилией составляют не более 20% от общего числа совершивших сексуальные преступления против несовершеннолетних. Это означает, что подавляющее большинство (свыше 80%) преступников в данной категории не проявляют устойчивого сексуального влечения к детям [8. – С. 46].

Каким бы ни был проведенный анализ, представленные аналитические материалы не содержат сведений, указывающих на совершение женщинами преступлений, связанных с парафилиями (включая педофилию). Это создает впечатление, будто подобные преступления со стороны женщин невозможны или не фиксируются. В российском социуме прочно укоренилась нарративная линия, утверждающая исключительно мужскую природу педофилии. Эта идея, к сожалению, получает широкое одобрение и не вызывает сомнений у значительной части общества.

Наше исследование парафилий направлено на детальное изучение особенностей сексуального влечения, с особым акцентом на феномен женской педофилии. Парафилии, будучи категорией расстройств сексуальных предпочтений, включают в себя разнообразные аномальные влечения, среди которых мы выделяем специфический аспект, связанный с женской педофилией. Феномен женской педофилии, в основном, *характеризуется низкой степенью освещенности в средствах массовой информации, особенно в официальном правовом поле*. Упоминания о нем, как правило, ограничены малоизвестными иностранными медиаресурсами и контентом, публикуемым отдельными блогерами на своих интернет-платформах³. Информация о женщинах-педофилах нередко сопровождается фразами вроде: «За пять лет число женщин, *насилую-*

¹ Ткаченко А. А., Шишков С. Н. Судебно-психиатрическая экспертиза по определению расстройств сексуальных предпочтений в свете Федерального закона от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Информационное письмо. – М. : ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, – 2012.

² Бастрыкин назвал число детей, пострадавших от насилия в 2024 году. – URL: <https://rtvi.com/news/bastrykin-nazval-chislo-detej-postradavshih-ot-nasiliya-v-2024-godu/>

³ О женщинах педофилах... (фрагмент) (...закон о пожизненном заключении педофилов) // Особист от народа (интернет-ресурс ДЗЕН). – 2022. – URL: <https://dzen.ru/video/watch/6262252697d9d32ab4ece28a?sid=8684547391118838>

щих детей, удвоилось»¹. Это делается намеренно, чтобы у людей возникала ассоциация с мужским половым органом и, как следствие, педофилия воспринималась как сугубо мужская проблема.

Следует отметить, что в контексте уголовного права акт изнасилования определяется исключительно как совокупление мужских и женских половых органов. Иные формы сексуального насилия не подпадают под данное определение. Например, действия, подпадающие под статью 135 УК РФ, могут включать совершение непристойных действий сексуального характера, в частности, демонстрацию половых органов и стимуляцию с использованием рук, посторонних предметов или ротовой полости. Кроме того, существуют интеллектуальные формы развратных действий, заключающиеся в целенаправленном воздействии на психику жертвы посредством информации. К таким действиям относятся, например, ведение бесед откровенного характера, показ эротических или порнографических материалов (фотографий, видео), а также склонение потерпевшего к сексуальным отношениям с другими лицами. Следовательно, становится ясно, что для осуществления сексуальных действий, характерных для педофилии, наличие мужского полового члена со всеми его функциями, предназначенными для сексуальной активности, не является обязательным условием. Тем не менее, в рамках существующей социальной парадигмы активно продвигается концепция, согласно которой педофилы являются мужчинами.

Согласно данным, полученным BBC Radio 4 в рамках запроса о свободе информации, зафиксирован значительный рост числа случаев сексуального насилия над детьми, совершенного женщинами. За период с 2018 по 2023 год количество таких инцидентов увеличилось на 84% – с 1249 до 2297 случаев².

Особый резонанс вызвала ситуация, связанная с обвинением молодой учительницы английского языка из Санкт-Петербурга в совращении двух несовершеннолетних в возрасте 12 лет.

¹ Number of female paedophiles nearly DOUBLES in four years: Warning over 2,297 cases of abused children as 'lack of understanding' means women are less likely to be reported for crimes // Daily Mail. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9f14617b-6957b8ef-d3c01390-74722d776562; <https://www.dailymail.co.uk/news/article-9162391/Number-female-paedophiles-nearly-DOUBLES-four-years.html>

² Ibid.

По данным следствия, в течение марта и апреля 2025 г. в отношении указанных школьников были совершены действия сексуального характера. По состоянию на 16 декабря 2025 г. гражданка была задержана. Ей вменяется совершение преступления, предусмотренного частью 5 статьи 132 УК РФ, а именно насильственные действия сексуального характера. Санкция данной статьи предусматривает ответственность в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет³. Также известен случай, когда, согласно материалам дела, рассмотренного судом Ленинградской области в мае 2025 г., 25-летняя учительница начальных классов была признана виновной в совершении сексуальных домогательств в отношении несовершеннолетнего, 11-летнего мальчика. В качестве меры наказания ей назначено девять лет лишения свободы. Основанием для возбуждения уголовного дела послужило заявление матери потерпевшего, поданное в правоохранительные органы в начале 2024 г. Согласно показаниям, обвиняемая систематически оставляла ребенка после занятий в одиночестве, совершала насильственные действия сексуального характера, а также направляла ему материалы интимного содержания⁴. Это подтверждает наличие в медиапространстве мнения о том, что среди педофилов часто встречаются культурные, образованные люди, имеющие отношение к науке или образованию, в том числе и женщины⁵.

Если обратиться к составу преступления против половой неприкосновенности, то субъект данного преступления – общий, т. е. физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет (для ст. 131, 132 УК РФ) или 18 лет (для ст. 134, 135 УК РФ). Специальный субъект возможен в ст. 133 УК РФ, где виновным выступает лицо, использующее служебное или иное преимущество. Термин «общий субъект» в юридическом контексте охватывает как мужчин, так и женщин. Однако для непосвященного человека, не имеющего юриди-

³ Глава СК поручил выпустить из СИЗО учительницу по делу о совращении детей. – URL: https://www.rbc.ru/rbc_freenews/694a9f2b9a79470c65a6fb3b

⁴ Некрасов М. Учительницу из Ленобласти посадили на девять лет за интим с четвероклассником // Вечерняя Москва. – URL: <https://vm.ru/news/1228992-uchitelnicu-osudili-na-devyat-let-kolonii-za-intimnyuyu-svyaz-s-chetveroklassnikom>

⁵ А педофил-то, возможно, женщина // Особист от народа (Интернет-ресурс ДЗЕН, 2023). – URL: <https://dzen.ru/video/watch/65ab673a448bbb2f93d014f7>

ческого образования и, как следствие, демонстрирующего ограниченное знакомство с законодательством, это понятие может вызывать ассоциации исключительно с мужским полом. Причина кроется в грамматической природе слова «субъект» – это существительное мужского рода, что и формирует у обывателя соответствующее восприятие. Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу о необходимости дополнения формулировок составов преступлений сексуального характера указанием на субъект как «мужского, так и женского пола», несмотря на наличие существующих комментариев к УК РФ. Данная мера, по нашему мнению, будет способствовать повышению уровня правовой осведомленности граждан. Важно отметить, что, согласно некоторым зарубежным исследованиям, существует небольшая доля (примерно 7%) лиц с педофилией, которые не совершали сексуальных преступлений.

Тем не менее наличие таких индивидуумов подтверждается данными [13. – С. 1153–1162]. В связи с этим следует подчеркнуть, что наличие расстройства сексуального предпочтения не означает автоматического совершения или намерения совершить половое преступление. Значительная часть таких индивидов активно борется с влечением к несовершеннолетним или находит сублимацию своих сексуальных потребностей через просмотр порнографии, мастурбацию или несексуальное общение с детьми в онлайн-пространстве [3. – С.37–46].

Парафилии, как правило, представляют собой стойкие состояния, часто сохраняющиеся на протяжении многих лет, а иногда и на протяжении всей жизни. Их выраженность варьируется в зависимости от количества и возраста затронутых лиц, степени нанесенного ущерба [19. – С.630–631; 9. – С. 412–414]. Несмотря на эту устойчивость, отсутствуют убедительные данные, свидетельствующие о невозможности трансформации парафильных предпочтений с течением времени или их коррекции под воздействием терапевтических вмешательств [11. – С. 2171–2173].

Согласно нашему анализу, отсутствие включения женских парафилий, в частности педофилии, в официальную «повестку дня», а также монополия женщин на инициирование их обсуждения обусловлены существующим гендерным противостоянием. Исследования профессора Г. Б. Дерягина указывают на возможную связь педофилии с крайними проявлениями пуританства и феминизма. Дерягин выдвинул гипотезу, согласно ко-

торой феминизм может выступать в роли идеологического фундамента для радикального пуританства¹.

В этой концепции феминистская перспектива рассматривает сексуальные отношения как инструмент, используемый для угнетения женщин и утверждения мужского доминирования. Как следствие, у женщин может развиваться желание активно противостоять мужчинам. При этом предполагается, что такое противостояние может сочетаться с желанием оставаться привлекательными для мужчин в зрелом возрасте и отвлекать их интерес от молодых девушек. Ключевой момент великого конфликта и его кульминация сводятся к тому, что женская пронципальность и зрелость призваны направлять мужские умы. Наступает момент, когда мужчинам предстоит принять судьбоносное решение: либо признать и ценить ту красоту, что расцветает с годами, либо поддаться эфемерному обаянию юности, подобному скоротечному цветению, и понести за этот выбор суровое возмездие, определенное волей умудренных женщин. Даже политик, стремящийся к власти, понимает, что женщины, особенно те, кто прошел долгий жизненный путь, – это не те, с кем стоит вступать в конфронтацию. Налаживание дружеских связей с ними – это инвестиция в успех, тогда как вражда – путь к поражению.

Опираясь на идеи Отто Вейнингера, можно утверждать, что каждый индивид представляет собой сложную комбинацию мужских и женских начал [2. – С. 9]. Мы считаем, что именно эти основополагающие начала являются принципами, которые отражают сущность личности, стремящейся к доминированию и реализации своих стремлений. Для достижения этой цели перво-степенным условием является обретение определенной степени влияния, примером чего может служить власть женщины над мужчиной. Поэтому в идеале мужское и женское начала должны находиться в состоянии равновесия и взаимного дополнения. Однако на практике часто наблюдается доминирование одного из начал. Следует отметить, что соотношение этих начал не всегда соответствует биологическому полу. Принятие природной физической асимметрии в силе между полами является для женщины трудным. Следо-

¹ Дерягин Г. Б. Криминальная сексология : курс лекций для юридических факультетов. – М. : Московский университет МВД РФ ; Изд-во «Щит-М», 2008. – С. 238.

вательно, одной из ключевых детерминант женской педофилии является сочетание эмоциональной незрелости и выраженной потребности в доминировании.

В своей основе доминирование представляет собой глубокую потребность в признании своего статуса и значимости. Эта потребность может трансформироваться в стремление к власти и контролю. Женщины выработали негласное правило: власть не терпит возражений, ей можно лишь повиноваться. Чтобы укрепить эту позицию, они изобрели известную тонкую психологическую уловку: «Тот, кто поднимет руку на женщину, не достоин называться мужчиной». Этот прием, несмотря на свою иррациональность, оказался на удивление эффективным, перекрывая инстинктивное стремление сильных к доминированию над слабыми и обходя биологическую и историческую тенденцию подавления физически более слабых физически более сильными.

Вопреки стереотипному образу женской мягкости и заботы некоторые индивиды женского пола могут стремиться к установлению эмоционального превосходства, выбирая в качестве объекта воздействия более уязвимых субъектов, таких как дети. Кроме того, существует корреляция между опытом детского сексуального или эмоционального насилия и последующим совершением насилия над детьми со стороны женщин. Эта связь обусловлена наличием психологической травмы, которая может деформировать психосексуальное развитие. Важно отметить, что не каждая жертва насилия сама становится агрессором, однако травматический опыт может привести к нарушению формирования здоровых межличностных отношений, в том числе со сверстниками. Вследствие этого некоторые женщины могут искать удовлетворения своих потребностей в общении с детьми, где они ощущают большую власть и контроль. Эти паттерны могут усугубляться наличием сопутствующих психических расстройств, таких как личностные расстройства, гормональные сбои и другие психические заболевания, которые, подобно мужской педофилии, играют существенную роль в этом процессе. Нельзя обойти вниманием и социальный контекст, который может выступать в роли катализатора виктимизации. Ситуации, когда женщина имеет регулярный доступ к детям (например, в образовательных учреждениях, дошкольных учреждениях или спортивных секциях), могут создавать предпосылки для потенциально-

го злоупотребления. Эта уязвимость усиливается отсутствием в коллективе эффективных механизмов контроля и обеспечения безопасности.

Таким образом, возникновение педофилии как у мужчин, так и у женщин может быть обусловлено сложным взаимодействием биологических и физиологических факторов. Исследования свидетельствуют о том, что нарушения в функционировании мозга могут быть как способствующими, так и определяющими факторами, проявляясь в виде проблем с самоконтролем, чрезмерных побуждений и искаженного мышления. Формирование таких нарушенных сексуальных предпочтений часто связывают с детским опытом, полученным в критические периоды развития¹.

Существует также общественный фактор, который способствует меньшей осведомленности о женской педофилии и заключается в том, что жертвы сексуального насилия со стороны женщин зачастую избегают обращения в правоохранительные органы. Общество, к сожалению, склонно интерпретировать такие случаи, опираясь на деструктивные стереотипы и двойные стандарты. Вместо того чтобы признать серьезность травмы, можно столкнуться с комментариями, обесценивающими страдания жертв, такими как «Вот бы мне такую учительницу» или «Парнишке повезло». Подобные реакции не только игнорируют боль пострадавших, но и формируют ошибочное представление о том, что насилие, совершаемое женщинами, является незначительным или даже привлекательным. В настоящем исследовании мы предприняли попытку проанализировать ключевые факторы, обуславливающие как возникновение женской педофилии, так и недостаточную степень ее изученности.

¹ Дерягин Г. Б. Судебная медицина : учебник для юридических и медицинских факультетов. — М. : МосУ МВД России ; Щит-М, 2012. — С. 71.

Список литературы

1. Бахтадзе Т. Р., Смирнова О. М., Жуков А. О. Психоэмоциональные расстройства при некоторых эндокринных заболеваниях и сахарном диабете // Сахарный диабет. – 2004. – № 2. – С. 54–59.
2. Вейнингер О. Пол и характер. – М. : Астрель, 2012.
3. Дерягин Г. Б. Педофилия: пояснение для посторонних // Сексология и сексопатология. – 2006. – № 2. – С. 37–46.
4. Кон И. С. Социологическая психология. – М. ; Воронеж : МОДЭК.– 1999.
5. Колбасин В. В. Педофилия как юридический термин (криминальная педофилия) // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20. – № 2. – С. 169–174.
6. Крупин В. Н. Эректильная импотенция при сердечно-сосудистых заболеваниях. Диагностика. Лечение : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. – 1995.
7. Новиков А. И., Михайлинчеко В. В., Родыгин Л. М. Первый опыт лечения больных с эректильной дисфункцией уденаф // Андрология и генитальная хирургия. – 2010. – № 2. – С. 131.
8. Педофилия: социально-правовые и медицинские аспекты / С. В. Шпорт, М. Ю. Каменсков, Г. Е. Введенский [и др.] // Общественное здоровье. – 2022. – Т. 2. – № 4. – С. 45–57.
9. Biological Psychiatry (WFSBP) 2020 guidelines for the pharmacological treatment of paraphilic disorders // World J Biol Psychiatry. – 2020. – Vol. 21. – No. 6. – P. 412–490.
10. Cavan D. A., Bamett A. H., Leatherdale B. A. Diabetic impotence: risk factors in a clinic population // Diabetes Res. – 1987. – No. 5. – P. 145–148.
11. Fedoroff J. P. More Puzzles: A Response to Seto's "The Puzzle of Male Chronophilias" // Arch Sex Behav. – 2018. – Vol. 47. – No. 8. – P. 2171–2173. .
12. Fedoroff J. P. The Paraphilias. Changing Suits in the Evolution of Sexual Interest Paradigms. – New York, NY : Oxford University Press, 2020.
13. Grundmann D., Krupp J., Scherner G., Amelung T., Beier K. M. Stability of Self-Reported Arousal to Sexual Fantasies Involving Children in a Clinical Sample of Pedophiles and Hebephiles // Arch Sex Behav. – 2016. – No. 45 (5). – P. 1153–1162.
14. Krueger R. B., Reed G. M., First M. B., Marais A., Kismodi E., Briken P. Proposals for Paraphilic Disorders in the International Classification of Diseases and Related Health Problems, Eleventh Revision (ICD 11) // Arch Sex Behav. – 2017. – No. 46 (5) – P. 1529–1545.
15. Leedom U., Procci W. P., Don D., Meehan W. P. Sexual dysfunction and depression in diabetic women // Diabetes. – 1986. – Vol. 35 (Suppl. 1). – P. 23A.
16. Reed G. M., Drescher J., Krueger R. B., Atalla E., Cochran S. D., First M. B., Cohen-Kettenis P. T., Arango-de Montis I., Parish S. J., Cottler S., Briken P., Saxena S. Disorders related to sexuality and gender identity in the ICD 11: revising the ICD 10 classification based on current scientific evidence, best clinical practices, and human rights considerations // World Psychiatry. – 2016. – No. 15 (3). – P 205–221.
17. Schiavi P. C., Hogan B. Sexual problems in diabetes mellitus: psychological aspects // Diabetes Care. – 1979. – Vol. 2. – P. 9–17.
18. Seto M. C. Pedophilia and Sexual Offending Against Children. Theory, Assessment, and Intervention. – Washington, DC: American Psychological Association, 2018.
19. Thibaut F., Cosyns P., Fedoroff J. P., Briken P., Goethals K., Bradford J. M. W. The World Federation of Societies of Biological Psychiatry (WFSBP) 2020 guidelines for the pharmacological treatment of paraphilic disorders // The World Journal of Biological Psychiatry. – 2020. – Vol. 11. – P. 604–655.
20. Whitehead E. D., Myde B. J., Zussman S., Wayne N., Shinbach K., Davis D. Male sexual dysfunction and diabetes mellitus // New York State J Med. – 1983. – No. 83. – P. 1174–1179.
21. Wulsin L. R., Jacobson A. M., Rand L. I. Psychosocial aspects of diabetic retinopathy // Diabetes Care. – 1987. – Vol. 10. – P. 367–373.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-122-132>

Цифровые и наследственные права в системе гражданских прав: имущественный аспект

Р.А. Рязин

кандидат юридических наук,
судья Верховного Суда Российской Федерации.
Адрес: Верховный Суд Российской Федерации,
121260, Москва, Поварская ул., д. 15, стр. 1.
E-mail: rodinzonrom@mail.ru

Digital and Inheritance Rights in the Civil Rights System: the Property Aspect

R. A. Ryabzin

PhD in Law,
Judge of the Supreme Court of the Russian Federation.
Address: Supreme Court of the Russian Federation,
Build. 1, 15 Povarskaya Str., Moscow, 121260, Russian Federation.
E-mail: rodinzonrom@mail.ru

Поступила 10.01.2026 Принята к печати 25.01.2026

Аннотация

В статье проанализированы цифровые и наследственные права с позиции определения их места в системе имущественных гражданских прав. На основе доктринальных и законодательных источников исследованы их признаки и правовая природа, что позволило сформулировать ряд выводов. В частности, цифровые права не являются самостоятельными правами наравне с вещными, исключительными и обязательственными. По своей правовой природе цифровые права в настоящее время являются обязательственными, однако в перспективе они могут быть выражены в виде исключительных прав. Присущие праву на принятие наследства признаки с определенной долей условности «роднят» его с правом собственности как основным вещным правом. Однако это только на первый взгляд. Содержание таких прав различно. Иные присущие им черты – срок действия прав, направленность их реализации, что обусловлено различием интересов и способов их удовлетворения и т. д., – позволяют признать, что наследственные права не являются производными от традиционно признаваемых прав, и невозможно также классифицировать наследственные права как условные разновидности вещных, обязательственных или исключительных прав, что предполагает их самостоятельное значение наравне с перечисленными гражданскими правами.

Ключевые слова: цифровые права, правовая природа, признаки, обязательственные права, вещные права, исключительные права, право собственности, наследственные права, право на принятие наследства, система имущественных прав.

Abstract

The article analyzes digital and inheritance rights from the perspective of determining their place in the system of property civil rights. Based on doctrinal and legislative sources, their features and legal nature have been investigated, which allowed us to formulate a number of conclusions. In particular, digital rights are not independent rights on an equal basis with proprietary, exclusive and binding rights. By their legal nature, digital rights are currently binding, but in the future they may be expressed in the form of exclusive rights. The inherent features of the right to accept inheritance, with a certain degree of conditionality, "relate" it to the right of ownership as the main property right. However, this is only at first glance. The content of such rights varies. Other features inherent in them are the duration of rights, the direction of their implementation, which is due to the difference in interests and ways of satisfying them, etc. – they allow us to recognize that inheritance rights are neither derived from traditionally recognized rights, nor is it possible to classify inheritance rights as conditional varieties of property, obligation, or exclusive rights, which presupposes their independent significance along with the listed civil rights.

Keywords: digital rights, legal nature, attributes, rights of obligations, property rights, exclusive rights, property rights, inheritance rights, the right to accept inheritance, the system of property rights.

В отличие от наследственных прав, цифровые права появились в отечественном законодательстве сравнительно недавно¹ и сразу стали объектом критики российских юристов: основные дискуссионные вопросы, которые не нашли своего разрешения и на сегодняшний день, заключаются в определении их правовой природы и месте в российском праве². Считаем, иные спорные моменты в отношении названных прав могут быть решены только при условии определения их правовой природы, которая и предопределяет устанавливаемый в отношении цифровых прав оптимальный правовой режим. Более того, именно характер правовой природы цифровых прав позволит выявить наличие (или отсутствие) их собственного содержания, что в конечном итоге позволит (или не позволит) отграничить их от общепризнанных на сегодняшний день самостоятельных прав – вещных, обязательственных или исключительных.

В соответствии с легальной дефиницией под цифровыми правами понимаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Причем в соответствии с действующим законодательством, в частности, с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ), цифровые права поименованы в перечне объектов гражданских прав в составе имущественных прав наравне с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами (ст. 128

ГК РФ). Это обстоятельство легло в основу одного из наиболее популярных подходов к определению правовой природы цифровых прав – цивилистического. Его сторонники признают их гражданско-правовую природу, что в том числе выражается в сравнении цифровых прав с бездокументарными ценными бумагами, безналичными денежными средствами, а также с интеллектуальными правами. В результате их характеризуют и в качестве самостоятельного вида имущественных прав (наравне с общепринятыми)³, и как субъективное право отдельного лица в отношении цифровой среды⁴, и как право, обладающее экономической ценностью [18] и т. д.

Довольно часто авторы раскрывают специфику цифровых прав с позиции межотраслевого характера или в принципе с точки зрения иных от-

³ Наглядным примером данной интерпретации может выступать исследование М. А. Рожковой, которая сопоставляет цифровое право как новую юридическую фикцию с ценной бумагой, указывая на близость их сущности и правовой природы. Так, автор ставит в один ряд цифровые права с традиционными объектами гражданских прав, а именно с имущественными правами, включающими безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги, что вполне научно обоснованно, в том числе с позиции положений действующего законодательства [28. – С. 27, 43]. Б. М. Гонгало и Л. А. Новоселова также заявляют о появлении особого объекта, не сводимого к известным объектам прав [7]. Самостоятельное содержание цифровых прав признают также А. Васильев, Ж. Ибрагимов, Р. Насыров, И. Васев [5. – С. 17]. По мнению В. В. Кресса, «по буквальному смыслу закона цифровые права не относятся к вещам, а в классификации субъективных прав они занимают самостоятельное место наряду с известными гражданскому обороту вещными, обязательственными, исключительными правами» [15].

⁴ Поскольку термин «цифровые права» (англ. digital rights) пришел к нам из иностранных источников, где он используется для обозначения прав человека в цифровом пространстве, в таком значении его и понимают многие авторы. Так, по мнению председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Зорькина, «под цифровыми правами понимаются права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности в сети Интернет. А также право свободно общаться и выражать мнения в сети и право на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность (обезличенность) его уже оцифрованной персональной информации» [11]. Также см. [23].

¹ Напомним, что цифровые права были включены законодателем в число объектов гражданских прав в 2019 г. См.: Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.03.2019. – № 12. – Ст. 1224.

² Его называют и отраслью законодательства (И. Л. Петрова, В. С. Манохин, А. А. Васильев, Ж. И. Ибрагимов, Р. В. Насыров, И. Н. Васев), и комплексной отраслью права – в перспективе (М.А. Егорова, В.С. Белых), и подотраслью информационного права – также в перспективе (О. В. Танимов, А. Р. Шевченко), и комплексным правовым институтом – в настоящее время (М. А. Егорова, В. С. Белых, А. В. Минбалева) (более подробно см.: [1]).

раслей права. Так, Е. Г. Стребкова и Д. С. Велиева определяют цифровые права через призму норм конституционного права. Причем первая из них делает вывод о том, что цифровое право представляет собой процесс трансформации конституционных прав человека [31], а вторая на основе исследования различных аспектов цифровых прав в системе конституционных прав и свобод заявляет об ошибочном закреплении в ГК РФ их легальной дефиниции, однако допуская существование цифровых прав в гражданском законодательстве [6. – С. 19].

Считаем такой подход к пониманию цифровых прав неверным: несмотря на то, что в современных условиях цифровизации общества многие права личности и гражданина, провозглашенные в основном законе страны, реализуются посредством цифровых технологий, отождествлять их с цифровыми правами недопустимо, поскольку действующая конструкция цифровых прав предполагает их имущественный характер и, как это указано в законе, находят выражение через обязательственные и иные права.

По мнению многих ученых, цифровые права не имеют собственного содержания¹, а по своей природе представляют лишь вид оформления одного из общепризнанных прав². Такого подхода придерживаются, например, И. Е. Михеева, А. Ю. Чурилов, С. В. Сарбаш [21; 37; 22] и ряд иных авторов. Одним из сторонников такого подхода является также Е. А. Суханов: по его словам, поскольку одним из условий признания того или иного права цифровым является прямое решение законодателя, получается, что цифровым можно объявить любое субъективное гражданское право: корпоративное, вещное, интеллекту-

альное [32]. Однако тут же ученый справедливо, на наш взгляд, отмечает, что «...придание объекту гражданских прав какой-либо новой формы, хотя бы и цифровой, само по себе не способно определить или изменить его юридическую природу» [8]. Примечательно, что подобные выводы нашли поддержку у государственных органов. В частности, Минфин России считает возможным учитывать цифровые инструменты в зависимости от тех прав, которые лежат в его основе³. С этим, однако, не согласен Банк России, который, в частности, не считает цифровые финансовые активы цифровой формой отдельных имущественных прав, а придерживается позиции о признании их самостоятельными инструментами, которые требуют отдельного правового регулирования⁴.

В чем же заключается юридическая природа вещных прав? В силу прямого указания закона в качестве цифровых прав могут быть названы обязательственные и иные права, которые законодатель признает цифровыми. Это означает, что иные объекты реальной действительности, не имеющие овеществленной формы и существующие только в цифровой среде (в их числе игровое имущество, криптовалюта и т. д.), цифровыми правами не признаются. На том, насколько оправдан такой подход законодателя, мы не будем акцентировать внимание, так как это выходит за рамки нашего исследования, однако отметим, что цифровое имущество (как его именуют в юридической литературе) в ряде случаев имеет высокую денежную стоимость, поэтому игнорировать вопросы правового регулирования их приобретения и включения в гражданский оборот нельзя.

В настоящее время в качестве цифровых прав в специальных законах названы только отдельные немногочисленные категории активов как отражения реальных имущественных благ –

¹ Так, по мнению авторов одной из публикаций, «... цифровые права обладают тремя существенными признаками. Родовым признаком является то, что цифровые права являются обязательственными или иными правами. То есть цифровые права не представляют собой кардинально новое благо, отличное от иных объектов гражданских прав. Они определяются через отсылку к иным объектам гражданских прав» [17].

² Л. Ю. Василевская считает, что «с точки зрения элементарной логики нельзя рассматривать цифровые права в одной плоскости с известными нам и различными по своей правовой природе имущественными правами (обязательственными, корпоративными и др.)». При этом под цифровыми правами она считает возможным понимать «цифровой способ фиксации имущественных прав» с распространением на них механизма цессии, отчуждения указанных прав [4].

³ См. приложение к письму Министерства финансов Российской Федерации от 23 декабря 2022 г. № 07-04-09/126779 «Рекомендации аудиторским организациям, индивидуальным аудиторам, аудиторам по проведению аудита годовой бухгалтерской отчетности организаций за 2022 год» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См. Указание Банка России от 20 июня 2023 г. № 6453-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 2 сентября 2015 года № 486-П» (зарегистрировано в Минюсте России 24.07.2023 № 74382) (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

цифровые финансовые активы¹ и утилитарные цифровые права². Анализ соответствующих федеральных законов позволяет прийти к выводу о том, что понятие и содержание указанных прав раскрывается через правовую категорию прав требования, а это означает не что иное, как признание обязательственной природы действующих на сегодняшний день цифровых прав³. Поэтому мы не согласны с А. М. Эрделевским, по мнению которого, указание в законодательном определении цифровых прав на «обязательственные и иные права» никак «...не способствует раскрытию понятия цифрового права» [38]. Более того, считаем, что именно это указание как нельзя лучше способствует определению их правовой природы, а если быть более точным – обязательственной природы.

Однако насколько оправдана сделанная законодателем отсылка на «иные права»? Как мы уже отмечали, в контексте «иных прав» речь мо-

жет идти о вещных и исключительных правах. В силу нашего убеждения о возникновении вещных прав только в отношении объектов материального мира, существование цифровых прав исключительно в информационной системе априори исключает возможность распространения на такие права режима вещных прав. Более того, как отмечено в юридической доктрине, невозможность использования цифровых прав вне рамок информационной системы, в которой такие права возникли и существуют, в принципе делает невозможным признание их абсолютного характера, поскольку такие права не распространяют свое действие в отношении «всех третьих лиц» [8].

Однако в юридической литературе все чаще говорят о необходимости «расширения» теоретических представлений о праве собственности, с чем мы категорически не согласны. Право собственности является одним из древнейших правовых институтов, классические представления о котором не должны ставиться в зависимость от простого желания законодателя и ряда ученых обосновать необходимость их пересмотра⁴ только лишь по причине появления в гражданском законодательстве новой правовой категории – цифровых прав. Конструкция последних не может и не должна быть «вписана» в вещно-правовой режим не только по причине различий в форме существования опосредуемых ими объектов, но и в силу принципиальных различий их существования, содержания, реализации и защиты.

В настоящее время невозможно также полностью отождествлять цифровые права с исключительными правами. Во-первых, перечень объектов интеллектуальной собственности, на которые признаются интеллектуальные (в том числе исключительные) права, строго определен законом. Закон также определяет, является ли то или иное право цифровым. Права, признанные на сегодняшний день в качестве цифровых, не оформляют результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуа-

¹ В соответствии с Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» под цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.

² В соответствии с Федеральным законом «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». См.: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.08.2019. – № 31. – Ст. 4418.

³ М. А. Рожкова, ассоциируя цифровые права с токенами, отождествляет их с шифрами, дающими определенные возможности, и сводит их роль к удостоверению прав на вещи (на иное имущество, на результаты работ, оказание тех или иных услуг) [28]. А. С. Степанян также отождествляет цифровые права с токенами [30].

⁴ В доктрине, в том числе в российской, сделаны осторожные попытки адаптировать концепцию вещного права к объектам виртуального мира. Зарубежные ученые отмечают узкую интерпретацию собственности, которая ассоциируется только с материальными вещами. По их мнению, данная прахичность должна быть заменена на более широкое понимание собственности, которая может включать в себя определенные нематериальные вещи (см., например: [39; 34]).

лизации. Однако стоит напомнить, что за пределами правового поля до сих пор остается цифровое имущество, среди которого особое практическое значение имеют, в частности виртуальные персонажи компьютерных игр. Не стоит говорить, что в определенных случаях их реальная денежная стоимость может быть очень велика. Представляется, что создание и усовершенствование игровых персонажей предполагает творческие начала, и это условно «роднит» такое цифровое (виртуальное) имущество с результатами интеллектуальной деятельности. Объективно же такое имущество может существовать только в рамках информационной системы, что является одним из основных признаков цифровых прав¹. Общим также является нематериальный характер результатов интеллектуальной деятельности и виртуального игрового имущества, поэтому признание на последние цифровых прав возможно по аналогии с конструкцией исключительных прав. Безусловно, это только предположения на перспективу развития гражданского законодательства, однако нельзя категорически исключать возможность признания цифровыми некоторых исключительных прав в отношении еще не урегулированных правом объектов существующей виртуальной действительности. Поэтому в целом мы можем

¹ Поэтому неудивительно, что ряд отечественных исследователей придерживается позиции, что виртуальное (цифровое) имущество с учетом его правовой природы, нематериальной формы и существования исключительно в рамках определенной системы следует рассматривать в рамках интеллектуальной собственности. Так, по мнению А. П. Сергеева и Т. А. Терещенко, именно интеллектуальная собственность как подотрасль гражданского права больше всего приспособлена к опосредованию частных отношений, связанных с технологиями [29]. При этом было предложено отнести их к нетрадиционным объектам исключительных прав или, как еще один вариант, существующий в литературе, к ограниченным исключительным правам (см., например: [25]). Как отмечает Д. С. Четвергов, права на виртуальное имущество, учитывая его нематериальную природу, не могут считаться вещными, и в этой связи «следует регулировать новые объекты нормами части четвертой Гражданского кодекса РФ и создать своего рода “ограниченные исключительные права”, предполагающие ограниченное право пользователя на использование виртуального объекта в своих интересах». В обоснование своего предложения он отсылает еще к континентальной правовой традиции Рима, где существовал институт ограниченных вещных прав, которые наделяли собственника вещи правом предоставить лицу непосредственное господство над вещью иному лицу в строго ограниченном объеме. Аналогичным образом он предлагает урегулировать и отношения по поводу виртуального имущества [36].

поддержать подход российского законодателя к раскрытию правовой природы цифровых прав через категорию обязательственных и иных прав.

С учетом этого можно сделать несколько выводов.

Цифровые права не являются самостоятельными правами наравне с вещными, исключительными и обязательственными. По своей правовой природе цифровые права в настоящее время являются обязательственными (соответственно, кредитор удовлетворяет свой интерес как в отношении вещи, так и иного нематериального объекта посредством совершения действий или воздержания от совершения определенных действий обязанного лица), однако в перспективе, с учетом подержанного нами пути урегулирования оборота цифрового имущества, цифровые права могут быть выражены в виде исключительных прав.

Цифровые права отличают две основные особенности: 1) указание в законе на то, что то или иное право является цифровым, а также 2) тот факт, что такие права изначально возникают и существуют только в электронной среде, в том числе по правилам информационной системы. Указанные особенности не позволяют полностью отождествлять цифровые права с обязательственными и исключительными правами. Таким образом, цифровые права представляют собой отдельную правовую конструкцию – это закрепленная законодателем определенная разновидность обязательственных (и на перспективу исключительных) прав, возникновение и существование которых возможно только в информационной среде, а их содержание и условия осуществления определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Говоря об имущественных правах в системе российского гражданского права, нельзя обойти вниманием также наследственные права, которые, вне всякого сомнения, следует отнести к категории имущественных. Вместе с тем основная проблема в определении места наследственных прав в системе имущественных гражданских заключается в доктринальной дискуссии в отношении того, какие же права относятся к наследственным. На первый взгляд, в данном случае все должно решаться просто – наследственные права представляют собой права, которые существуют в рамках наследственных правоотношений при применении норм наследственного права. Вроде все правильно, однако возникает другой вопрос, на который нет одно-

значного ответа: какое же правоотношение является наследственным? Одна из позиций российской доктрины заключается в том, что наследственное правоотношение охватывает процесс составления завещания, что позволяет сторонникам данного подхода отнести наследодателя к субъектам наследственных правоотношений¹. Во многом таким выводом отечественных ученых способствовал Конституционный Суд Российской Федерации, который в одном из своих документов подтвердил, что право наследования включает в себя как право наследодателя распорядиться своим имуществом, так и право наследников на его получение².

Если исходить из данного подхода, получается, что с момента совершения завещания и до открытия наследства наследственное правоотношение будет лишено своего содержания по той причине, что завещатель обладает право- и дееспособностью и процесс оформления перехода наследственного имущества наступает только после открытия наследства. Строго говоря, правовой режим имущества, принадлежащего наследодателю, меняется с его смертью – именно тогда такое имущество получает режим наследственного.

В этой связи мы считаем целесообразным поддержать иную точку зрения, которая в российской юридической литературе получила наибольшее распространение: наследственные правоотношения возникают после открытия наследства³. При таком подходе наследственное

правоотношение опосредует наследственное правопреемство, т. е. переход имущества наследодателя к его наследникам. Весьма удачно, на наш взгляд, сформулировала определение наследственных правоотношений А. Е. Казанцева. По ее мнению, наследственные правоотношения представляют собой урегулированные нормами наследственного права общественные отношения, причинно обусловленные смертью наследодателя и направленные на его замену наследниками в тех правоотношениях, которые допускают такую замену [12]. В силу этого сложно признать уже умершее лицо (наследодателя) полноправным субъектом наследственного правопреемства, ведь, как известно, со смертью физического лица прекращается его право- и дееспособность. Да, безусловно, фигура наследодателя имеет важное значение, определяющее многие аспекты того или иного наследственного правоотношения, но это никак не может и не должно влиять на признание его субъектом соответствующего правоотношения. Из указанного выше понимания наследственного правоотношения следует, что круг его субъектов ограничен наследниками умершего.

Что касается правоотношений, возникающих в связи с совершением завещания, можно признать их гражданскими правоотношениями, предшествующими возникновению наследственных. Ряд отношений, урегулированных в нормах наследственного права, по своей правовой природе практически ничем не отличаются от иных гражданско-правовых отношений. Так, в силу прямого указания закона завещание представляет собой не что иное, как одностороннюю сделку, которая создает права и обязанности после открытия наследства. Аналогичные (в общем виде) правила действуют и в отношении наследственного договора. Однако если же наследственный договор возлагает на сторону договора обязанности с моментом их исполнения до открытия наследства, такие отношения по своей правовой природе следует квалифицировать как обязательственные⁴.

В юридической литературе наследственными отношениями часто именуют также отношения,

¹ См., например: [19. – С. 47; 16. – С. 53; 13; 20]; Альбов А. П., Николюкин С. В. Наследственное право. – М. : Юрайт, 2020. – С. 19; Гришаев С. П. Наследственное право. – М. : Проспект, 2011; Российское гражданское право : в 2 т. / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. В. Козлова и др.; отв. ред. Е. А. Суханов. – Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – М. : Статут, 2011; Крашенинников П. В. Наследственное право. – М., 2016 // СПС «КонсультантПлюс» и т. д.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 января 1996 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 560 Гражданского кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А. Б. Наумова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 22.01.1996. – № 4. – Ст. 408.

³ Большинство ученых связывают возникновение наследственного правоотношения с открытием наследства, которое, согласно позиции Б. А. Булаевского, представляет собой единство юридических фактов, состоящих из обстоятельств, свидетельствующих о смерти (реальной или предполагаемой), и обстоятельств, свидетельствующих о наличии имущества, которое может перейти в порядке наследования [3].

⁴ Но и в том, и в другом случае речь идет о сделках, которые от остальных сделок отличаются своим посмертным характером, что предопределяет ряд особенностей по их заключению и исполнению.

связанные с охраной наследственного имущества, с его разделом между принявшими наследство наследниками и т. д. [2]. На наш взгляд, несмотря на то, что такие отношения составляют предмет наследственного права, их также сложно отнести к наследственным правоотношениям. Если мы исходим из понимания последних как отношений, опосредующих наследственное правопреемство, то отношения по охране наследственного имущества не влияют на указанный процесс. Такие отношения носят вспомогательный характер и направлены на сохранность наследственного имущества. По этой же причине сомнительно квалифицировать в качестве наследственных отношения по разделу наследственного имущества. Такие отношения возникают уже после принятия наследственного имущества наследниками, а значит, возможны только после завершения перехода всех прав и обязанностей к наследникам в соответствии с законом, или условиями завещания, или наследственного договора. Направленность таких отношений уже иная, их субъектный состав также может быть другой.

Итак, наследственные права вытекают из наследственных правоотношений, опосредующих переход имущества от наследодателя к его наследникам. Наследственные права заключаются в правомочиях права наследования, в числе которых – право на принятие наследства, отказ от принятия наследства или непринятие наследства¹. При этом следует подчеркнуть, что для возникновения наследственного правоотношения одного лишь факта смерти лица или признания его умершим недостаточно. Подразумевая под наследственным правоотношением наследственное правопреемство, следует признать, что такие отношения могут возникнуть только при условии, что на момент смерти наследодатель

обладал принадлежащим ему имуществом, поскольку в отсутствие такого имущества наследникам нечего будет наследовать, а без объекта наследственное правоотношение возникнуть не может.

В чем же заключается правовая природа наследственных прав² и какое они занимают место в системе имущественных гражданских прав? Проанализируем право наследования (в его субъективном смысле) на предмет присущих ему признаков.

Первым из таких признаков является их абсолютный характер³. Наследник, обладающий правом на принятие наследства, реализует его посредством собственных действий (или бездействия), при этом направленность таких действий обращена на объект – наследственное имущество. Обладателю данного права противопоставляются в первую очередь иные наследники, которые гипотетически могут быть призваны к наследованию (по закону или по завещанию), если обладающий правом принятия наследства наследник не примет его или откажется от его принятия. Такие наследники не имеют права своими действиями препятствовать реализации

² Примечательно, что не все авторы в принципе признают существование субъективных наследственных прав. В частности, О. М. Родионова отрицает рассмотрение права на принятие наследства в качестве субъективного гражданского права или части его содержания (правомочия). В качестве обоснования приводится следующий аргумент: «...принятию наследства, как известно, не соответствует обязанность каких-либо субъектов», поэтому «это одностороннее волеизъявление является реализацией правоспособности лица» [27]. Многие авторы склонны считать право на принятие наследства элементом гражданской правоспособности [28; 14]. По мнению Ю. К. Толстого, право на принятие наследства – это своеобразное право, которое по своей природе «относится к числу так называемых *Gestaltungsrecht*, т. е. прав, содержание которых сводится к образованию другого права (прав на правообразование), что в какой-то мере сближает его с элементами правоспособности» (см.: *Гражданское право* : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. – М. : ТК Велби ; Проспект, 2006. – Т. 3. – С. 644). Столь различные подходы в понимании правовой природы наследственных прав свидетельствуют о неоднозначности решения данного вопроса, и уж тем более это никак не способствует определению их места в системе имущественных гражданских прав. Не останавливаясь подробно на решении данного вопроса, отметим, что, по нашему мнению, право на принятие наследства следует рассматривать как субъективное гражданское право, особенности которого заключаются в особенностях наследственного правопреемства.

³ Абсолютный характер приписывается праву на принятие наследства многими авторами (см., например: [2; 26] и т. д.).

¹ В юридической литературе и этот вопрос решается неоднозначно. Вот что об этом пишет Б. А. Булаевский: «Цель реализации права на принятие наследства соотносится с целью наследования и ориентирована на правопреемство в имуществе умершего человека. Однако нетрудно заметить, что такие формы реализации права на принятие наследства, как “непринятие” и “отказ”, сами по себе к указанной цели не приводят. Их назначение можно охарактеризовать как обеспечительное. Данные правовые институты опосредуют “нецелевое” завершение реализации права на принятие наследства одними наследниками и открывают дорогу к реализации права на принятие наследства другими наследниками. И так до тех пор, пока цель не будет достигнута» [2; 36].

наследником его права на принятие наследства¹. Представляется, однако, что такая обязанность вменяется не только потенциальным наследникам (как наиболее заинтересованным субъектам), но и всем третьим лицам.

В юридической литературе абсолютный характер субъективного права на принятие наследства нередко подвергается критике. В частности, такой позиции придерживается В. В. Груздев, который отрицает абсолютность рассматриваемого права по той причине, что абсолютное гражданское право имеет своим объектом определенное благо, с которым связывается удовлетворение интереса обладателей этих прав. Однако, по словам автора, в момент открытия наследства такого объекта нет – поскольку интерес наследника в этом случае, по его мнению, заключается в принятии наследства, т. е. в еще предстоящем приобретении благ умершего. В результате В. В. Груздев приходит к выводу о том, что объектом права наследования выступает само наследование, назвав такое положение «полнейшей несурзацей» [9].

С таким подходом мы не можем согласиться. В момент открытия наследства у призванного к наследованию наследника есть право выбора: принять наследство, отказаться от его принятия или не принимать наследство. При реализации первого правомочия обладатель субъективного права удовлетворяет интерес, который заключается в приобретении наследства. А как известно, приобретение наследства не равно его принятию. Приобретение наследства является одним из оснований приобретения имущества, входящего в состав наследственного, в собственность или замены лица в обязательстве. Именно имущество является конечной целью, при этом приобретение наследства предполагает его принятие. Иными словами, посредством реализации субъективного гражданского права принятия наследства достигается цель приобретения имущества наследодателя. Безусловно, в данном случае можно возразить, что входящие в состав права наследования такие правомочия, как неприятие наследства или отказ от его принятия,

сами по себе не приводят к цели приобретения наследства. Мы исходим из того, что наследник – обладатель права наследования в каждом конкретном случае (более того, по каждому отдельному основанию наследования) действует своей волей и в своем интересе, и право отказаться от наследства или не принимать его является частью его выбора. Право наследования предполагает выбор возможных моделей его реализации – моделей поведения обладателя субъективного права, который действует своей волей и в своем интересе в зависимости от потребности в реализации своего интереса: если наследник, призванный к наследованию, заинтересован в его приобретении, такой наследник совершает активные действия по принятию наследства установленными в законе способами; в отсутствие желания приобрести наследство наследник совершает либо активные действия (посредством оформления отказа от принятия наследства), либо бездействует². Именно такие признаки позволяют идентифицировать принятие наследства как одностороннюю сделку, в любом случае влекущую за собой правовые последствия – принятие наследства наследником, отказ от его принятия или неприятие, в двух последних случаях правовые последствия заключаются в возникновении соответствующих прав на принятие наследства у иных наследников в соответствии с условиями наследования.

Право наследования характеризуется еще одним весьма важным признаком – оно тесно связано с личностью наследника, что во многом предопределено семейно-родственными связями между наследодателем и его наследниками. Право наследования после смерти лица возникает у наследников, названных в таком качестве в законе или указанных самим наследодателем в завещании, наследственном договоре и т. д. Личный характер рассматриваемого права подтверждается многими правилами наследственно-

¹ Кроме того, как справедливо отмечает Е. А. Ходырева, «... в наследственном правоотношении наследники как обязанные субъекты не должны препятствовать преемникам наследодателя осуществлять их право наследования, они не вправе осуществлять собственные действия по отношению к наследственной массе в целях стать наследниками» [35].

² Бездействие управомоченного лица признают в российской доктрине опосредованной правом формой «пассивного социально значимого поведения управомоченных и обязанных субъектов», «юридически значимым бездействием» (как формы юридически значимого поведения), влекущими «позитивные или негативные правовые последствия» [10; 24]. Л. В. Тихомирова и М. Ю. Тихомиров не только привязывают бездействие к поведению обязанного субъекта, но говорят о возможности существования бездействия как противоправного, так и правомерного [33].

го законодательства: так, не допускается реализация права на принятие наследства через представителя (за исключением законного представительства) или выражение воли нескольких наследников в одном заявлении о принятии наследства или об отказе от его принятия и т. д.

Личностный характер права наследования обуславливает еще одну существенную его характеристику: право наследования не является самостоятельным объектом гражданского оборота, оно не передается и не отчуждается независимо от основания наследования.

Анализ наследственных прав был бы неполным без исследования правовой категории «наследство» («наследственная масса», «наследственное имущество»), которое определяется законодателем через совокупность вещей, имущественных прав и обязанностей (абзац 1 ст. 1112 ГК РФ). По мнению Е. А. Ходыревой, «...понимание наследства как совокупности вещей, имущественных прав или обязанностей не в полной мере отражает существо наследственного правопреемства» по той причине, что при таком подходе неясным остается характер прав в отношении той или иной вещи: это может быть как право собственности, так и обязательственное право, например, право аренды [35]. На наш взгляд, во-первых, данное замечание не влияет на тот факт, что наследственное имущество раскрывается через понятие совокупности. А во-вторых, если речь идет о вещах в составе наследства, то априори такое имущество принадлежит наследодателю на основе права собственности, ведь если имущество находится в аренде, в этом случае речь может идти только об обязательственных правах, которые наравне с вещами включаются в состав наследства. Более того, мы исключаем возможность оборотоспособности права собственности как одной из характеристик имущественного права, что означает недопустимость включения его в состав наследства.

Наследственное имущество, если следовать логике универсальности наследственного правопреемства, переходит к наследнику как единое целое, иными словами, принятие части наслед-

ства означает принятие всего наследства, где бы и в чем бы оно ни заключалось. Такое законодательное правило позволяет сделать вывод о том, что правовой режим наследственного имущества определяется его неделимостью. Такой правовой режим изменяется с момента принятия наследником причитающейся ему доли наследства – режим совокупности утрачивается и каждый элемент, входящий в ее состав, приобретает самостоятельное значение со своим собственным правовым режимом.

В результате с определенной долей условности, на первый взгляд, можно было бы признать, что такие признаки, как абсолютный характер, реализация права посредством собственных действий, непередаваемость и неотчуждаемость, а также специфичность объекта наследственных прав, «роднят» рассматриваемое право на принятие наследства с вещным правом, однако это не так. Содержание таких прав различно. Иные присущие им черты – срок действия прав и направленность их реализации, что обусловлено различием интересов и способов их удовлетворения и т. д. Напомним, что право собственности направлено, в частности, на обеспечение права лица обладать имуществом, в то время как право наследования обеспечивает возможность приобретения совокупности прав в отношении наследуемого имущества. Причем такое приобретение не может быть условным или сопровождаться оговорками. Е. Н. Абрамова, выделяя черты, позволяющие отличать наследственное право от других субъективных прав, также подчеркивает еще одну особенность: основанием этого права является не воля субъекта, как это принято классифицировать по общему правилу, а факт открытия наследства [13]. Указанные черты позволяют признать, что, во-первых, наследственные права не являются производными от традиционно признаваемых прав, и во-вторых, наследственные права невозможно также классифицировать как условные разновидности вещных, обязательственных или исключительных прав, что предполагает их самостоятельное значение наравне с перечисленными гражданскими правами.

Список литературы

1. Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. – М. : Норма, 2023.
2. Булаевский Б. А. К вопросу об ограничении наследственных прав // Наследственное право. – 2020. – № 4. – С. 3–7.

3. Булаевский Б. А. Некоторые аспекты существования наследственных правоотношений в системе наследственного права // *Наследственное право*. – 2019. – № 3. – С. 8–12.
4. Василевская Л. Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // *Хозяйство и право*. – 2019. – № 5. – С. 3–14.
5. Васильев А., Ибрагимов Ж., Насыров Р., Васев И. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // *Юрислингвистика*. – 2019. – № 11 (22). – С. 15–18.
6. Велиева Д. С. Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии : коллективная монография. – Казань : Отечество, 2020.
7. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // *Пермский юридический альманах*. – 2019. – № 2. – С. 179–192.
8. Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930 - 2020) / А. Г. Архипова, А. В. Асосков, В. В. Безбах и др.; отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. – М. : Статут, 2020.
9. Груздев В. В. Правовая природа наследования // *Наследственное право*. – 2023. – № 3. – С. 6–8.
10. Есипова И. А. Правовое бездействие. – Волгоград, 1998.
11. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // *Российская газета*. – 2018, 29 мая.
12. Казанцева А. Е. Теория наследственного и причастных к нему правоотношений по гражданскому праву Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. – Томск, 2015.
13. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья : учебно-практический комментарий (постатейный) / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, В. В. Грачев и др.; под ред. А. П. Сергеева. – М. : Проспект, 2011.
14. Костин П. Ю. Имущественный и неимущественный характер вторичных прав // *Юрист*. – 2014. – № 11. – С. 37–41.
15. Кресс В. В. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота // *Журнал российского права*. – 2022. – № 4. – С. 67–76.
16. Кулеева И. Ю. К вопросу о правовом статусе субъектов наследственных правоотношений // *Современное право*. – 2018. – № 9. – С. 53–58.
17. Курбанов Р. А., Савина В. С., Гурко А. В. Характеристика правового регулирования цифровых прав в Российской Федерации // *ИС. Авторское право и смежные права*. – 2022. – № 8. – С. 4–12.
18. Лантев В. А. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России : монография. – М. : Проспект, 2021.
19. Ленковская Р. Р. Наследственные правоотношения: понятие и содержание // *Социально-политические науки*. – 2017. – № 4. – С. 47–50.
20. Мировой судья в гражданском судопроизводстве / Е. А. Борисова, А. Ф. Ефимов, В. М. Жуйков и др.; под ред. А. Ф. Ефимова и И. К. Пискарева. – М. : Городец, 2004.
21. Михеева И. Е. Отдельные правовые особенности залога цифровых прав // *Право и экономика*. – 2022. – № 10. – С. 16–23.
22. Новоселова С. А., Габов А. В. [и др.]. Цифровые права как новый объект гражданского права // *Закон*. – 2019. – № 5. – С. 31–54.
23. Пагава Т. Л. Понятие и содержание имущественных прав граждан // *Legal Concept*. – 2019. – № 1 (18) – С. 131–136.
24. Прусаков А. Д. Действие и бездействие как формы юридически значимого поведения. – Саратов, 2008.
25. Пучков В. О. Посмертная передача цифровых объектов: пользовательское соглашение vs национальное наследственное право // *Наследственное право*. – 2020. – № 3. – С. 17–23.
26. Рассказова Н. Ю. Право на принятие наследства // *Закон*. – 2006. – № 10. – С. 90–104.
27. Родионова О. М. К вопросу о правовой природе принятия наследства // *Нотариус*. – 2011. – № 2. – С. 26–28.

28. Рожкова М. А. Категории «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве // Право цифровой экономики. – 2021. – № 17. – С. 10–68.
29. Сараев А. Г. О юридической природе права наследования (есть мнение) // Наследственное право. – 2013. – № 1. – С. 25–28.
30. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. – 2018. – № 11. – С. 106–123.
31. Степанян А. С. Некоторые проблемы гражданско-правового оборота цифровых прав // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 7. – С. 27–31.
32. Стребкова Е. Г. Цифровизация конституционных прав и свобод: сущность и проблемы реализации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 1. – С. 217–225.
33. Суханов Е. А. Социальное лицо гражданского права (к постановке вопроса) // Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020). – М. : Статут, 2020.
34. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Споры о правах на земельные участки. Комментарии, судебная практика, официальные разъяснения, образцы документов / под ред. М. Ю. Тихомирова. – М., 2012.
35. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А. А. Васильева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020.
36. Ходырева Е. А. Право наследования в гражданском праве России : монография. – М. : Статут, 2022.
37. Четвергов Д. С. Правовой режим виртуального имущества // Право и бизнес. – 2021. – № 3. – С. 33–39.
38. Чурилов А. Ю. Перспективы цифровизации товарораспорядительных документов // Юрист. – 2021. – № 2. – С. 10–15.
39. Эрделевский А. М. О цифровых правах (статья подготовлена для системы «КонсультантПлюс») // СПС «КонсультантПлюс». – Из информационного банка «Юридическая пресса». – 2019.
40. Erlank W. Property in virtual worlds. – Stellenbosch University, 2012. – URL: <https://scholar.sun.ac.za/server/api/core/bitstreams/b5419763-2f7c-4e49-91d2-6fdd77358543/content>

Проблемные аспекты правового регулирования института выморочного имущества

А. М. Беялова

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: asyulya@mail.ru

А. А. Гаджиев

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: gadzhiev.aa@rea.ru

Problematic Aspects of Legal Regulation of the Institution of Escheat Property

A. M. Belyalova

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: asyulya@mail.ru

A. A. Gadzhiev

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: gadzhiev.aa@rea.ru

Поступила 01.02.2026 Принята к печати 14.02.2026

Аннотация

Современный этап общественно-экономического развития обуславливает актуализацию задач по формированию наиболее эффективной модели правового регулирования наследственных отношений, основанной на результатах компаративного анализа отечественного и зарубежного гражданского законодательства, правоприменительной практики, а также научно-доктринальных подходов. В представленной статье раскрываются проблемные теоретические аспекты института наследования выморочного имущества в России. В процессе исследования рассмотрены характерные особенности наследственного права Германии в части автоматического перехода наследства к наследникам, если они не отказались от наследства. Авторы проводят анализ правоприменительной практики института фактического принятия наследства путем совершения действий, свидетельствующих о принятии наследства. При этом рассмотрен вопрос допустимости признания наследства выморочным в случае непринятия наследства наследниками. Обосновано положение о том, что имущество наследодателя следует признавать выморочным в случае отказа наследников от наследства или в связи с фактом их отсутствия. В статье сформулирован комплекс научно обоснованных предложений, направленных на совершенствование российской правовой модели признания наследства выморочным. Реализация предложенных автором инициатив будет способствовать снижению количества случаев признания имущества, оставшегося после смерти наследодателя, выморочным, а также повышению эффективности правового регулирования в данной сфере. В рамках исследования применялись различные методы, в том числе сравнительно-правовой, логико-аналитический, синтез и др. Предметом исследования стали нормы гражданского законодательства России и Германии, правовая доктрина и судебная практика.

Ключевые слова: выморочное имущество, наследование, наследник, имущество, наследство, судебная практика, фактическое принятие, принятие наследства, наследственные отношения, отказ от наследства.

Abstract

The current stage of socio-economic development has intensified the need to develop the most effective model for the legal regulation of inheritance relations, based on a comparative analysis of domestic and foreign civil legislation, law enforcement practice, and scholarly doctrinal approaches. The article formulates a set of scientifically substantiated proposals aimed at improving the Russian legal framework for recognizing escheated property. The implementation of the author's initiatives is expected to reduce the number of cases in which property left after the death of a testator is declared escheated, as well as to enhance the effectiveness of legal regulation in this area. The article examines the problematic theoretical aspects of the institution of escheated inheritance in Russia. In the course of the research, particular attention is given to the distinctive features of German inheritance law, especially the mechanism of the automatic transfer of an estate to heirs in the absence of their refusal to accept the inheritance. The authors also analyze law enforcement practice related to the institution of de facto acceptance of inheritance through actions indicating an intention to accept the estate. Furthermore, the issue of the admissibility of recognizing an estate as escheated in cases where heirs fail to accept the inheritance is considered. The study substantiates the position that a testator's property should be recognized as escheated in cases where the heirs renounce the inheritance or where they are absent. The study employs various research methods, including the comparative-legal method, logical-analytical method, synthesis, and others. The subject of the research comprises the norms of civil legislation of Russia and Germany, legal doctrine, and judicial practice.

Keywords: escheat, inheritance, heir, property, inheritance, judicial practice, actual acceptance, acceptance of inheritance, inheritance relations, renunciation of inheritance.

Наследственное право представляет собой неотъемлемый элемент правовой системы развитого государства. Посредством нормативного регулирования наследственных отношений государство реализует важнейшие направления социально-экономической политики, а также обеспечивает надлежащие правовые механизмы для реализации и защиты гарантированного Конституцией права наследования. При этом развитие общественных отношений, сложившаяся геополитическая обстановка, процессы глобализации генерируют необходимость анализа существующего регулирования и формирование новых предложений по развитию наследственного права, являющегося самостоятельной подотраслью гражданского права.

Особый интерес в наследственном праве представляет институт наследования выморочного имущества. Институт выморочного имущества предусматривает переход имущества наследодателя в собственность государства в случаях отсутствия наследников либо непринятия ими наследства. Следует отметить, что определение оснований признания имущества выморочным выступает одним из инструментов реализации государством социальной политики в отношении граждан.

Безусловно, социально-экономические и социально-политические факторы оказывают значительное влияние на развитие наследственного права. Вместе с тем эффективная модель право-

вого регулирования данной сферы должна формироваться с учетом динамики общественных отношений и реальных потребностей правоприменительной практики. Современный этап развития общественных отношений, а также сложившаяся практика применения законодательства свидетельствуют о необходимости пересмотра российской модели регулирования наследования выморочного имущества.

Анализ актуальных статистических данных, представленных Федеральной нотариальной палатой Российской Федерации, показывает, что количество случаев признания имущества наследодателя выморочным не сокращается, а, напротив, имеет тенденцию к увеличению. Так, по итогам 2024 г. отмечено значительное возрастание числа объектов имущества, переходящих в собственность государства. Президент Федеральной нотариальной палаты К. А. Корсик отмечает, что «число выданных государству свидетельств на выморочное имущество – на недвижимость и другую собственность, которая после смерти владельца переходит в собственность государству, – выросло в РФ в 2024 году до 8,5 тыс., что на 6% больше по сравнению с предыдущим годом»¹.

¹ В РФ отметили рост числа выданных свидетельств на выморочное имущество. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/23736375>

Отмеченная проблема указывает на необходимость переосмысления правовой природы института наследования выморочного имущества в целях уменьшения случаев признания имущества выморочным и обеспечения имущественного оборота.

В правовой доктрине отмечается, что чрезмерно широкое применение института выморочного имущества способно оказывать негативное влияние на эффективность гражданского оборота. Это связано с тем, что имущество, переходящее в собственность государства, зачастую длительное время не используется надлежащим образом и не вовлекается в хозяйственный оборот, что снижает его экономическую отдачу.

В связи с этим одной из приоритетных задач законодателя является формирование такой модели правового регулирования, при которой предпочтение будет отдаваться переходу имущества к наследникам, а не его обращению в собственность государства.

В то же время последовательно сформированная правовая модель регулирования наследования выморочного имущества способствует обеспечению устойчивости отношений собственности и стабильности гражданского оборота. А. В. Бегичев справедливо отмечает, что «институт наследования выморочного имущества в современном обществе играет существенную роль в обеспечении стабильности отношений собственности»¹.

Рассматривая различные направления совершенствования институтов наследственного права, необходимо учитывать, что правовое регулирование наследственных отношений традиционно рассматривается в цивилистической науке как одна из наиболее консервативных подотраслей гражданского права. Данная особенность обусловлена высокой степенью устойчивости соответствующих правовых конструкций, их тесной связью с фундаментальными принципами частного права, а также необходимостью обеспечения стабильности имущественных отношений. Безусловно, развитие наследственного права обусловлено процессом согласования законодательных новаций, который сопровождается активными научными и практическими дискуссиями относительно выбора оптимальной модели правового регулирования либо сохранения действующего порядка. Вместе с тем общий вектор инициатив, направленных на

трансформацию существующего правового регулирования, заключается в стремлении адаптировать российское право к потребностям динамично развивающихся общественных отношений, усложняющихся под воздействием комплекса социально-экономических и иных факторов. Одним из таких факторов выступает территориальная удаленность наследников, объективно ограничивающая их возможность своевременного принятия наследства.

Данный вопрос приобретает особую актуальность в условиях современной международной обстановки, характеризующейся реализацией рядом иностранных государств мер, оказывающих косвенное воздействие на трансграничные социально-экономические связи. В частности, речь может идти об усложнении путей сообщения между государствами, а также о распространении недостоверной информации относительно экономической ситуации в России. Указанные обстоятельства в совокупности оказывают сдерживающее влияние на развитие наследственных правоотношений и существенно затрудняют процесс принятия наследства лицами, находящимися за пределами страны. При этом привлечение представителей для участия в наследственном процессе в целях защиты интересов наследников не всегда представляется возможным ввиду значительных финансовых издержек либо иных объективных факторов.

В результате складывается ситуация, когда потенциальные наследники фактически лишены возможности реализовать гарантированное статьей 35 Конституции право наследования.

Статьей 1151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) установлено, что в случае, если наследники как по закону, так и по завещанию отсутствуют, либо никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования, либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника, имущество умершего считается выморочным.

Следовательно, из содержания указанной нормы следует, что при отсутствии со стороны наследников действий, направленных на принятие наследства, соответствующее имущество может быть признано выморочным в установленном законом порядке.

Контрастным фоном служит зарубежная практика регулирования аналогичных наследственных

¹ Бегичев А. В. Наследственное право России : учебное пособие. – М/ : Логос, 2020. – С. 84.

отношений. В частности, согласно Гражданскому Уложению Федеративной Республики Германии (§ 1943, 1944), наследство переходит к наследникам автоматически, если они не отказались от него в установленный законом срок (шесть недель) с момента, когда им стало известно о призвании к наследованию, либо с момента объявления распоряжения наследодателя наследственным судом¹.

Несмотря на принадлежность России и Германии к континентальной правовой семье, концепция принятия наследства в рассматриваемых правовых порядках характеризуются следующими отличительными особенностями.

В соответствии с концепцией российского наследственного права принятие наследства предполагает совершение наследником предусмотренных законом юридически значимых действий, свидетельствующих о намерении принять наследственное имущество. В немецком праве, напротив, действует принцип автоматического перехода наследства к наследнику при отсутствии выраженного им отказа от его принятия.

Особое внимание заслуживает институт фактического принятия наследства. Вот что говорится в статье 1153 ГК РФ: «Признается, пока не доказано иное, что наследник принял наследство, если он совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства».

В силу пункта 36 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о наследовании» (далее – Постановление Пленума ВС РФ) действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, должны быть совершены в течение срока принятия наследства².

Таким образом, бездействие наследника, выраженное в несовершении фактических и юридически значимых действий, направленных на принятие наследства, влечет правовые последствия, сопоставимые с отказом от него. В случае отсутствия иных наследников, изъявивших волю принять имущество наследодателя, такое наследство

подлежит признанию выморочным в установленном законом порядке.

Исследование актуальной судебной практики позволяет сделать вывод о том, что правовая природа института фактического принятия наследства не всегда корректно толкуется и применяется судами. Так, в частности, суд апелляционной инстанции исходит из того, что если земельный участок находится в долевой собственности матери и сына (по ½ доли у каждого), то после смерти сына второе лицо фактически принимает наследство³. Иными словами, суд исходит из позиции, согласно которой само по себе наличие у наследника и наследодателя общего права собственности на имущество, доля в котором входит в состав наследственной массы, рассматривается как доказательство фактического принятия наследства.

Сложно согласиться с данным выводом суда, так как в силу статьи 1153 ГК РФ наследство принимается:

- посредством подачи наследником нотариусу заявления о принятии наследства либо о выдаче свидетельства о праве на наследство;
- путем осуществления наследником действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства.

Более того, согласно пункту 36 Постановления Пленума ВС РФ, само по себе наличие у наследника права общей собственности с наследодателем на имущество, доля в котором входит в состав наследства, не может рассматриваться как безусловное свидетельство фактического принятия наследства.

Компаративный анализ института наследования выморочного имущества в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия (далее – ФРГ) позволяет констатировать, что немецкая модель правового регулирования в большей степени ориентирована на защиту наследственных прав граждан. В наследственном праве ФРГ действует принцип автоматического перехода наследства, согласно которому наследник считается принявшим наследство, если им не заявлен отказ от него. Такой подход позволяет исключить ситуации, при которых наследственное имущество признаётся выморочным исключительно вслед-

¹ Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 (BGBl. I S. 42, 2909; 2003 I S. 738), das zuletzt durch Artikel 6 des Gesetzes vom 12. Juli 2018 (BGBl. I S. 1151) geändert worden ist.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (ред. от 24.12.2020). – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=204003236&collection=1

³ Жалоба от 24.06.2025 № 78-КФ25-1029-К3. – URL: <https://www.vsrf.ru/lk/practice/cases/12-36375586>

ствие несоблюдения наследником определенных процессуальных формальностей.

В российском праве, напротив, закреплён принцип активного принятия наследства. Наследник обязан совершить юридически значимые действия, свидетельствующие о его намерении принять наследство. Данная модель исторически сформировалась в отечественной правовой системе, однако в современных условиях она нередко порождает ряд практических проблем. Одной из наиболее распространённых является недостаточная информированность наследников о факте открытия наследства. На практике нередки случаи, когда наследники узнают о смерти наследодателя спустя значительное время, когда установленный законом шестимесячный срок для принятия наследства уже истек. В подобных ситуациях наследники вынуждены обращаться в суд с требованием о восстановлении пропущенного срока.

Особый научный интерес представляет правоприменительная практика, прежде всего судебная, связанная с восстановлением сроков для принятия наследства, оставшегося после смерти наследодателя и признанного потенциально подлежащим признанию выморочным имуществом. Наследники, пропустившие установленный шестимесячный срок, при наличии уважительных причин вправе обратиться в суд с требованием о его восстановлении. При этом ответчиком по данной категории дел выступает соответствующее публично-правовое образование. Следует отметить, что в ряде случаев публичные образования получают сведения о наличии соответствующего имущества именно в рамках судебного разбирательства, инициированного наследником.

Примечательно, что представители публичных образований в судебных процессах по данной категории дел зачастую занимают достаточно активную позицию, направленную на обращение имущества в государственную собственность. При этом анализ судебной практики позволяет констатировать, что суды отдельных инстанций иногда подходят к разрешению подобных споров формально, принимая решения в пользу публичного образования.

В связи с этим вызывает интерес вопрос о правовой обоснованности активного участия публичных образований в судебном процессе в тех случаях, когда ранее ими не предпринимались действия по оформлению выморочного имущества. В подобных ситуациях цель сохранения имущества в гражданском обороте и его последу-

ющего эффективного использования публичным субъектом фактически не достигается. Однако наследник, пропустивший срок принятия наследства, оказывается в процессуальном противостоянии с публичным образованием, претендующим на соответствующее имущество.

Вместе с тем судебная практика свидетельствует о том, что добросовестные наследники имеют возможность защитить свои права и законные интересы преимущественно в Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Показательным примером является Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2025 г. № 5-КГ25-63-К2, которым решения судов нижестоящих инстанций по делу о восстановлении срока для принятия наследства по иску наследника к Департаменту городского имущества города Москвы были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции¹. Особенность данного судебного акта заключается в том, что, несмотря на наличие завещания, отражающего последнее волеизъявление наследодателя, а также уважительных причин пропуска срока принятия наследства, суды нижестоящих инстанций первоначально приняли решение в пользу публичного образования.

Особую значимость рассматриваемой проблеме придает конституционная гарантия права наследования, требующая обеспечения его реальной реализации и надлежащей правовой защиты.

Статья 35 Конституции Российской Федерации гласит: «Право наследования гарантируется». Данная гарантия направлена на защиту прав и интересов наследников.

Следовательно, если конституционно-правовое регулирование закрепляет приоритет наследников в приобретении наследственного имущества, то участие государства в наследственном процессе с целью принятия наследства допустимо исключительно при отсутствии наследников или при их отказе от наследства. В связи с этим, принимая во внимание, что законодательство допускает возможность принятия наследства посредством совершения фактических действий, представляется целесообразным рассматривать бездействие

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2025 N 5-КГ25-63-К2

наследника при отсутствии выраженного отказа от наследства как проявление воли на его принятие, влекущее переход наследственного имущества в его собственность.

Таким образом, участие государства в наследственных отношениях допустимо в исключительных

ситуациях, а именно в случае отсутствия наследников или отказа наследниками от наследства.

В свою очередь, реализация механизма автоматического перехода имущества к наследникам (при отсутствии выраженного отказа от наследства) приведет к следующим результатам:

На основании изложенного представляется возможным сформулировать следующие предложения.

1. Исключить из части 1 статьи 1151 ГК РФ положение, предусматривающее признание наследства выморочным в случае, если никто из наследников не принял наследство.

2. Закрепить механизм автоматического перехода наследственного имущества к наследникам при отсутствии с их стороны отказа от наследства в течение установленного шестимесячного срока.

Список литературы

1. Барцевский М. Ю. Наследство и наследники : в 2 т. – Т. 1. – М. : Аргументы недели, 2020.
2. Воронова О. Н. Субъекты наследования выморочного имущества в Российской Федерации // Юридическая наука в XXI веке: история, теория, практика : материалы Международной научно-практической конференции, Белгород, 27 марта 2018 года. – Белгород : Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2018. – С. 472–477.
3. Демичев А. А. Проблемы наследования выморочного имущества в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1 (25). – С. 88–92.
4. Кирилловых А. А. Некоторые аспекты наследования выморочного имущества публично-правовыми образованиями // Наследственное право. – 2025. – № 4. – С. 29–32.
5. Плотников Д. А., Усцов Д. К. Некоторые проблемы рассмотрения дел о наследовании выморочного имущества // Российский судья. – 2020. – № 2. – С. 16–20.
6. Серебровский В. И. Очерки советского наследственного права. – М., 1953.
7. Тихомирова Ю. В., Казеко М. Ф. Проблемы определения состава выморочного имущества по делам о взыскании задолженности наследодателя за счет выморочного имущества // Хозяйство и право. – 2025. – № 7 (582). – С. 59–73.

Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных прав граждан и юридических лиц

В. А. Егупов

кандидат юридических наук,
преподаватель 27-й кафедры (гражданского права)
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации.

Адрес: ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского»,
125047, Москва, Садовая ул., д. 14.
E-mail: egupov1981@mail.ru

Compensation for Moral Damage as a Way to Protect the Non-property Rights of Citizens and Legal Entities

V. A. Egupov

PhD in Law, Lecturer of the Department 27 (Civil Law)
of the Military University named after Prince Alexander Nevsky
of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Address: Federal State Public Military Educational Institution of Higher Education
“Prince Alexander Nevsky Military University”
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
14 Sadovaya Str., Moscow, 125047, Russian Federation.
E-mail: egupov1981@mail.ru

Поступила 10.01.2026 Принята к печати 25.01.2026

Аннотация

В статье исследуются проблемы защиты неимущественных прав граждан и юридических лиц путем компенсации морального вреда. На основе имеющихся научных точек зрения на правовую природу морального вреда, на правовые оценки степени тяжести нравственных страданий высказывается обоснованная точка зрения о повышении судами соответствующей компенсации в зависимости от уровня нравственных страданий потерпевшего или истца, а также от характера и уровня ущерба деловой репутации организации. Опираясь на теоретико-правовые концепции, в статье осмысливается институт компенсации морального вреда и доказывается его особая важность и ценность среди институтов гражданского права. Со ссылками на труды ученых-правоведов определены такие виды морального вреда, как непосредственный, опосредованный и дискриминационный. Кроме того, автор предлагает определять неимущественный ущерб деловой репутации юридического лица как репутационный вред и устанавливать степень его тяжести в зависимости от конкретных неблагоприятных последствий совершенных деяний. Особое внимание в статье уделено правовому исследованию положений действующего гражданского законодательства о моральном вреде и его компенсации, а также сравнительному анализу обобщенной судебной практики в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (утратило силу) и Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». В завершение исследования проведен научный анализ компенсации морального вреда во внесудебном добровольном порядке.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация, честь, достоинство, деловая репутация, репутационный вред, потерпевший, причинитель вреда, гражданско-правовая ответственность, юридическое лицо, физическое лицо, правонарушитель.

Abstract

The article examines the problems of protecting the non-property rights of citizens and legal entities by compensating for moral damage. Based on the available scientific points of view on the legal nature of moral harm, on legal assessments of the severity of moral suffering, a reasonable point of view is expressed on the

increase in appropriate compensation by the courts depending on the level of moral suffering of the victim or plaintiff, as well as on the nature and level of damage to the business reputation of the organization. Based on theoretical and legal concepts, the article conceptualizes the institution of compensation for moral damage and proves its particular importance and value among civil law institutions. With references to the works of legal scholars, such types of moral harm as direct, indirect and discriminatory harm are identified. In addition, the author proposes to define non-material damage to the business reputation of a legal entity as reputational harm and to establish the degree of its severity depending on the specific adverse consequences of the acts committed. Special attention is paid to the legal study of the provisions of the current civil legislation on moral harm and its compensation, as well as a comparative analysis of generalized judicial practice in Resolution No. 10 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 20, 1994 "Some issues of the application of legislation on compensation for moral harm" (expired) and the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On the practice of courts of the norms on compensation for moral damage" dated December 15, 2022, No. 33. At the end of the study, a scientific analysis of compensation for moral damage in an out-of-court voluntary manner was carried out.

Keywords: moral damage, compensation, honor, dignity, business reputation, reputational damage, victim, tortfeasor, civil liability, legal entity, individual, offender.

Согласно статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) одним из способов защиты гражданских прав является компенсация морального вреда. Кроме того, моральный вред может быть причинен как наряду с имущественным вредом, вредом жизни и здоровью, так и без таковых. При этом он подлежит возмещению субъектом, причинившим такой вред, вне зависимости от причинения физического и имущественного вреда. Более того, причинитель вреда может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности (а компенсация морального вреда выступает одной из форм такой ответственности) вне зависимости от привлечения данного субъекта к уголовной, административной и иным видам юридической ответственности. Ценность такой компенсации заключается, на наш взгляд, в защите неимущественных интересов конкретной пострадавшей стороны, конкретного потерпевшего от противоправного деяния, в возмещении ему, а не государству, нравственного ущерба, который он понес в результате совершенного в отношении него правонарушения. Однако требовать компенсации морального вреда, равно как физического вреда (вреда жизни и здоровью) и имущественного ущерба, является правом, а не обязанностью потерпевшего, ибо никто, кроме него, не вправе обратиться в суд с соответствующим гражданским иском либо заявить гражданский иск в уголовном деле. Иными словами, потерпевший, в отличие от государства, имеет право простить правонарушителя, а также либо довольствоваться привлечени-

ем последнего к уголовной или административной ответственности, либо в установленных уголовным законом случаях примириться в суде с причинителем вреда. Таким образом, возможность привлечения субъекта к гражданско-правовой ответственности в форме компенсации морального вреда целиком и полностью зависит от истца (потерпевшего), размер ответственности в процессе судебного разбирательства также может быть изменен истцом, и стороны вправе закончить дело мировым соглашением. Исходя из представленных сторонами доказательств по делам о компенсации морального вреда суд должен оценить степень нравственных страданий потерпевшего (истца) от противоправного деяния нарушителя (ответчика). Зачастую ответчиком по таким делам выступает и само государство, например, при незаконном привлечении лица к уголовной ответственности, незаконном избрании в его отношении меры пресечения в виде заключения под стражу, незаконном помещении в психиатрический стационар и т. д. Важность компенсации морального вреда в отношении физических лиц, репутационного вреда (ущерб деловой репутации) в отношении юридических лиц сложно переоценить, так как душевные переживания, нравственные страдания человека, умаление его чести и достоинства, а также деловой репутации, имиджа организации должны быть компенсированы причинителем вреда в судебном порядке вне зависимости от наличия и компенсации имущественного ущерба.

Проблемам компенсации морального вреда посвящено достаточно много теоретических исследований ученых-юристов, что говорит об актуальности исследуемой темы. Однако чаще всего научные труды посвящаются компенсации мо-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

рального вреда в отношении физических лиц, поскольку сложно представить степень нравственных страданий, душевных переживаний искусственно созданных субъектов гражданского права – юридических лиц. Между тем юридические лица создаются физическими лицами и не мыслятся без их участия в гражданском обороте. Эти коллективные субъекты гражданских правоотношений также не лишены общих корпоративных чувств, эмоций, принципов, традиций, которым в результате противоправной деятельности также может быть причинен не менее серьезный нравственный ущерб деловой репутации, подрывающий доверие со стороны населения. И такой вред также по инициативе юридического лица (коллектива организации) должен подлежать компенсации в судебном порядке. Для более детального уяснения сущности исследуемого способа защиты неимущественных прав граждан и юридических лиц обратимся к научным трудам, посвященным институту компенсации морального вреда.

Глубокое и интересное исследование института компенсации морального вреда в российском праве провел в своей докторской диссертации С. М. Воробьев. Среди прочего он писал о том, что «...политико-правовая сущность института компенсации морального вреда заключается в отражении и реализации последовательной, стратегически ориентированной политики государства, направленной, в частности, на гармонизацию общественных отношений и стабилизацию социальных процессов в обществе, упрочение доверия населения к органам государственной власти, установление приоритета социальной справедливости, неукоснительное соблюдение прав человека и гражданина, укрепление законности, безопасности и правопорядка» [4. – С. 13]. Вынося данное положение на защиту, автор хотел показать, насколько важную роль в общественных отношениях и государственной политике играет институт компенсации морального вреда. Анализируя содержание данной докторской диссертации, хочется особенно подчеркнуть предложенную автором классификацию морального вреда на следующие виды:

- непосредственный моральный вред (причиняемый человеку в результате противоправных действий при условии, что лицо впоследствии становится потерпевшим);
- опосредованный моральный вред (наносимый человеку, группе людей в результате совершения противоправных и иных действий, имею-

щих объектом посягательства нравственные ценности и порождающий дискомфортное состояние людей – переживания, страх, тревогу, негодование) [4. – С. 14].

Далее автор размышляет еще об одной разновидности морального вреда, которому дает название «дискриминационный вред». В частности, он пишет, что «...особым видом морального вреда является дискриминационный вред, представляющий собой дискомфортное состояние потерпевшего, обусловленное совокупностью неблагоприятных психофизических последствий для человека, вызванных причинением ему нравственных или физических страданий в результате совершения в отношении его акта дискриминации» [4. – С. 15].

Затем автор вполне обоснованно предлагает собственные оригинальные редакции статей ГК РФ. Так, часть 2 статьи 151 ГК РФ он предлагает изложить в следующей редакции: «При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, и данных экспертных оценок, полученных при проведении обязательной судебно-медицинской и судебно-психологической экспертизы» [4. – С. 16]. Часть 2 статьи 1101 ГК РФ он предлагает представить в следующей редакции: «Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда, а также с учетом данных экспертных оценок, полученных при проведении обязательной судебно-медицинской и судебно-психологической экспертизы» [4. – С. 16]. Далее исследователь говорит нам о том, что «...целесообразно законодательно установить три степени опасности морального вреда:

- первая степень – при наличии показателей тяжкого вреда здоровью;
- вторая – при наличии показателей вреда здоровью средней тяжести;
- третья – при наличии показателей вреда здоровью легкой тяжести» [4. – С. 17].

Указанные рассуждения диссертанта вполне обоснованы, однако основанием для компенсации морального вреда далеко не всегда является причинение потерпевшему физического вреда, чаще

всего неправомерными действиями правонарушителя моральный вред причиняется именно психическому состоянию потерпевшего, и здесь степень опасности такого вреда суду определить значительно сложнее, ибо вред психическому, нравственному здоровью не менее опасен, однако степень опасности такого вреда должна определяться на основании судебно-медицинской и судебно-психологической экспертизы. Ведь в статье 151 ГК РФ совершенно четко сказано, что при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред. Кроме того, моральный вред может быть взыскан с причинителя, который не посягал на жизнь и здоровье гражданина, не посягал даже на его имущество, а распространил порочащие честь, достоинство и деловую репутацию сведения, которые не соответствуют действительности. Если в отношении юридического лица можно говорить об ущербе только его деловой репутации, то в отношении физического лица, помимо запятнанной репутации, возможно говорить и об умалении его чести и достоинства распространением порочащих его сведений. Кроме того, здесь можно говорить и о посягательстве на честь и достоинство, например, учредителей юридического лица, трудового коллектива организации, акционеров того или иного акционерного общества, органов управления юридического лица, которые долгое время зарабатывали доверие своих потребителей и партнеров по бизнесу, а распространением порочащих сведений была подорвана не только деловая репутация организации, но и честь, достоинство, доброе имя каждого члена, акционера, работника того или иного юридического лица. Ведь моральный вред причиняется не искусственно созданному субъекту как таковому, а конкретным физическим лицам, которые прямо или косвенно осуществляли деятельность данного субъекта. Соответственно, степень нравственных и психических страданий каждого члена коллектива несоизмеримо выше этих же самых страданий одного лица, а значит и размер компенсации такого вреда должен быть существенно больше.

Наконец, диссертант далее совершенно справедливо, на наш взгляд, предлагает предоставить потерпевшему «...права выбора нематериальных способов возмещения причинения такого вреда»,

которое будет направлено на защиту его нематериальных благ и неимущественных прав. В этой связи он обоснованно предлагает дополнить статью 150 ГК РФ частью третьей: «Лицо, в отношении которого был причинен моральный вред, имеет право определения способа его возмещения: в виде денежной компенсации, извинения, опровержения, примирения, реабилитации» [4. – С. 17].

По нашему глубокому убеждению, суд вправе назначить как одно, так и несколько способов возмещения морального вреда, исходя из заявленных требований истца (потерпевшего). Важным в указанном дополнении является и то, что моральный вред может быть причинен как физическому, так и юридическому лицу. Однако требовать в судебном порядке защиты чести и достоинства вправе только физическое лицо, юридическое же лицо, как искусственно созданный конкретными физическими лицами субъект, может требовать защиты только деловой репутации, ибо обладание честью и достоинством – исключительная прерогатива физического лица. Между тем, как отмечалось выше, в процессе защиты деловой репутации юридического лица не исключены иски о защите чести и достоинства его учредителей, работников, акционеров.

Другой исследователь проблем защиты чести, достоинства и деловой репутации, А. А. Власов, еще в 2000 г. в своей докторской диссертации пришел к выводу о том, что «...моральный вред – это причиненный физическому лицу нравственный ущерб, выраженный в унижении его чувств, создании у потерпевшего негативных ощущений и эмоций, которые влекут негативные последствия для его психики и носят нематериальный характер, опосредованно причиняя и физический вред» [3. – С. 99]. Ценность данного определения заключается прежде всего в том, что ученый впервые на монографическом уровне определил моральный вред через призму именно нравственных, психических страданий, которые зачастую могут причинить и страдания физические, быть источником различного рода болезней, в том числе душевных, подлежащих куда более сложному и длительному лечению. Соответственно, и размер компенсации морального вреда в таких случаях суд должен определять максимальный. Именно от степени тяжести наступивших вредных последствий для психического здоровья физического лица должен напрямую зависеть размер назначаемой судом компенсации морального вреда.

В этой связи, как отмечают некоторые исследователи, «...цель компенсации морального вреда – это полное или частичное восстановление психического и физического благополучия личности» [6. – С. 115]. С указанным тезисом сложно не согласиться, поскольку далеко не всегда компенсация морального вреда полностью восстанавливает психическое состояние потерпевшего, которое было у него до совершения правонарушения в его отношении.

Осмысливая и анализируя вопросы компенсации морального вреда как одного из основных способов защиты гражданских прав, нельзя не обратиться к актам толкования права, которые хотя и не являются источниками права в его классическом понимании, однако учитываются судами при вынесении решений о компенсации морального вреда. В этом отношении стоит обратить внимания на два постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»¹ (ныне утратило силу) и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»² (далее – Постановление № 33). Сравнительный анализ содержания двух вышеуказанных постановлений позволяет сделать вывод о том, что Постановление № 33 в значительно большей степени дополнило и расширило как само понятие «моральный вред», так и его конкретные разновидности, а также определило детально, что судам следует учитывать при разрешении споров о компенсации морального вреда. В частности, как указывает Е. В. Козырева, Постановление № 33 «...разрешило ряд значимых вопросов:

- уточнило понятие морального вреда, раскрыло более полно физические и нравственные страдания;
- определена форма компенсации морального вреда и расширены границы ее применения;
- сформулированы и дополнены критерии компенсации морального вреда;
- выявлены особенности компенсации морального вреда применительно к деликтам» [5. – С. 22].

¹ Российская газета. – 1995, 8 февраля. – № 29.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2023. – № 2.

В частности, согласно пункту 14 Постановления № 33, под физическими страданиями следует понимать:

- физическую боль, связанную с причинением увечья, иным повреждением здоровья;
- заболевание, в том числе перенесенное в результате нравственных страданий;
- ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья;
- неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы.

Под нравственными страданиями судам следует понимать страдания, относящиеся к душевному неблагополучию человека (чувство страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознания своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, переживания в связи с утратой родственников, потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав и другие негативные эмоции).

Таким образом, Постановление № 33 значительно расширило содержание и объем физических и нравственных страданий, более четко их конкретизировало, что, несомненно, помогает судам при установлении конкретных реальных оснований для компенсации морального вреда. Однако, помимо оснований для привлечения правонарушителя к гражданско-правовой ответственности (одной из форм которой и является компенсация морального вреда), необходимо, как пишет В. Н. Барсукова, «...наличие следующих предусмотренных законом условий: противоправное поведение причинителя морального вреда; претерпевание морального вреда; причинная связь между противоправным поведением причинителя вреда и моральным вредом; вина причинителя вреда» [2. – С. 91]. Как видим, данные условия схожи с общими условиями любого вида юридической ответственности (гражданско-правовой, административной, уголовной). Безусловно также и то, что нельзя компенсировать моральный вред, причиненный в результате правомерных действий (в отличие от вреда, причиненного жизни и здоровью, а также имущественного вреда, которые могут подлежать возмещению как при совершении правомерных действий, так и при отсутствии вины причинителя вреда).

Отдельного внимания заслуживают вопросы компенсации морального вреда при оказании пациентам ненадлежащих медицинских услуг частными и государственными организациями здравоохранения. Как справедливо отмечает ряд исследователей, «...для наступления гражданско-правовой ответственности за причиненный вред, в том числе моральный, необходимо наличие определенных условий или юридических фактов:

- противоправность действия (бездействия) медицинской организации (ее персонала) при оказании пациенту медицинских услуг;
- причинение пациенту вреда;
- наличие причинно-следственной связи между противоправным деянием медицинской организации (ее персонала) и возникшим вредом;
- вина медицинской организации (ее персонала).

При этом гражданское законодательство предусматривает презумпцию вины причинителя вреда: лицо, причинившее вред, освобождается от обязанности его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине (это может быть и вышедшее из-под контроля заболевание). В случаях, предусмотренных законом, компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины медицинской организации как причинителя вреда (статьи 1079, 1095, 1100 ГК РФ). Речь идет об усеченном (неполном) составе гражданского правонарушения» [7. – С. 62–63].

Далее указанные исследователи обращают внимание на то, что «...особую категорию медицинских дел (споров) составляют иски о возмещении морального вреда, нанесенного лекарственным необеспечением. Под таким необеспечением пациенты и их законные представители понимают невыписку рецептов на важнейшие лекарственные средства, от которых зависит качество жизни, непроведение заседания врачебной комиссии, когда это необходимо, непроведение закупки в сроки, которые оказались достаточными для возникновения морального вреда. Всё это влечет за собой иски пациентов о возмещении материального и морального вреда в виде возмещения расходов на приобретение лекарственных средств, а также на компенсацию морального вреда нравственных и физических страданий, которые пациенты испытывают из-за необеспечения их лекарственными средствами» [7. – С. 67].

Кроме того, моральный вред имеет место и в трудовых правоотношениях, когда работодатель

своими незаконными действиями путем, например, необоснованного привлечения к дисциплинарной ответственности, систематического лишения премий, привлечения к исполнению обязанностей, не предусмотренных должностной инструкцией работника, установления ненормированного рабочего дня, частых угроз увольнения, непредоставления гарантированного ежегодного оплачиваемого отпуска причиняет на постоянной основе работнику нравственные, душевные страдания, следствием которых могут быть нервные срывы, физическое и психическое недомогание, различного рода заболевания. Работник имеет право в любое время обратиться в суд с требованием компенсации морального вреда за причиненные работодателем физические и нравственные страдания своими незаконными и необоснованными деяниями. Со стороны же трудовых инспекций работнику должна быть обеспечена должная защита от незаконного увольнения и различного рода провокаций со стороны работодателя в связи с обращением измученного работника в суд с требованием о компенсации морального вреда. Следует отметить, что проблемы компенсации морального вреда в трудовых, административных, уголовно-правовых и иных видах правоотношений заслуживают отдельных научных исследований. Судебная и административная практика изобилует конкретными примерами злостных нарушений охраняемых конституционных прав граждан со стороны властвующих органов, которые зачастую при вынесении решений руководствуются своими личными амбициями, побуждениями и усмотрениями, а не нормами закона. В этой связи только судебная защита может компенсировать причиненный потерпевшему субъекту физический, психический и моральный вред.

Завершая исследование вопросов компенсации морального вреда, следует подчеркнуть, что такой способ защиты гражданских прав может осуществляться не только в судебном, но и в добровольном порядке. В частности, как указано в пункте 24 Постановления № 33, причинитель вреда вправе добровольно предоставить потерпевшему компенсацию морального вреда как в денежной, так и в иной форме (в виде ухода за потерпевшим, передачи какого-либо имущества), в оказании какой-либо услуги, в выполнении самим причинителем вреда или за его счет работы, направленной на сглаживание (смягчение) физических и нравственных страданий потерпевшего. При этом сам факт получения потерпевшим доб-

ровольно предоставленной причинителем вреда компенсации как в денежной, так и в иной форме, как и сделанное потерпевшим в рамках уголовного судопроизводства заявление о полной компенсации причиненного ему морального вреда, не исключает возможности взыскания компенсации морального вреда в порядке гражданского судопроизводства. Суд вправе взыскать компенсацию морального вреда в пользу потерпевшего, которому во внесудебном порядке была выплачена компенсация, если исходя из обстоятельств дела придет к выводу о том, что компенсация, полученная потерпевшим, не позволяет в полном объеме компенсировать причиненные ему физические или нравственные страдания. На наш взгляд, указанное разъяснение вполне справедливо и защищает интересы конкретной пострадавшей от деяний причинителя вреда стороны, степень нравственных и физических страданий которой зачастую сложно оценить, тем более непросто оценить и в полном объеме компенсировать их вредные для физического и душевного здоровья потерпевшего последствия. В этой связи безусловно правы и те

исследователи, которые делают вывод о том, что «...вопрос о реализации права потерпевшего на компенсацию морального вреда в добровольном порядке требует дальнейшей детальной проработки, включая компенсацию морального вреда в неденежной форме, и относится к наиболее перспективным направлениям совершенствования института возмещения морального вреда в России» [1. – С. 35].

Подводя итог настоящей статье, хочется сделать вывод о том, что компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных прав граждан и юридических лиц требует дальнейшего правового осмысления и исследования. Здесь важно понимать, что причиненный тому или иному субъекту гражданского права моральный вред является не менее значимым и серьезным, чем имущественный вред. От качества удовлетворения судами соответствующих исков о компенсации морального вреда, от их полноты во многом зависит уровень защиты неимущественных прав граждан и юридических лиц, уважения граждан к судебной системе и государству в целом.

Список литературы

1. *Асташкина А. В., Комзолов А. И.* Компенсация морального вреда в добровольном порядке: особенности и перспективы применения // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 7. – С. 32–36.
2. *Барсукова В. Н.* Компенсация морального вреда как способ защиты чести и достоинства личности // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 11. – С. 90–93.
3. *Власов А. А.* Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2000.
4. *Воробьев С. М.* Эволюция института компенсации морального вреда в российском праве (теоретико-правовое исследование): автореф. ... дисс. д-ра юрид. наук. – М., 2014.
5. *Козырева Е. В.* О развитии института компенсации морального вреда с учетом потребностей практики // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2023. – № 1. – С. 22–26.
6. *Пагава Т. Л.* Понятие и правовая природа компенсации морального вреда как способа защиты нарушенных имущественных прав граждан // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – № 3. – С. 114–119.
7. *Савков Д. С., Савкова В. М.* Правовые вопросы компенсации морального вреда при оказании медицинских услуг // Здравоохранение Дальнего Востока. – 2023. – № 3. – С. 62–68.
8. *Холиков И. В., Хараман Е. Е.* Международно-правовое регулирование применения некоторых видов оружия в условиях вооруженного конфликта // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 4. – С. 7–14.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-146-152>

К вопросу о последствиях злоупотребления принципом свободы договора

Н. Ю. Ищенкостарший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Байкальского государственного университета.Адрес: ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.E-mail: nata_ishenko@rambler.ru

On the Consequences of Abuse of the Principle of Freedom of Contract

N.Y. IshchenkoSenior Lecturer of the Department of Civil Law and Process
of Baikal State University.Address: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Baikal State University»,

11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation.

E-mail: nata_ishenko@rambler.ru*Поступила 19.10.2025 Принята к печати 01.11.2025*

Аннотация

В статье исследуются проблемные вопросы злоупотребления правом в договорных отношениях, в том числе принципом свободы договора, который, несмотря на весьма очевидную законодательную и судебную политику государства, в настоящее время является весьма актуальным. Представлен анализ некоторых из таких злоупотреблений свободой договора со стороны недобросовестных лиц, а именно: заключение мнимых и притворных сделок, ведение переговоров одной из сторон без намерения в дальнейшем заключать договор, уклонение лица от заключения договора в рамках публичной оферты, заключение кабальной сделки, навязывание покупателю одного товара для возможности приобретения другого. Также рассмотрен перечень установленных законом последствий за подобного рода злоупотребления принципом свободы договора. Делается обобщающий вывод о существовании проблем в гражданских правовых отношениях, решить которые, по мнению автора, без ограничений принципа свободы договора крайне затруднительно, поэтому бремя разрешения всех накопленных в этой сфере проблем фактически переложено на аппарат суда, в том числе в трудовых спорах, а также в спорах, вытекающих из защиты прав потребителей.

Ключевые слова: принцип свободы договора, договорные правоотношения, злоупотребление правом, мнимые сделки, притворные сделки, кабальные сделки, договор оферты, защита прав потребителей, последствия злоупотребления правом.

Abstract

The article examines problematic issues of abuse of law in contractual relations, including the principle of freedom of contract, which, despite the very obvious legislative and judicial policy of the state, is currently very relevant. An analysis of some of these abuses of freedom of contract by unscrupulous persons is presented, namely: the conclusion of imaginary and fake transactions, the conduct of negotiations by one of the parties without the intention of further concluding a contract, the evasion of a person from concluding a contract within the framework of a public offer, the conclusion of a bonded transaction, the imposition of one product on the buyer for the possibility of acquiring another, and the list of established. There are legal consequences for this kind of abuse of the principle of freedom of contract. A generalizing conclusion is drawn about the existence of problems in civil law relations, which, according to the author, are extremely difficult to solve without restrictions on the principle of freedom of contract, therefore, the burden of resolving all the problems accumulated in this area is actually shifted to the court apparatus, including in labor disputes, as well as in disputes arising from consumer protection.

Keywords: the principle of freedom of contract, contractual legal relations, abuse of law, imaginary transactions, fake transactions, bonded transactions, contract of offer, consumer rights protection, consequences of abuse of law.

Принцип свободы договора является одним из базисных принципов, создающих правовую основу гражданского оборота. Суть его в том, что люди имеют право заключать договоры и определять условия своих отношений с другими людьми, организациями, государством и т. д. Этот принцип является основой автономии воли личности и гарантирует ее право на свободу выбора, ограниченную только общественным порядком и законом. В рамках этого принципа происходят формирование и реализация имущественных прав и обязанностей сторон, а также устанавливается порядок признания и исполнения договоров.

Между тем стороны нередко злоупотребляют своими правами, предусмотренными различными правовыми актами, в том числе гражданским законодательством. Особенно часто данные злоупотребления возникают в договорных правоотношениях. При этом в большинстве случаев злоупотребление данным принципом исходит непосредственно от экономически сильных субъектов. Наличие на одной стороне больших ресурсов, в том числе кадровых, финансовых и информационных, заставляет такую сторону искать наиболее выгодные для нее условия в том или ином договоре.

Сама возможность вынести для себя выгоду, упрочить положение в своей отрасли толкает сторону не только на злоупотребление принципом свободы договора, но и на монополизацию того или иного рынка, при этом игнорируется наличие ущерба для остальных сторон.

Так, очевидные злоупотребления принципом свободы договора могут возникать в трудовых правоотношениях. При этом слабой стороной в данных правоотношениях является непосредственно работник, немаловажной целью трудовой деятельности которого является получение заработной платы для обеспечения как самого себя, так и членов своей семьи. В рамках рыночной экономики работодатель всеми способами пытается минимизировать издержки на производство своей продукции либо оказание услуг, ввиду чего для целей понижения данных издержек трудовые отношения оформляются не трудовым договором, с соответствующими последствиями и гарантиями для работника, а договором гражданско-правового характера.

Особенно часто данной возможностью злоупотребляют организации, которые можно отнести к разряду крупного бизнеса. При этом менее экономически успешные организации также не

обходят такую возможность стороной. Между тем, несмотря на свободу в выборе вида заключаемого договора, для сторон недопустимо маскировать конкретные трудовые отношения различными видами гражданско-правовых договоров [7. – С. 8]. Законодателем негативные последствия подобного злоупотребления детально проработаны и активно применяются в судебной практике: в соответствии с частью 4 статьи 5.27 Кодекса об административных правонарушениях¹ на должностных лиц накладываются штрафы. Отметим, что схожие последствия присутствуют и в законодательстве стран – участников Европейского союза (Германия, Австрия и др.).

Помимо этого, трудовые споры могут быть разрешены и таким альтернативным способом выхода из конфликта между организацией и работником, как медиация, включение которой в систему урегулирования трудовых споров, по мнению ученых, не только стимулирует работников и работодателей к поиску баланса интересов, но и способствует повышению стабильности трудовых отношений [11. – С. 115; 6. – С. 43].

Как отмечал И. А. Покровский, свобода договора может привести к своего рода экономической эксплуатации, когда сильнейшая сторона будет ставить слабейшей тяжелые условия, на которые та ввиду необходимости должна согласиться [10. – С. 207]. При этом, как указывает Д. В. Славецкий, в реалиях рыночной экономики, в том числе в Российской Федерации, существует определенный запрос на принцип защиты слабой стороны, к которым он относит, в частности, как физических лиц, так и субъектов малого предпринимательства, отмечая негативное влияние отсутствия гарантий защиты слабой стороны как на авторитет государственной власти, так и на сам процесс создания определенной системы имущественных правоотношений [14. – С. 9].

Однако, возвращаясь к гражданскому законодательству, следует отметить и те последствия, которые предусмотрены непосредственно им при злоупотреблении принципом свободы договора.

Принцип свободы договора, закрепленный в статье 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), предполагает как сво-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.10.2025) // Российская газета. – 2001. – № 256.

боду в заключении договора, так и свободу вида заключаемого договора и его условий. При этом зачастую злоупотребления данным принципом возникают именно при определении условий договора, а также в определении его вида.

Само понятие злоупотребления правом имеет отражение в статье 10 ГК РФ, согласно которой злоупотреблением правом считается любое недобросовестное осуществление гражданских прав. Данный запрет имеет своей целью реализацию конституционного принципа (ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации), согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Конституционным судом Российской Федерации в этой связи в Определении от 18 января 2011 г. № 8-О-П указано, что такой запрет не может считаться нарушением каких-либо прав и свобод¹.

Определение понятия злоупотребления правом не имеет однозначного восприятия у цивилистов. Так, по мнению В. П. Грибанова, его содержанием является «осуществление управомоченным лицом принадлежащих ему субъективных прав с использованием конкретных недозволенных форм, в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» [1. – С. 135].

По мнению С. Г. Зайцевой, суть злоупотребления правом состоит в использовании возможностей, которые заключены в правовую материю, и, будучи с юридической стороны безупречным, данный процесс в итоге порождает какое-то зло [3. – С. 18].

Отметим, что в настоящее время в российском законодательстве отсутствует четкое понятие злоупотребления свободой договора, что говорит об уравнивании злоупотребления принципом свободы договора и злоупотребления правом. При этом, в соответствии с пунктом 2 статьи 10 ГК РФ, последствиями такого злоупотребления для недобросовестного лица может стать отказ в полной либо частичной защите прав лица, допустившего злоупотребления правом, а также иные меры, предусмотренные законом.

Подобный подход не является уникальной чертой российского законодательства. Так, в англо-американской правовой системе также присутствуют механизмы борьбы со злоупотреблением свободой договора. При этом данные ограничения связаны непосредственно с защитой как государственных интересов, так и интересов потребителей. И в случае, когда лицо злоупотребляет свободой договора, последствиями подобных действий будут ничтожность, непринудительность, оспоримость, одобряемость и незаключенность [8. – С. 90].

Однако, несмотря на весьма очевидную правовую и судебную политику государства, проблема злоупотребления правом, в том числе принципом свободы договора, весьма актуальна. Так, возможные злоупотребления принципом свободы договора могут проявляться:

- в заключении мнимых и притворных сделок;
- в ведении переговоров без намерения в дальнейшем заключить договор;
- в уклонении лица от заключения договора в рамках публичной оферты;
- в заключении кабальной сделки;
- в навязывании покупателю одного товара для возможности приобретения другого и др.

Последствия заключения мнимых и притворных сделок изложены законодателем в статье 170 ГК РФ. При этом мнимой сделкой считается сделка, совершенная не с какими-либо намерениями создать соответствующие ей правовые последствия, а лишь для вида.

Притворная сделка – это сделка, прикрывающая собой другую сделку, в том числе совершенную на иных условиях. Пленум Верховного Суда в этой связи указал, что стороны такой сделки могут для видимости осуществлять ее формальное исполнение, например, заключив договор купли-продажи, во избежание обращения взыскания на имущество должника либо передать имущество в доверительное управление, сохранив при этом контроль за этим имуществом².

Стороны также могут осуществить государственную регистрацию перехода права собствен-

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2011 г. № 8-О-П «По жалобе открытого акционерного общества «Нефтяная компания Роснефть» на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца первого пункта 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2011. – № 6.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – № 140.

ности на недвижимое имущество должника. Зачастую мнимые сделки используются недобросовестными участниками гражданских правоотношений для вывода активов субъектов предпринимательства. При этом последствием подобных действий является полная либо частичная невозможность удовлетворения требований кредиторов. Таким образом, подобные действия влекут непосредственную угрозу нарушения прав третьих лиц.

Следует отметить, что, по данным Банка России, объем транзакций, вызывающих сомнение и свидетельствующих в том числе о выводе активов, превышает 80 млрд рублей¹.

Проблема мнимых и притворных сделок наиболее остро ощущается в делах о несостоятельности (банкротстве). Наиболее типичным в таких делах является создание определенных обязательств перед третьим лицом при использовании, например, договора займа [5. – С. 16].

Так, для кредиторов создается видимость существования обязательства перед третьим лицом, при этом третье лицо, являясь «дружественным» и участвуя в деле о банкротстве, уменьшает размер конкурсной массы должника, ввиду чего добросовестные кредиторы не получают удовлетворения своих требований в полном объеме.

Таким образом, последствием заключения мнимой либо притворной сделки будет ее ничтожность, т. е. недействительность с момента заключения вне зависимости от признания ее таковой судом. Данное правило отражено законодателем в пункте 1 статьи 166 ГК РФ.

Для ничтожных сделок установлен особый правовой режим. В силу очевидной порочности подобных сделок законодатель предоставляет любому заинтересованному лицу право требовать применения последствий их недействительности, включая защиту собственных интересов. Это не нарушает прав участников ничтожной сделки, поскольку закон изначально не признает за их действиями юридической силы сделки. Более того, такой механизм способствует упорядочению гражданского оборота. В этих же целях суду предоставлено право по собственной инициативе применять последствия недействительности ничтожных сделок.

Проблемой в данном случае является вопрос восстановления прав лица, нарушенных ничтожным договором. Несмотря на оговорку о недействительности ничтожной сделки вне зависимости от признания ее таковой судом, стороне, чьи права нарушены, все же придется обратиться в судебную инстанцию с соответствующим заявлением.

Однако А. П. Сергеев и Т. А. Терещенко отделяют мнимые и притворные сделки от сделок, совершенных в обход закона, отмечая при этом, что законодателем не дано ни четкого понятия подобных сделок, ни перечня последствий совершения таких сделок [13. – С. 135].

Ученые, рассуждая о подобных сделках, указывают, что сделки, «совершенные в обход закона, представляют собой сделки, прямо нарушающие закон. В таких сделках участники даже не пытаются скрыть истинный смысл таких действий при помощи различных притворных сделок» [2. – С. 270; 4. – С. 165].

Рассмотрим конкретный пример подобных сделок из практики Арбитражного суда Северо-Кавказского округа. Так, учреждением заключено четыре контракта на выполнение работ по установке различных систем безопасности, с установленной стоимостью каждого контракта в 400 тыс. рублей. Судом отмечено, что исполнение каждого контракта по отдельности не приводит к выполнению цели заказчика и только исполнение всех контрактов ведет к ее достижению. Также судом отмечено отсутствие препятствий для заказчика по заключению договоров с другими заказчиками, без разделения единого договора на 4 сделки.

Суд в данном споре пришел к выводу, что заключение договора с данным поставщиком, дробление единого договора на четыре связанные между собой сделки, в совокупности образующие единую сделку, с целью формального соблюдения специальных норм закона нарушают права третьих лиц и несут дополнительный ущерб бюджетным средствам².

Наличие подобных примеров приводит к сложностям в определении характера сделок, усложняет их оспаривание и расширяет границы судебного усмотрения. В связи с этим закономерно возникает необходимость в постоянной работе по совершенствованию законодательства

¹ В ЦБ рассказали о наиболее популярных схемах вывода активов. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3237492> (дата обращения: 23.10.2025).

² Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 1 июня 2020 г. № Ф08-2793/2020 по делу № А53-22985/2019 // Справочная правовая система «Гарант».

с учетом вызовов практики. Результатом такой работы станет формирование прочной теоретической и нормативной основы для разрешения споров о недействительности сделок.

Злоупотреблением принципом свободы договора также будет и ведение коммерческой организацией переговоров с контрагентом без цели заключить договор в дальнейшем.

Так, в силу требований пункта 1 статьи 434.1 ГК РФ стороны свободны в ведении переговоров и самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, не отвечая при этом за то, что соглашение в результате таких переговоров может не быть достигнуто.

Однако, как отмечено в пункте 2 данной статьи, при вступлении в переговоры, в ходе их проведения, а также по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно, без допущения возможности вступить в такие переговоры при отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной.

Последствия для таких недобросовестных действий предусмотрены пунктом 3 статьи 434.1 ГК РФ, в соответствии с которым расходы на проведение переговоров о заключении договора, а также убытки, связанные с упущенной возможностью заключить договор с третьим лицом, подлежат возмещению недобросовестной стороной.

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в этом отношении указано, что в таких случаях «предполагается, что каждая из сторон переговоров действует добросовестно и само по себе прекращение переговоров без указания мотивов отказа не свидетельствует о недобросовестности соответствующей стороны. На истце лежит бремя доказывания того, что, вступая в переговоры, ответчик действовал недобросовестно с целью причинения вреда истцу, например, пытался получить коммерческую информацию у истца либо воспрепятствовать заключению договора между истцом и третьим лицом»¹.

Таким образом, в случае, если сторона допускает подобного рода злоупотребление, проблема состоит в бремени доказывания, которая, в соответствии с частью 1 статьи 56 Гражданского про-

цессуального кодекса Российской Федерации РФ, будет возлагаться на добросовестную сторону, в том числе подлежат доказыванию факт недобросовестных действий, а также намерение недобросовестной стороны причинить убытки, получить коммерческую информацию или воспрепятствовать заключению соглашения между истцом и третьим лицом.

Рассматривая вопрос уклонения лица от заключения договора в силу публичной оферты, следует отметить следующее. Публичной офертой, согласно пункту 2 статьи 437 ГК РФ, признается предложение, которое содержит все существенные условия договора и из которого усматривается воля лица на его заключение с любым лицом, которое на него отзовется.

К публичной оферте в силу части 1 статьи 494 ГК РФ также относится предложение товара в рекламе, каталогах и описаниях товара, обращенное к неопределенному кругу лиц и содержащее в себе все существенные условия договора розничной купли-продажи.

При этом, как отмечено в части 2 указанной нормы, выставление товаров в месте продажи с демонстрацией их образцов либо предоставлением о них сведений в месте продажи или в сети Интернет признается публичной офертой независимо от указания цены или других существенных условий договора розничной купли-продажи, за исключением случаев, когда продавец строго определил, что товар не предназначен для продажи.

Как отметил в этой связи Конституционный суд Российской Федерации, «данные положения направлены на развитие гражданско-правового принципа свободы договора, в том числе на защиту прав участников гражданского оборота при заключении договора»².

Однако следует рассмотреть комплекс мер, предусмотренных законодателем и применяющихся в том числе в судебной практике к случаям, когда лицо, сделавшее публичную оферту, уклоняется от заключения договора. Так, в ГК РФ отсутствуют нормы, регулирующие последствия для стороны, внесшей предложение о публичной оферте, в случае ее уклонения от заключения

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. – 2016. – № 70 (п. 19).

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2015 г. № 561-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Черкуновой Анны Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав статьей 437 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

договора. При этом, согласно общим нормам закона, для заключения договора по оферте от стороны, которой направлена эта оферта, должен поступить акцепт в срок, указанный в этой оферте, либо в течение обычного срока, необходимого для этого, в тех случаях, когда специальный срок для заключения договора в оферте отсутствует.

Применительно к публичной оферте акцепт может быть направлен неопределенным кругом лиц, которые узнали о ней. Таким образом, когда акцепт получен, договор считается заключенным, то же касается и розничных магазинов, в которых расположен товар с целью его реализации. Продавец в данном случае не может отказать конкретному покупателю в продаже товара.

В случаях, когда оферент уклоняется от заключения соответствующего договора, спор возможно решить только в судебном порядке, путем понуждения лица заключить соответствующий договор. Последствием для лица, уклоняющегося от заключения соответствующего договора, станет решение суда, в котором будет декларирована данная обязанность, в том числе условия соответствующего договора.

Далее считаем необходимым рассмотреть вопрос заключения кабальных сделок. Само понятие «кабальный договор» представляет его как абсолютно невыгодный для одной из его сторон. При этом законодатель в пункте 3 статьи 179 ГК РФ определяет кабальную сделку как принудительную, совершаемую лицом на крайне невыгодных для него условиях, которые возникли в результате стечения тяжелых обстоятельств и непосредственно использовались другой стороной сделки.

Однако, как отмечает А. Я. Рыженков, несмотря на наличие четкого определения кабальной сделки в ГК РФ, в научной литературе, а также в судебной практике отсутствует единый подход к определению признаков такой сделки и единообразному их пониманию [12. – С. 153].

Во все той же статье 179 ГК РФ закреплены последствия заключения подобного договора для недобросовестной стороны, а именно: возможность признания судом ее недействительности по заявлению потерпевшего и применения к ней последствий недействительности сделки в соответствии со статьей 167 ГК РФ. При этом спецификой применения положений о последствиях заключения кабальной сделки является характер потерпевшей стороны, в качестве которой высту-

пает предприниматель. В таком случае имеет место своего рода предпринимательский риск [15. – С. 24], в связи с чем подобного рода убытки, вызванные экономическим просчетом, не могут оправдываться ссылкой на кабальность того или иного договора.

Последствия для недобросовестной стороны, навязывающей покупателю один товар для возможности приобретения другого, регулируются пунктом 2 статьи 16 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹, согласно которому продавцу запрещено обуславливать приобретение одних товаров или услуг обязательным приобретением иных товаров или услуг. При этом к последствиям такого злоупотребления законодатель относит возмещение недобросовестной стороной убытков, причиненных потребителю и связанных с нарушением его права на свободный выбор товаров или услуг.

Следует отметить, что чаще всего ущемление прав потребителей подобными действиями происходит в сфере банковского кредитования [9. – С. 23]. Одно из таких нарушений – навязывание банком дополнительного страхования, без которого либо потребитель не сможет заключить кредитный договор, либо условия по процентной ставке в таком договоре будут завышены по сравнению с условиями, на которых был заключен навязанный договор страхования. Внимание на недопустимость подобных действий различными банками обращает и Роспотребнадзор вместе с Банком России в соответствующем информационном письме². Судебная практика по данному вопросу весьма обширна, что свидетельствует об актуальности данной проблемы и о массовом нарушении прав потребителей.

Таким образом, проанализировав возможные злоупотребления недобросовестными лицами свободой договора, а также перечень последствий за подобного рода действия, следует отметить весьма подробное законодательное регулирование различных проявлений данных злоупо-

¹ Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Российская газета. – 1996. – № 8.

² Информационное письмо Банка России № ИН-02-59/39, Роспотребнадзора № 02/6207-2022-23 от 23 марта 2022 г. «О недопустимости проставления за потребителя автоматического согласия на приобретение дополнительных страховых услуг» // Вестник Банка России. – 2022. – № 19.

треблений. При этом массовость нарушений прав работников при злоупотреблении работодателем свободой в определении вида договора, заключение различных кабальных сделок, массовое нарушение прав потребителей в области навязывания ненужных им услуг при заключении нужного им договора и др. свидетельствуют о существовании проблем в гражданских правоотношениях, вытекающих из предоставленной законодателем свободы договора. Считаем, что решить данные проблемы без ограничений принципа свободы договора крайне затруднительно. Однако аппарат суда, на который фактически перело-

жено бремя разрешения всех накопленных проблем, весьма стойко охраняет интересы более слабой стороны гражданских правоотношений, в том числе в трудовых спорах, а также в спорах, вытекающих из защиты прав потребителей.

Изложенные соображения, безусловно, не охватывают всех аспектов последствий злоупотребления принципом свободы договора, однако их учет в правоприменительной практике будет способствовать как защите интересов участников гражданского оборота, так и поддержанию его стабильности.

Список литературы

1. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. – М. : Статут, 2000.
2. Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая. – М. : Юристъ, 2005.
3. Зайцева С. Г. «Злоупотребление правом» как правовая категория и как компонент нормативной системы законодательства РФ. – Рязань : Поверенный, 2002.
4. Захарова О. Е. «Обход закона», мнимые и притворные сделки: взаимосвязь и отличительные особенности // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 163–166.
5. Захарова О. Н., Епифанцева Т. Ю. К вопросу о способах расторжения договора // Baikal Research Journal. – 2016. – Т. 7. – № 5. – URL: <https://brj-bguer.ru/reader/archive.aspx?id=664>
6. Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Институт медиации: анализ практики применения и перспективы развития в России // Пролог: журнал о праве. – 2017. – № 2 (14). – С. 40–44.
7. Корнакова С. В., Чигрина Е. В. К вопросу о свободе выбора вида заключаемого договора // Гражданское право. – 2025. – № 2. – С. 6–9.
8. Осаке К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения // Журнал российского права. – 2006. – № 7 (115). – С. 85–94.
9. Осипова М. А. Гарантия возврата кредита: к вопросу о коллекторской деятельности // Baikal Research Journal. – 2016. – Т. 7. – № 3. – URL: <https://brj-bguer.ru/reader/archive.aspx?id=654>
10. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – Петроград : Изд. юрид. кн. кл. «Право», 1917.
11. Рашидова А. И., Рачкова А. О. Медиация в трудовых спорах // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – №12 (85). – С. 113–116.
12. Рыженков А. Я. Юридический состав кабальной сделки: проблемы теории и практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 2. – С. 151–159.
13. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Сделки в обход закона vs притворные и мнимые сделки: отдельные вопросы квалификации // Арбитражные споры. – 2015. – № 2 (70). – С. 132–140.
14. Славецкий Д. В. Принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2004.
15. Терехова Т. А., Трофимова Е. Л. Готовность к риску и склонность к новизне предпринимателей в разных социально-экономических условиях // Baikal Research Journal. – 2021. – Т. 12. – № 2. – URL: <https://brj-bguer.ru/reader/archive.aspx?id=897>

К вопросу о внесении положений о договоре морского круиза в Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации

Ю. С. Цветкова

старший преподаватель кафедры международного и морского права

ГУМРФ имени адмирала С. О. Макарова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова»,

198035, Санкт-Петербург, Двинская ул., д. 5/7.

E-mail: yultsvetkova@mail.ru

On the Issue of Amending the Provisions on the Contract of a Sea Cruise in the Code of Merchant Shipping of the Russian Federation

Yu. S. Tsvetkova

Senior Lecturer of the Department of International and Maritime Law of Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping.

Address: Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,

5/7 Dvinskaya Str., St. Petersburg, 198035, Russian Federation.

E-mail: yultsvetkova@mail.ru

Поступила 19.12.2025 Принята к печати 25.12.2025

Аннотация

Автор исследует определение понятия «круиз», его особенности как типа туристского продукта. Сформулированы предмет договора морского круиза, стороны договора, а также сделано указание на виды транспорта, на которых возможно предоставление услуг морского круиза – круизный лайнер, ледокол, судно ледового класса. Также в статье анализируется необходимость внесения в Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации положений, регламентирующих договор морского круиза. Автор обосновывается необходимость внесения указанных поправок именно в данный нормативный акт, приводится редакция предлагаемых положений о договоре морского круиза. Рассматривается соотношение понятий «турист» и «пассажир». Автор делает акцент на нормах, регламентирующих права и обязанности перевозчика и туриста в случае ухудшения здоровья туриста с учетом прав других туристов. Предлагается тезис о том, что в случае отказа сойти с судна для медицинского обследования в ближайшей точке маршрута турист соглашается, что несет риск возникновения неблагоприятных последствий для жизни и здоровья самостоятельно. Также анализируются зарубежные нормы о договоре морского круиза, в частности, законодательство Беларуси и Молдовы. Предложена редакция положений о договоре морского круиза в Кодекс торгового мореплавания.

Ключевые слова: гражданское право, законодательство о торговом мореплавании, круиз, морской круиз, договор морского круиза, морской туризм, полярные круизы, туристская деятельность, туризм и туристическая деятельность, перевозка туристов, рекреация, договор морской перевозки пассажира, туристский продукт.

Abstract

The author explores the definition of the concept of "cruise", its features as a type of tourist product, formulates the subject of the sea cruise agreement, the parties to the agreement, and also makes an indication of the types of transport on which it is possible to provide sea cruise services – cruise liner, icebreaker, ice-class vessel. The article also analyzes the need to introduce provisions regulating the contract of a sea cruise into the Code of Merchant Shipping of the Russian Federation. The author substantiates the need to make these amendments specifically to this regulatory act, and provides the wording of the proposed provisions on the sea cruise agreement. The relationship between the concepts of "tourist" and "passenger" is considered. The author focuses on the norms governing the rights and obligations of the carrier and the tourist in case of deterioration of the tourist's health, taking into account the rights of other tourists. The thesis is proposed that in case of refusal to get off the ship for a medical examination at the nearest point of the route, the tourist agrees that he carries the risk of adverse consequences for life and health on his own. The article also analyzes foreign norms on the contract of a

sea cruise, in particular, the legislation of Belarus and Moldova. The revision of the provisions on the sea cruise contract to the Merchant Shipping Code is proposed.

Keywords: civil law, legislation on merchant shipping, cruise, sea cruise, sea cruise agreement, maritime tourism, polar cruises, tourist activities, tourism and tourist activities, tourist transportation, recreation, passenger sea transportation agreement, a tourist product.

Специфический характер туристской деятельности, который определяется в том числе ее комплексностью, диктует необходимость детальной регламентации правоотношений, складывающихся в сфере туризма.

Очевидно, что понятие «круиз» относится к сфере туризма и туристической деятельности, что определяет специфику круизов.

Основное отличие понятий «перевозка туристов» и «морской круиз» обуславливается целью и основной производственной функцией пассажирских судов. В данном случае необходимо различать перевозку туристов как транспортную функцию и непосредственно отдых, знакомство с новыми местами, удовлетворение рекреационных потребностей [4].

Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации (далее – КТМ РФ) от 30 апреля 1999 г. № 81-Ф содержит определение понятия «договор морской перевозки пассажира». Предметом договора будет являться обязанность перевозчика перевезти пассажира в пункт назначения и, в случае сдачи пассажиром багажа, доставить пункт назначения багаж, а также обязанность пассажира уплатить установленную за проезд плату и плату за провоз багажа, если багаж сдавался (ст. 177 КТМ РФ [1]).

Полагаем, что турист во время морского круиза всегда является пассажиром, но пассажир не всегда является туристом, а договор морской перевозки пассажира не тождественен договору морского круиза (договору морской перевозки туриста). Отсутствие в российском законодательстве понятия договора морского круиза отмечает также М. М. Меликян, определяя данный договор как один из видов туристских договоров [5].

Здесь возникает вопрос: в случае, если турист заключил с туроператором договор об оказании туристических услуг, то какой нормативный акт будет применяться – Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» или Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации? Очевидно, что в случае, когда пассажир заключил договор перевозки напрямую с перевозчиком, то будут применяться

положения Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации.

Но что, если перевозка пассажира морем – часть туристического продукта? Ведь даже в случае фрахта туроператором морского судна турист будет являться пассажиром по смыслу статьи 177 КТМ РФ. Примечательным представляется тот факт, что туроператоры, предлагающие туристам совершить круиз, заключают именно договор о реализации туристского продукта, а термин «круиз», хотя и используется по тексту договора, никак не определяется и в предмете договора не указывается.

Таким образом, полагаем возможным определить, что морской круиз является видом (типом) туристского продукта, но в силу таких особенностей, как реализация договора на морском судне, а также того, что морской круиз не ограничивается транспортной функцией, как в случае с морской перевозкой пассажира, соответствующие правоотношения должны регулироваться именно договором морского круиза.

Для того чтобы сформулировать предмет договора морского круиза, необходимо отделить данный договор от договора, регулирующего смежные правоотношения (перевозку пассажиров морем). Полагаем важным для целей настоящего исследования обратиться к зарубежному опыту регламентации морских круизов и соответствующего договорного оформления.

Договор морского круиза регламентирован не во всех национальных правовых системах, в том числе отсутствует соответствующее упоминание в российском законодательстве. Однако данный правовой институт известен в Молдове, Беларуси, Украине. В договоре морской перевозки пассажира предметом будет являться фактически сама перевозка, то есть перемещение пассажира и его багажа из пункта отправления в пункт назначения в определенные сроки. Что же является предметом договора морского круиза?

Полагаем, что предмет договора морского круиза должен содержать не только обязательства сторон по перевозке туриста морским транспортом и оплате услуг, так и указание на предоставление туристу комплекса услуг, включая раз-

влекательные, экскурсионные и др., а также указание на тип судна. В связи с этим предлагается дополнить КТМ РФ от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ главой «Договор морского круиза» в следующей редакции.

Статья 1. Определение договора морского круиза

1. По договору морского круиза туроператор (перевозчик) обязуется перевезти туриста на круизном лайнере, судне ледового класса или ледоколе по согласованному маршруту и организовать досуговые мероприятия на побережье и на борту в соответствии с программой круиза, а турист обязуется оплатить круиз в полном объеме.

2. Положения настоящей главы применяются в Арктической зоне Российской Федерации с учетом требований, утвержденных международными соглашениями¹.

3. Для целей настоящей главы применяются определения понятий «туроператор» и «турист», содержащиеся в Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

Таким образом, договор морского круиза – это соглашение, согласно которому одна сторона, именуемая «Исполнитель» (туроператор; перевозчик), обязуется оказать комплекс услуг, включающих в себя перевозку туриста на круизном лайнере, судне ледового класса или ледоколе по согласованному маршруту и организовать досуговые мероприятия на побережье и на борту в соответствии с программой круиза, а другая сторона, именуемая «Заказчик» (турист), обязуется оплатить указанный комплекс услуг. При этом исполнителем могут являться перевозчик или туроператор, а заказчиком является турист.

Договор морского круиза, хотя и регулирует правоотношения, схожие с правоотношениями, регулируемым договором морской перевозки пассажира и договором о реализации туристского продукта, все же имеет существенные отличительные черты и должен регламентироваться отдельно.

Полагаем необходимым дополнить предложенную нами главу Кодекса торгового мореплавания «Договор морского круиза» статьей «Изменение договора морского круиза» в следующей редакции.

Статья «Изменение договора морского круиза»

1. Перевозчик вправе задержать отход судна, изменить маршрут перевозки туриста, место посадки и (или) высадки туриста, если такие действия необходимы вследствие технической поломки судна, погодных и стихийных явлений, неблагоприятных санитарно-эпидемиологических условий в пункте отправления, пункте назначения или в пути следования по маршруту перевозки туриста, сложной ледовой обстановки, а также вследствие других обстоятельств, не зависящих от перевозчика.

2. Правила, установленные п. 1 настоящей статьи, не ограничивают право пассажира отказаться от договора морского круиза.

В настоящее время в КТМ РФ содержатся положения о мореходности судна, согласно которым перевозчик обязан заблаговременно, до начала рейса, привести судно в мореходное состояние (ст. 124). Под мореходным состоянием понимается обеспечение годности к плаванию, надлежащее снаряжение судна, укомплектованность экипажем, готовность трюмов и помещений. Однако данные положения содержатся в КТМ РФ применительно к перевозке грузов, при этом в разделе, посвященном договору морской перевозки пассажира, такой нормы нет.

Согласно статье 6 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], в случаях, если правоотношения прямо не урегулированы законодательством, может применяться гражданское законодательство, регулирующее сходные правоотношения (аналогия закона).

Вопрос мореходности судна, в том числе круизного, представляется интересным с точки зрения последующего возможного влияния на объем прав и обязанностей сторон, а также привлечение их к ответственности.

Также на необходимость мореходного состояния судна указано в законодательстве Республики Молдова не только применительно к договору круиза, но и к договору о морской перевозке пассажира (ст. 194) [8]. В части прав и обязанностей сторон законодательство Республики Молдова, регламентирующее договор морского круиза, соответствует аналогичным нормам Республики Беларусь. Предлагаем дополнить статью 124 КТМ РФ пунктом 4 в следующей редакции.

4. Правила, установленные настоящей статьей, применяются также к правоотношениям, регулируемым главой «Договор морского круиза».

¹ В данном случае под международными соглашениями имеются в виду нормы Полярного кодекса.

Также нельзя отрицать, что важной составляющей туристской деятельности является медицинское обслуживание. Ввиду этого считаем необходимым дополнить предложенную нами ранее главу «Договор морского круиза» в КТМ РФ статьей «Обязанности туриста», вменяющей туристу в обязанность следовать предписаниям судового врача в случае получения травмы или какого-либо ухудшения здоровья, в следующей формулировке.

В случае получения во время круиза травмы и/или ухудшения состояния здоровья, турист обязан следовать рекомендациям врача. Представители туроператора или фактического перевозчика вправе рекомендовать ему прервать круиз с целью прохождения немедленного медицинского обследования или оказания медицинской помощи, которую невозможно оказать на судне. В случае отказа сойти с судна для медицинского обследования в ближайшей точке маршрута турист соглашается, что несет риск возникновения неблагоприятных последствий для жизни и здоровья самостоятельно.

Полагаем возможным сформулировать право туроператора (перевозчика) изменить маршрут круиза в целях оказания медицинской помощи туристу в качестве дополнения главы «Договор морского круиза» в следующей редакции.

Перевозчик вправе изменить маршрут круиза с целью захода в ближайший порт в случае необходимости оказания медицинской помощи туристу, которую невозможно оказать на борту судна. В этом случае претензии туристов не принимаются.

Полагаем, что вопрос возможного изменения сроков круиза можно регулировать путем внесения дополнений в предлагаемую главу «Договор морского круиза» в следующей редакции.

Стороны соглашаются, что сроки могут измениться в незначительном объеме (1–2 дня) в обе стороны от дат начала и окончания круиза. В данном случае условия договора и стоимость круиза для Заказчика (Туриста) не меняются.

Принимая во внимание, что круиз является видом туристического продукта, можно предположить, что положения о соответствующем договорном регулировании должны быть внесены в специализированный нормативный акт, регламентирующий туризм – ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Однако полагаем, что, учитывая специфику морских круизов, их неразрывную связь с рядом положений КТМ РФ (например, мореходное состояние судна), а также статус России как крупной морской державы, положения о договоре морского круиза должны быть внесены именно в КТМ РФ.

Список литературы

1. *Акимова О. В., Стеба А. А.* Концептуальный анализ понятий «морской круиз» и «морская перевозка туристов» // Методи та засоби управління розвитком транспортних систем. – 2013. – № 1 (20). – С. 60–68.
2. *Ефремова В. С.* Зарубежный опыт развития круизного туризма в современных условиях на примере Европейского Союза // Инновационные технологии в сервисе : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции / под ред. А. Е. Карлика. – СПб., 2015. – С. 289–291.
3. *Кадомцева А. Е., Цветкова Ю. С.* Некоторые вопросы необходимости унификации договорных норм, регулирующих полярный туризм и круизное судоходство // Океанский менеджмент. – 2022. – № 3 (17). – С. 20–22.
4. *Меликян М. М.* Договор международной морской перевозки пассажира. Договор морского круиза : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
5. *Цветкова Ю. С.* Правовое регулирование морской рекреационной деятельности : монография. – М. : Русайнс, 2023.

Частноправовые концепции регулирования отношений, сопряженных с применением инновационных механизмов транспортной перевозки

А. А. Салимов

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Salimov.AAO@rea.ru

Private Law Concepts for Regulating Relations Involving the Use of Innovative Transportation Mechanisms

A. A. Salimov

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Salimov.AAO@rea.ru

Поступила 17.01.2026 Принята к печати 28.02.2026

Аннотация

В рамках исследования рассматриваются частноправовые концепции регулирования инновационного развития транспортной перевозки. При исследовании темы применялся диалектический метод, посредством которого проанализированы динамика развития инноваций и их влияние на право, выявлены противоречия между традиционными правовыми нормами и новыми отношениями. Системный метод позволяет рассматривать инновационный транспорт как сложную систему, включающую технические, экономические, социальные и правовые компоненты, а также анализировать место частноправовых концепций в общей системе правового регулирования. Анализ отдельных аспектов инновационного транспорта и последующий синтез полученных знаний способствуют формированию целостных концепций. Дедукция и индукция в данном исследовании используются применительно к общим правовым принципам в конкретных кейсах инновационного транспорта (дедукция) и в выработке новых принципов на основе анализа множества частных случаев и технологических решений (индукция). Сочетание анализа современных правовых проблем с разработкой инновационных решений на пересечении частного права и инновационных механизмов транспортной перевозки составляет научную новизну данного исследования. Частноправовые концепции занимают центральное место в формировании эффективной и гибкой правовой основы для инновационного развития транспортной перевозки.

Ключевые слова: частноправовые отношения, инициативные механизмы, инновационные технологии в транспорте, умный транспорт, логистика, инновации в транспортной отрасли, цифровизация перевозок, электронные системы, смарт-транспорт, программные платформы, электронный документооборот, автоматизация процессов.

Abstract

The study examines private law concepts of regulation of innovative development of transportation. When researching the topic, a dialectical method was used, through which the dynamics of innovation development and their impact on law were analyzed, and contradictions between traditional legal norms and new relations were identified. The system method allows us to consider innovative transport as a complex system, including technical, economic, social and legal components, as well as to analyze the place of private law concepts in the general system of legal regulation. Through analysis and synthesis, the analysis of individual aspects of innovative transport and the subsequent synthesis of the acquired knowledge for the formation of holistic concepts are carried out. Deduction and induction in this study is based on the application of general legal principles to specific cases of innovative transportation (deduction) and the development of new principles based on the analysis of a variety of special cases and technological solutions (induction). The combination of the analysis of modern legal problems with the development of innovative solutions at the intersection of private law and innovative transportation mechanisms constitutes the scientific novelty of this study. Private law concepts are central to the formation of an effective and flexible legal framework for the innovative development of transportation.

Keywords: private law relations, initiative mechanisms, innovative technologies in transport, smart transport, logistics, innovations in the transport industry, digitalization of transportation, electronic systems, smart transport, software platforms, electronic document management, process automation.

Технологический прорыв и сопряженный с ним правовой вакуум можно рассматривать как общую проблему, привлекающую интерес к данной тематике. Развитие таких инноваций, как беспилотные транспортные средства (автомобили, дроны, корабли), гиперлуп, электротранспорт, системы умной логистики, блокчейн в цепях поставок и совместное использование транспортных средств (каршеринг, райдшеринг), создает принципиально новые правовые вопросы, на которые действующее частное право (договорное, деликтное, вещное) не дает однозначных ответов. Существующие нормы были разработаны для классических моделей транспорта и не учитывают специфику автономных систем, систем распределенного реестра или новой модели владения и использования.

Исследуемая тема является мультидисциплинарной и привлекает внимание ученых из различных областей права. В частности, хотелось бы отметить некоторых авторов, заложивших основы для изучения и понимания данной проблематики как в российской, так и в зарубежной науке.

Среди российских авторов, обратившихся к исследуемой теме в области информационного права, цифровых прав, правового регулирования больших данных, блокчейна и смарт-контрактов, это А. И. Савельев, Э. И. Лескина, Л. К. Терещенко, В. С. Савина; в области гражданского и предпринимательского права – Р. А. Курбанов, О. А. Рузакова, А. С. Лалетина, М. А. Егорова; в области корпоративного права и правового регулирования цифровой экономики – В. А. Лаптев; в области транспортного права – С. В. Саркисов, А. И. Землин; в сфере цифровой экономики и финансов – А. А. Ситник; в области робототехники и права – Ryan Calo (США), Frank Pasquale и др.

В условиях глобализации, постоянно растущих объемов грузоперевозок, ужесточения экологических требований и стремления к повышению эффективности транспортная отрасль сталкивается с необходимостью постоянных преобразований. Инновации становятся не просто желательным, а жизненно важным элементом развития, позволяющим адаптироваться к вызовам и создавать новые возможности. В этом контексте особую роль играют инновационные механизмы транспортной перевозки.

Инновационные механизмы транспортной перевозки – это совокупность новых или значительно усовершенствованных технологий, процессов, организационных структур, бизнес-моделей и управленческих подходов, применяемых в сфере транспортировки грузов и пассажиров, направленных на повышение эффективности, безопасности, экологичности, скорости и на снижение затрат. Эти механизмы выходят за рамки простого внедрения новой техники. Они охватывают весь спектр деятельности от планирования и логистики до эксплуатации и обслуживания, меняя принципы взаимодействия участников рынка и способы реализации транспортных услуг. Основная цель таких механизмов – не только оптимизировать существующие процессы, но и создавать принципиально новые возможности для перевозки, делая ее более адаптивной к меняющимся условиям и потребностям.

Инновационные механизмы в транспортной отрасли можно классифицировать по различным критериям, что позволяет более полно оценить их природу, масштабы и влияние [2].

Можно выделить несколько типов инноваций.

Обращают на себя внимание технологические инновации, связанные с внедрением новых устройств, материалов, программного обеспечения и аппаратных комплексов, такие как беспилотные транспортные средства (грузовики, поезда, дроны), электрификация и водородное топливо для транспортных средств, использование интернета вещей (IoT) для мониторинга грузов и состояния инфраструктуры, системы искусственного интеллекта (ИИ) для управления трафиком и логистикой, новые материалы для легких и прочных конструкций транспортных средств.

А. Д. Хмельницкий в своей работе, посвященной проблемам функционирования автотранспортного бизнеса, где им описываются эволюционные преобразования и стратегические ориентиры развития данной сферы, отмечает следующее: «технологические инновации могут иметь место как в производственных процессах компании (транспортировка, грузопереработка, таможенные процедуры, складирование, управление запасами), так и во вспомогательной деятельности, осуществляемой ее снабженческими, коммерческими,

бухгалтерскими, компьютерными или обслуживающими подразделениями» [5].

К технологическим инновациям также можно отнести мультимодальные инновационные технологии, логистические инновации, информационно-коммуникационные инновации, маркетинговые инновации, технические инновации.

Применение мультимодальных инновационных технологий ведет к созданию более интеллектуальных, автономных и человекоориентированных систем, способных более эффективно взаимодействовать с окружающим миром и улучшать качество жизни во многих ее аспектах.

В целом логистические инновации трансформируют транспортные перевозки из набора разрозненных операций в интегрированную, интеллектуальную и адаптивную экосистему, способную быстро реагировать на изменения и обеспечивать более высокую ценность для всех участников.

В настоящее время в сфере логистических инноваций для воплощения определенных логистических концепций доступны такие поддерживаемые информационные системы, как Customer Requirements Management (CRM; управление взаимоотношениями с клиентами), Supplier Requirements Management (SRM; управление взаимоотношениями с поставщиками), комплексный персонализированный учет спроса, ранжирование и классификация потребителей (поставщиков), прогнозирование продаж услуг, технология Supply Chain Management (SCM; управление цепями поставок) и ее составляющие. Технология SCM в свою очередь делится на системы для управления перевозками – Transportation Management Systems (TMS), а также системы управления складом – Warehouse Management System (WMS).

Информационно-коммуникационные инновации в транспортной перевозке сопряжены с созданием более интеллектуальной, взаимосвязанной, проактивной и адаптивной экосистемы, способной удовлетворять постоянно растущие требования глобальной экономики. К информационно-коммуникационным инновациям можно отнести:

– корпоративные информационные системы (КИС)¹;

– технологии Continuous Acquisitions and Life Cycle Support (CALC);

– RFID – система автоматической идентификации груза по радиометкам [3];

– RF/DC – мобильные беспроводные системы передачи данных по радиоканалу;

– VDT – технология и средства прямого голосового управления;

– CWS – автоматическое определение весогабаритных параметров груза;

– технологии мониторинга: спутниковая система (GPS, ГЛОНАСС), управление парком транспортных средств (FMS), сотовая сеть (GSM).

Вышеприведенная классификация инноваций соответствует принятому на основании распоряжения Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года»². Научные основы данных инноваций отражены в работах по логистике, прикладной логистике и т. д.

В конечном итоге применение технических инноваций в транспортной перевозке ведет к созданию более интеллектуальной, безопасной, эффективной, экологичной и устойчивой системе, которая лучше адаптируется к вызовам современного мира и удовлетворяет постоянно растущие потребности глобальной экономики [4]. Описанная технологическая трансформация создает вызовы для правового регулирования упомянутых отношений. Новые технологические процессы, как правило, создают иные условия применения уже существующим правовым конструкциям. Существующие и сложившиеся правовые конструкции не отвечают вновь созданным условиям. Технологические инновации требуют применения новых видов договорных отношений, где подлежат изменению существенные условия, субъективный состав, объем ответственности за нарушения договорных отношений, использование персональных данных и ответственность за нарушение использования персональных данных, страхование ответственности.

Процессные инновации включают усовершенствование методов организации и выполнения транспортных операций, логистических схем.

В качестве таковых можно рассматривать внедрение цифровых платформ для мультимо-

¹ https://habr.com/ru/search/?q=корпоративные+информационные+системы&target_type=posts&order=relevance&hf=context_news_202501_B

² Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>, 25.05.2023.

дальних перевозок, автоматизацию складских операций и перегрузки, оптимизацию маршрутов с использованием алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ), внедрение концепций бережливой логистики (lean logistics) и «точно в срок» (just-in-time) в цепи поставок, а также системы блокчейн для прозрачности и безопасности документооборота.

В результате применения процессных инноваций в транспортной перевозке получаются эффективные результаты: экономические, операционные, качественные, стратегические, социальные и экологические. Это сокращает затраты на техобслуживание, снижает потери и повреждение грузов при транспортной перевозке. В результате применения процессных инноваций риск наступления ответственности участников правоотношений по транспортной перевозке уменьшается.

Внедрение организационных и управленческих инноваций находит отражение в новых формах организации бизнеса, управленческой модели, стратегии и партнерства. Применение организационных и управленческих инноваций в транспортной перевозке является критически важным для адаптации к быстро меняющимся рыночным условиям, технологическому прогрессу и ужесточению регуляторных требований. Развитие концепции «логистика как услуга» (LaaS), формирование логистических хабов и кластеров, создание совместных предприятий и альянсов для оптимизации маршрутов и загрузки, внедрение гибких моделей ценообразования, систем каршеринга/райтшеринга для пассажирских перевозок, развитие государственно-частного партнерства в инфраструктурных проектах являются яркими примерами организационных и управленческих инноваций. Организационные и управленческие инновации влекут изменения в правовом регулировании возникающих корпоративных правоотношений. Создается необходимость внесения в систему новых правовых категорий для регулирования отношений в сложившейся ситуации.

Формируется инновационная культура, такие ее элементы, как стимулирование инициативы, поощрение экспериментов и толерантность к ошибкам; создается среда, в которой сотрудники готовы предлагать и внедрять новые идеи.

Применяемые экологические и социальные инновации направлены на снижение негативного воздействия на окружающую среду и на повышение социальной ответственности. Применение названных инноваций приводит к улучшенным

результатам, затрагивающим как окружающую среду, так и качество жизни людей. Экологические инновации в сфере транспортной перевозки прежде всего обеспечивают требования Федерального закона от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране атмосферного воздуха». Применение вышеупомянутых инноваций также создает благоприятные условия для владельцев стационарных источников (транспортных перевозчиков) в отношении негативных административных санкций, предусмотренных в письме Минприроды России от 10 марта 2015 г. № 12-47/5413 «О плате за негативное воздействие от передвижных источников» и принятых в соответствии с изменениями, внесенными в Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 219 «О внесении изменений в ФЗ «Об охране окружающей среды»».

Разработка и внедрение углеродно-нейтральных логистических решений, использование возобновляемых источников энергии в транспортной инфраструктуре, развитие городской логистики с использованием электрического транспорта и микрохабов, повышение доступности транспортных услуг для людей с ограниченными возможностями, инициативы по снижению шумового загрязнения являются экологическими и социальными инновациями.

В результате применения экологических и социальных инноваций происходят следующие изменения.

В сфере экологии:

1) снижаются выбросы парниковых газов и загрязняющих веществ с переходом на альтернативные виды топлива, а также происходит улучшение аэродинамики и повышение использования легких материалов;

2) повышается энергоэффективность в связи внедрением интеллектуальных транспортных систем (ИТС);

3) снижается шумовое загрязнение как результат использования качественного дорожного покрытия и усовершенствованных шин;

4) минимизируются отходы и рационально используются ресурсы; результат достигается применением экологичных упаковочных решений;

5) сохраняются биоразнообразие и экосистема, так как в меньшей степени загрязняются вода и почва. Благодаря использованию более чистых технологий и строгому контролю достигается наименьшая утечка топлива, масел и других химикатов.

В социальной сфере:

1) повышается безопасность дорожного движения, потому что внедряются системы Advanced Driver-Assistance Systems (ADAS; электронная система управления автомобилем). Важную роль играют улучшенная инфраструктура, качественное освещение, разметки и умные системы мониторинга;

2) улучшение доступности и инклюзивности транспорта достигается за счет развития общественного транспорта, где организовываются более доступные и специальные маршруты; транспортные средства обеспечиваются пандусами; отводятся специальные места для людей с ограниченными возможностями. Предлагаются микромобильные сети, такие как велосипеды, самокаты и каршеринг, с гибкими и доступными вариантами передвижения на короткие расстояния;

3) происходит повышение комфорта и удобства для пассажиров с применением кондиционирования и улучшенной эргономики, Wi-Fi, зарядных устройств на общественном транспорте; в качестве интегрированных систем создаются условия оплаты едиными билетами; на разных видах транспорта создаются удобные пересадочные узлы;

4) создаются новые рабочие места, происходит развитие компетенций за счет производства электромобилей, строительства зарядной инфраструктуры, разработки ПО для ИТС;

5) снижается транспортная нагрузка и уменьшается количество пробок. Применяются умные системы управления трафиком, где происходит оптимизация потоков движения с сокращением времени в пути и снижением стресса у водителей;

6) происходит укрепление местных сообществ и улучшение городского планирования, создаются комфортные и безопасные зоны для немоторизованного транспорта, способствующего здоровому образу жизни и социальному взаимодействию.

Инновации можно распределить на группы по степени новизны и масштабу воздействия.

Инкрементальные (постепенные) инновации – это незначительные улучшения существующих продуктов, процессов или услуг, которые повышают их эффективность без кардинального изменения сути. Например, устанавливаются более экономичные двигатели в существующую модель грузовика, незначительно обновляется ПО для логистического планирования.

Радикальные (прорывные) инновации – это создание принципиально новых продуктов, процессов или услуг, которые меняют правила игры в

отрасли или создают новые рынки. Разработки коммерчески жизнеспособных систем Hyperloop, массовое внедрение автономных такси или грузовиков, создание полностью цифровой глобальной логистической платформы приводит к радикальным инновациям.

Системные инновации подразумевают комплексное изменение взаимосвязанных элементов системы, влияя на множество процессов и участников этих процессов. Это создание умных городов с интегрированными транспортными системами, умными дорогами и мультимодальными хабами и глобальные транспортные коридоры, управляемые на основе единых цифровых протоколов.

Классификация инноваций по объекту применения предусматривает внедрение инноваций в транспортных средствах. Инновационные транспортные средства – это новые типы транспортных средств или их существенные модификации, такие как электрические грузовики, дроны для доставки «последней мили», беспилотные морские суда [4]. В том числе модернизируются и создаются новые элементы транспортной сети, например, умные дороги, а также применяются новые методы сбора, обработки данных и принятия решений.

Инновации кардинально меняют ландшафт транспортной отрасли, оказывая глубокое влияние на традиционные формы правовых отношений. Договоры перевозки, транспортной экспедиции и аренды транспортных средств, формировавшиеся на протяжении веков, сталкиваются с необходимостью адаптации к новым реалиям, порождая как трансформацию существующих положений, так и появление принципиально новых аспектов регулирования [3].

Необходимо провести глубинное исследование институтов транспортного права в контексте вышперечисленных современных инноваций, учитывая его особое место в системе частного права, представляющего собой динамично развивающуюся отрасль, чья специфика обусловлена уникальными характеристиками транспортной деятельности, в соотношении с гражданским и коммерческим правом.

Транспортное право традиционно рассматривается как комплексная (сложная) отрасль права, поскольку оно регулирует общественные отношения, возникающие в процессе перемещения грузов, пассажиров и багажа, а также связанные с этим организационные, технические и экономические аспекты. Основной массив этих отношений

носит частноправовой характер, поскольку они возникают между равноправными субъектами (перевозчик, отправитель, получатель, пассажир) на основе договорных отношений и принципов автономии воли.

Принадлежность транспортного права к частному праву характеризуется тем, что транспортное право регулирует в том числе транспортные и тесно связанные с ними отношения на основе принципов частного права, и обусловлена следующими факторами:

– договорный характер отношений, где центральное место занимают договоры перевозки, фрахтования, транспортной экспедиции, складского хранения и другие, которые по своей природе являются гражданско-правовыми с определенной спецификой;

– осуществление имущественных прав, где основная часть споров касается утраты, недостачи, повреждения груза или багажа, просрочки доставки, что напрямую затрагивает имущественные интересы сторон;

– диспозитивный характер отношений, что означает диспозитивность норм транспортного права и позволяет сторонам регулировать свои отношения по соглашению, если это не противоречит императивным нормам.

Необходимо отметить, что гражданское право выступает в качестве общей основы для транспортного права. Оно предоставляет фундаментальные принципы и институты, на которых строится вся система регулирования транспортных отношений и которые приведены ниже:

– общие положения о договорах – принципы свободы договора, добросовестности, исполнения обязательств, ответственности за нарушение обязательств – базируются на гражданско-правовых нормах. Договор перевозки, являясь разновидностью договора возмездного оказания услуг, подчиняется общим положениям Гражданского кодекса Российской Федерации;

– институт права собственности (права на перевозимый груз, транспортные средства, инфраструктуру регулируются гражданским правом);

– деликтная ответственность, когда в случае причинения вреда вне договорных отношений (например, при ДТП с участием транспортного средства) применяются общие нормы гражданского права о возмещении вреда.

В то же время транспортное право является специальной отраслью права по отношению к

гражданскому. Оно детализирует и модифицирует общие гражданско-правовые положения с учетом специфики транспортной деятельности.

Транспортные правоотношения, как правило, осуществляются на основании особых видов договоров. Договоры перевозки груза, пассажира, багажа, договор фрахтования, транспортной экспедиции имеют свою специфику, особые требования к форме, содержанию, сторонам и порядку исполнения.

Транспортными уставами, кодексами предусматривается специальная ответственность. В транспортном праве часто устанавливаются особые правила ответственности перевозчика – ограниченная ответственность (по весу, стоимости груза), презумпция вины, основания освобождения от ответственности, сроки предъявления претензий и исков. Эти нормы отступают от общих правил полной гражданско-правовой ответственности.

Транспортные правоотношения имеют публичное начало. Несмотря на частноправовой характер, в транспортном праве присутствует сильный элемент публичного регулирования (безопасность движения, лицензирование, государственное тарифное регулирование), что придает ему комплексный характер.

При соотношении транспортного права с предпринимательским правом выявляется тесная связь между ними.

Предпринимательское право тесно переплетается с транспортным правом, поскольку транспортная деятельность в подавляющем большинстве случаев осуществляется субъектами предпринимательской деятельности (коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями). Предпринимательский характер отношений свойственен перевозке, экспедированию, логистике – это коммерческие виды деятельности, направленные на систематическое извлечение прибыли. Соответственно, к этим отношениям применяются общие принципы и нормы предпринимательского права (например, о правовом статусе предпринимателей, о сделках, совершаемых в процессе предпринимательской деятельности).

Исторически транспортное право, особенно в международном аспекте, формировалось как часть *lex mercatoria* – права купцов, или торгового права, что подчеркивает его коммерческую направленность. Унифицированные международные конвенции (CMR, COTIF, Варшавская и Мон-

реальная конвенции) являются яркими примерами такого подхода.

Предпринимательское право регулирует более широкий круг предпринимательских отношений, тогда как транспортное право фокусируется именно на аспектах, связанных с перемещением. Однако они взаимно дополняют друг друга. Например, вопросы страхования грузов (предпринимательское право) тесно связаны с ответственностью перевозчика (транспортное право).

Инновации оказывают революционное воздействие на транспортное право, ставя перед ним новые вызовы и требуя адаптации существующих правовых механизмов, а иногда и создания совершенно новых. В результате широкого применения цифровизации и автоматизации возникают новые виды транспортных средств. Рассмотрим некоторые из них.

С применением в хозяйственной деятельности автономного транспорта (беспилотные автомобили, дроны, суда) классические конструкции правового регулирования утрачивают упорядочивающий характер. Возникают новые вызовы правового обеспечения отношений с применением автономных видов транспорта. Главный вызов – переосмысление ответственности. Традиционная модель, основанная на вине человека, т. е. водителя, становится неактуальной. Возникают вопросы ответственности производителя программного обеспечения, разработчика алгоритма, владельца транспортного средства, оператора системы. В сложившейся ситуации требуется гибридная модель, сочетающая объективную ответственность с элементами ответственности за продукт.

С распространением блокчейна и интернета вещей (IoT) появляются новые виды объектов правоотношений, которые не регулируются традиционно принятыми нормами гражданского законодательства. Технологии позволяют создавать умные контракты перевозки, автоматизировать оформление документов (электронные коносаменты, накладные), обеспечивать прозрачность цепочек поставок. Это требует адаптации норм о документообороте, признания юридической силы электронных документов и записей в реестрах.

Цифровые платформы (агрегаторы такси, каршеринг, платформы для грузоперевозок) находят монопольно широкое применение в правоотношениях, связанных с таксоперевозками пассажиров и разновидностями аренды транспортных средств. Возникают новые правовые вопросы, связанные со статусом водителей (самозанятые, работники),

их социальной защитой, ответственностью платформ за безопасность перевозок, антимонопольным регулированием.

С распространением новых бизнес-моделей, мобилизующих оказываемые транспортные услуги, и новых стратегических подходов создаются, в частности, зеленые коридоры, круговые цепочки поставок, коллаборативная логистика. Интеграция различных видов транспорта в единую систему с подпиской или оплатой по требованию влекут сложные многосторонние договоры, требуя нового подхода к распределению и разграничению обязательств сторон, ответственности между участниками цепочки.

Создание систем «гиперлуп» и других высокоскоростных систем приводит к появлению совершенно новой регуляторной базы, касающейся безопасности, инфраструктуры, лицензирования, ответственности и страхования.

Для достижения устойчивого развития и экологической безопасности предусматривается применение электрического транспорта, водородных топливных элементов, биотоплива (HVO, биометана), мультимодальных перевозок, оптимизации маршрутов. Необходимо отметить применяемые формы складирования и инфраструктуры, а также электропогрузчиков, умного отопления.

Нормативно-правовая база должна стимулировать использование экологически чистых технологий, регулировать создание зарядной инфраструктуры, вопросы утилизации батарей, а также устанавливать стандарты выбросов. Необходимо в ближайшем будущем достичь принятия нормативно-правовых актов, вводящих новые правовые категории в соответствии с применением новых видов многоступенчатых договоров, где сделка с одним и тем же объектом осуществляется различными субъектами предпринимательской деятельности. При новых подходах складирования и использования инфраструктуры возникают отличные от принятых требования к порядку и форме осуществления работ. Отдельные нормативные требования касаются применения солнечных панелей, LED-освещения, систем рекуперации энергии, тепловых насосов, датчиков контроля климата.

Необходимо введение юридических механизмов для компенсации или торговли выбросами в транспортном секторе.

Вопросы, связанные с безопасностью и кибербезопасностью, также влекут за собой немало вопросов, требующих нормативного вмешательства.

Защита данных пассажиров и грузов, противодействие кибератакам на транспортную инфраструктуру и автономные системы становятся ключевыми задачами правового регулирования.

Транспортное право, хотя и прочно укоренено в системе частного права и опирается на общие принципы гражданского и предпринимательского права, приобретает все большую автономию и специфику. В условиях стремительного технологического прогресса оно сталкивается с необходимостью радикальной модернизации. Инновации не просто изменяют технические аспекты перевозок, но и трансформируют базовые правовые ка-

тегории – субъектность, ответственность, форму договора, условия действительности договоров и способы доказывания. Задача современного транспортного права – создать гибкую, но при этом стабильную и предсказуемую правовую среду, способную эффективно регулировать новые формы транспортной деятельности, обеспечивать безопасность, справедливость и экономическую эффективность в условиях цифровой эпохи. Это требует не только национальных усилий, но и активного международного сотрудничества для унификации подходов и гармонизации законодательства.

Список литературы

1. *Антипов А. А.* Применение документа "The BRT Standard" как основы для российского законодательства, регулирующего системы скоростного автобусного транспорта // *Экономика. Право. Общество.* – 2025. – № 2. – С. 160–168.
2. Основные направления развития транспортно-логистических систем в едином транспортном пространстве / *А. С. Синицына, А. Г. Некрасов, Н. А. Конарева [и др.]*. – М. : Русайнс, 2022.
3. Развитие экономических систем в цифровой экономике: маркетинг, сфера услуг, логистика / *И. Б. Стукалова, Р. Р. Сидорчук, О. В. Сагинова [и др.]*. – М. : Русайнс, 2020.
4. *Сарсембаев М. А.* Решение юридических проблем внедрения цифровых технологий в производимые на машиностроительных заводах Казахстана электромобильные и беспилотные машины // *Развитие права в условиях междисциплинарного взаимодействия.* – СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. – С. 208–218.
5. *Хмельницкий А. Д.* Проблемы функционирования автотранспортного бизнеса: эволюция преобразований и стратегические ориентиры развития. – М. : РИОР : Инфра-м, 2019.

Формирование международно-правового режима Каспийского моря

А. М. Ибрагимов

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного и евразийского права Юридического института
Дагестанского государственного университета.

Адрес: ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет,
367000, г. Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, д. 43.

E-mail: ahmed63@yandex.ru

Э. Г. Буттаев

аспирант Дагестанского государственного университета,
вице-президент Союза «Торгово-промышленная палата Республики Дагестан».

Адрес: ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет,
367000, г. Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, д. 43;

Союз «Торгово-промышленная палата Республики Дагестан»,
367000, г. Махачкала, ул. Батырая, д. 11, офис 425.

E-mail: eldar.buttaev@mail.ru

Formation of the International Legal Regime of the Caspian Sea

A. M. Ibragimov

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of International and Eurasian Law at the Law Institute
of Dagestan State University.

Address: Dagestan State University,
43 Magomet Gadzhiev Str., Makhachkala, 367000, Russian Federation.

E-mail: ahmed63@yandex.ru

E. G. Buttaev

Postgraduate Student of Dagestan State University;
Vice-President of the Union "Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Dagestan".

Address: Dagestan State University,
43 Magomet Gadzhiev Str., Makhachkala, 367000, Russian Federation;
Union «Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Dagestan»,
Office 425, 11 Batyrya Str., Makhachkala, 367000, Russian Federation.

E-mail: eldar.buttaev@mail.ru

Поступила 17.12.2025 Принята к печати 29.01.2026

Аннотация

Статья представляет собой всесторонний анализ эволюции международно-правового статуса Каспийского моря, начиная с IX в. и до конца XX в., с акцентом на двусторонние отношения между Россией (позднее – СССР) и Персией (Ираном). Авторы прослеживают, как ранние торговые и военные взаимодействия славянских племен с населением прикаспийских территорий переросли в системное расширение влияния России в XVI–XIX вв., закрепленное ключевыми договорами, такими как Санкт-Петербургский (1723), Рештский (1732), Гянджинский (1735), Гюлистанский (1813) и Туркманчайский (1828), которые устанавливали правила мореплавания, торговли и территориальных уступок, а также монополию России на военный флот. В период после 1917 г. советская политика привела к аннулированию прежних соглашений и заключению новых договоров. Конвенции 1921, 1927, 1931, 1935 и 1940 г. подтвердили закрытый статус Каспия как «советско-иранского» водоема с ограничениями для внерегиональных сил. Исследование подчеркивает преемственность правовых норм, необходимость модернизации статуса моря после распада СССР с появлением новых прибрежных государств (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан) и роль многосторонних механизмов для достижения консенсуса по Каспию.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, Каспийский регион, правовой режим Каспийского моря, Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, международное право.

Abstract

This article presents a comprehensive analysis of the evolution of the international legal status of the Caspian Sea from the 9th century to the late 20th century, with an emphasis on bilateral relations between Russia (later the USSR) and Persia (Iran). The authors trace how early trade and military interactions between Slavic tribes and the population of Caspian territories developed into a systematic expansion of Russian influence in the 16th–19th centuries, cemented by key treaties such as the Treaties of St. Petersburg (1723), Resht (1732), Ganja (1735), Gulistan (1813), and Turkmenchay (1828), which established rules of navigation, trade, and territorial concessions, as well as Russia's monopoly on the navy. In the period after 1917, Soviet policy led to the annulment of previous agreements and the conclusion of new treaties. The conventions of 1921, 1927, 1931, 1935, and 1940 confirmed the closed status of the Caspian Sea as a "Soviet-Iranian" body of water with restrictions on extra-regional powers. The study emphasizes the continuity of legal norms, the need to modernize the sea's status after the collapse of the USSR with the emergence of new littoral states (Azerbaijan, Kazakhstan, and Turkmenistan), and the role of multilateral mechanisms in achieving consensus on the Caspian Sea.

Keywords: law, legal regulation, Caspian region, legal regime of the Caspian Sea, Convention on the Legal Status of the Caspian Sea, international law.

На протяжении длительного времени международно-правовой статус Каспийского моря напрямую зависел от отношений между двумя прибрежными государствами – Россией и Персией. Заключенные между ними договоры регулировали территориальные разграничения, порядок пребывания в акватории военных и торговых судов, правила торговли, взимания пошлин и налогов, права и обязанности подданных, а также другие аспекты. После распада Российской империи и образования Советского Союза «каспийская» договорно-правовая база была радикально пересмотрена и расширена. Благодаря новым соглашениям и договорам государства-соседи достигли компромиссов по многим вопросам двустороннего взаимодействия. Новая эпоха в истории региона началась с распада СССР и появления дополнительных прибрежных государств: наряду с Россией и Ираном в каспийскую политику вошли Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. В связи с этим стала очевидной необходимость скорейшей модернизации юридического режима водоема и его сведения к общему консенсусу [4].

Для достижения этой цели на различных уровнях, включая высший уровень межгосударственного диалога, сформировались многосторонние механизмы сотрудничества, в рамках которых велась работа по согласованию положений будущего всеобъемлющего договора – своего рода «конституции» каспийского взаимодействия. При этом естественным следствием региональных событий стало возникновение новых проблем и вызовов, требующих должной реакции от прибрежных

стран. Для более полного раскрытия замысловатой картины взаимоотношений в Каспийском регионе и причин ранее возникших разногласий мы решили проследить эволюцию международно-правового статуса Каспийского моря через призму формирующих его юридических документов. В исследовании рассмотрены ключевые положения основных двусторонних и многосторонних договоров, определяющих режим водоема на разных исторических этапах, с целью выявления их взаимосвязей и преемственности правовых норм.

Итак, отметим, что проникновение славянских племен в Каспийский регион датируется серединой IX в. Арабские летописи, в частности, труд персидского географа Абу-ль-Касима ибн-Хордабеха «Книга путей и государств», сообщают, что русские купцы в это время вели активную торговлю с прибрежными народами и использовали Джурджанское (Каспийское) море для доставки товаров в Багдад [2. – С. 233]. Информация о богатствах Востока быстро распространялась с кораблями торговцев и пробуждала интерес у других племен, что привело к нескольким опустошительным походам русов в начале X в. на прикаспийские территории, в первую очередь на Табаристан (южное побережье) и Ширван (западное побережье) [2. – С. 233].

С международно-правовой точки зрения упомянутые походы представляли собой несанкционированные вторжения, нарушавшие суверенитет прибрежных государств и не имевшие юридического обоснования, соответствующего действовавшим в тот период международным обычаям.

Закрепление Древней Руси в регионе способствовало продлению до Каспия знаменитого водного пути «из варяг в греки», существовавшего с середины IX до XIII в. и по сути ставшего государствообразующим для нее. Угасание этой торговой артерии с середины XIII в. было вызвано татаро-монгольским нашествием, которое замедлило развитие русского государства и надолго отрезало славянские народы от каспийского направления.

Возвращение России в регион совпало с успехами военной кампании Ивана IV Грозного по завоеванию Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств. Включение этих территорий позволило русскому государству восстановить доступ к каспийским торгово-транспортным путям и начать экспансию на юге. К концу XVI в. Москва установила контроль над ключевым участком Волжско-Каспийского водного пути, соединявшим Восточную Европу с Индией, и подключилась к одному из самых выгодных транзитных коридоров Евразии.

В то же время дальнейшее освоение южного направления было связано со стабилизацией отношений с соседями – Персией, Кокандским, Хивинским и Бухарским ханствами. Серьезной проблемой стали постоянные нападения на русские торговые суда со стороны туркменских племен и разбойных казаков. Чтобы обезопасить позиции, закрепить успехи и создать базу для продвижения в Центральную Азию, Индию и Афганистан, было решено сделать ставку на постепенную ассимиляцию местных народов, создание сети укрепленных форпостов (Кавказской линии) и формирование боеспособного флота на Каспии. Активно поощрялось развитие торгово-экономических связей, особенно с Персией, которые Москва рассматривала как инструмент «мягкой силы».

Целенаправленное установление контроля над Каспийским регионом как стратегическим центром Евразии началось при Петре I. В переписке с резидентом в Константинополе И. И. Неплюевым он отмечал: «Наши интересы отнюдь не допускают, чтоб какая другая держава, чья б ни была, на Каспийском море утвердилась». Во время правления Петра I были организованы военно-научные экспедиции (1714–1717 гг.) под руководством князя А. Бековича-Черкасского [1] для изучения восточного побережья и создания опорных пунктов для продвижения в Центральную Азию. Одновременно в 1715 г. в Персию для укрепления торговых связей было направлено посольство во главе с

А. П. Волынским [6]. Результатом стало подписание 30 июля 1717 г. двустороннего Договора о торговле российских купцов в Персии, первого официального юридического документа в истории отношений двух стран, знаменующего дипломатический успех России. Договор устанавливал свободный порядок торговли и запрещал нарушения прав русских негоциантов.

При Петре I в 1722 г. на Каспии сформировалось также первое регулярное соединение русского боевого флота – Каспийская военная флотилия, активно использовавшаяся в Персидском походе (1722–1723), проводившемся под предлогом помощи Персии в подавлении бунтов в афганских провинциях. По итогам кампании 12 сентября 1723 г. в Санкт-Петербурге был подписан мирный договор – первое двустороннее политическое соглашение между Россией и Персией, затрагивающее территориальные вопросы. В обмен на «вечную дружбу и вспоможение» персидский шах Тахмасп II уступал в «вечное владение» России города Дербент и Баку, а также прикаспийские провинции Гилян, Мазендеран (центры шелководства) и Астрабад (совр. Горган) [5].

С правовой точки зрения означенный договор устанавливал международно-правовой прецедент территориальных уступок на основании двустороннего соглашения, что соответствовало принципу суверенного равенства государств, действовавшему в международном праве того периода.

Первоначально персидские власти отказывались признавать договор, но успехи русских войск в 1725 г. вынудили их ратифицировать документ.

Вскоре стало ясно, что удерживать приобретенные территории сложно из-за высоких издержек на безопасность и снабжение войск, а также значительных людских потерь: по разным оценкам, с 1722 по 1735 г. в Персии погибло от 45 до 100 тыс. русских военнослужащих. В этой связи Россия предложила пересмотреть договор. Согласно Рештскому мирному трактату от 21 января 1732 г. Персии возвращались провинции Гилян, Мазендеран и Астрабад, а взамен русским купцам гарантировалась беспопышная торговля на всей персидской территории.

Начавшаяся в 1733 г. война за Польское наследство обострила отношения между Россией и Османской империей. В этих условиях правительство Анны Иоанновны решило поддержать Персию в ее войне с турками и предложило военный союз. Для согласования условий в Исфахан было направлено посольство во главе с князем

С. Д. Голицыным. Результатом переговоров с правителем Персии Надир Кули-ханом стало подписание 10 марта 1735 г. Гянджинского трактата. Россия возвращала Баку и Дербент с землями в обмен на обещание Персии продолжать войну с Османами и не заключать сепаратный мир. Трактатом фиксировались вечная дружба, взаимная военная поддержка, свобода торговли и учреждение российского консульства в Реште.

Планомерное закрепление российского присутствия на Кавказе в XVIII в. (основание казачьих станиц, крепостей Кизляра и Моздока, протекторат над Грузией в 1783 г., миграция переселенцев) беспокоило Великобританию, видевшую в этом угрозу своим интересам в Индии. Интриги Лондона привели к русско-персидской войне 1804–1813 гг. Несмотря на обещания, британцы не оказали поддержку Персии, что привело к ее поражению. 12 октября 1813 г. был заключен Гюлистанский трактат вечного мира и дружбы: по нему Персия уступала России Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и часть Талышского ханств, а также Дагестан, Грузию, Имеретию, Гурию, Мегрелию и Абхазию. Этим историческим документом впервые постулировалось право обеих стран на торговые корабли по всему водоему, но исключительное право на военный флот оставалось за Россией. Договор стимулировал также торговлю, что было немаловажно.

Данное соглашение с международно-правовой точки зрения закрепило принцип разделения функций: военная безопасность – исключительная компетенция России, торговое мореплавание – общая компетенция прибрежных государств.

Между тем Тегерану было трудно смириться с потерей территорий, и Лондон использовал это для провоцирования новой войны. Как часто отмечается в литературе и в устном предании, Англия не скрывала, что желает видеть Иран государством, обладающим военным флотом на Каспийском море, для чего была готова оказывать ему любую помощь вплоть до отправки в этот район офицеров, матросов, кораблестроителей, плотников и т. д. В 1814 г. был подписан англо-персидский договор «о вечном мире», обещавший пересмотр границ и помощь в конфликте. Воодушевленная Персия напала в 1826 г. на Карабах и Талыш, но к 1827 г. инициатива перешла к России. 10 февраля 1828 г. был заключен Туркманчайский трактат, ставший основой отношений стран до распада империи. Персия подтверждала потери,

уступала Эриванское и Нахичеванское ханства и платила контрибуцию в 20 млн. серебряных рублей. Подтверждалось исключительное право России на военный флот; торговые суда плавали свободно.

В пакете был подписан Трактат о торговле, сохранявший права русских купцов на свободную торговлю в Персии, с изложением правил выплаты пошлин, обращения с недвижимостью, судами и т. д. Эти документы укрепили позиции России на Кавказе и в Прикаспии, открыли путь в Среднюю Азию, ограничив влияние Британии.

Тем временем, после Ахалтекинской экспедиции 1881 г. генерала М. Д. Скобелева, возникла необходимость в установлении юго-восточной границы. Конвенция о разграничении к востоку от Каспийского моря была подписана 9 декабря 1881 г. в Тегеране; окончательный раздел произошел в 1893 г.

В XVII–XIX вв. Россия присоединила значительные территории Закавказья и Средней Азии через завоевательную политику, закрепила господство и распространила влияние на Прикаспий. К неудовольствию османов и Британии, были заключены договоры с Персией, отвечающие российским интересам. Рештский (1732 г.) и Гянджинский (1735 г.) трактаты заложили основу торговли. В XIX в. Гюлистанский (1813 г.)¹ и Туркманчайский (1828 г.)² договоры закрепили принципы: только суда прибрежных государств могут находиться в акватории Каспия, за Россией же закреплялась монополия на военный флот. Персия могла иметь только торговые суда. Русский юрист Ф. Ф. Мартенс отнес Каспий к закрытым морям, подчиненным России по Туркманчайскому договору, где Персия отказалась от военных судов. Тегеран признал приобретения России, что означало потерю контроля над Кавказом. Русские купцы получили преференции для торговли.

С правовой точки зрения в этот период оформился первичный международно-правовой статус Каспийского моря как закрытого водоема, подчиненного юрисдикции только двух прибрежных государств – России и Персии, с четким разграничением компетенций в военной и торговой сферах.

¹ Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. – М., 1946. – С. 24–29.

² Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном. 10 февраля 1828 г. // Под стягом России : Сборник архивных документов. М., 1992.

Несмотря на то, что с XVIII до начала XX в. «правила игры» в регионе определялись соглашениями России и Персии, после Октябрьской революции 1917 г. в России советское правительство решило в этом отношении радикально пересмотреть внешнюю политику. Отказ от «империалистического наследия» включал прекращение «насильственных» действий. Побывавшая полуколонией, разделенной на сферы влияния России и Британии по конвенции 1907 г., Персия вошла в список этих территорий.

16 января 1918 г. в «Известиях» было опубликовано заявление Совнаркома РСФСР об аннулировании ущемляющих Персию договоров, объявлявшее их недействительными. Ей передавались банки, дороги, порты, телеграфы, а также прощался долг в 75 млн. золотых рублей.

26 февраля 1921 г. в Москве был заключен базовый Договор между РСФСР и Персией, заложивший основу равноправных связей. Он отменял предыдущие соглашения, признавал право народов на самоопределение и «перезагружал» отношения. Им фиксировались границы (без точной делимитации на Каспии), устанавливался отказ от вмешательства, вводилось аннулирование займов, предусматривалась передача имущества и была произведена отмена консульской юрисдикции.

Ключевыми в этом договоре были статьи 5 и 6, допускавшие ввод советских войск в случае поступления угроз от третьих стран. Это было сделано на время, для защиты от белогвардейцев и британцев. В период после 1979 г. Иран заявил об их недействительности.

В отношении Каспия данным договором вводились новшества: упразднялись ограничения по Туркманчайскому трактату, устанавливалась равная свобода мореплавания для судов обеих стран (монополия России была отменена); Персии передавались рыболовные промыслы. В правовом отношении Договор 1921 г. знаменовал собой переход от неравноправного договорного режима к паритетному статусу прибрежных государств в акватории Каспийского моря.

Хотя закрытый характер моря в тексте прямо не указывался, данный договор подтверждал статус-кво, исключая иностранные суда. Он пресекал попытки Запада эксплуатировать нефть. Британский журнал «Nation» отмечал между тем рост русского влияния благодаря самопожертвованию.

В развитие договорного процесса 1 октября 1927 г. с Персией было подписано Соглашение об эксплуатации рыбных промыслов южного Каспия, создавшее предприятие «Персрыба» на 25 лет¹.

Положение о судах только двух стран подтверждалось в конвенциях 1931 г. (ст. 16), 1935 г. (ст. 14) и Договоре 1940 г. (ст. 13). Последний фиксировал режим наибольшего благоприятствования, права торгпредства и исключительное право на рыболовство в 10-мильной прибрежной зоне, впервые вводя элементы национальной юрисдикции. Каспий, как «море советское и иранское», закреплял свой закрытый статус.

С развалом Российской империи политика на Каспии изменилась: старые договоры были аннулированы, монополия на флот упразднена. Договоры 1921 и 1940 гг. усилили межгосударственные связи СССР и Ирана, исключили из Каспия внерегиональные силы. Этими договорами установились такие принципы, как равная свобода мореплавания только для судов двух стран и свобода рыболовства за пределами 10-мильной зоны. Закрытый характер Каспия был подтвержден.

Эксперты отмечают негласную границу по линии Астара – Гасан-Кули для внутренних целей СССР, но без международно-правовой основы и признания Ираном. Границы между государствами проходили по берегу, акватория закрепилась в общем пользовании².

К концу XX в. на Каспии сложился особый правовой порядок, отвечавший интересам сторон и строго соблюдавшийся. На новейшем этапе для устойчивости правового режима Каспия необходимы: а) четкая, детальная договорная регламентация статуса водной поверхности, дна и недр; б) согласованный допуск и режим судоходства; в) распределение биоресурсов с учетом прибрежных зон и мер сохранения; г) закрепление запрета на присутствие военных сил некаспийских государств и механизмов верификации. Эти вопросы решены новой Конвенцией о правовом статусе

¹ Соглашение об эксплуатации рыбных промыслов южного побережья Каспийского моря между Союзом Советских Социалистических Республик и Персией. 16 декабря 1927 года // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1928 г. – № 31-68. – Отдел второй. – М., б. г.

² Труды Института востоковедения РАН. Вып. 15 : Россия и Иран: пять веков сотрудничества. – М. : ИВ РАН, 2018. – С. 55.

Каспийского моря от 12 августа 2018 г. далеко не в полном объеме.

Таким образом, проведенный нами анализ исторических фактов и международных договоров позволяет сформулировать следующие выводы и обобщения.

1. Правовой режим Каспийского моря в XVIII–XX вв. закреплялся как статус закрытого двустороннего водоема на договорной основе. Ключевыми элементами стали: а) допуск к судоходству исключительно для прибрежных государств; б) исключение военно-морского присутствия третьих стран; в) специальный рыболовный режим с национальными прибрежными зонами.

2. Дореволюционные договоры (1813, 1828 гг.) установили монополию России на военный флот при свободе торгового судоходства двух сторон. Советско-иранские договоры 1921 и 1940 гг. сме-

нили одностороннюю монополию на паритет, подтвердив закрытый характер моря и юридический недопуск внерегиональных сил.

3. До распада СССР делимитация акватории *de jure* отсутствовала; применялся режим общего пользования при четкой сухопутной границе. Внутригосударственные советские технические линии не порождали международно-правовых последствий.

4. Распад СССР создал правовой вакуум в части субъектного состава прибрежных государств и потребовал перехода к многосторонней кодификации с учетом норм общего международного права о внутренне-материковых водоемах, недрах, биоресурсах и экологии, при сохранении базового принципа закрытости от третьих государств.

Список литературы

1. Андреев А. А. Московские годы жизни князя А. Б. Черкасского // Новое прошлое. – 2018. – №3. – С. 20–31.
2. Боголюбов А. М., Боголюбова Н. М. Россия и Восток. Особенности межцивилизационного взаимодействия в эпоху Нового времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012. – Сер. 13. Вып. 4. – С. 111–116.
3. Зембатова Б. В. Правовой статус Каспийского моря в контексте проблем текущего этапа развития отношений между странами «Каспийской пятерки» // Экономика. Право. Общество. – 2022. – № 2. – С. 37–43.
4. Ибрагимов А. М. О международном правовом статусе Каспийского моря. Некоторые новые оценки положения дел // Закон и право. – 2020. – № 8. – С. 120–123.
5. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX в. – М., 1983.
6. Рахаев Дж. Я. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в годы северной войны (1700–1721) // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2007. – № 16. – С. 168–171.

Международно-правовое регулирование технологий искусственного интеллекта

М. О. Румянцева

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова;
доцент кафедры гражданского права Российской таможенной академии.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36;
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,
140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, 4.
E-mail: rumyantseva.mo@rea.ru

В. С. Комбарова

помощник адвоката Коллегии адвокатов «Московский юридический центр».
Адрес: Коллегия адвокатов «Московский юридический центр»,
105120, Москва, Малый Полуяровский пер., д. 3/5, стр. 1.
E-mail: kombarova05@mail.ru

International Legal Regulation of Artificial Intelligence Technologies

M. O. Rumyantseva

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE;
Associate Professor of the Department of Civil Law of Russian Customs Academy.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation;
Russian Customs Academy,
4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.
E-mail: rumyantseva.mo@rea.ru

V. S. Kombarova

Assistant Attorney of Collegium of advocates «Moscow Law Center».
Address: Collegium of advocates «Moscow Law Center»,
Build.1, 3/5 Maly Poluyarovsky Lane, Moscow, 105120, Russian Federation.
E-mail: kombarova05@mail.ru

Поступила 20.11.2025 Принята к печати 05.12.2025

Аннотация

Данная статья посвящена анализу международно-правовых механизмов регулирования искусственного интеллекта (ИИ). Методологическая основа работы представлена комплексным компаративным анализом нормативно-правовых актов и прецедентной практики Европейского союза, КНР, США, Сингапура, ОАЭ, а также релевантных документов Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), ООН и ЮНЕСКО. Научная новизна работы заключается в систематизации глобального опыта по четырем ключевым аспектам: категоризация ИИ систем по степени риска, определение их правового статуса, регламентация распределения ответственности и защита фундаментальных прав человека. Авторами констатируется выраженная фрагментарность существующих национальных подходов и недостаточная эффективность международной координации в данной сфере. В качестве ключевых выводов и рекомендаций для Российской Федерации предлагаются: разработка федерального закона об ИИ, основанного на риск-ориентированной модели; учреждение специализированного регулятора; внесение системных изменений в законодательство о персональных данных и Гражданский кодекс; внедрение механизмов штрафов и регуляторных песочниц. Реализация данных мер призвана обеспечить оптимальный баланс между стимулированием технологических инноваций и гарантией прав граждан.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международное регулирование, глобальные стандарты, правовые механизмы, регуляторные инициативы, юридические риски, законодательство, Европейский союз, ВОИС, ООН, ЮНЕСКО, Китайская Народная Республика, Соединенные Штаты Америки, Республика Сингапур, Объединенные Арабские Эмираты, Российская Федерация.

Abstract

This article is devoted to the analysis of international legal mechanisms for regulating artificial intelligence. The methodological basis of the work is presented by a comprehensive comparative analysis of regulatory legal acts and case law of the EU, China, USA, Singapore, UAE, as well as relevant documents of the World Intellectual Property Organization, the United Nations and UNESCO. The scientific novelty of the work lies in the systematization of global experience in four key aspects: categorization of AI systems according to the degree of risk, determination of their legal status, regulation of responsibility allocation and protection of fundamental human rights. The author states the pronounced fragmentation of existing national approaches and the lack of effectiveness of international coordination in this area. The following key conclusions and recommendations are proposed for the Russian Federation: the development of a federal AI law based on a risk-based model; the establishment of a specialized regulator; the introduction of systemic changes to the legislation on personal data and the Civil Code; as well as the introduction of mechanisms for fines and regulatory «sandboxes». The implementation of these measures is designed to ensure an optimal balance between stimulating technological innovation and guaranteeing citizens' rights.

Keywords: artificial intelligence, international regulation, global standards, legal mechanisms, regulatory initiatives, legal risks, legislation, European Union, WIPO, United Nations, UNESCO, People's Republic of China, United States of America, Republic of Singapore, United Arab Emirates, Russian Federation.

Современный этап глобального технологического развития, обусловленный экспоненциальным ростом возможностей искусственного интеллекта (далее – ИИ), требует срочной выработки эффективных международно-правовых механизмов регулирования, способных гармонизировать противоречивые интересы инновационного прогресса, защиты прав человека, устойчивого развития и обеспечения справедливой конкуренции. В условиях отсутствия всеобъемлющего договора или конвенции по ИИ ключевую роль в формировании инструментов мягкого права и координации глобальных стандартов берут на себя международные организации: Всемирная организация интеллектуальной собственности (далее – ВОИС), ООН, включающая и Организацию Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО), каждая из которых акцентирует внимание на своих мандатных аспектах регулирования.

ВОИС, используя свою компетенцию в области интеллектуальной собственности (далее – ИС), с 2019 г. проводит межправительственные дискуссии по ИИ. Результатом этой работы стал разработанный и усовершенствованный «проект концептуального документа по вопросам политики в сфере интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта». Этот документ, не имея обязательной юридической силы, служит аналитической основой для национальных законодателей,

впервые систематизировав ключевые правовые дилеммы, порождаемые технологиями ИИ:

1) в патентном праве – признание ИИ изобретателем, критерии патентоспособности (новизна, изобретательский уровень) для ИИ-генерируемых решений, достаточность раскрытия изобретения при непрозрачности ИИ-систем («черный ящик»);

2) в сфере авторских и смежных прав – авторство на результаты творчества, созданные ИИ без прямого участия человека (например, музыкальные композиции, рисунки, тексты), а также правовой статус дипфейков и синтетических медиа как потенциальных нарушений неимущественных прав;

3) в контексте прав на данные – необходимость специальных правовых режимов для тренировочных данных ИИ, учитывающих баланс между коммерческой тайной, свободой исследований и правами субъектов персональных данных.

В 2024 г. ВОИС опубликовала два значимых документа: 1) обзор ключевых юридических рисков в сфере ИС, связанных с генеративным ИИ, включающий чек-лист для корпоративного комплаенса, и 2) патентный ландшафт генеративного ИИ. Последний впервые представил глобальную статистику патентной активности, детализированную по технологическим направлениям (диффузионные модели, трансформеры, речевые синтезаторы) и географическим юрисдикциям.

Тем не менее эти материалы носят рекомендательный характер и не устраняют фундаментальной проблемы: обеспечения трансграничной правовой определенности в условиях фрагментированного национального регулирования. Так, одни юрисдикции (США, Япония) допускают патентование изобретений, ассистированных ИИ, при условии контроля человека, тогда как другие (например, Европейское патентное ведомство) последовательно отклоняют заявки, в которых ИИ указан в качестве изобретателя.

Осознавая системно-трансформационный потенциал ИИ, ООН предприняла шаги к разработке универсальной архитектуры глобального управления, выходящей за рамки секторального регулирования. Инициатива Генерального секретаря Антониу Гутерриша о создании специализированного международного органа по ИИ, озвученная на заседании Совета Безопасности 18 июля 2023 г., нашла свое теоретическое обоснование в промежуточном отчете консультативного органа высокого уровня с формулировкой «управление ИИ в интересах человечества» (декабрь 2023 г.) [8. – С. 170]. Результатом стало учреждение ООН Консультативного органа высокого уровня по ИИ (далее – КОВУ).

В промежуточном отчете КОВУ «Управление ИИ в интересах человечества» 2023 г. впервые в международной практике предложена целостная классификация рисков ИИ по 6 измерениям: индивидуальному, коллективному, общественному, экономическому, экосистемному и ценностно-нормативному. Он также формулирует 5 руководящих принципов: инклюзивность, ориентация на общественные блага, синхронизация с управлением данными, сетевой многосторонний характер и фундаментальная привязка к Уставу ООН, международным договорам о правах человека и целям устойчивого развития. Особое значение придается 7 функциям будущей международной структуры: регулярный стратегический мониторинг трендов ИИ, координация усилий в рамках ООН, гармонизация технических и правовых стандартов, обеспечение справедливого доступа к технологиям, содействие в наращивании потенциала развивающихся стран, создание системы оперативного реагирования на ИИ-инциденты и обеспечение подотчетности через надзорные механизмы.

Параллельно в 2024 г. Генеральная Ассамблея ООН единогласно приняла две резолюции: «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем ИИ для устойчи-

вого развития» и «Укрепление международного сотрудничества в области наращивания потенциала ИИ». Обе фиксируют глобальный консенсус по ряду ключевых ценностей, включая недопустимость социального скоринга и массовой слежки, необходимость маркировки генеративного контента, а также важность культурно-языкового разнообразия при обучении ИИ. Однако, несмотря на высокую степень политической консолидации, данные резолюции не содержат конкретных обязательств по созданию международного регулятора и не освещают вопросы использования облачных сервисов, расположенных в третьих странах.

Значимым этапом в этическом регулировании ИИ является рекомендация ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта, единогласно принятая всеми 193 государствами-членами в ноябре 2021 г. [7. – С. 171]. Рекомендации представляют собой первый глобальный стандарт по ИИ, базирующийся не на технологических, а на гуманистических ценностях: уважении к достоинству, правам человека и благополучию экосистем.

Рекомендация сознательно избегает узкого определения ИИ, трактуя его как системы, способные обрабатывать данные способом, напоминающим интеллектуальное поведение, что обеспечивает адаптивность норм к будущим технологическим трансформациям. В ее основе лежат десять принципов, конкретизированных через операционализируемые требования [11. – С. 54]. В их число входят следующие:

- принцип подконтрольности человеку (п. 41) категорически запрещает передачу алгоритмов окончательных решений по вопросам жизни и смерти, а также исключает наделение ИИ статусом юридического лица;
- принцип неприкосновенности частной жизни и защиты данных (п. 45) обязывает проводить оценку воздействия на конфиденциальность уже на стадии проектирования систем;
- принцип справедливости и недискриминации (п. 43) обязывает государства активно выявлять и устранять алгоритмические предубеждения, особенно в чувствительных сферах, таких как здравоохранение, правосудие и занятость.

Подчеркивая свою всеобъемлющую природу, рекомендация ЮНЕСКО устанавливает одиннадцать стратегических направлений реализации. Эти векторы охватывают как традиционные для организации сферы (образование, культуру, науку), так и новые вызовы, включая изучение

влияния ИИ на исчезающие языки и знания коренных народов, а также этическое применение медицинских ИИ-систем, требующее участия пациентов [4. – С. 81].

В целях практической имплементации этих норм ЮНЕСКО разработала два ключевых инструмента: методологию оценки готовности государств к ИИ и оценку этического воздействия для анализа соответствия конкретных ИИ-проектов установленным ценностям. Примечательным событием 2024 г. стало подписание обязательства рядом ведущих технологических компаний (включая Microsoft, Mastercard, LG AI Research) следовать рекомендации. Это знаменует собой переход от исключительно государственной ответственности к многосторонней модели управления с активным участием частного сектора.

1 августа 2024 г. в Европейском союзе вступил в силу Закон об искусственном интеллекте (AI Act) (далее – Закон об ИИ), который не только установил единые правила для всех стран – членов ЕС, но и представил уникальную, не имеющую мировых аналогов модель регулирования, основанную на оценке рисков [3. – С. 132]. Этот законодательный акт стал кульминацией длительной эволюции Европейского регуляторного ландшафта, корни которого уходят в 2017 г., когда резолюция Европарламента «О нормах гражданского права в области робототехники» обозначила этические принципы развития технологий.

Особую роль в этом процессе сыграла «Белая книга об искусственном интеллекте: европейский подход к совершенству и доверию», опубликованная Европейской комиссией в 2020 г. [5. – С. 254]. Именно этот документ представил новаторскую идею обязательного тестирования и сертификации высокорисковых ИИ-приложений перед их выходом на европейский рынок. Белая книга детально обозначила секторы, где применение ИИ несет наибольшие угрозы для прав человека: критическая инфраструктура (транспорт, водо-, газо- и электроснабжение), здравоохранение, образование, правосудие и сфера занятости [2. – С. 98]. Она также содержала конкретные предложения по созданию контролируемых экспериментальных площадок для тестирования инновационных ИИ-систем – регуляторных песочниц. Большое внимание уделялось вопросам предотвращения алгоритмической дискриминации, обеспечения прозрачности процессов принятия решений и защиты персональных данных в строгом соответствии с GDPR. Важно отметить, что

Белая книга впервые в мировой практике сформулировала концепцию четырехуровневой классификации ИИ-систем по степени риска, которая впоследствии и легла в основу Закона об ИИ.

Стоит отметить, что сфера действия Закона об ИИ распространяется на:

- разработчиков и поставщиков, которые внедряют или предлагают к использованию системы искусственного интеллекта на рынке Евросоюза независимо от их юридической регистрации, будь то на территории ЕС или в третьей стране;
- конечных пользователей ИИ-систем, находящихся в пределах ЕС;
- разработчиков и пользователей, расположенных за пределами ЕС, если результаты работы их систем находят применение на европейской территории [10. – С. 86].

Центральное место в Законе об ИИ занимает тщательно разработанная четырехуровневая классификация систем ИИ.

1. К категории «недопустимого риска» отнесены технологии, прямо запрещенные законодательством: это государственный социальный скоринг граждан, когнитивно-поведенческие манипуляции с использованием скрытых техник, распознавание эмоций на рабочих местах и в учебных заведениях, а также определенные виды биометрической идентификации в реальном времени, за исключением строго ограниченных случаев для правоохранительных органов в чрезвычайных ситуациях.

2. Системы «высокого риска», применяемые в критически значимых областях, допускаются к использованию только при соблюдении строгих требований к безопасности, документированию, прослеживаемости и обязательной регистрации в специальном общеевропейском реестре. Статья 9 закона, помимо прочего, обязывает разработчиков таких систем создавать комплексные механизмы управления рисками, включающие идентификацию и анализ как известных, так и предвидимых угроз, оценку рисков при некорректном использовании системы, а также разработку и применение адекватных мер по их минимизации.

3. Третий уровень – категория «ограниченного риска» – включает в себя чат-боты и системы распознавания эмоций, для которых обязательным является обеспечение прозрачности взаимодействия с пользователем.

4. И, наконец, технологии с «минимальным риском» могут развиваться без каких-либо специальных регуляторных ограничений [1. – С. 50].

Законодательство также уделяет пристальное внимание генеративному искусственному интеллекту. Статья 52А регламентирует ряд специфических требований для таких систем: они обязаны информировать пользователя о создании контента с помощью ИИ, принимать меры для предотвращения генерации нелегальных материалов и предоставлять подробные сведения об учебных данных, защищенных авторским правом.

Статья 5 Закона об ИИ четко устанавливает ряд категорических запретов:

- запрещается применение методов, способных незаметно воздействовать на психику человека и потенциально причинить физический или психологический вред;

- исключается эксплуатация уязвимых особенностей определенных групп населения (например, по возрасту, наличию физических или ментальных ограничений), если это может привести к физическому или психологическому ущербу;

- строго запрещено внедрение государственных систем ИИ (или действующих от имени государства) для долгосрочной оценки или ранжирования граждан на основе их социального поведения, известных или прогнозируемых личных характеристик с целью определения их «благонадежности» [10. – С. 86].

Для эффективного внедрения положений закона учреждаются специализированные структуры: Европейский Совет по искусственному интеллекту и соответствующие национальные надзорные органы в каждой стране – члене ЕС. Закон предусматривает строгую систему ответственности: за несоблюдение норм Закона об ИИ предусмотрены большие штрафы до 30 миллионов евро или 7% от общемирового годового оборота компании, что служит убедительным свидетельством бескомпромиссного подхода ЕС к регулированию этой стратегической области [12. – С. 111]. Важно отметить, что Закон об ИИ не существует изолированно, а органично вплетен в существующую правовую систему ЕС, гармонично дополняя общий регламент «По защите данных» (GDPR), закон «О цифровых услугах» (Digital Services Act) и регламент «О кибербезопасности» 2019/881, формируя таким образом комплексную многоуровневую защиту прав и свобод граждан.

Вопреки сопротивлению со стороны делового сообщества, в июне 2023 г. такие гиганты, как Siemens и Heineken, выразили в письме свою обеспокоенность излишней жесткостью норм,

касающихся генеративных ИИ (европейские институты неуклонно проводят политику «жесткого регулирования»). Они исходят из того, что ИИ-системы представляют собой потенциальную опасность и нуждаются в контроле, сравнимом с надзором за фармацевтическими средствами [5. – С. 254]. Подход Евросоюза к регламентации ИИ доказывает: целостное законодательство, находящее равновесие между развитием инноваций и защитой человеческих прав, может обеспечить безопасное движение технологического прогресса. Практика ЕС убедительно свидетельствует, что действенное регулирование требует всеобъемлющего подхода, охватывающего не только инженерные аспекты создания ИИ, но и моральные установки, а также базовые права человека.

Развитие технологий ИИ поставило перед государствами задачу создания новой нормативно-правовой базы. Однако подходы к регулированию данной технологии в разных странах существенно различаются, что обусловлено их правовыми традициями, экономическими интересами и социальными приоритетами.

Китайская Народная Республика занимает особое место в развитии регулирования ИИ благодаря активной государственной политике в этой области. Нормативная база формируется на основе нескольких ключевых документов, охватывающих различные аспекты применения технологий. Так, Закон КНР «О защите персональных данных» устанавливает требования к обработке персональных данных при использовании автоматизированных решений. Статья 24 данного закона предусматривает право субъекта данных на получение объяснения относительно принятого алгоритмом решения и возможность его оспаривания, что особенно важно при применении методов профилирования и персонализированных рекомендаций [11. – С. 64]. «Положение о рекомендациях алгоритмов интернет-информационных сервисов» КНР 2022 г. дополняет эту базу, требуя от операторов раскрывать принципы функционирования своих алгоритмов и запрещая использование ИИ для манипуляции общественным мнением (ст. 7, 8, 10).

Наиболее значимым нормативным актом последних лет стали «Временные административные меры по управлению генеративным искусственным интеллектом» КНР 2023 г., которые впервые в китайском законодательстве вводят систематическую классификацию ИИ-систем в зависимости от уровня риска и устанавливают конкретные запреты

на создание контента, угрожающего государственной безопасности или содержащего порнографический материал (ст. 4, 7, 12) [9. – С. 21].

Вопрос о правосубъектности ИИ в КНР решен однозначно: искусственный интеллект не рассматривается как самостоятельный субъект права. Вместо этого ответственность за действия ИИ-систем полностью возлагается на разработчиков, операторов или конечных пользователей. Анализ научной литературы и обзоров судебной практики подтверждает, что в КНР искусственный интеллект рассматривается исключительно как инструмент, а не как самостоятельный субъект права. Китайские суды официально придерживаются позиции, что ИИ – это всего лишь средство, используемое человеком, и не может быть признан носителем прав или обязанностей. В частности, в делах, связанных с авторским правом на генерируемые AI изображения (например, дело «Ли Юнькай против Лю Юаньчуня»), суды КНР квалифицируют ИИ как инструмент, а авторские права закрепляют за пользователем, который инициировал создание контента, а не за самой системой ИИ [17. – С. 108]. Эта позиция была подтверждена и на уровне Верховного народного суда КНР, который на встрече ВОИС в 2020 г. прямо заявил, что ИИ не может быть субъектом права, а ответственность за его действия несут люди или организации, которые его используют.

Система запретов в КНР сосредоточена на защите государственных интересов и общественного порядка: запрещено использование ИИ для распространения фейковых новостей, манипуляции общественным мнением и нарушения национальной безопасности. Кроме того, законодательство содержит запрет на дискриминацию при автоматизированной обработке персональных данных. Примечательно, что в сфере биометрии и видеонаблюдения специального регулирования не предусмотрено, хотя государство активно внедряет ИИ-системы для этих целей, что вызывает критику со стороны правозащитных организаций [5. – С. 257].

Соединенные Штаты Америки выбрали другой путь регулирования, характеризующийся децентрализацией и отраслевым подходом. На федеральном уровне отсутствует комплексный закон об искусственном интеллекте. Вместо этого действуют рекомендательные документы и нормативные акты, регулирующие отдельные аспекты применения ИИ. Проект «Билля о правах в области искусственного интеллекта» 2022 г. пред-

ставляет собой акт, содержащий принципы защиты прав граждан при взаимодействии с ИИ-системами, включая требования прозрачности, объяснимости и недискриминации [18. – С. 308]. Исполнительный указ Президента США «О безопасном и заслуживающем доверия искусственном интеллекте» 2023 г. устанавливает требования к оценке рисков и обеспечению безопасности при разработке и внедрении ИИ, однако не содержит прямых запретов на его использование. На уровне отдельных штатов действуют более конкретные нормы: закон Калифорнии «О защите прав потребителей» распространяется на автоматизированную обработку данных, включая ИИ. Федеральное законодательство содержит ограничения в специфических сферах: например, закон США «О равных кредитных возможностях» (15 U.S.C. § 1691) запрещает дискриминацию при автоматизированном принятии решений в кредитовании. Некоторые города, такие как Сан-Франциско и Бостон, ввели локальные запреты на использование систем распознавания лиц правоохранительными органами [15. – С. 7].

Американское право, как и китайское, не признает ИИ субъектом права. Ответственность за вред, причиненный ИИ-системами, несут физические или юридические лица. Судебная практика подтверждает этот подход. Показательно дело «Талер против Хиршфельда» 2021 г.: суд отказал в признании ИИ изобретателем, подчеркнув, что субъектом права может быть только человек или корпорация [19. – С. 1]. В деле «Лумис против Висконсина» 2016 г. демонстрируется более гибкий подход: суд признал допустимым использование алгоритма COMPAS при вынесении приговора, однако обязал судей учитывать возможность ошибок и дискриминационных результатов при принятии решений [16. – С. 385].

Республика Сингапур применяет гибридный подход, сочетающий элементы рекомендательного и нормативного регулирования. «Модель системы управления ИИ» 2019 г. содержит классификацию ИИ-систем по уровню риска и рекомендации по прозрачности, объяснимости и управлению данными (разделы 2.1, 2.2, 3.1). Закон Республики Сингапур «О защите персональных данных» (ст. 24, 25, 26) регулирует обработку персональных данных при использовании автоматизированных решений. Как и в других странах, ИИ не признается субъектом права, ответственность возлагается на операторов и владельцев систем [14. – С. 2]. Прямых запретов на

использование ИИ нет, однако введены ограничения на автоматизированные решения, затрагивающие права граждан, с обязательством их толкования. В сфере биометрии требуется получение согласия субъекта данных. Судебная практика по ИИ в Сингапуре остается ограниченной, однако в делах о защите данных суды исходят из презумпции ответственности оператора ИИ-системы.

Объединенные Арабские Эмираты выделяются среди рассмотренных юрисдикций созданием специального министерства искусственного интеллекта, что свидетельствует о приоритизации этой сферы на государственном уровне. «Стратегия ОАЭ в области ИИ – 2031» определяет стратегические направления развития и внедрения ИИ. Федеральный декрет-закон ОАЭ № 45 «О защите персональных данных» 2021 г. регулирует обработку данных, включая автоматизированные решения (ст. 4, 5, 9, 10). «Модель системы управления ИИ» 2019 г. содержит классификацию систем ИИ по рискам и рекомендации по управлению (разделы 2.1, 2.2, 3.1) [13. – С. 196].

Как и в других странах, ИИ не признается субъектом права, ответственность несут операторы и владельцы систем. Прямых запретов на использование ИИ нет, однако запрещено его применение для создания фейковых новостей, манипуляции общественным мнением и нарушения национальной безопасности (ст. 4, 5 Федерального декрета-закона ОАЭ 45/2021). В пилотных проектах по внедрению ИИ в судебную систему решения принимаются только судьей, а ИИ используется как вспомогательный инструмент. Судебная практика по ИИ в ОАЭ пока отсутствует [6. – С. 207].

Анализ международно-правовых подходов к регулированию искусственного интеллекта демонстрирует необходимость комплексного совершенствования российского законодательства. Текущее состояние нормативной базы характеризуется фрагментарностью и отсутствием единого стратегического видения, что создает правовую неопределенность для разработчиков и пользователей ИИ-систем.

Первоочередной задачей является принятие федерального закона «Об искусственном интеллекте», который должен содержать четырехуровневую классификацию ИИ-систем по степени риска, аналогичную европейской модели. Данный закон должен устанавливать категорию недопустимого риска, включающую запреты на государственный социальный скоринг, когнитивно-поведенческие манипуляции и массовую биомет-

рическую идентификацию без надлежащих гарантий. Такой подход обеспечит защиту фундаментальных прав граждан при сохранении инновационного потенциала.

Второе направление совершенствования предполагает внесение изменений в Федеральный закон «О защите персональных данных» путем введения специальных требований к обработке данных при использовании автоматизированных решений. Необходимо закрепить право субъектов данных на получение объяснения относительно принятого алгоритмом решения и возможность его оспаривания, что соответствует практике Китая и Сингапура. Одновременно следует установить обязательность проведения оценки воздействия на конфиденциальность на стадии проектирования ИИ-систем.

Третьим элементом должно стать создание специализированного органа при Правительстве Российской Федерации, ответственного за координацию политики в сфере ИИ и гармонизацию стандартов между ведомствами. Этот орган должен разработать методологию оценки готовности государственных учреждений к внедрению ИИ-технологий и обеспечить мониторинг трендов развития.

Четвертое направление касается совершенствования Гражданского кодекса Российской Федерации путем уточнения правового статуса результатов, созданных ИИ-системами. Необходимо закрепить норму, согласно которой авторские права на генерируемый контент принадлежат пользователю, иницировавшему создание, а не самой системе, – такой подход соответствует позиции китайских судов. Одновременно следует установить ответственность разработчиков и операторов ИИ-систем за вред, причиненный их функционированием.

Пятым элементом является введение системы штрафных санкций за нарушение требований законодательства об ИИ, включая штрафы до 5% от годового оборота компании, что обеспечит действенность норм. Параллельно необходимо создание регуляторных песочниц для тестирования инновационных ИИ-решений в контролируемых условиях.

Реализация предложенных мер позволит Российской Федерации сформировать сбалансированную нормативную базу, обеспечивающую одновременно защиту прав граждан, развитие инноваций и конкурентоспособность отечественных ИИ-технологий на глобальном рынке.

Список литературы

1. *Астапенко П. Н.* Сравнительный анализ правового регулирования искусственного интеллекта в России, Китае, США и Европейском союзе // Закон и право. – 2025. – № 6. – С. 47–54.
2. *Белов И. И.* Закон Европейского союза об искусственном интеллекте: вызовы и возможности для управления документацией // Вестник ВНИИДАД. – 2024. – № 6. – С. 96–106.
3. *Быков И. А.* Публичная политика развития технологий искусственного интеллекта в Европейском союзе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2024. – № 2. – С. 130–144.
4. *Васильев Д. П.* Формирование международных режимов управления искусственным интеллектом: ключевые тенденции и основные акторы // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 8 (121). – С. 74–88.
5. *Ли Я.* Особенности нормативно-правового регулирования генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Евросоюзе и Китае // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Том 16. – № 3. – С. 245–267.
6. *Овчинников А. И., Селиванова Е. С., Конопий А. С.* Правовая политика в сфере регулирования искусственного интеллекта: зарубежный опыт нормирования и выстраивания приоритетов // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 502. – С. 204–213.
7. *Пономарёва Д. В., Некотенева М. В.* Геномные исследования и искусственный интеллект: проблемы правового регулирования на глобальном и региональном уровне // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 3 (160). – С. 168–179.
8. *Ревенко Л. С., Ревенко Н. С.* Искусственный интеллект: современные подходы к многостороннему регулированию // Экономика. Налоги. Право. – 2025. – № 5. – С. 165–177.
9. *Саяпин С. П.* О правовом регулировании генеративного искусственного интеллекта в Китае // Право и политика. – 2025. – № 3. – С. 19–29.
10. *Таран К. К.* Формирование в ЕС нормативно-правовой базы, регулирующей отношения по использованию искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2023. – № 2 (102). – С. 80–89.
11. *Филипова И. А.* Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – № 1. – С. 46–73.
12. *Шейкин А. Г.* Запрещенные действия в области искусственного интеллекта в законодательстве Европейского союза // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 3 (42). – С. 107–112.
13. *Abouahmed A., Kandeel M. E., Zakaria A.* Personal data protection in the United Arab Emirates and the European Union regulations // Journal of Global Governance and Regulation. – 2024. – No. 1. – P. 195-202.
14. *Allen J.G., Loo J., Campoverde J.L.L.* Governing intelligence: Singapore's evolving AI governance framework // Cambridge Forum on Artificial Intelligence: Law and Governance. – 2025. – Vol. 1. No. e12. – P. 1–20.
15. *Al-Maamari A.* Between Innovation and Oversight: A Cross-Regional Study of AI Risk Management Frameworks in the EU, U.S., UK, and China. – URL: <https://arxiv.org/pdf/2503.05773>
16. *Engel C., Linhardt L., Schubert M.* Code is law: how COMPAS affects the way the judiciary handles the risk of recidivism // Artificial Intelligence and Law. – 2025. – No. 33. – P. 383–404.
17. *Lin X.* Protecting AI-Generated Images as Works of Fine Art in China: Magnifying the Legacy of Art to Copyright // Law Technology and Humans. – 2025. – No. 7 (1). – P. 107–126.
18. *Makukh I., Mikitsel D.* Legal Principles of the Artificial Intelligence Development: European and American Experience. – 2024. – No. 15. – P. 304–319.
19. *Rani S., Zeya A.* Artificial Intelligence and Inventorship: Redefining Patent Law in the Age of AI // International Journal for Multidisciplinary Research. – 2025. – Vol. 7. – No. 3. – P. 1–4.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-179-188>

Международно-правовое регулирование криптовалют и цифровых финансовых активов: поиск баланса между инновациями и стабильностью

А. В. Токолов

кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
Адрес: ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
125167, Москва, ул. Ленинградский проспект, д. 49/2.
E-mail: altok40@mail.ru

И. А. Шапарская

студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
Адрес: ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
125167, Москва, ул. Ленинградский проспект, д. 49/2.
E-mail: shaparskaya.i.a@mail.ru

The International Legal Regulation of Cryptocurrencies and Digital Financial Assets: Finding Balance between Innovation and Stability

A. V. Tokolov

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of International and Public Law
of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
Address: Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education
“Financial University under the Government of the Russian Federation”,
49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russian Federation.
E-mail: altok40@mail.ru

I. A. Shaparskaya

Student of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
Address: Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education
“Financial University under the Government of the Russian Federation”,
49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russian Federation.
E-mail: shaparskaya.i.a@mail.ru

Поступила 10.12.2025 Принята к печати 24.12.2025

Аннотация

Статья направлена на научное обоснование моделей международно-правового регулирования криптовалют и цифровых финансовых активов (ЦФА). Центральное внимание уделяется анализу дилеммы между стимулированием технологических инноваций и обеспечением финансовой стабильности, защиты прав инвесторов и противодействия нелегальным операциям. Цель исследования – провести сравнительный анализ разнонаправленных национальных подходов (на примере США, ЕС, Китая, Сингапура, ОАЭ, Швейцарии) и наднациональных инициатив (ФАТФ, МВФ, БМР), выявить ключевые противоречия и правовые лакуны, препятствующие формированию согласованной глобальной модели. В работе последовательно исследуются: экономическая роль цифровых активов; эволюция регуляторных режимов; специфика трансграничного обращения криптоактивов; влияние цифровых валют центральных банков (CBDC) на правовое поле. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой и системный анализ нормативных актов, международных стандартов и доктринальных источников за период 2019–2025 гг. Результатом является комплексная оценка текущих тенденций и предложение возможных сценариев сближения (конвергенции) регуляторных практик для преодоления фрагментации правового пространства.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование, криптовалюта, цифровые финансовые активы (ЦФА), сравнительно-правовой анализ, финансовая стабильность, инновации, трансграничное обращение, цифровые валюты центральных банков (CBDC), конвергенция регулирования, ФАТФ.

Abstract

The article aims to provide a scientific substantiation of models of international legal regulation of cryptocurrencies and digital financial assets (DFA). The central focus is on the analysis of the dilemma between stimulating technological innovation and ensuring financial stability, protecting investors' rights, and combating illegal transactions. The objective of the study is to conduct a comparative analysis of divergent national approaches (using the US, EU, China, Singapore, UAE, and Switzerland as examples) and supranational initiatives (FATF, IMF, and BIS) in order to identify key contradictions and legal gaps hindering the development of a coordinated global model. The work consistently examines the following: the economic role of digital assets; the evolution of regulatory regimes; the specifics of the cross-border circulation of cryptoassets; and the impact of central bank digital currencies (CBDCs) on the legal field. The methodological basis is formed by a comparative legal and systemic analysis of regulations, international standards, and doctrinal sources for the period 2019–2025. The result is a comprehensive assessment of current trends and a proposal for possible scenarios for the convergence of regulatory practices to overcome the fragmentation of the legal space.

Keywords: international legal regulation, cryptocurrencies, digital financial assets (DFA), comparative legal analysis, financial stability, innovation, cross-border circulation, central bank digital currencies (CBDC), regulatory convergence, FATF.

Бурный рост рынка криптовалют и иных цифровых финансовых активов в последние годы поставил перед государствами сложную задачу: как интегрировать эти новые явления в правовое поле, сохранив финансовую стабильность и защиту потребителей, но при этом не задушив технологические инновации. Криптоактивы превратились из нишевого хобби энтузиастов в фактор мировой финансовой системы, получив внимание институциональных инвесторов и даже правительств (от легализации биткоина в Сальвадоре до запуска национальных цифровых валют). Одновременно регуляторы по всему миру обеспокоены рисками: волатильность курсов угрожает финансовой стабильности, анонимность транзакций притягивает отмывание денег и другие преступления, отсутствие центрального эмитента затрудняет защиту инвесторов. Как отмечалось, частные высоковолатильные криптовалюты могут подорвать контроль государств над финансовой системой, повысить системные риски, облегчить финансовые преступления и нанести ущерб инвесторам. Вместе с тем признаются и потенциальные выгоды новых технологий – например, расширение финансовой доступности, удешевление платежей, стимулирование финансово-технических инноваций.

Настоящая статья посвящена научному обоснованию моделей международно-правового регулирования криптовалют и цифровых финансовых активов с учетом указанной дилеммы. Цель исследования – проанализировать существующие национальные и наднациональные подходы к

правовому регулированию крипторынка, выявить противоречия между юрисдикциями, связанные с балансированием инновационного развития и финансовой стабильности, а также предложить возможные сценарии сближения правовых моделей. В работе последовательно рассматриваются: современное место цифровых активов в мировой экономике; национальные регуляторные режимы ключевых юрисдикций (США, ЕС, Китай, Сингапур, ОАЭ, Швейцария); международные стандарты и позиции ведущих организаций (ФАТФ, МВФ, БМР); правовые проблемы трансграничного обращения криптоактивов; развитие цифровых валют центральных банков (CBDC) и их юридические последствия; и, наконец, обобщающий анализ перспектив унификации регулирования. Методологической базой исследования выступают сравнительно-правовой и системный анализ нормативных актов, международных стандартов и доктринальных источников 2019–2025 гг. Такой комплексный подход позволяет выявить в регулировании общие тенденции, препятствующие выработке согласованной международной модели.

Для формирования правовой позиции необходимо определить место цифровых финансовых активов в мировой экономике. К 2023–2024 гг. криптовалюта и связанные с ними токены закрепились в финансовом обороте, хотя нормативная определенность их статуса в разных юрисдикциях по-прежнему отсутствует. Они используются как средство накопления, объект спекулятивных операций, инвестиционный инструмент и технологи-

ческая основа для децентрализованных финансовых платформ, работающих на базе смарт-контрактов. Эта функциональная многослойность одновременно расширяет возможности рынка и создает набор рисков, связанных с отсутствием централизованного контроля, несовершенством программного кода и высокой степенью взаимозависимости инфраструктур.

Особенно заметную роль приобрели стейбл-койны, формирующие параллельный цифровой оборот. Их широкое использование в международных операциях позволяет обходить традиционные процедуры трансграничных платежей, но при этом изменяет характер валютного контроля, поскольку обращение таких токенов регулируется не государством-эмитентом национальной валюты, а юрисдикциями, на территории которых функционируют эмитенты и инфраструктурные провайдеры. В результате усиливаются опасения относительно утраты влияния на движение капитала и ослабления инструментов денежно-кредитной политики [1].

Несмотря на рост популярности, криптовалюты остаются ограниченными средствами расчетов: высокая волатильность препятствует их интеграции в розничные платежные системы, а их правовой статус законного платежного средства закреплен лишь в отдельных странах. Международные финансовые институты указывают на риск «криптоизации» экономик, когда население с низким уровнем доверия к национальной валюте переходит к использованию цифровых активов для хранения стоимости и проведения расчетов. В развивающихся государствах это приводит к долларизации, оттоку депозитов из банковского сектора и усилению нестабильности валютного курса. Такие процессы рассматриваются как прямой вызов макрофинансовой устойчивости.

К середине десятилетия цифровые активы окончательно превратились в глобальный компонент финансовой системы, но их влияние остается неоднородным. Одни государства формируют развитые финансово-технические центры и интегрируют криптоиндустрию в регулируемую среду, другие придерживаются жесткой запретительной линии. Такая фрагментарность правовых режимов создает условия для регулятивного арбитража, когда участники рынка перемещают деятельность в юрисдикции с наименее жесткими требованиями. В этих условиях анализ национальных регуляторных подходов становится ключевым элемен-

том исследования международно-правового регулирования цифровых финансовых активов [5].

Регулятивные модели, применяемые к криптовалютам на национальном уровне, можно условно разделить на несколько категорий: 1) запретительная модель – полное вытеснение криптовалют из правомерного оборота (пример: Китай); 2) ограничительно-толерантная модель – строгий контроль с акцентом на лицензировании и соблюдении финансовых требований, при допущении криптоактивности в регулируемых рамках (пример: США, ЕС); 3) прогрессивно-лагерная модель – активное создание специальных правовых условий для привлечения криптобизнеса при соблюдении международных стандартов (пример: Сингапур, Швейцария, ОАЭ); 4) пассивная модель – отсутствие специальных норм, применение существующего финансового законодательства по аналогии (характерно для многих развивающихся стран, хотя таких в нашем обзоре нет).

В США отсутствует единый закон о криптоактивах, и регулирование формируется на стыке полномочий нескольких ведомств. Центральная проблема сводится к квалификации цифровых токенов: одни из них воспринимаются как ценные бумаги, другие – как товары. Из-за этого надзор распределяется между SEC и CFTC, что создает конкуренцию регуляторов и правовую неопределенность. На практике значительная часть регулирования складывается через правоприменение: SEC рассматривает многие токены как инвестиционные контракты и инициирует иски против эмитентов и криптобирж, фактически определяя границы допустимой деятельности через судебные решения [2].

Такая ситуация вызвала обсуждение законопроектов, направленных на разграничение полномочий SEC и CFTC и создание самостоятельного режима регулирования цифровых активов. Несмотря на отсутствие окончательных решений, вектор дискуссии показывает стремление к формированию более понятной нормативной базы.

В сфере противодействия отмыванию денег США применяют к криптоиндустрии обычные требования для денежных сервисов: регистрация, идентификация клиентов, мониторинг операций и исполнение правил передачи информации при переводах. Одновременно активно используется санкционный механизм и уголовное преследование, что подчеркивает ориентацию на жесткое

правоприменение, а не на заранее прописанные регулятивные рамки¹.

В части защиты инвесторов страна опирается на уже существующее регулирование рынка ценных бумаг. Это позволяет пресекать незарегистрированные размещения токенов, но не обеспечивает комплексной защиты потребителей: криптоплатформы не подпадают под страхование вкладов, требования к резервам стейблкоинов отсутствуют на федеральном уровне, а пробелы частично закрываются лишь инициативами отдельных штатов. Крупные кризисы, такие как банкротство FTX, наглядно продемонстрировали уязвимость действующей модели [3].

Таким образом, подход США можно охарактеризовать как реактивный: регулирование развивается как ответ на уже возникшие проблемы, с опорой на судебную практику и выборочные меры надзора, тогда как целостная модель еще не сформирована. На фоне активного развития рамочных режимов в ЕС и Азии можно ожидать ускорения реформ, поскольку американский рынок стремится сохранить конкурентоспособность и участвовать в формировании международных стандартов.

Европейский союз выбрал системный и превентивный подход, закрепив единые правила обращения цифровых активов через Регламент MiCA. Этот акт впервые создал комплексную нормативную базу, охватывающую криптоактивы, не вписывающиеся в существующие финансовые категории. Наибольшее внимание уделено стейблкоинам: их эмитенты обязаны получать разрешение, формировать резервы, обеспечивать механизм выкупа и соблюдать требования прозрачности. Для поставщиков услуг с криптоактивами установлен единый порядок лицензирования, включающий стандарты защиты потребителей, управления рисками и раскрытия информации. Параллельно введены общеевропейские требования по передаче данных о транзакциях, что закрывает значительную часть правовых разрывов в сфере AML.

MiCA создает предсказуемую регулируемую среду, а ЕС стремится сделать ее ориентиром для других юрисдикций. Европейские институты под-

черкивают, что внутренний режим не гарантирует полной безопасности, если партнерские страны сохраняют фрагментарные или излишне мягкие правила. Поэтому ЕС фактически продвигает модель «регулирования как конкурентного преимущества», рассчитывая на экспорт своей нормы аналогично тому, как ранее распространился GDPR.

Подход Китая принципиально противоположен. Страна выбрала стратегию полного вытеснения частных криптовалют из экономического оборота во имя финансовой стабильности и сохранения контроля над денежной системой. Последовательное ужесточение регулирования завершилось запретом всех видов деятельности, связанных с криптовалютами, включая торговлю, обмен, выпуск токенов и майнинг. Формальной мотивацией выступили угрозы для денежного суверенитета, риски волатильности, вероятность использования цифровых активов в незаконных целях и высокая энергоемкость майнинга.

Правоприменение в Китае носит максимально жесткий характер: инфраструктура блокируется, финансовые организации исключены из операций с криптоактивами, а попытки обхода ограничений пресекаются. В результате между внутренним финансовым рынком и глобальной криптоиндустрией выстроен фактически непреодолимый барьер².

Одновременно государство развивает собственную цифровую валюту центрального банка – цифровой юань. Проект охватывает масштабные пилоты, интеграцию в розничные платежи и участие в международных инициативах по трансграничным расчетам на базе CBDC. В данной модели инновации допускаются лишь в форме, контролируемой государством: развитие технологий происходит под управлением регулятора, а не частных компаний.

Такой подход минимизирует внутренние риски, но ограничивает развитие открытой криптоиндустрии и снижает возможности для частного технологического предпринимательства. На фоне европейского стремления к гармонизации правил и привлечению бизнеса китайская модель демонстрирует противоположную логику – приоритет стабильности над инновационностью.

Сингапур сформировал одну из наиболее продуманных моделей регулирования цифровых активов, сочетая поддержку инноваций с жесткими

¹ Kumar A. What is next for crypto regulation in the US? // Econographics, Atlantic Council. – 23.01.2025. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/econographics/what-is-next-for-crypto-regulation-in-the-us>

² China's top regulators ban crypto trading and mining // Reuters. – 24.09.2021. – URL: <https://www.reuters.com>

правилами доступа к рынку. Вместо запретов страна ввела ранний режим лицензирования и определила цифровой платежный токен как отдельную категорию, подлежащую надзору. Все компании, работающие с криптовалютами, обязаны получать лицензию, а отсутствие лицензии рассматривается как нарушение финансового законодательства. Такая конструкция позволила интегрировать криптоиндустрию в регулируемую среду еще до ее бурного роста.

Требования к лицензированным участникам рынка сопоставимы с нормами, применяемыми к традиционным финансовым институтам. Компании обязаны обеспечивать отдельный учет клиентских активов, хранить большую часть токенов в защищенной офлайн-инфраструктуре, придерживаться высоких стандартов корпоративного управления и ограничений на рекламу. Регулятор сознательно устанавливает высокую «планку допуска», чтобы на рынок входили только устойчивые игроки с реальной операционной инфраструктурой в стране, а не номинальные структуры.

В правовом сегменте «противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма» (далее – ПОД/ФТ) Сингапур полностью адаптировал международные стандарты. Провайдеры обязаны идентифицировать клиентов, применять риск-ориентированный подход, фиксировать и анализировать транзакции, взаимодействовать с правоохранительными органами и соблюдать требования по передаче информации при трансграничных переводах криптоактивов. Контроль дополняется обязательным наличием службы комплаенса и механизмов независимого аудита, а за нарушения предусмотрены серьезные санкции.

Особое внимание уделено стейблкойнам, которые рассматриваются как специфический инструмент, обладающий системной значимостью. Сингапур разработал отдельный нормативный режим, предусматривающий требования к качеству резервов, их хранению, корпоративной структуре эмитента и обязательствам по погашению. Эмитент, выполняющий весь комплекс требований, получает право маркировать выпускаемый токен как соответствующий стандартам регулятора. Такой подход формирует жесткий фильтр, ориентированный на устойчивость выпуска и защиту держателей активов.

Сингапурская модель иллюстрирует возможность совмещения инновационной открытости и регулятивной дисциплины. Развитие рынка допускается только в условиях прозрачности, финансо-

вой ответственности и полного включения в систему надзора. Это создало одну из наиболее устойчивых криптоэкосистем региона, где приток международных проектов сочетается с постоянным контролем и обновлением нормативных требований¹.

ОАЭ выстроили многоуровневую систему регулирования цифровых активов, сочетающую федеральные нормы и несколько автономных финансовых зон. На федеральном уровне установлены базовые требования к деятельности с виртуальными активами и обязательность лицензирования. Надзор распределен между центральным регулятором и локальными органами, что позволило создавать специализированные режимы в ключевых городах.

В Дубае создан отдельный регулирующий орган, который сформировал детализированную нормативную рамку для криптобирж, кастодианов и иных поставщиков услуг. Требования включают лицензирование, соблюдение норм финансовой устойчивости, управление рисками, соблюдение правил ПОД/ФТ и особые стандарты защиты пользователей. Система принудительного надзора позволяет отзываться лицензии и применять санкции, что усиливает дисциплину рынка.

Абу-Даби и Дубай через свободные экономические зоны развивают собственные регуляторные модели, ориентированные на привлечение международных проектов. Эти зоны предлагают отдельные правила для торговли, хранения и выпуска токенов, сохраняя при этом высокий уровень комплаенса. В совокупности создается гибкая архитектура: компании могут выбирать режим, подходящий под их бизнес-модель, оставаясь в правовом поле.

ОАЭ стремятся сочетать доступность рынка с контролем над рисками. Политика «регулируемой свободы» позволяет привлекать технологические проекты, одновременно поддерживая высокий уровень надзора и следуя международным стандартам. В результате страна стала одним из наиболее заметных региональных центров криптоиндустрии.

Швейцария сформировала одну из наиболее последовательных и зрелых моделей правового регулирования цифровых активов, опираясь на

¹ Monetary Authority of Singapore. Payment Services Act 2019. – Singapore: MAS, 2019. – URL: <https://www.mas.gov.sg/regulation/acts/payment-services-act>

принцип технологической нейтральности. Криптоактивы классифицированы на несколько категорий, для каждой из которых установлен собственный правовой режим. Это позволило заранее определить границы применения законодательства о ценных бумагах, платежных инструментах и услугах финансового посредничества.

Законодательные поправки последних лет интегрировали токенизированные активы в гражданское право, закрепив юридическую силу за записями в распределенных реестрах. Были уточнены нормы о банкротстве и введен режим для платформ, обслуживающих оборот цифровых ценных бумаг. Такой подход устранил критические пробелы и создал предсказуемую правовую среду как для бизнеса, так и для инвесторов.

Надзорный орган применяет традиционное финансовое регулирование ко всем участникам криптоэкосистемы: требуются лицензии, меры по ПОД/ФТ, идентификация клиентов, раскрытие информации и соблюдение стандартов управления рисками. При этом для инновационных компаний предусмотрены облегченные режимы, что снижает барьер входа, не ослабляя защитные механизмы.

Швейцарская модель сочетает комфортные условия для технологических проектов и высокую степень правовой определенности. Это позволило стране стать одним из крупнейших мировых центров, привлекающих блокчейн-компании и проекты в сфере токенизации. В то же время нестабильность глобального крипторынка показывает, что даже развитые национальные режимы требуют международной координации для обеспечения устойчивости сектора.

Множественность национальных режимов делает международные организации центром выработки ориентиров для регулирования криптоактивов. Финансовая группа по борьбе с отмыванием денег распространяет свои стандарты на виртуальные активы и поставщиков соответствующих услуг, требуя от стран оценки рисков, лицензирования или регистрации провайдеров, применения к ним тех же мер ПОД/ФТ, что и к финансовым институтам, а также передачи информации об отправителе и получателе при переводах. В разъяснениях подчеркивается, что контролируемые DeFi-платформы лица рассматриваются как регулируемые участники, а операции через анонимные кошельки должны попадать в зону управления риском. При этом значительная часть государств внедряет стандарты медленно, что под-

держивает «дыры» в глобальной системе контроля.

Международный валютный фонд сосредоточен на макрофинансовых последствиях цифровых активов. Основные опасения связаны с замещением национальной валюты криптоактивами, ослаблением эффективности денежно-кредитной политики и контроля за движением капитала, рисками для банковского сектора и фиска. Фонд отстаивает линию, при которой приоритет отдается комплексному регулированию, а не прямым запретами: криптоактивы предлагается встраивать в существующие регулятивные режимы, дополняя их специальными нормами по мере необходимости. Отдельным блоком формулируется задача сохранения монетарного суверенитета (отказ от придания частным криптовалютам статуса законного платежного средства), дифференциации подхода к различным типам активов и развития институциональной инфраструктуры надзора. Одновременно подчеркивается необходимость международной координации, прежде всего в формате G20 и Совета по финансовой стабильности, а также особое внимание к развивающимся экономикам, где крипторынок одновременно формирует возможности для финансовой инклюзии и угрозу долларизации и утраты контроля над капиталом.

Банк международных расчетов, Базельский комитет и Совет по финансовой стабильности сосредоточены на том, чтобы ограничить влияние волатильных криптоактивов на банковский сектор и предотвратить передачу шоков в финансовую систему. Базельский комитет закрепил крайне жесткий режим капитала и лимитов по криптоэкспозициям банков, фактически превращая вложения в большинство частных токенов и стейблкоинов в высокозатратную и строго ограниченную деятельность. Совет по финансовой стабильности сформулировал глобальные принципы надзора за криптоактивами и стейблкоинами, требуя прозрачных прав держателей на погашение, устойчивых механизмов поддержания привязки и применения к этим структурам пруденциальных стандартов уровня традиционных финансовых институтов, а также разделения функций и защиты клиентских активов на платформах. Банк международных расчетов одновременно продвигает идею цифровых валют центральных банков как более управляемого варианта цифровых денег и предлагает технологические решения в духе «правил, встроенных в код», когда требования надзора реализуются через смарт-контракты. В совокупности

такая линия формирует консервативный каркас: банки и крупные инфраструктуры могут работать с цифровыми активами только в жестко регламентированных форматах, а системные функции денег предполагается переносить в зону CBDC и токенизированных активов под контролем центральных банков.

Криптоактивы по своей сути глобальны и децентрализованы, что бросает вызов традиционной системе национальных юрисдикций и коллизионного права. Даже если отдельная страна установит строгие правила, транзакции могут перемещаться в облаке интернета, подчиняясь правилам наиболее «удобной» юрисдикции. Рассмотрим основные юридические проблемы, возникающие при трансграничном характере криптовалютного оборота.

1. Регулятивный арбитраж и «пробелы» между режимами. Преступники и недобросовестные игроки используют офшорные территории с мягким режимом, чтобы обслуживать клиентов в странах с жестким контролем. Например, биржа, запрещенная или не получившая лицензию в стране А, продолжает дистанционно работать от имени юридического лица в стране Б, где надзор слабее. Пользователи могут обходить блокировки через VPN, а трансграничные переводы криптоактивов сложно отследить. В результате несогласованность законодательства подрывает его эффективность: если хотя бы несколько стран «выпадают» из глобального режима, через них возникают лазейки.

2. Коллизия законов и определений. Разные страны по-разному определяют правовую природу криптоактивов: где-то это товар (в штате Техас, США), где-то цифровое право (Российская Федерация, Казахстан), где-то средство платежа (Япония признает криптовалюты платежным средством, хотя и не законным). Эта разница влияет на применимое право в транзакциях. Например, если спор по контракту с оплатой в криптовалюте, может встать вопрос: это сделка в валюте (и тогда, если это иностранная валюта, нужно разрешение?) или это бартер имуществом? Или, если компания владеет криптоактивами, это финансовый актив или товар в бухучете? Нет единого подхода. Различия классификаций вызывают юридическую неопределенность в трансграничных сделках: что если сторона из страны, где токен – ценная бумага, заключает договор со стороной, где это не ценная бумага? Какие законы о защите инвесторов применимы?

3. Проблема юрисдикции и права, применимого к децентрализованным платформам. DeFi-платформы, DAO (децентрализованные автономные организации) не имеют привязки к определенной стране. Если смарт-контракт в публичном блокчейне обманул пользователя или случился взлом – куда обращаться? Кто ответчик? Часто такие протоколы управляются анонимно или распределенно. Классические принципы коллизионного права (*lex loci contractus*, *lex rei sitae*) трудноприменимы: контракт заключен «в интернете», актив не имеет местонахождения (существует в распределенном реестре). Суды уже столкнулись с этим: в ряде стран были иски к площадкам или эмитентам токенов, и суду приходилось определять юрисдикцию по косвенным признакам (например, по месту жительства истца или ответчика, по применимому праву, выбранному в пользовательском соглашении платформы, если оно есть).

4. Принудительное исполнение и сотрудничество регуляторов. Даже если установлен факт правонарушения (например, налицо пирамида, действующая через интернет, собравшая криптовалюту у инвесторов разных стран), возникают трудности правоприменения. Национальная комиссия может вынести предписание, но как наложить взыскание на лица за рубежом? Требуется сотрудничество по линии взаимопомощи, экстрадиции, которое не всегда срабатывает оперативно. Кроме того, хищения криптовалют (взломы) – по сути, киберпреступность без границ. Отследить хакеров и вернуть активы крайне сложно: хотя по открытым блокчейнам движение средств видно, злоумышленники используют миксеры, децентрализованные биржи и т. п., чтобы запутать следы. Без координации действий правоохранительных органов разных стран пресечение такого рода преступлений затруднено.

5. Различия в налоговом и бухгалтерском режиме. Кросс-граничные операции осложняются разными налоговыми трактовками: где-то криптовалюты облагаются как товар (налог с продажи, НДС), где-то как финансовый актив (капитальный прирост). При трансграничной торговле может возникать двойное налогообложение или, наоборот, возможность полностью уйти от налога путем «переброски активов» через юрисдикции.

6. Трансграничные платежи и валютное регулирование. Использование стейблкоинов для международных переводов (например, для ремитансов мигрантов) – один из примеров позитивного применения. Но оно упирается в правовые

сложности: отправка стейблкойна из страны А в страну Б может нарушать валютное законодательство (если цифровой доллар трактуется как иностранная валюта, могут требоваться лицензии). Многие развивающиеся страны вообще запрещают частным лицам проводить трансграничные расчеты без банков – криптоперевод эти ограничения ломает. Это создает противоречие между либеральной идеей дешевых платежей и суверенным правом государств на валютный контроль.

Отдельно необходимо рассмотреть феномен цифровых валют центральных банков (Central Bank Digital Currencies, CBDC) и связанные правовые аспекты. Хотя CBDC формально не являются криптовалютами (это централизованные обязательства государства), их развитие идет параллельно и нередко позиционируется как ответ регуляторов на вызов криптоактивов. Юридические последствия внедрения CBDC многогранны.

1. Изменение статуса денег и соотношение с наличностью. CBDC обычно определяется как цифровая форма национальной валюты, законное платежное средство, эмитируемое центральным банком. С юридической точки зрения надо решить: нужно ли вносить поправки в закон о ЦБ и денежном обращении, чтобы включить CBDC в понятие денежной единицы? Многие страны имеют закон, где прописано, что законным платежным средством являются банкноты и монеты, а средства на счете – требования к банку. CBDC не является ни банкнотой, ни депозитом, а представляет собой новую форму обязательства.

2. Правовая классификация CBDC. Если CBDC розничная (для широкого круга пользователей), то она фактически аналог электронных денег, но с ЦБ как эмитентом. Нужна ли CBDC отдельная правовая категория, или она может регулироваться существующими нормами? Вероятно, потребуются специфические положения: например, о необратимости транзакций, об ответственности ЦБ перед держателями (есть ли у граждан прямое требование к ЦБ, или данное требование определяется только фактически?). Появляется концепт «программируемых денег» – CBDC могут иметь встроенные условия использования (например, истечение срока годности, географические ограничения). Такие функции должны получить правовую основу: допустимо ли ограничивать свободу обращения денег условиями кода? Если да, в каком порядке (закон, подзаконный акт ЦБ, договор с пользователем)? В Китае цифровой юань имеет

лимиты хранения и контролируется через кошелек, но поскольку это административный режим, он установлен Народным банком Китая без публичной дискуссии. В демократических странах подобные вопросы могут потребовать обсуждения и законодательного разрешения.

3. Конфиденциальность и данные. Одна из самых острых юридических тем – приватность в эпоху CBDC. Цифровая валюта, если она не анонимна, позволяет отслеживать все операции пользователей. Это вызывает опасения о нарушении права на неприкосновенность частной жизни. Нужен обеспеченный государственным регулированием баланс: с одной стороны, CBDC должны соответствовать AML-требованиям (т. е. не быть полностью анонимными), с другой – избыточный контроль государства нежелателен. Решения предлагаются разные: начиная с «анонимности до порога» (малые платежи не отслеживаются «поименно», а крупные идентифицируются) и заканчивая использованием технологий конфиденциальных транзакций.

На основании проведенного анализа можно очертить несколько возможных траекторий развития международно-правового регулирования криптовалют и цифровых активов. Центральным остается вопрос, сформируется ли относительно согласованная модель, или в мире будет закреплена долгосрочная фрагментация с конкуренцией юрисдикций. Во всех вариантах напряжение между стремлением к инновациям и требованием финансовой стабильности сохраняется, меняется только способ его институционального оформления.

Сценарий 1 – глобальная координация и сближение режимов. В этом варианте крупные экономики постепенно согласуют основные принципы и начнут выстраивать сопоставимые правовые конструкции. Расширяются единые подходы к ПОД/ФТ для операций с криптоактивами; лицензирование поставщиков услуг и передача информации о транзакциях становятся повсеместной нормой. По цифровым валютам и стейблкойнам устанавливаются общие базовые требования к резервам, прозрачности и правам держателей, исчезают юрисдикции, где значимые проекты действуют без надзора. Регуляторы используют сходную классификацию токенов и признают юридические категории друг друга, что снижает неопределенность при трансграничных операциях. Появляются международные соглашения о взаимной правовой помощи по делам, связанным с цифровыми активами. Цифровые валюты центральных

банков встраиваются в эту архитектуру как еще один элемент, который должен сосуществовать с частными токенами в предсказуемых юридических рамках. Преимущество такого сценария – снижение регулятивного арбитража, формирование более прозрачного и понятного поля для институциональных инвесторов и переход от спонтанной практики к осмысленной правовой модели.

Сценарий 2 – блоковая фрагментация. При таком развитии не формируется единый глобальный стандарт; вместо него складываются несколько крупных регулятивных блоков. В одном блоке доминирует ориентация на жесткую защиту инвесторов, контроль за стейблкоинами, ограничение анонимности и строжайший ПОД/ФТ при готовности допускать инновации в лицензированном формате. В другом – ставка на централизованные решения, цифровую валюту центрального банка и максимальное ограничение частных криптовалют. Параллельно существуют юрисдикции-«хабы», предлагающие сравнительно гибкие режимы для привлечения бизнеса при формальной лояльности международным стандартам. Часть государств выступают в роли пассивных наблюдателей, не фиксируя ясной политики. В такой конструкции бизнес и пользователи постоянно перемещаются между блоками, выбирая сочетание допустимых рисков и регулятивной нагрузки, а глобальная финансовая система остается разорванной: каждое перемещение капитала между блоками требует сложной правовой стыковки. Инновации концентрируются в отдельных центрах, не всегда получая широкое признание и доступ к крупным рынкам.

Сценарий 3 – репрессивно-консервативный. В этом случае несколько крупных шоков приводят к политическому запросу на максимальное ужесточение подхода к крипторынку. Банковскому сектору фактически запрещается работать с частными токенами, криптоинфраструктура оттесняется к периферии, усиливаются прямые запреты и санкции. Часть технологий переходит в зону закрытых решений под контролем центральных банков и крупных финансовых групп, а открытые децентрализованные проекты уходят в полутеневой сегмент. Финансовая стабильность действительно защищается, но ценой замедления развития открытых технологических моделей и ухода значительной части инноваций в непрозрачную среду, где правовые механизмы действуют слабо.

Сценарий 4 – технологизированное регулирование. В этом варианте основное смещение про-

исходит не в сторону дальнейшего усложнения нормативных актов, а в сторону «вшивания» требований надзора в инфраструктуру. Смарт-контракты и платформы получают элементы автоматического комплаенса – проверку адресов, блокировку операций, не соответствующих установленным параметрам, автоматическую подготовку отчетности для регуляторов. Появляются общие стандарты идентификации и шаблоны смарт-контрактов для финансовых продуктов, соответствующие базовым требованиям надзора. Регулирование постепенно превращается в совокупность технических протоколов и отраслевых стандартов, а традиционные законы фиксируют только рамочные принципы и ответственность за обход таких механизмов. При таком подходе конфликт между инновацией и контролем частично переносится на уровень архитектуры кода, а не только нормативных ограничений.

Независимо от того, какой сценарий будет преобладать, остается очевидной необходимостью наличия минимального «каркаса безопасности»: признание криптоактивов объектом правового регулирования, вывод криптоиндустрии из правового вакуума, включение основных участников в систему финансового надзора и общий уровень прозрачности, достаточный для борьбы с отмыванием доходов и мошенничеством. Вокруг этого каркаса уже складываются базовые элементы: юридические определения и классификации токенов; обязательность лицензирования и контроля для инфраструктурных провайдеров; ужесточенный режим для стейблкоинов; расширение механизмов международного сотрудничества регуляторов.

Параллельно формируется слой нерешенных задач, которые требуют дальнейшей доктринальной и договорной проработки: коллизионные вопросы для децентрализованных транзакций; статус кода и смарт-контрактов как формы юридически значимой фиксации воли; адаптация судебной и правоохранительной практики к цифровым доказательствам; пересмотр баланса между финансовой конфиденциальностью и тотальной прозрачностью транзакций в условиях цифровых валют центральных банков и усиленного ПОД/ФТ. При рассмотрении этих вопросов международно-правовая система фактически заново определяет границы между свободой экономического оборота, техническим развитием и требованиями стабильности, и именно в этой точке будет решаться, насколько гармонично цифровые активы встроятся в глобальный финансовый порядок.

Список литературы

1. Аманжолова Б. А. Правовое регулирование криптовалют в мире // Образование и право. – 2018. – № 5. – С. 228–231.
2. Гирич М. Г., Ермохин И. С., Левашенко А. Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – Т. 17. – № 4. – С. 176–192.
3. Зайнутдинова Е. В. Модели правового регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 16. – № 4. – С. 149–182.
4. Aquilina M., Frost J. Cryptocurrencies and decentralised finance: functions and financial stability implications. – Basel : Bank for International Settlements, 2023. – URL: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap156.pdf>
5. Carstens A. Innovation and the Future of the Monetary System. – Basel : Bank for International Settlements, 2023. – URL: <https://www.bis.org/speeches/sp210127.htm>
6. Li B. Some Key Elements of Crypto Regulation: Speech at the Roundtable on Regulation and Supervision of Crypto Assets. – Washington, DC: International Monetary Fund, 2022. – URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/12/16/sp120922-some-key-elements-of-crypto-regulation>

О правовой базе реализации крупных инфраструктурных проектов с иностранным участием в странах Африки (на примере транспортного коридора «Лобиту»)

В. И. Степкин

аспирант Всероссийской академии внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации.
Адрес: ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации»,
119285, Москва, Воробьевское ш., д. 6А.
E-mail: vadimstepkin2000@mail.ru

On Legal and Regulatory Environment of Large-scale Infrastructure Projects with Foreign Participation in African Countries (on the Example of the Lobito Transportation Corridor)

V. I Stepkin

Post-graduate Student of the Russian Foreign Trade Academy.
Address: Russian Foreign Trade Academy,
6A Vorobyovskoye highway, Moscow, 119285, Russian Federation.
E-mail: vadimstepkin2000@mail.ru

Поступила 26.01.2026 Принята к печати 01.02.2026

Аннотация

Ведущие мировые державы и межгосударственные объединения стремятся активизировать взаимодействие со странами Африки в области добычи и транспортировки критически важного сырья. Одновременно государства континента заинтересованы в реализации крупных инфраструктурных проектов на своей территории. В данном контексте интерес представляют подходы сторон к формированию правовой базы совместных проектов, которая в случае коридора «Лобиту» включает целый ряд соглашений и меморандумов по вопросам добычи и транспортировки критических минералов, создания цепочек добавленной стоимости, распределения обязанностей между сторонами, об агентских услугах, содействии инвестициям. Правовые аспекты реализации крупных инфраструктурных проектов на континенте с участием США и Европейского союза заслуживают изучения с теоретической и практической точек зрения, в том числе для их возможного учета Российской Федерацией при ведении торговли со странами континента.

Ключевые слова: Африканская финансовая корпорация, африканский механизм финансирования развития инфраструктуры, нормативно-правовая база, правовая база проекта, Меморандум о взаимопонимании по вопросу о распределении обязанностей (*в рамках проекта*), Партнерство в области глобальной инфраструктуры и инвестиций (*программа*), Глобальный доступ (*программа*), Соглашение об агентских услугах по содействию транзиту через транспортный коридор «Лобиту», Декларация ООН о правах коренных народов, Партнерство в области устойчивых цепочек создания стоимости сырьевых товаров (*программа ЕС*), Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека, Программа устойчивого развития ООН («Повестка 2030»), особая экономическая зона (ОЭЗ), соглашение о содействии устойчивым инвестициям.

Abstract

The World leading powers and inter-state associations strive to intensify cooperation with African countries in the area of extraction and transportation of critical raw materials. Simultaneously, states of the continent are interested in the implementation of large-scale infrastructure development projects on their territory. In this context, approaches of the parties towards shaping legal and regulatory environment of such projects are of interest. In the case of the Lobito Corridor, this includes a number of agreements and memoranda on the extraction and transportation of critical minerals, creation of value chains, working arrangements between the parties, agency services, and investment facilitation. Legal aspects of the implementation of large-scale infrastructure projects on the continent with participation of the USA and the EU deserves analysis from

theoretical and practical points of view, including for their possible account by the Russian Federation in carrying on trade with the states of the continent.

Keywords: Africa Finance Corporation, Africa Infrastructure Financing Facility (AIFF), legal basis, project's legal and regulatory environment, Memorandum of Understanding on Working Arrangements (*relating to a project*), Partnership for Global Infrastructure and Investment – PGI (*programme*), Global Gateway (*programme*), Lobito Corridor Transit Transport Facilitation Agency Agreement (LCTTFA), United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, Partnership on sustainable raw materials value chains (*EU programme*), the UN Charter, the Universal Declaration of Human Rights, Sustainable Development Goals / Agenda 2030 (*UN*), special economic zone (SEZ), Sustainable Investment Facilitation Agreement.

Страны Африки уделяют пристальное внимание реализации крупных проектов в области развития инфраструктуры, добычи и транспортировки к рынкам сбыта полезных ископаемых. Об этом, в частности, можно судить по деятельности Африканской финансовой корпорации (Africa Finance Corporation) – панафриканского учреждения, работающего в данной сфере с 2007 г.¹ 14 февраля 2026 г. при ее непосредственном участии был запущен африканский механизм финансирования развития инфраструктуры (Africa Infrastructure Financing Facility – AIFF)².

Многие проекты реализуются с участием нескольких иностранных государств, что требует формирования соответствующей правовой базы. На данном этапе страны Африки и их зарубежные партнеры стремятся выработать подходы к данной работе, о важности которой пишут многие исследователи. В частности, С. Р.Чикелу в своей диссертации на примере опыта Нигерии отмечает важность развития национальной и общеафриканской нормативно-правовой базы для успешной реализации крупных инфраструктурных проектов [2. – С. 159–160].

С учетом интереса иностранных государств к полезным ископаемым Африки, а также заинтересованности самих африканцев в извлечении прибыли от экспорта минералов и в модернизации инфраструктуры на территории быстро развивающегося континента в ближайшие годы будет активно накапливаться опыт реализации крупных инфраструктурных проектов и, соответственно, формирования необходимой для этого нормативно-правовой базы.

Одним из крупнейших проектов на территории Африки является строительство транспортного коридора «Лобиту», в рамках которого планирует-

ся соединить одноименный крупный порт в Анголе с шахтами на юге Демократической Республики Конго (ДРК) и с медными рудниками в северо-западной части Замбии. В настоящее время полезные ископаемые из этой части Африки экспортируются через Танзанию, Мозамбик и ЮАР, что занимает длительное время, особенно в условиях растущего спроса и объема поставок.

Новый коридор создается на маршруте пришедшей в негодность Бенгельской железной дороги, которая была построена европейскими колонизаторами в начале XX в. для вывоза запасов меди из Западной Африки. На современном этапе вопросами модернизации этой железнодорожной инфраструктуры занимаются прежде всего потенциальные потребители продукции – США и Европейский союз (ЕС).

Важным элементом правовой базы проекта является подписанное 9 ноября 2022 г. Правительством Анголы концессионное соглашение о железнодорожном сообщении и логистической поддержке коридора «Лобиту» сроком на 30 лет³. Соглашение было подписано с консорциумом Lobito Atlantic Railway (LAR), в который вошли сингапурский транснациональный трейдер Trafigura Pte Ltd., португальская компания Mota-Engil Engenharia et Construcao Africa SA, занимающаяся строительством и развитием инфраструктуры и имеющая большой опыт работы в Анголе, а также Vecturis SA – независимый железнодорожный оператор со штаб-квартирой в Брюсселе. Равные доли в размере 49,5% в консорциуме принадлежат упомянутым выше компаниям «Трафикура» и «Мота-Энжил», 1% – оператору «Вектурис». В процессе реализации проекта предполагается создать около 1600 новых рабочих мест⁴.

¹ URL: <https://www.africafc.org/news-and-insights/news>

² URL: <https://www.africafc.org/news-and-insights/news/africa-infrastructure-financing-facility-launched-to-strengthen-continental-financial-sovereignty>

³ URL: <https://www.lobitoatlantic.com/about-the-project/>

⁴ Там же.

Помимо концессионного соглашения, в рамках проекта действует ряд межправительственных соглашений и меморандумов. Один из наиболее важных – Меморандум о взаимопонимании по вопросу о распределении обязанностей в рамках проекта (Memorandum of Understanding on Working Arrangements), подписанный в 2023 г. между Африканской финансовой корпорацией и правительствами США, Анголы, ДРК, Замбии, Европейской комиссией, действующей от имени ЕС, и Африканским банком развития¹.

В тексте меморандума выражается заинтересованность в совместной работе на добросовестной и необязывающей основе в целях подключения правительств принимающих сторон к глобальным рынкам, содействия региональной торговле и экономическому росту, а также продвижения общего видения, касающегося создания доступной железнодорожной линии, соединяющей Индийский и Тихий океаны (раздел «Общие положения»).

В том же разделе упоминается запущенная в 2022 г. США, странами ЕС и «Группой семи» инициатива «Партнерство в области глобальной инфраструктуры и инвестиций» (Partnership for Global Infrastructure and Investment – PGII), в рамках которой в течение пяти лет планируется выделить 600 млрд долларов США на реализацию инфраструктурных проектов в странах с низким и средним уровнем дохода. Подобная ссылка важна, в том числе с той точки зрения, что многочисленные многосторонние инициативы и программы в торгово-экономической сфере зачастую приводят к изменениям в национальных законодательствах их государств-участниц, а также стран, являющихся получателями помощи.

В тексте Меморандума США повторно объявляют о планах выделить в рамках упомянутой инициативы 200 млрд долларов на реализацию в третьих странах проектов в энергетической, цифровой и климатической сферах, а также в области здравоохранения с основным упором на развитие

перспективных экономических коридоров, включая «Лобиту».

В свою очередь, Европейский союз также заявляет о планах, впервые озвученных в декабре 2021 г., о выделении в рамках инициативы «Глобальный доступ» (Global Gateway) 300 млрд евро на реализацию инфраструктурных проектов. Кроме того, упоминается принятая в феврале 2023 г. стратегия ЕС в отношении региона Великих Африканских озер, предусматривающая среди прочего развитие транспортных коридоров в данном регионе.

В одном из подпунктов первого раздела меморандума США и Европейская комиссия повторно заявляют о взаимодействии в целях развития коридору «Лобиту». Ранее это было сделано 9 сентября 2023 г. в ходе заседания «Группы двадцати»².

Со своей стороны, правительства Анголы, ДРК и Замбии делают ссылку на подписанное ими в январе 2023 г. Соглашение об агентских услугах по содействию транзиту через транспортный коридор «Лобиту» (Lobito Corridor Transit Transport Facilitation Agency Agreement – LCTTFA), которое имеет целью содействие развитию внутренней и трансграничной торговли вдоль коридора, а также вовлечение малого и среднего бизнеса в создание цепочек добавленной стоимости.

В тексте меморандума стороны берут на себя определенные обязательства.

Правительство Анголы обязуется продолжить усилия по диверсификации экономики, проведению индустриализации и развитию сельского хозяйства при понимании того, что создаваемая инфраструктура будет способствовать региональной и глобальной интеграции.

Правительство ДРК заявляет о приверженности развитию коридора «Лобиту» и важности получения сопутствующих инвестиций, которые будут способствовать экономическому развитию региона и росту уровня жизни местного населения.

Замбийское правительство в тексте документа признает строящийся коридор «Лобиту» оптимальным маршрутом для доставки критически важных минералов в ангольский порт в контексте развития торговли Африки с Европой и Северной Америкой.

¹ Memorandum of Understanding on Working Arrangements between the Government of the United States of America, the European Commission, the Government of the Republic of Zambia, the Government of the Republic of Angola, the Government of the Democratic Republic of The Congo, the African Development Bank and the Africa Finance Corporation relating to the Development of the Lobito Corridor and the Zambia-Lobito Rail Line // URL: https://zm.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/44/2024/05/Lobiito_corridor_MOU.pdf

² URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2023/09/09/joint-statement-from-the-united-states-and-the-european-union-on-support-for-angola-zambia-and-the-democratic-republic-of-the-congos-commitment-to-further-develop-the-lobito-corridor-and-the/>

Африканский банк развития заявляет о намерении содействовать развитию внутренней и трансграничной торговли, а также созданию цепочек добавленной стоимости вдоль коридора «Лобиту», а Африканская финансовая корпорация – использовать свой опыт реализации крупных инфраструктурных проектов на континенте и работать в качестве консультативного органа по финансовым вопросам.

Оба упомянутых учреждения в соответствии с меморандумом берут на себя обязательства после прохождения всех необходимых разрешительных процедур работать в рамках проекта с целью его развития, финансирования, управления им и выполнения строительных работ по самым высоким мировым стандартам, соблюдая положения многосторонних соглашений в области защиты окружающей среды и «антиотмывочного» законодательства.

Подписанты меморандума в тексте документа выражают интерес к «изучению возможности взаимодействовать по вопросу инвестирования в ряд секторов, включая транспорт, сельское хозяйство, цифровую среду, климат и здравоохранение». При этом коридор «Лобиту» рассматривается сторонами как важный механизм снижения транспортных расходов для содействия успешным инвестициям в другие секторы.

В тексте документа говорится и о коллективном интересе к реконструкции Бенгельской железной дороги и порта «Лобиту», а также к поиску оптимальной стыковки упомянутой ветки с железнодорожным маршрутом, соединяющим Замбию, ДРК и Анголу. Однако подчеркивается, что реализовывать эти замыслы стороны будут только после соответствующего одобрения всеми участниками проекта и в строгом соответствии с положениями всех соглашений и контрактов, которые должны быть заключены на более поздней стадии. Затем в тексте меморандума следуют пассажи о намерении обмениваться информацией в рамках соответствующего законодательства, а также об обязательствах по защите конфиденциальных данных.

Далее, в рамках своих обязательств США говорят о намерении использовать свои компетенции и ресурсы для поддержки развития двух восточных секций коридора, включая железнодорожную ветку из Замбии в Анголу. Если говорить более конкретно, то в четырех подпунктах Вашингтон обязуется контролировать сооружение упомянутой инфраструктуры, содействовать взаимодействию правительств принимающих госу-

дарств, помогать с поиском и установлением контактов с потенциальными покупателями поставляемой продукции, а также рассмотреть возможность оказания проекту финансовой поддержки с помощью существующих механизмов.

Аналогичные обязательства в отношении двух восточных секций коридора берет на себя Европейская комиссия (далее – ЕК). Кроме того, ЕК заявляет о намерении координировать усилия в рамках проекта с участвующими в нем странами из состава Европейского союза, организовывать исследования, в том числе по вопросам влияния на окружающую среду и социальную сферу, а также подготовить технико-экономическое обоснование проекта, контролировать сооружение ветки из Замбии в Анголу и курировать работы, производимые другими партнерами по реализации всего проекта «Лобиту» на территории ДРК. При этом особое внимание ЕК планирует уделить взаимодействию с местным населением, чтобы оно было должным образом осведомлено о проводимых работах, что предусмотрено в том числе Декларацией ООН о правах коренных народов (United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples), принятой Генеральной Ассамблеей ООН 13 сентября 2007 г.¹

Так же, как и Вашингтон, Брюссель обязуется содействовать взаимодействию правительств принимающих государств, помогать с поиском и установлением контактов с потенциальными покупателями поставляемой продукции и рассматривать возможности оказания проекту финансовой поддержки в рамках текущего плана Евросоюза по сотрудничеству со странами Африки южнее Сахары, в том числе посредством предоставления гарантий, заемных средств и грантовой поддержки.

Согласно меморандуму, Правительство Анголы будет поддерживать реализацию части проекта на своей территории, включая 275 км железной дороги. Для этого потребуются заключение отдельных международных договоров и контрактов. Помимо этого, Ангола обеспечит предоставление права проезда, процесс переселения местных жителей (при необходимости) и выдачу необходимых документов.

¹ Декларация ООН о правах коренных народов (United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples) – URL: <http://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/wp-content/uploads/sites/19/2018/11/UNDRIPweb.pdf>

Правительство ДРК обязуется прилагать максимальные усилия для успешной реализации проекта на своей территории. Совместно с Анголой и Замбией Киншаса будет организовать необходимую работу пограничных постов и соответствующей вспомогательной дорожной инфраструктуры.

Правительство Замбии, в свою очередь, обязуется поддерживать реализацию той части проекта, которая предусмотрена на территории страны, включая около 500 км железной дороги, а также предоставлять необходимые материалы, документы и доступ для проведения технико-экономического и других исследований.

Далее по тексту Меморандума Африканский банк развития заявляет о намерении работать совместно с другими сторонами в поддержку развития коридора «Лобиту» и железнодорожной ветки между Замбией и Анголой, в том числе посредством изучения возможностей оказания финансовой помощи через прямую государственную поддержку, гарантии и кредиты.

Африканская финансовая корпорация в документе заявляет о намерении при поддержке сторон действовать в качестве общего организатора проекта, способствуя реализации подготовительной стадии сооружения железнодорожной ветки из Замбии в Анголу. В дальнейшем, если стороны будут согласны, корпорация может продолжить работу в качестве организатора проекта на других стадиях проекта.

В заключительной части меморандума подчеркивается, что документ носит необязывающий характер и сам по себе не предполагает создания агентства, партнерства, совместного предприятия, имущественных отношений доверительного характера, утраты правосубъектности или самостоятельности сторон в принятии решений. Отмечается, что стороны готовы к подключению к меморандуму новых участников в случае прохождения ими соответствующих проверок (соблюдения принципа *Know Your Customer*).

В попытках подробно описать правовую базу проекта «Лобиту» исследователи сталкиваются с тем, что далеко не все соответствующие соглашения или меморандумы имеются в открытом доступе. В частности, об этом в своих статьях пишет Е. Д. Вала Чабала [4].

Исходя из данных СМИ, к правовой базе проекта сооружения транспортного коридора «Лобиту» можно добавить отдельные меморандумы о взаимопонимании Еврокомиссии с ДРК и Замбией (о критически важных минералах и создании цепочек

добавленной стоимости¹), трехсторонний меморандум США с ДРК и Замбией (о производстве аккумуляторных батарей для электромобилей), а также отдельное соглашение между двумя упомянутыми африканскими государствами по той же тематике и по созданию особых экономических зон (там будут производиться сами батареи и их отдельные компоненты). ДРК и Замбия также подписали соглашение об упрощении процедур (*facilitation agreement*) для содействия инвестициям, развитию инфраструктуры и облегченному взаимодействию между промышленными хабами [5]. Позднее медный рудник «Камоа–Какула» (Камоа–Kakula) в ДРК и «Трафикура» в качестве концессионера подписали соглашение о резервной мощности (*reserve capacity agreement*), по которому через коридор будет провозиться от 120 до 240 тыс. тонн меди в год, начиная с 2025 г. При этом к 2030 г. ожидается рост объемов перевозимого сырья до миллиона тонн в год [5].

Среди немногих документов, составляющих правовую базу проекта, в открытом доступе находится Меморандум о взаимопонимании о партнерстве по устойчивым цепочкам создания стоимости сырья между Европейским союзом, представленным Европейской комиссией, и Республикой Замбией (*Memorandum of Understanding on a Partnership on Sustainable Raw Materials Value Chains between the European Union Represented by the European Commission and the Republic of Zambia*)². При этом важно отметить, что название «Лобиту» не содержится ни в названии Меморандума, ни в его тексте, что в очередной раз подтверждает стремление ЕС избегать подписания чрезмерно юридически обязывающих документов.

В современной российской практике развития торгово-экономического взаимодействия со странами Африки прослеживается обратная тенденция. При реализации крупных проектов на континенте Москва стремится придать более высокий

¹ Подписаны в 2023 г. в контексте реализации программы Евросоюза «Партнерство в области устойчивых цепочек создания стоимости сырьевых товаров» (*Partnership on sustainable raw materials value chains*). См.: URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_5303

² *Memorandum of Understanding on a Partnership on Sustainable Raw Materials Value Chains between the European Union Represented by the European Commission and the Republic of Zambia*. – URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/system/files/2023-11/MoU_CRM_EU-Zambia_26_10_2023_signed.pdf

статус договоренностям. Так, в частности, процесс сооружения нефтепродуктопровода «Пуэнт-Нуар – Лутете – Малуко-Трешо» на территории Республики Конго сопровождается межправительственным соглашением, подписанным 28 сентября 2024 г.¹ В нем стороны заявляют цель сотрудничества (строительство объекта), назначают компетентные органы по реализации проекта (профильные министерства) и уполномоченные организации (нефтяные компании), объявляют о планах создания совместного предприятия с распределением долей и заключения концессионного соглашения формы ВООТ (Build – Own – Operate – Transfer; строительство – владение – эксплуатация – передача), а также прописывают механизмы арбитража.

В преамбуле Меморандума ЕС–Замбия стороны заявляют о стремлении углублять сотрудничество в области критических минералов, не создавая при этом юридически обязывающих рамок. В тексте упоминаются медь, литий, кобальт, марганец и природный графит, в отношении поставок которых Европейский союз приветствует стремление Замбии к сотрудничеству.

В разделе 2 Меморандума «Политический контекст» речь идет о важности экспорта критически важных минералов для национальной экономики таких стран, как Замбия. Европейская комиссия, со своей стороны, ссылаясь на многочисленные внутренние документы, программы и инициативы, подводит к важности взаимодействия по тематике поставок сырья.

В качестве задач такого партнерства (раздел 3) заявляются экономическая и промышленная интеграция сторон по устойчивым цепочкам поставок сырья через реализацию перспективных проектов, а также продвижение торговли и инвестиций, передача технологий, в том числе для переработки и повторного использования сырья, соблюдение природоохранных, социальных и управленческих (ESG) стандартов, сотрудничество по развитию компетенций и потенциалов, использованию передового опыта, в том числе в области экономики замкнутого цикла (circular economy), сотрудничество в области профильных исследований и инноваций.

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Конго о сотрудничестве в сфере строительства нефтепродуктопровода «Пуэнт-Нуар – Лутете – Малуко-Трешо» на территории Республики Конго. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreignpolicy/international_contracts/international_contracts/2_contrac_t/62641/

К правовой базе проекта по сооружению транспортного коридора «Лобиту» можно также отнести подписанное 17 ноября 2023 г. Соглашение о содействии устойчивым инвестициям между Европейским союзом и Республикой Ангола (Sustainable Investment Facilitation Agreement between the European Union and the Republic of Angola – SIFA). Экономической комиссией ООН для Африки это соглашение рассматривается как прогрессивное с той точки зрения, что ранее двусторонние инвестиционные договоры (bilateral investment treaties – BITs) между европейскими и африканскими странами попросту закрепляли привилегированное положение бывших метрополий и обеспечивали их приоритетный доступ к природным ресурсам².

В преамбуле нового соглашения постулируется важность укрепления взаимодействия сторон в торгово-экономической сфере, создания новых рабочих мест, повышения уровня жизни³. Делаются также ссылки на Устав ООН, Всеобщую декларацию прав человека, Программу устойчивого развития ООН («Повестку 2030»).

В целом в тексте договоренности Брюсселя и Луанды присутствует много политических аспектов (права человека, гендерное равенство, климатическая повестка и пр.), продвижение которых на уровне международного права уже стало традиционным для стран коллективного Запада. Тем не менее соглашение в целом должно помочь в активизации торгово-инвестиционного сотрудничества, диверсификации ангольской экономической модели, упорядочении обязательств по защите окружающей среды и соблюдению трудовых стандартов.

Подытоживая рассмотрение международно-правовых аспектов сооружения транспортного коридора «Лобиту», необходимо отметить, что его правовая база включает целый ряд соглашений и меморандумов. Это многосторонний меморандум о взаимопонимании по вопросу о распределении обязанностей в рамках проекта, меморандумы о взаимопонимании Еврокомиссии с ДРК и Замбией (о критически важных минералах и создании це-

² Investment Policies and Bilateral Investment Treaties in Africa/ – URL: https://archive.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/eng_investment_landscaping_study.pdf

³ Sustainable Investment Facilitation Agreement between the European Union and the Republic of Angola/ – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L_202400830

почек добавленной стоимости), трехсторонний меморандум США с ДРК и Замбией и отдельное соглашение между ДРК и Замбией о производстве аккумуляторных батарей для электромобилей, соглашение об агентских услугах, соглашение ДРК и Замбии об упрощении процедур для содействия инвестициям, развитию инфраструктуры и облегченному взаимодействию между промышленными хабами, Соглашение о содействии устойчивым инвестициям между Европейским союзом и Республикой Ангола, концессионные соглашения.

В ходе анализа упомянутых правовых документов была установлена включенность рассматриваемого инфраструктурного проекта в контекст программ и инициатив, продвигаемых США и крупными международными объединениями – «Группой семи», «Группой двадцати», Европейским союзом и другими («Глобальный доступ», «Партнерство в области глобальной инфраструктуры и инвестиций», «Партнерство в области устойчивых цепочек создания стоимости сырьевых товаров»).

В отдельных положениях меморандумов и соглашений подтверждается стремление стран кол-

лективного Запада избегать юридически обязывающих формулировок и продвигать свою политическую повестку (права человека, борьба с коррупцией, защита окружающей среды и пр.).

В текстах документов, составляющих правовую базу проекта, содержатся многочисленные ссылки на международные нормы, стандарты и декларации (Декларация ООН о правах коренных народов, Всеобщая декларация прав человека и пр.).

Несмотря на то, что используемые сегодня нашей страной подходы к формированию правовой базы при реализации крупных инфраструктурных проектов в Африке (прежде всего предполагающие подписание соответствующего межправительственного соглашения) представляются более всеобъемлющими по сравнению с западными, последние также необходимо использовать или по меньшей мере учитывать при ведении Российской Федерацией торговли со странами континента. Прежде всего целесообразно иметь в виду опыт американцев и европейцев при реализации крупных инфраструктурных проектов за рубежом, осуществляемых Россией совместно с дружественными странами.

Список литературы

1. *Тважиримана Б. А., Сингува Ч., Терзунгве Д. К.* Раскрытие экономического потенциала юга Африки через коридор Лобито: соединяя Анголу, ДРК и Замбию // *Международные отношения.* – 2025. – № 4. – С. 169–187.
2. *Chikelu C.R.* Experiences of Public-Private Partnership Concession Uncertainties in the Federal Capital Territory Administration of Nigeria : Doctoral dissertation. – Walden University, 2021.
3. *Khatleli N., Markowitz C., Parshotam A. Shipalana P.* Best Practices on PPP Infrastructure Development in SADC Countries // South African Institute of International Affairs. – URL: https://www.jica.go.jp/Resource/botswana/english/office/topics/c8h0vm0000f9vz xu-att/200612_01.pdf
4. *Wala Chabala E.D.* Lobito Corridor – A Reality Check // Africa Policy Research Initiative. – URL: <https://afripoli.org/lobito-corridor-a-reality-check>
5. *Wala Chabala E.D., Hofmeyer J.* A Game Changer in Flux: Recent Developments and Risks in the Lobito Corridor // Africa Policy Research Initiative. – URL: <https://afripoli.org/a-game-changer-in-flux-recent-developments-and-risks-in-the-lobito-corridor>

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-196-201>

Проблема интеграции цифрового рубля в Российскую экономику

Д. Д. Зубков

старший эксперт ООО «Независимое экспертное сообщество»,
ассистент кафедры судебной экспертизы
ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

Адрес: ООО «Независимое экспертное сообщество»,
603022, Нижний Новгород, ул. Тимирязева д. 7;
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»,
603022, Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23, корп. 2.
E-mail: gezhez@mail.ru

В. В. Фадеева

помощник эксперта ООО «Независимое экспертное сообщество».

Адрес: ООО «Независимое экспертное сообщество»,
603022, Нижний Новгород, ул. Тимирязева д. 7.
E-mail: fvikulka@inbox.ru

The Problem of Integrating the Digital Ruble into the Russian Economy

D. D. Zubkov

Senior Expert of Independent Expert Community LLC,
Assistant of the Department of Forensic Examination of Lobachevsky University.

Address: Independent Expert Community LLC,
7 Timiryazeva Str., Nizhniy Novgorod, 603022, Russian Federation;
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23 b.2, Gagarina Ave., Nizhniy Novgorod, 603022, Russian Federation.
E-mail: gezhez@mail.ru

V. V. Fadeeva

Expert Assistant of Independent Expert Community LLC.

Address: Independent Expert Community LLC,
7 Timiryazeva St., Nizhniy Novgorod, 603022, Russian Federation.
E-mail: fvikulka@inbox.ru

Поступила 24.11.2025 Принята к печати 10.12.2025

Аннотация

Предметом исследования является процесс внедрения цифрового рубля в Российской Федерации, включая его правовые, технологические и экономические аспекты, в контексте мирового опыта развития цифровых валют. Методологической основой исследования послужила система общих и частных методов научного познания. При выполнении исследования использовались общепризнанные положения диалектики как учения о всеобщей связи и развитии, а также применялись следующие общенаучные и частнонаучные методы познания: системно-структурный, функциональный, формально-логический, логико-юридический, сравнительно-правовой, индуктивный и дедуктивный, анализ и синтез, наблюдение, сравнение, обобщение и прочие. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе российской модели цифровой валюты Центрального банка на фоне международных прототипов, предложении по включению цифрового рубля в состав денежного агрегата М1 и выявлении его уникального положения как гибридного инструмента между наличными и безналичными деньгами. Внедрение цифрового рубля, основанного на двухуровневой розничной модели, направлено на совершенствование финансовой инфраструктуры и повышение финансовой включенности. Пилотируемый проект сталкивается с вызовами, такими как риски для ликвидности банковского сектора и необходимость решения вопросов интеграции

ции в бюджетный процесс. Широкомасштабное использование цифрового рубля требует взвешенного подхода для сохранения макроэкономической стабильности.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровизация, цифровая валюта, Банк России, форма денег, платежная система, платформа цифрового рубля, двухуровневая модель, трансграничные расчеты, анализ, структура, смарт-контракт, банковский сектор, пилотирование, денежный агрегат.

Abstract

The subject of the study is the process of introducing the digital ruble in the Russian Federation, including its legal, technological and economic aspects, in the context of the global experience in the development of digital currencies. The methodological basis of the research was a system of general and particular methods of scientific cognition. In carrying out the research, the generally accepted principles of dialectics were used as a doctrine of universal connection and development, and the following general scientific and private scientific methods of cognition were used: system-structural, functional, formal-logical, logical-legal, comparative-legal, inductive and deductive, analysis and synthesis, observation, comparison, generalization, and others. The scientific novelty lies in a comprehensive analysis of the Russian model of the central bank's digital currency against the background of international prototypes, a proposal to include the digital ruble in the M1 monetary unit and identify its unique position as a hybrid instrument between cash and non-cash money. The introduction of the digital ruble, based on a two-tier retail model, is aimed at improving the financial infrastructure and increasing financial inclusion. The pilot project faces challenges such as risks to the liquidity of the banking sector and the need to address issues of integration into the budget process. The widespread use of the digital ruble requires a balanced approach to maintain macroeconomic stability..

Keywords: digital ruble, digitalization, digital currency, Bank of Russia, form of money, payment system, digital ruble platform, two-tier model, cross-border settlements, analysis, structure, smart contract, banking sector, piloting, monetary aggregate.

Анализ международного опыта внедрения цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ) демонстрирует разнообразие стратегических подходов, определяемых национальными приоритетами и структурой финансовой системы. В контексте розничной двухуровневой модели Китай реализует проект цифрового юаня – e-CNY. Основными направлениями развития являются модернизация внутренней платежной системы, создание цифрового эквивалента наличных и безналичных денежных средств и усиление монетарного суверенитета в условиях верховенства частных платежных сервисов. Фаза пилотирования охватывает миллионы пользователей, что позволяет отработать технологию и мотивировать массовое принятие, квалифицируя ЦВЦБ как инструмент для повседневных расчетов¹.

В отличие от Китая, Соединенные Штаты Америки демонстрируют стратегию минимизации рисков, что обусловлено сущностью доллара как мировой резервной валюты и степенью разработанности существующих финансовых институтов. Резервная система основывается на всестороннем

исследовании потенциальных выгод и издержек, уделяя особое внимание вопросам финансовой стабильности, анонимности и влияния на банковский сектор. Фокус смещен не на розничную модель цифрового доллара, а на оптовую, предназначенную для межбанковских расчетов.

Япония, как и США, демонстрирует сдержанный и методичный подход. Банк Японии сконцентрирован не на скорейший запуск, а на тщательное изучение более технологических аспектов – таких как устойчивость к сбоям, возможность функционирования в офлайн-режиме и интеграция с существующей финансовой инфраструктурой.

Особый интерес представляет опыт Багамских Островов, ставших первым государством, полностью запустившим розничную ЦВЦБ – Sand Dollar (песчаный доллар). Его внедрение решило массу задач: от преодоления географической разобщенности многочисленных островов архипелага до повышения финансовой включенности населения. Опыт страны свидетельствует об эффективности ЦВЦБ для решения проблем малых стран и развивающихся экономических систем, где традиционная банковская инфраструктура развита слабо.

Сравнительный анализ стратегий этих стран выявляет различные модели внедрения: проактивную, нацеленную на ускоренную цифровизацию и укрепление внутреннего контроля, и праг-

¹ The People's Bank of China (PBOC). Progress of Research & Development of E-CNY White Paper. – 2021. – URL: <https://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=302&lib=dbref&SearchKeyword=&SearchCKe>

матичную, решающую конкретные национальные проблемы.

Отправной точкой для создания цифрового рубля в Российской Федерации стало поручение Президента Российской Федерации в рамках реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации», согласно которому перед Правительством Российской Федерации совместно с Банком России была поставлена задача обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих определение статуса цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, и соответствующих им понятий (в том числе таких, как «технология распределенных реестров», «цифровой аккредитив», «цифровая закладная», «криптовалюта», «токен», «смарт-контракт») исходя из обязательности рубля в качестве единственного законного платежного средства в Российской Федерации¹.

Следующий шаг – опубликование Банком России 13 октября 2020 г. доклада для общественных консультаций «Цифровой рубль» (далее – Доклад). Этот документ был призван инициировать широкое профессиональное обсуждение подходов к реализации проекта. В рамках цикла оказания профессиональной помощи перед участниками финансового рынка были поставлены фундаментальные проблемы, касающиеся выбора оптимальной структуры цифровой валюты, включая дискуссию о потенциале и рисках двухуровневой розничной модели по сравнению с одноуровневой системой прямого взаимодействия центрального банка с пользователями. Центральное внимание уделялось обсуждению правового статуса цифрового рубля, определению перечня разрешенных операций и механизмов синтеза новой платформы с существующей финансовой инфраструктурой.

Целью данной инициативы было конституирование оптимальной концепции, которая принимала бы как потребности в модернизации платежной системы и повышении финансовой доступности, так и необходимость сохранения макроэкономической стабильности. Публичное обсуждение позволило Банку России определить влияние цифрового рубля на денежно-кредитную политику, банковский сектор и систему страхования вкладов.

Не обошли стороной и вопросы кибербезопасности, защиты персональных данных и обеспечения соответствия требованиям противодействия отмыванию доходов.

Участники цифрового рынка, представители бизнеса и общества резонансно отреагировали на публикацию: был получен ответ от 196 респондентов. Однако значительная их часть поддержала инициативу по внедрению национальной валюты в виде цифрового рубля и организации собственной платформы.

8 апреля 2021 г. Банк России представил Концепцию цифрового рубля². В Концепции была представлена обратная связь по Докладу от 13 октября 2020 г., итогом стал консенсус большинства респондентов (75%) относительно своевременности внедрения цифровой валюты. Критически значимым пунктом 88% участников обозначили функционал офлайн-операций, особенно актуальный для удаленных от Центральной России регионов. Треть респондентов (37%) прогнозирует трансформацию бизнес-моделей финансовых организаций и расширение их на рынке, что позитивно отразится на качестве и стоимости услуг.

В сфере защиты прав потребителей сформулирована необходимость внедрения современных механизмов верификации и противодействия мошенничеству. Проблемным остался вопрос финансовой стабильности: 55% респондентов выделили риски снижения ликвидности банковского сектора, при этом мнения о целесообразности лимитирования операций разделились. Абсолютное большинство (84%) поддержало децентрализованную двухуровневую модель при сохранении стандартов конфиденциальности в соответствии с нормами банковской тайны.

В декабре 2021 г. был успешно создан прототип платформы цифрового рубля на базе Банка России. Это позволило перейти к практическому тестированию. Уже в июне 2022 г. в экспериментальной среде на тестовых цифровых рублях были отработаны первые операции: переводы между физическими лицами (С2С – см. рис. 1), оплата товаров и услуг (С2В – см. рис. 3) и возвраты средств (В2С).

Ключевым шагом на пути к реальному внедрению стала разработка правовой базы. 29 декабря

¹ Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций // Банк России. – Москва, 13 октября 2020 г. – URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf

² Концепция цифрового рубля: доклад Банка России. – Москва, 8 апреля 2021 г. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf

2022 г. пакет законодательных предложений был представлен в Правительство Российской Федерации, а 11 июля 2023 г. Государственная Дума приняла соответствующие федеральные законы: Федеральный закон от 24 июля 2023 г. №339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»¹; Федеральный закон от 24 июля 2023 г. №340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»². На законодательном уровне был закреплён правовой статус цифрового рубля, определен перечень разрешенных операций, виды счетов, а также установлены требования к участникам платформы и механизмы защиты информации³.

15 августа 2023 г. стартовала наиболее значимая фаза проекта — пилотирование операций с реальными цифровыми рублями. Важно отметить, что на начальном этапе к пилоту присоединились 13 банков, к концу 2024 г. их число возросло до 15.

В рамках пилота тестируются не только базовые операции (C2C, C2B, B2B – см. рис. 1, 3, 4 ниже), но и перспективные направления: развитие смарт-контрактов (см. рис. 2 ниже) – компьютерных алгоритмов, содержащих условия договора, предназначенных для автоматического контроля и исполнения договорных отношений, а также трансграничные расчеты, посредством которых Банк России ведет работу с иностранными регуляторами и в рамках многосторонних форматов (например, БРИКС) по проработке вопросов интеграции платформ ЦВЦБ для упрощения международных платежей.

С 1 сентября 2026 г. вступает в силу Федеральный закон от 23 июля 2025 г. №248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закон установит сроки подключения кредитных органи-

заций, продавцов (исполнителей, владельцев агрегаторов) к совершению операций с цифровыми рублями с клиентами (потребителями)⁴.

Введение в оборот цифрового рубля требует пересмотра классической системы денежных агрегатов, так как цифровой рубль гибриден и имеет признаки наличных и безналичных денег. По нашему мнению, цифровой рубль должен равномерно распределиться между наличными и безналичными деньгами, соответствующими им агрегатами. То есть он должен быть включен в состав M1, что отражает единство подхода к обязательствам Банка России, учет трансформации наличного денежного обращения, обеспечение устойчивости денежной массы при трансформационном периоде. Переход цифрового рубля в состав M1 обусловлено абсолютной степенью ликвидности, транзакционным характером и ежесекундной доступностью расчетов.

На основании изложенного мы считаем необходимым провести оценку существующих форм денег – цифрового рубля, наличных и безналичных средств – в целях определения их соответствия требованиям и удобству пользователей. Оцениваются такие характеристики, как степень отслеживаемости операций государственными органами, доступность по отношению к интернет-соединению, уровень защиты от мошенничеств, стоимость для пользователей, а также потенциал автоматизации. Результаты сравнения демонстрируют положение цифрового рубля как промежуточного средства расчета между наличными и безналичными, сочетающего высокий уровень контроля со стороны регулятора – государства – с техническими преимуществами, например, возможностью автоматизации (см. табл. ниже).

Следует также отметить, что введение в оборот цифровых рублей влечет трансформацию существующих форм расчетов. Так, нами составлены 4 типовые схемы расчетов с учетом особенностей (см. рис. 1–4 ниже).

Таким образом, введение в оборот цифровой валюты вызывает, кроме положительных аспектов, также и дискуссионные вопросы. До сих пор не решен вопрос планирования государственного бюджета, хранения цифровых рублей, принадле-

¹ О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455102/

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455103.](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455103/)

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

⁴ Цифровой рубль: текущий статус проекта: доклад Банка России. – Москва, 2025. – 30 июня. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/177415/digital_ruble_3006_2025.pdf.

жавших Казначейству России, обеспечения стабилизации валюты и контроля инфляции. Переход от пилотирования к широкому использованию требует определения положения цифрового рубля

в банковском секторе и в экономике России в целом, чтобы таким образом соответствовать современным тенденциям развития.

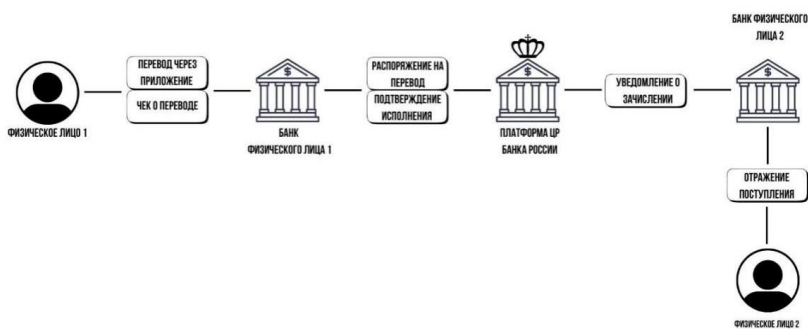

Рис. 1. Форма расчета C2C

Рис. 2. Форма расчета по смарт-контракту

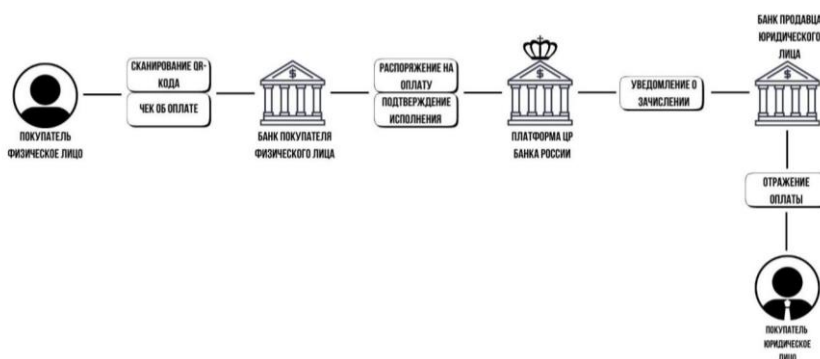

Рис. 3. Форма расчета C2B

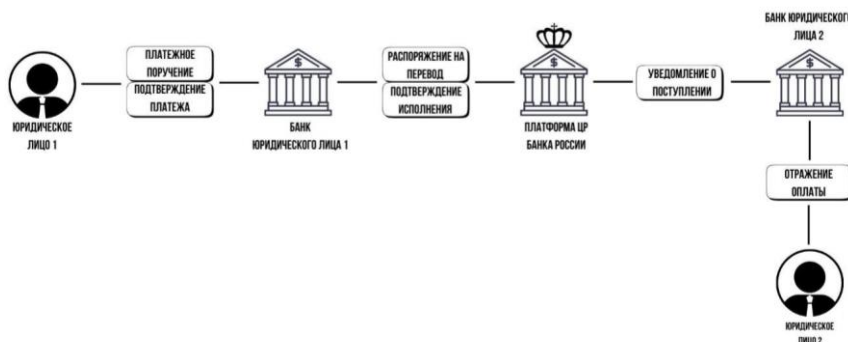

Рис. 4. Форма расчета B2B

Т а б л и ц а

Сравнительная характеристика форм денег: цифровой рубль, наличные и безналичные средства

Сравнительная характеристика	Цифровой рубль	Наличные деньги	Безналичные деньги (на банковских счетах)
1. Отслеживание операций Федеральной налоговой службой (ФНС) и прозрачность	Высокая степень прозрачности. Все транзакции фиксируются на платформе Банка России, что упрощает аудит и контроль за целевым использованием средств. Доступ ФНС предоставляется в рамках законодательства	Полная анонимность. Операции практически не отслеживаются, что создает риски для теневого оборота и уклонения от уплаты налогов	Условная прозрачность. Операции отслеживаются банками, которые предоставляют информацию ФНС и Росфинмониторингу по запросу. Однако информация находится в разрозненном виде в разных банках
2. Возможность оплаты в любое время и без интернета	Круглосуточно, но требуется интернет. Платформа работает 24/7, но для совершения операции обязателен канал связи. В офлайн-режиме платежи невозможны	Полная независимость. Оплата возможна всегда и везде, где есть физический контакт с контрагентом. Не требует инфраструктуры, электричества или связи	Сильно ограничена без интернета. Работа банковских приложений, карточных терминалов и онлайн-банка требует стабильного подключения
3. Безопасность и защита от мошенничества	Высокий уровень. Применяются отечественные средства криптографической защиты информации (СКЗИ), антифрод-контроль в реальном времени, электронная подпись для всех операций. Средства защищены от кражи или потери в физическом смысле	Низкий уровень. Высокий риск кражи, потери или подделки. Нет защиты от мошенничества при передаче денег	Средний уровень. Существуют системы защиты (3D-Secure, СМС-коды), но высок риск социальной инженерии и несанкционированного доступа к счету через скомпрометированные данные
4. Стоимость операций для пользователей	Бесплатно для физических лиц (С2С, С2В). Для юридических лиц тарифы ниже, чем в СБП или эквайринге	Условно бесплатно. Нет прямой комиссии за передачу, но есть затраты на хранение, инкассацию и риски	Зависит от тарифов банка. За переводы, особенно срочные или в другие банки, часто взимается комиссия. Эквайринг для бизнеса обычно дороже, чем тарифы цифрового рубля
5. Автоматизация и программируемость	Высокая. Поддержка смарт-контрактов для автоматизации платежей (аренда, подписки, выплаты по наступлению события). Возможность встраивания в государственные и бизнес-процессы	Отсутствует. Невозможно автоматизировать или запрограммировать платежи	Ограниченная. Существуют автоплатежи и шаблоны в банковских приложениях, но они не гарантируют исполнения условий сделки, как это делает смарт-контракт на блокчейн-подобной платформе

Список литературы

1. Горбачева Т. А. Цифровые валюты центрального банка: зарубежный опыт // Мировая экономика и мировые финансы. – 2023. – № 4. – С. 41–47.
2. Городецкая О. Ю., Гобарева Я. Л. Цифровой рубль: история развития и его специфические особенности // Финансовые рынки и банки. – 2024. – № 1. – С. 42–47.
3. Зумакулова З. А., Тарчоков Б. А., Абазов К. А. Экономические и нормативные аспекты цифрового рубля в условиях цифровой экономики // Журнал прикладных исследований. – 2024. – № 9. – С. 20–24.
4. Макиев С. А., Лолаева А. С., Габараева М. Т. Проблемы внедрения цифровой валюты в российских условиях // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 6 (222). – С. 116–118.
5. Санникова Л. В. Правовые основы цифровых валют центральных банков и цифрового рубля // Финансовый журнал. – 2023. – Т. 15. – № 5. – С. 27–44.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-202-209>

Особенности защиты цифровых прав человека при использовании технологий искусственного интеллекта¹

Т. Э. Зульфугарзаде

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

Features of the Protection of Digital Human Rights While Using Artificial Intelligence Technologies

T. E. Zulfugarzade

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

Поступила 29.12.2025 Принята к печати 10.01.2026

Аннотация

В работе проведено исследование основных направлений концепции защиты цифровых прав человека в контексте использования технологий искусственного интеллекта (ИИ). В качестве основных методов познания при проведении исследования были использованы логический, сравнительный, эмпирический, описательный и другие. В процессе проведения исследования, в частности, рассмотрены научно-практические вопросы в сфере кибербезопасности, конфиденциальность и принятия решений, которые считаются одними из наиболее сложных концепций как в публичном, так и в частном праве, путем предложения новационной макрополитики. Определено, что возрастание числа внедрения программных продуктов ИИ-технологий в различных областях создал не только новые возможности для повышения точности результатов исследований, но и серьезные проблемы научно-прикладного характера, непосредственно связанные с применением ИИ-технологий, что нередко негативным образом влияет на права человека. Такого рода возможности и вызовы могут быть изучены как совокупность цифровых прав человека в правовой сфере. В определенном смысле исследуемые права в свою очередь определяют операционные рамки ИИ в этой области, в связи с чем возможности, создаваемые ИИ, рассматриваются прежде всего как неотъемлемая часть цифровых прав человека. Затем проблемы, возникающие в связи с использованием ИИ-технологий, проанализированы и определены как в том числе негативные права, от которых человечество должно быть защищено. Для достижения целей исследования проанализированы вопросы прозрачности компьютерных алгоритмов, юридические особенности подотчетности, конфиденциальности, а также этико-моральные подходы при использовании компьютерных технологий и др. Дополнительно определена необходимость соблюдения приватности и баланса между ИИ-технологиями и безопасностью в целом, включая кибербезопасность. Сделаны выводы, в частности, о том, что, разрабатывая современные нормативные акты, соответствующие цифровым достижениям, представляется возможность воспользоваться преимуществами ИИ в расширении прав общественности и личности.

Ключевые слова: юриспруденция, ответственность, законодательство, регулирование, международный, национальный, нормативный, государство, публичный, частный, гражданин, управление, цифровизация, кибербезопасность, защита, технологии, алгоритм, данные, административный, контроль, этика, прозрачность, электронный, эффективный, угрозы.

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта «Разработка механизмов гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда. Номер проекта 25-18-00240.

Abstract

The paper examines the main directions of the concept of digital human rights protection in the context of the use of artificial intelligence (AI) technologies. Logical, comparative, empirical, descriptive and others were used as the main methods of cognition during the research. In the course of the research, in particular, an attempt was made to overcome the identified problems in this area, including cybersecurity, privacy, and decision-making, which are considered among the most complex concepts in both public and private law, by proposing innovative macro policies. It is determined that the increasing use of AI technologies and their application in various fields have created not only new opportunities for growth, but also serious scientific and applied problems directly related to the use of AI technologies, which often negatively affect human rights. The totality of such opportunities and challenges can be studied as digital human rights in the legal field. In a certain sense, the rights under study, in turn, determine the operational framework of AI in this area, and therefore the opportunities created by AI are considered primarily as an integral part of digital human rights. Then, the problems arising from the use of AI technologies are analyzed and identified as, among other things, negative rights from which humanity must be protected. To achieve the goals of the study, the issues of transparency of computer algorithms, legal features of accountability, and confidentiality are analyzed; ethics-moral approaches in the use of computer technology, etc. Additionally, the need for privacy and a balance between AI technologies and security in general, including cybersecurity, has been identified. It is concluded, in particular, that by developing modern regulations that correspond to digital advances, it is possible to take advantage of AI in empowering the public and the individual.

Keywords: jurisprudence, responsibility, legislation, regulation, international, national, regulatory, state, public, private, citizen, governance, digitalization, cybersecurity, protection, technology, algorithm, data, administrative, control, ethics, transparency, electronic, effective, threats.

Современное использование инновационных цифровых технологий стало одним из требований к преобразованиям в современном обществе и госрегулировании [2. – С. 61]. Цифровая революция, выступающая в качестве фактора динамичного развития социальной сферы в целом, привела к созданию цифровой экономики, развитию основ цифрового права и новой конфигурации общественных отношений, основанной на использовании интернета, социальных сетей и других информационно-коммуникационных технологий [7. – С. 5].

Другими словами, современные цифровые технологии в наше время формируют новый способ производства, в котором люди не участвуют напрямую, а киберпространство само принимает решения и представляет их своим пользователям, что создает предпосылки для перехода от этого периода к новой форме социального взаимодействия, в котором новый закон играет важную роль в регулировании возникающих отношений. Цифровая трансформация оказывает непосредственное влияние на реализацию основных прав человека, что в свою очередь способствует появлению новых прав человека и гражданина как участника глобального информационного и цифрового пространства. Это может создать набор прав человека на цифровой арене и привести к формированию новых механизмов ответственности за нарушения в исследуемой сфере [5. – С. 132].

В указанной связи результаты цифровизации требуют понимания и разработки соответствующих правовых механизмов для регулирования, реализации и защиты уже закрепленных законодательно и еще только возникающих новых прав человека, содействия устойчивому социально-экономическому развитию и обеспечения реализации основных и гражданских прав и свобод человека [3. – С. 48]. В нынешнюю, цифровую эпоху публичное право, которое регулирует отношения между государством и его гражданами, претерпело значительные изменения. Таким образом, с появлением новых цифровых технологий традиционное определение публичных прав в определенном смысле меняется в сторону его цифрового развития и усовершенствования.

Следовательно, конфиденциальность, кибербезопасность и искусственный интеллект (далее – ИИ) должны быть совместимы с публичными и частными правами. Такой подход создает многочисленные проблемы, которые необходимо решать. Действительно, с появлением и быстрым развитием новых технологий угрозы конфиденциальности также растут быстрыми темпами. Право на неприкосновенность частной жизни является одним из основных прав, закрепленных в документах по правам человека. В современных условиях, характеризующихся все возрастающей цифровизацией, защита частной жизни становится все более сложной задачей, и во многих случаях объективно возникают новые или во все боль-

шей степени эволюционируют уже существующие нарушения, часто позволяя как национальным, так и международным правительственным и неправительственным организациям вмешиваться в частную жизнь граждан. Даже те законодательные акты, которые регулируют возможность такого вмешательства и определяют случаи предоставления разрешения соответствующим органам власти, не успевают за быстрым развитием технологий.

При этом методы защиты, предусмотренные действующим законодательством, не соответствуют установленным требованиям, в связи с чем возникает необходимость пересмотра механизмов правового регулирования и профессионального правосознания в целом. С другой стороны, в быстро развивающемся цифровом ландшафте киберправо превратилось в важную и интересную правовую область.

В настоящее время с ростом зависимости от технологий также возрастают проблемы и юридические последствия, связанные с кибербезопасностью, конфиденциальностью данных, правами интеллектуальной собственности и суверенитетом в интернете [4. - С. 76]. Потенциал ИИ для внесения фундаментальных изменений в поведение, распорядок дня и для повышения эффективности в различных областях очевиден. Однако ИИ-системы обычно требуют значительного сбора и анализа данных, что поднимает вопросы, касающиеся защиты такого фундаментального и значимого права человека, каким является право на частную жизнь.

Таким образом, свод правовых норм и принципов, регулирующих отношения между государством, общественными институтами и гражданами в цифровом пространстве, представляет собой новую юридическую категорию публичного права. Исходя из вышесказанного, представляется возможным рассматривать исследуемые научно-практические правовые проблемы, возникающие в цифровую эпоху, в следующих трех основных областях: 1) конфиденциальность и защита данных, 2) кибербезопасность и 3) использование ИИ в процессе принятия суверенных решений.

В данной связи настоящее исследование направлено на изучение вышеозначенных проблем, а также существующих в цифровую эпоху новых возможностей для повышения эффективности госрегулирования, публичного и частного права, а также на разработку решений этих проблем. Тем самым совершенствуется статус циф-

ровых прав человека, прежде всего в области публичного права, но не умаляется значение частных прав.

Как уже отмечалось выше, развитие цифрового пространства и добавление ИИ к возможностям человека, дополняющим те новые возможности и преференции, которые ИИ создает для людей, кардинально изменят их взаимоотношения с гражданами и трансформируют их суверенитет. Такого рода новационные возможности требуют пересмотра компонентов человеческих прав в новых областях, в связи с чем необходимо сначала выявить уже существующие проблемы и недостатки, связанные с внедрением ИИ-технологий.

Действительно, механизмы самообучения управляют ИИ-технологиями и могут адаптировать запрограммированные в них алгоритмы к формату входящих данных. Важно то, что алгоритмы, являющиеся прозрачными для разработчиков, становятся непрозрачными для пользователей после того, как система прошла через сотни, тысячи или даже миллионы рекурсивных шаблонов самопрограммирования, и даже системные программисты не могут достаточно точно определить, какие типы данных каким образом обрабатывались, какие выводы были сделаны, из каких корреляций данных и как были взвешены конкретные данные. Вот почему ИИ создает проблемы в сфере традиционных и устоявшихся за последние несколько десятилетий подходов к трактованию права на защиту данных. Эти вопросы отражены в требованиях к прозрачности Общего регламента по защите данных, который в первую очередь основан на традиционной концепции основного права на защиту данных.

С другой стороны, решения, принимаемые ИИ, не могут быть оценены из-за отсутствия прозрачности в процессе принятия решений. Неясно, какие предпосылки привели к этому решению. Следовательно, невозможно изучить эти предпосылки, чтобы быть уверенным в принятом решении. Таким образом, можно сказать, что наиболее серьезной проблемой для общественного законодательства в области защиты цифровых прав человека в эпоху ИИ являются опасения, связанные с вопросами личной безопасности, вторжением в частную жизнь и риском неправомерного использования конфиденциальных данных.

Системы видеоконтроля, все более распространяемые на территории практически всех го-

сударств в целях обеспечения безопасности, существенным образом ограничивают возможности граждан в полноценной защите их права на личную жизнь. Для обеспечения конфиденциальности необходимо достичь баланса между общественной безопасностью и надлежащим уровнем личной конфиденциальности, действуя строго в формате соблюдения суверенных прав не только государства и общества, но и личности.

Для поощрения и поддержания безопасности и конфиденциальности данных, а также для обеспечения безопасности информации, предназначенной именно для граждан, подходящими решениями могут считаться шифрование и электронная аутентификация. Кроме того, системы управления цифровыми идентификационными данными используются для предотвращения мошенничества и неправомерного использования личной информации [1. – С. 18]. В связи с этим государства также должны четко указывать, каким образом данные собираются и используются. Каждому государству целесообразно установить строгие законодательные предписания для защиты данных. Для предотвращения любого неправомерного использования данных следует создать руководящий орган надзора за деятельностью организаций, занимающихся обеспечением безопасности. Доступ к данным физических лиц может быть ограничен с помощью шифрования.

Обратимся к более подробному рассмотрению вопросов о кибербезопасности в процессе использования ИИ-технологий.

Концепция кибербезопасности в контексте государственного права относится к набору правовых норм, политических решений и юридических механизмов, которые национальные государства принимают для защиты критически важной информационной инфраструктуры, поддержания конфиденциальности и целостности данных и защиты цифровых свобод граждан. Поскольку государство в первую очередь несет ответственность за обеспечение общественного порядка, безопасности и прав, его роль в обеспечении безопасности киберпространства и противодействии киберугрозам особенно заметна. С точки зрения государственного права кибербезопасность – это вопрос не только технический, он имеет также важные политические, социальные, экономические аспекты и аспекты прав человека. Любое вмешательство государства в эту область должно сопровождаться соблюдением демократических принципов, а также принципов прозрач-

ности, подотчетности и пропорциональности, поскольку меры безопасности в отсутствие правового надзора могут стать инструментом подавления цифровых свобод и нарушения основных прав граждан. Таким образом, в рамках подхода государственного права кибербезопасность понимается как баланс между силой суверенитета для обеспечения национальной безопасности, формами и методами защиты законных прав и свобод пользователей киберпространства.

В данной связи также отметим, что не следует полностью полагаться на ИИ не только в публичном, но и частном праве, и приоритетными должны быть человеческие суждения и гибкость правовой системы. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что кибербезопасность как одна из областей безопасности считается обязанностью государства. Следовательно, это можно рассматривать как одну из областей цифровых прав человека.

Природу этого права можно рассматривать как негативное право. Как отмечено выше, данное право является подмножеством сферы обеспечения, которое считается одним из прав первого поколения и негативным правом. Это означает, что государство несет ответственность за обеспечение рассматриваемых прав, не создавая препятствий для использования гражданами исследуемой сферы. Исходя из такого понимания, государство, не вмешиваясь в эту сферу, предоставляет гражданам возможность извлечь из нее выгоду.

В рамках сферы кибербезопасности применяются ограничительные меры и вмешательство государства. Отсутствие этих актов обеспечивает определенную степень безопасности. Однако часть области кибербезопасности относится к кибербезопасности сообщества.

С одной стороны, внешние кибератаки могут нарушить это пространство путем использования личной информации в целях, например, причинения вреда (ущерба) отдельным лицам и киберсоциальному пространству в целом. В указанной связи (поскольку наиболее уязвимой, несомненно, является область, связанная с социальным обеспечением) комплексная система цифрового суверенитета призвана защищать кибербезопасность страны в целом и упомянутую область в том числе.

Таким образом, кибербезопасность можно рассматривать с двух точек зрения. Первая из них включает в себя все, что непосредственным образом связано с кибербезопасностью граждан

и соответствует условиям сохранения суверенитета, где сфера публичного права регулирует эти отношения и определяет взаимоотношения между суверенитетом и людьми в этой области на национальном уровне. Вторая точка зрения, в свою очередь, определяет наднациональный аспект надлежащего обеспечения кибербезопасности, который затрагивается в контексте национальной безопасности каждого из государств. Такого рода ответственность ложится на государство, и авторитет госорганов в этом отношении вызывает положительные последствия и позитивный эффект, означающий, что государство должно защищать национальную кибербезопасность от этих угроз.

Еще одной областью, которую важно учитывать в отношении цифровых прав человека, является использование этого пространства, особенно ИИ-платформ, прежде всего в процессе принятия административных и судебных решений, поскольку использование ИИ может привести к нарушениям прав граждан. В данном контексте речь идет прежде всего о непрозрачности принятия решений, осуществляемых ИИ, а также о сложностях, возникающих в процессе опротестования гражданами принятых ИИ-решений.

При этом развитие систем удаленного взаимодействия граждан с государственными и муниципальными органами, напротив, приводит к повышению доверия к государству. Цифровизация госуслуг, таким образом, способствует повышению эффективности и прозрачности работы рассматриваемых властных органов. ИИ-технологии в данном случае способствуют повышению административной прозрачности, служат важным инструментом снижения уровня коррупции при принятии решений. Не менее важна роль ИИ как технического программного продукта и не менее эффективного средства быстрого реагирования на обращения граждан и оперативного принятия решений, а также интенсификации участия общественности в процессах управления.

Действительно, для создания механизмов общественного участия объективно нужны платформы для консультаций с гражданами по вопросам этики ИИ. Например, действующая в Канаде структура оценки воздействия алгоритмов требует, чтобы крупные проекты по применению ИИ включали публичные слушания. Обращаясь в данной связи к вопросам образования, отметим важность включения нравственного воспитания в области ИИ в базовую часть подготовки учащихся

с детского сада по 11-й класс школы. Институт инженеров по электротехнике и электронике (IEEE) в США опубликовал юридически значимый документ, получивший название «Этические нормы в области ИИ», который требует от старшеклассников выработки умения определять и защищать права на данные. Университеты предлагают новый междисциплинарный предмет «Научная и технологическая этика».

Обращаясь в свою очередь к вопросам привлекательности медиакультуры и ее влияния, отметим необходимость формирования общественного мнения о научной и технологической этике с помощью кино- и телеработ, публичных выступлений и т. д. В 2024–2025 гг. документальные фильмы, демонстрируемые по центральным каналам российского телевидения и посвященные вопросам цифровых алгоритмов во взаимодействии с человеческим фактором, привлекли внимание общественности к этическим проблемам технологии анализа эмоций на основе ИИ, побудив научно-исследовательские и производственные организации активно осуществлять саморегулирование в сфере использования своих собственных технологий мониторинга эмоций [6. – С. 102]. Кроме того, имея свободный доступ к информации граждан и данным ИИ, они могут видеть результат принятия решения.

Еще одним преимуществом ИИ является, как отчасти отмечено выше, его способность снижать административную коррупцию посредством придания прозрачности подавляющему числу процессов принятия решений. Подотчетность, совершенствование и ускорение процесса реагирования и принятия решений относятся к числу сильных сторон ИИ как в публичном, так и частном праве.

Дополнительно отметим, что все граждане могут сообщать о выявленных ими административных нарушениях онлайн, и ИИ предоставляет заключения по существу таких обращений в кратчайшие сроки. ИИ также может выявлять и исправлять недостатки в процессе принятия решений рядовым гражданином, а не только гражданином, являющимся должностным лицом. При этом весьма важной и значимой практической проблемой является отсутствие справедливого доступа к ИИ для всех граждан в разных регионах в процессе принятия административных решений.

Действительно, в современную цифровую эпоху соблюдение этических норм и соображений при использовании ИИ-технологий имеет боль-

шое значение. Несмотря на то, что область этики отличается от области права, тем не менее переплетение и тесная взаимосвязь между этими двумя областями может способствовать их взаимодействию и послужить основой для применения ИИ в этико-правовой сфере. Для использования ИИ-платформы больше, чем для чего-либо другого, требуется создание общественного движения и культурное развитие в этом отношении, что не может быть достигнуто только с помощью законодательной системы, потому что требует ряда мер самоконтроля и внутреннего контроля, что достигается путем уделения внимания области этики. Именно область социальной этики, по нашему мнению, может сформировать эту культуру в обществе, и то, как используется ИИ и как он воспринимается в обществе, становится частью этой культуры. Этика незаменима в области создания культуры, т. е. в процессе, который приводит к завоеванию общественного доверия граждан.

Другими словами, когда законодательство в полной мере не обеспечивает возможность надлежащего обеспечения справедливости в требуемом объеме, этические и моральные, в том числе имеющиеся у граждан нравственные нормы могут способствовать повышению внутреннего контроля каждого индивида.

Перечисленные недостатки материального и морального свойства могут быть устранены только при соблюдении этических норм и внутреннего контроля. Расовые, этнические и гендерные предубеждения также могут быть последовательно нивелированы с помощью этического контроля и гарантий соблюдения этических норм. Что касается частной жизни и уважения к ней, этика и следование ее нормам являются одними из наиболее важных средств контроля над этой областью и предотвращения ненужного вторжения, работающих наряду с правовыми механизмами для обеспечения надлежащей защиты прав человека при использовании ИИ-технологий.

Таким образом, в современную эпоху ИИ-риски, связанные с научной и технологической этикой, становятся все более разнообразными. Совершенствование институциональных норм научной и технологической этики является первоочередной задачей и вызовом, на который необходимо ответить в том числе в целях надлежащей защиты прав человека от негативного влияния компьютерных технологий. В нынешней социальной ситуации институциональные нормы научной и технологической этики находятся на

начальном этапе развития, чрезмерным образом используя руководящие документы и человеческое самоограничение. Хотя такой подход осуществим в краткосрочной перспективе, в долгосрочной же перспективе сложно эффективно справляться с рисками управления научной и технологической этикой. Более того, надзор и меры реагирования, применяемые, как правило, после того, как негативное событие уже произошло, имеют относительно ограниченный эффект и могут даже нанести ущерб имиджу коллективов и отдельных лиц.

Например, в КНР, с учетом современных реалий полагают необходимым и значимым принять в ближайшее время эффективные меры совершенствования институциональных норм научной и технологической этики следующим образом. Во-первых, на правительственном уровне внесено предложение глубоко пересмотреть и скорректировать существующую систему этического надзора для более эффективного решения этических проблем, связанных с использованием ИИ-технологий. Это также требует четкого определения обязанностей по этической экспертизе и надзору. Для достижения необходимого эффекта процессы экспертизы, обработки и наказания необходимо стандартизировать. Во-вторых, внесены предложения, направленные на создание специального комитета, ответственного за установление стандартов, определение системы регистрации и совершенствование нормативно-правовой базы. Одновременно с этим необходимо постоянно совершенствовать механизмы сертификации и отбора членов комитета, чтобы обеспечить высокий профессиональный уровень и квалификацию кандидатов на такие должности, а также постоянно повышать эффективность надзора за соблюдением этических подходов в сфере науки и технологий. Эти меры позволят постоянно совершенствовать институциональные нормы научной и технологической этики, обеспечивая тем самым благоприятное развитие науки и технологий и укрепляя международный имидж научно-технологических коллективов и отдельных лиц.

Для повышения эффективности управления научной и технологической этикой необходимо признать важность развития высококвалифицированных профессиональных кадров. В эпоху массовой разработки и внедрения ИИ-технологий таланты в области управления научной и технологической этикой должны обладать не только солидным теоретическим багажом знаний, но и

развитыми навыками и опытом управления. Профессиональные таланты в области управления научной и технологической этикой могут создаваться следующими четырьмя путями. Первый путь представляет собой использование в полной мере возможностей профессионального и высшего образования, включение курсов по научной и технологической этике в образовательные программы на всех этапах, чтобы гарантировать талантливым специалистам в области управления овладение соответствующими знаниями и навыками до начала работы и глубокое понимание значения научной и технологической этики, что в свою очередь в значительной степени повысит их конкурентоспособность. Вторым путем должен быть выбран в направлении дальнейшей активизации развития талантов: регулярная организация учебных мероприятий, включающих углубленное изучение действующего законодательства, судебной практики и правоприменения в сфере управления научной и технологической этикой. Участвуя в этих учебных мероприятиях, специалисты по управлению смогут освоить знания в области законодательства, судебной практики и правоприменения в сфере управления научной и технологической этикой и всемерно повысить профессиональный уровень команды специалистов по этическому управлению. Третий путь должен быть направлен на решение вопросов совершенствования методик обучения на рабочем месте. Предприятиям следует внедрить модель обучения «предварительное трудоустройство + научная и технологическая этика», сделав научную и технологическую этику важной частью академических обменов и рабочих задач, а также усилить предъявляемые специалистам по управлению требования строгого соблюдения научной и технологической этики для дальнейшего повышения уровня экспертизы и надзора за научной и технологической этикой. Четвертым путем должен быть выбран в направлении создания механизмов стимулирования развития талантов, оптимизации и совершенствования процессов оценки и продвижения по служебной лестнице, повышения уровня трудового энтузиазма специалистов по управлению и постоянного повышения качества подготовки талантов в плане обучения, получения дополнительного образования с целью обеспечения упорядоченного и эффективного развития управления научной и технологической этикой.

Подводя итог, отметим, что риски научной и технологической этики, связанные с ИИ-технологиями, обусловлены противоречиями между обществом и технологиями, что негативным образом влияет на обеспечение прав человека в современном цифровом мире. По мере постоянного развития и внедрения инноваций в технологии эти противоречия становятся все более выраженными, а управление научной и технологической этикой приобретает все большую значимость. Поэтому необходимо признать важность управления научной и технологической этикой и для надлежащего предотвращения злонамеренных кибератак, а также устранения научно-технологических рисков и содействия устойчивому развитию человеческого общества своевременно принимать меры, такие как трансформация парадигмы теорий управления, построение иерархической системы управления, совершенствование институциональных норм научной и технологической этики и развитие профессиональных кадров в области управления научной и технологической этикой.

Помимо этических проблемных вопросов немаловажно отметить, что кибербезопасность, неприкосновенность частной жизни и принятие решений с помощью ИИ относятся к числу наиболее сложных концепций, рассматриваемых как в публичном, так и частном праве, особенно при обеспечении цифровых прав человека. Перечисленные проблемные вопросы могут помочь максимально реализовать права человека в области цифровых технологий за счет укрепления прав общественности и личности путем разработки новых нормативных актов в ответ на развитие цифровых технологий, в том числе основанных на ИИ.

Такого рода вопросы могут быть урегулированы с помощью интеллектуальных решений, которые приводят к повышению степени эффективности системы не только публичного, но и частного права за счет повышения доверия общественности, прозрачности действующей в настоящее время комплексной системы подотчетности, равенства, справедливости, защиты частной жизни, повышения национальной безопасности, а также получения преимуществ от этического контроля и использования гарантий соблюдения этических норм. С помощью этих средств можно продвигать соответствующие решения для обеспечения цифровых прав человека.

Список литературы

1. *Алексеева М. В.* Цифровая трансформация государственного управления на основе искусственного интеллекта // *Административное право и процесс.* – 2025. – № 12. – С. 16–19.
2. *Гульбин Ю. Т., Наибханова Р. И.* Правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации // *Современное право.* – 2025. – № 9. – С. 61–66.
3. *Евдокимова М. И., Иванов Г. В., Токарева А. А.* Правовая природа принципов работы и результатов искусственного интеллекта // *ИС. Промышленная собственность.* – 2025. – № 6. – С. 47–53.
4. *Кириллова Е. А.* Защита авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом или с его помощью // *Имущественные отношения в Российской Федерации.* – 2025. – № 6. – С. 75–79.
5. *Туров С. С., Григорьева Н. В.* Проблема ответственности в сфере применения искусственного интеллекта // *Современное право.* – 2025. – № 8. – С. 131–134.
6. *Deng P.* Exploration of Scientific and Technological Ethics Governance in the Age of Artificial Intelligence // *Journal of Electronic Research and Application.* – 2025. – Vol. 9. – Iss. 4. – P. 97–103.
7. *Rajaei M., Amiri A.* Public Law Challenges in Protecting Human Digital Rights in the Age of Artificial Intelligence // *Legal Studies in Digital Age.* – 2025. – Vol. 4. – Iss. 3. – P. 1–7.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-210-215>

Юридические последствия неисполнения требований валютного регулирования (на примере анализа судебной практики)

Ю. А. Крохина

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Krokhina.YUA@rea.ru

Р. А. Курбанов

заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Kurbanov.RA@rea.ru

Legal Consequences of Failure to Comply with Currency Regulation Requirements (Based on the Analysis of Judicial Practice)

Yu. A. Krokhina

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Krokhina.YUA@rea.ru

R. A. Kurbanov

Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Kurbanov.RA@rea.ru

Поступила 23.01.2026 Принята к печати 05.02.2026

Аннотация

Несмотря на детальную регламентацию валютного контроля в отечественном законодательстве, на практике сохраняются сложности квалификации гражданско-правовых сделок при совершении валютных операций, а также определения объема обязательств контрагентов. Важное значение в формировании валютного законодательства и правовой доктрины принадлежит судебной практике. Она поддерживает равновесие между строгими государственными требованиями и запросами участников рынка, содействует единообразию применения права и закладывает базу для последующего улучшения законодательства. Судебная практика содействует согласованию общественных и частных интересов в области валютного регулирования. Подобные решения создают не только практику правоприменения, но и доктринальные основания для понимания справедливости и соразмерности в валютном контроле. Проведенный анализ судебной практики свидетельствует о значительном количестве споров, возникающих вследствие несоблюдения валютных предписаний при совершении гражданско-правовых сделок. Отсутствие единообразного подхода к оценке подобных нарушений создает правовую неопределенность, что негативно отражается на стабильности гражданского оборота. Особую сложность у судов вызывают вопросы соотношения

принципа свободы договора с императивными требованиями валютного регулирования. Неправильная квалификация валютной операции может привести к существенным финансовым санкциям для частного субъекта и даже к признанию сделки недействительной. Обоснован прогноз, что в ситуации санкционного давления и усложнения финансовых механизмов значение судов в создании предсказуемой и справедливой системы валютного регулирования будет усиливаться.

Ключевые слова: валютные операции, валютный контроль, валютное регулирование, судебная практика, судебный прецедент, правоприменение.

Abstract

Despite the detailed regulation of currency control in domestic legislation, in practice, difficulties persist in qualifying civil transactions as currency operations and determining the scope of counterparty obligations. Judicial practice plays a crucial role in the development of currency legislation and legal doctrine. It maintains a balance between strict state requirements and the demands of market participants, promotes uniform application of the law, and lays the foundation for subsequent legislative improvements. Judicial practice facilitates the reconciliation of public and private interests in the area of currency regulation. Such decisions not only create legal practice but also provide doctrinal foundations for understanding fairness and proportionality in currency control. An analysis of judicial practice reveals a significant number of disputes arising from non-compliance with currency regulations in civil transactions. The lack of a uniform approach to assessing such violations creates legal uncertainty, which negatively impacts the stability of civil transactions. Courts are particularly challenged by the relationship between the principle of freedom of contract and the mandatory requirements of currency regulation. Incorrect classification of a currency transaction can lead to significant financial sanctions for a private entity and even to the invalidation of the transaction. It is predicted that, in a situation of sanctions pressure and the increasing complexity of financial mechanisms, the role of courts in creating a predictable and fair system of currency regulation will increase.

Keywords: currency transactions, currency control, currency regulation, judicial practice, judicial precedent, law enforcement.

Правоприменительная деятельность судов имеет определяющее значение для становления и эволюции норм валютного права благодаря не только осуществлению функции интерпретации правовых положений, но и существенной гарантии стабильности правового поля в области валютных отношений. В обстановке быстро трансформирующихся экономических условий законодательные нормы нередко отстают от возникающих проблем, и как раз судебные акты, в первую очередь высших судов, заполняют подобные пробелы, создавая устоявшиеся методики урегулирования конфликтов [3; 7]. Реализация валютных операций, тесно сопряженная с аспектами государственного суверенитета и экономической стабильности, нуждается в адаптивном и продуманном регулировании, которое часто складывается именно в ходе реализации права. Исключительную важность судебная практика обретает в сфере гражданско-правовых соглашений, касающихся операций с иностранной валютой. Арбитражные инстанции, разрешая конфликты между субъектами внешнеэкономических отношений, по сути, создают правовую концепцию, очерчивающую рамки допустимых действий резидентов и нерезидентов. Так, проблема действительности соглашений, совершенных с от-

ступлением от валютных норм, продолжительное время являлась предметом споров, и лишь последовательная линия Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ), отраженная в серии постановлений и разъяснений, дала возможность сформировать единую позицию. Суды установили, что исключительно нарушение валютных предписаний не является основанием для ничтожности сделки, поскольку требуется оценивать значимость данного отступления, если законом прямо не предусмотрено иное. Это фундаментальный вывод, гарантировавший устойчивость гражданского оборота и охрану добросовестных рыночных субъектов [4]. Помимо этого, судебная практика содействует согласованию общественных и частных интересов в области валютного регулирования. С одной стороны, государство стремится к жесткому надзору за перемещением валютных ресурсов, с другой – участники рынка требуют определенности и гарантии своих прав. Разрешая это противоречие, суды формируют критерии, дающие возможность разделять нарушения на значительные и незначительные, принимать во внимание степень вины сторон и наличие умысла. Подобные решения создают не только практику правоприменения, но и доктринальные основа-

ния для понимания справедливости и соразмерности [2], в том числе в валютном контроле. Подчеркнем, что судебная практика также является вектором для законодателя. Изучение сложностей в судебных разбирательствах часто ведет к корректировке нормативных актов, что улучшает правовое регулирование. Например, трактовка судами термина «валютная операция» или признаков резидентства оказала воздействие на последующие версии закона «О валютном регулировании и валютном контроле» [5]. Таким образом, судебная практика выступает не только толкователем существующего права, но и двигателем его прогресса. В первую очередь необходимо проанализировать информационное письмо ВАС РФ от 31 мая 2000 г. № 52¹, включающее обзор судебной практики по делам, связанным с применением норм валютного законодательства. В нем изложены ключевые позиции арбитражных судов по вопросам ответственности за несоблюдение валютного регулирования, действительности соглашений с валютными ценностями и правомерности действий субъектов внешнеэкономической деятельности. Одним из существенных моментов, указанных в письме, является трактовка норм о резидентах и нерезидентах. Суды исходят из того, что статус резидента устанавливается на момент проведения валютной операции, а не на дату судебного разбирательства. Это особенно важно для ситуаций, когда организация изменяет резидентство в период исполнения обязательств.

Также ВАС РФ акцентирует внимание на применении ответственности за несоблюдение требований по репатриации валютной выручки. Отмечается, что отсутствие вины субъекта внешнеэкономической деятельности может являться основанием для отмены штрафных взысканий, если нарушение обусловлено обстоятельствами, не подконтрольными резиденту, к примеру, поведением иностранного партнера или ограничениями иностранного государства.

Особого рассмотрения требует вопрос о последствиях нарушения валютного законодательства при совершении сделок. Суды придерживаются взгляда, что сам по себе факт несоблюде-

ния правил валютного контроля не ведет к безусловной недействительности соглашения, если иное прямо не установлено законом. Это означает, что стороны вправе требовать исполнения договорных обязательств, даже если одна из них нарушила предписания валютного регулирования.

Кроме того, письмо касается проблемы доказывания в спорах, относящихся к валютным операциям. Арбитражные суды отмечают, что бремя подтверждения правомерности осуществления валютных платежей возлагается на резидента, который должен предоставить документы, свидетельствующие о выполнении установленных требований. Вместе с тем отсутствие отдельных разрешительных бумаг не всегда указывает на нарушение, если резидент способен доказать соответствие операции действующим нормам.

Анализ практики, представленной в письме, демонстрирует, что арбитражные суды пытаются находить баланс между защитой государственных интересов в сфере валютного контроля и обеспечением стабильности гражданского оборота. Это проявляется в дифференцированном подходе к назначению санкций, учете конкретных условий дела и отказе от формального толкования норм в ущерб сути правоотношений.

Еще одним значимым актом является «Обзор судебной практики по отдельным вопросам применения статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2024 г.)² Судебные органы отдельно выделяют особенности осуществления расчетов в рублях между российскими юридическими лицами и физическими лицами, не являющимися резидентами. Устоявшаяся правоприменительная позиция заключается в том, что подобные платежи могут производиться исключительно в безналичной форме посредством счетов в уполномоченных банках. Оплата наличными деньгами допускается лишь в строго ограниченных случаях, не применимых к деятельности подавляющего большинства организаций.

Наглядной иллюстрацией данного подхода является недопустимость получения наличных средств от иностранных граждан при отчуждении

¹ Информационное письмо ВАС РФ от 31 мая 2000 г. № 52 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с применением законодательства о валютном регулировании и валютном контроле». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27844

² Обзор судебной практики по отдельным вопросам применения статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2024). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479520/

в их пользу имущества компании, в том числе основных средств. Согласно разъяснениям, содержащимся в обзоре, такие сделки не могут быть отнесены к розничной купле-продаже, для которой законодательством разрешены расчеты наличными с нерезидентами. Правовая квалификация основывается на нормах Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), определяющих розничную торговлю как предпринимательскую деятельность. Таким образом, разовая продажа активов, ранее использовавшихся в хозяйственных целях, не образует розничной торговли. Следовательно, если контрагентом выступает физическое лицо – нерезидент, все расчеты должны носить безналичный характер.

Это правило едино для любого имущества – как движимого (включая транспорт), так и недвижимого (в том числе жилых помещений). При продаже недвижимости правовое обоснование имеет свою особенность: ГК РФ выделяет такие правоотношения в самостоятельный вид договора купли-продажи недвижимости, что изначально исключает возможность подведения их под режим розничной торговли.

Особого упоминания требует проблема заемных отношений с участием нерезидентов. Даже если такие операции номинированы в рублях, правовая природа квалифицирует их как валютные. Это предполагает, что наличные расчеты по ним правомочны только для профессиональных финансовых институтов – банков и кредитных организаций. Все иные юридические лица обязаны выдавать и погашать займы строго через банковские счета в уполномоченных учреждениях, на что прямо указывает анализируемая судебная практика.

В рамках рассмотрения этих вопросов суд привел две иллюстрации¹. В первой ситуации организация продала физическому лицу-нерезиденту за наличные деньги бывший в употреблении автомобиль КамАЗ, который числился в ее основных средствах и не использовался длительное время. Поскольку объект не был приобретен специально для перепродажи, а являлся использованным активом, такая сделка не признается розничной торговлей.

Во втором случае российская организация продала квартиру иностранному гражданину, приняв оплату наличными рублями. Суд установил, что данная сделка представляет собой договор купли-продажи недвижимости, а не розничной купли-продажи.

Отдельного анализа требует институт репатриации денежных средств. Законодательство возлагает на резидентов жесткую обязанность по контролю за средствами, переведенными иностранным контрагентам. В случае неисполнения партнером условий договора резидент должен предпринимать активные шаги к возврату уплаченного. Судебная практика акцентирует внимание на сценариях, когда оплаченные товары не ввезены в Россию, а задолженность перед иностранным поставщиком списана. В подобных обстоятельствах действия резидента расцениваются как нарушение валютного законодательства, поскольку нормы о валютном регулировании не содержат изъятий для случаев прощения долга нерезиденту [1].

Особо рассматриваются ситуации неисполнения обязательств при наличии аванса. Если иностранный контрагент частично исполнил обязательство, представив документы, подтверждающие поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг на сумму предоплаты, требование о возврате остатка средств не предъявляется. Схожий подход применяется к поставкам с естественной убылью: расхождения между фактически полученным объемом и условиями контракта в пределах установленных норм не признаются нарушением.

Особую группу образуют случаи объективной невозможности возврата средств. Для освобождения от ответственности резидент обязан документально подтвердить принятие всех предусмотренных мер по взысканию задолженности. В их число входят обращения в дипломатические и торговые представительства, а также возбуждение судебного производства по месту нахождения контрагента. Лишь полное и надлежащее оформление предпринятых действий может служить основанием для констатации невозможности исполнения валютных обязательств.

Проблема документального подтверждения приобретает критическую важность в валютных правоотношениях. Ярким примером служит Постановление Арбитражного суда Дальневосточ-

¹ Обзор судебной практики по отдельным вопросам применения статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2024 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479520

ного округа от 8 ноября 2024 г. № Ф03-4843/2024¹ по вопросу репатриации в связи с подтверждением факта оказания услуг. Транспортно-логистическая компания «Рэйл Сервис» проиграла спор с налоговым органом по поводу законности предписания о возвращении 9,6 млн долларов США, перечисленных корейскому контрагенту. Налоговая инспекция установила нарушение валютного законодательства, поскольку компания не представила надлежащих документов, подтверждающих реальность оказания транспортных услуг. Суды трех инстанций согласились с позицией ФНС, указав, что предоставленные акты и коносаменты не отвечали требованиям к первичным учетным документам, а выполнение самих услуг доказано не было. Доводы компании о санкционных ограничениях как о препятствии для возврата средств были отклонены с разъяснением, что санкции регулируют частноправовые отношения, тогда как обязанность соблюдать валютное законодательство остается в силе. В результате предписание признано законным, а наложенный на компанию штраф за нарушение валютного контроля в размере 133 млн рублей оставлен без изменения. Данное судебное решение подтверждает строгий подход контролирующих органов и судов к соблюдению валютного законодательства, в особенности в части документального оформления операций с нерезидентами². Даже в условиях санкционного давления резиденты обязаны обеспечивать полное и надлежащее документальное сопровождение сделок; отсутствие подтверждающих документов может повлечь признание операций нарушающими закон и требование о возврате средств, создавая тем самым условия для возникновения убытков.

Еще одним механизмом валютного регулирования, оказывающим непосредственное влияние на хозяйственную деятельность организации, выступает обязанность открытия специального валютного счета в уполномоченном банке. Такой счет занимает центральное место в системе валютного контроля, будучи значимым инструмен-

том мониторинга движения иностранной валюты в рамках внешнеэкономической деятельности. Его главная функция – обеспечение прозрачности валютных операций и создание эффективного механизма соблюдения резидентами требований закона. Через этот счет проводятся все расчеты по внешнеторговым контрактам, что дает возможность уполномоченным банкам и контролирующим органам осуществлять надзор за соответствием операций установленным правилам. Особую роль играет функция концентрации валютной выручки, обеспечивающая выполнение требования об обязательной продаже ее части. Специальный счет служит своего рода буферной зоной, где временно аккумулируются валютные средства до завершения всех необходимых процедур валютного контроля. Это препятствует нецелевому использованию валюты и гарантирует соблюдение сроков репатриации. Значима также учетная функция данного счета: все операции фиксируются и в любой момент могут быть проверены контролирующими органами. Таким образом, специальный валютный счет – не простая формальность, а рабочий инструмент, который при грамотном использовании помогает участникам ВЭД снижать риски нарушений валютного законодательства. Его наличие позволяет структурировать валютные потоки, обособляя средства, полученные от внешнеэкономической деятельности, от прочих валютных поступлений. В контексте ужесточения валютного контроля значение специальных счетов лишь возрастает, поскольку они становятся ключевым элементом системы мониторинга движения валютных средств и соблюдения резидентами своих обязательств перед государством.

В этой связи показательным является Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15 мая 2024 г. № Ф02-7355/2023³. ООО «Ивалес» обратилось в суд с иском к ПАО «Сбербанк» о взыскании 23 млн рублей, списанных в качестве комиссии за ведение валютного счета после одностороннего изменения банком тарифов в 2022 г. Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении иска, ссылаясь на условия договора, допускающие изменение тарифов банком при уведомлении клиента. Однако кассационная инстанция указала на допущенные

¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 8 ноября 2024 г. № Ф03-4843/2024. – URL: www.kad.arbitr.ru

² Инструкция Банка России от 16 августа 2017 г. № 181-И (ред. от 09.01.2024) «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций...» // Вестник Банка России. – 2017. – № 94.

³ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15 мая 2024 г. № Ф02-7355/2023. – URL: www.kad.arbitr.ru

нарушения: суды не исследовали экономическую обоснованность резкого увеличения размера комиссии и ее «заградительный» характер, ограничивающий распоряжение средствами. Не было учтено и то, мог ли истец в таких условиях вывести валюту. Дело направлено на новое рассмотрение для оценки добросовестности действий банка и соответствия тарифа принципам разумности и соразмерности.

Из этого примера видно, что валютный счет существенно воздействует на хозяйственную деятельность организации и ее отношения с контрагентами. В первую очередь он позволяет компании проводить расчеты в иностранной валюте, что необходимо для внешнеторговых операций, зарубежных инвестиций и кредитования. Однако колебания валютных курсов формируют риски финансовых потерь, требуя мер по хеджированию таких рисков. Для контрагентов сотрудничество с такой организацией означает возможность расчетов в стабильной валюте, что снижает их собственные валютные риски, но одновременно заставляет учитывать потенциальные задержки, связанные с процедурами валютного контроля и дополнительными банковскими проверками.

Отдельного внимания заслуживает значение судебной практики в обнаружении и пресечении

схем, направленных на обход валютного контроля. Изучая цепочки сделок и действительные экономические связи между сторонами, суды формируют критерии для разграничения правомерной оптимизации и противоправного поведения. Эта деятельность особенно важна для противодействия нелегальному вывозу капитала за границу. В конечном счете накопленная судебная практика создает тот самый «правовой фундамент», который позволяет уравновесить государственные интересы в области валютного контроля и потребности бизнеса в предсказуемых правилах игры на международной арене.

В целях избежания риска признания сделок недействительными [6] хозяйствующие субъекты должны скрупулезно проверять соответствие планируемых операций не только нормам гражданского и валютного законодательства, но и тенденциям актуальной судебной практики по вопросам валютного регулирования.

Таким образом, валютное законодательство, в особенности в условиях санкций, становится действенным инструментом государственного контроля над гражданским оборотом, сужая свободу договора и повышая риски для участников сделок с иностранным элементом.

Список литературы

1. Агапова А. В., Панасовская В. В. Валютный контроль, осуществляемый таможенными органами Российской Федерации: анализ судебной практики // Вестник арбитражной практики. – 2024. – № 2. – С. 87–95.
2. Алексеева Е. В. Критерии справедливости судебного решения в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 7. – С. 19–23.
3. Болдырев Н. А. Судебная практика как формальное основание ограничений прав и свобод человека // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 9. – С. 38–46.
4. Должиков А. В., Ревазов М. А. Использование латинских максим в судебной практике России // Российская юстиция. – 2024. – № 4. С. – 50–58.
5. Печегин Д. А. Совершение валютных операций по переводу денежных средств на счета нерезидентов с использованием подложных документов: анализ отдельных аспектов через призму судебной практики // Российский судья. – 2024. – № 1. – С. 22–25.
6. Качева М. А. О судебном «исцелении» ничтожной сделки как санкции за недобросовестное поведение стороны сделки // Вестник арбитражной практики. – 2023. – № 4. – С. 26–33.
7. Шматков Л. М. Онтология судебного решения и его соотношение с материально-правовой реальностью // Арбитражные споры. – 2024. – № 2. – С. 137–156.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-216-221>

Бремя доказывания и стандарты доказанности при защите добросовестного контрагента в конкурсном оспаривании сделок должника

Н. В. Свечникова,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Svetchnikova.NV@rea.ru

Д. Н. Семенихин

магистрант Высшей школы права РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
Email: maz9889@mail.ru

The Burden of Proof and Standards of Proof in Protecting a Bona Fide Counterparty in a Competitive Dispute Over the Debtor's Transactions

N. V. Svechnikova,

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Svetchnikova.NV@rea.ru

D. N. Semenikhin

Master's Student of the Higher School of Law of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
Email: maz9889@mail.ru

Поступила 24.01.2026 Принята к печати 05.02.2026

Аннотация

Статья посвящена доказательственной архитектуре защиты добросовестного контрагента в делах о конкурсном оспаривании сделок должника по статьям 61.2–61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Предметом исследования являются практические механизмы, посредством которых при формально определенных составах подозрительности и предпочтения исход спора фактически решается распределением бремени доказывания, использованием нормативных презумпций и фактических индикаторов, а также достаточностью доказательств. Методологическая база включает системный анализ норм материального и процессуального права, анализ судебной аргументации и практико-ориентированное моделирование предмета доказывания по таким ключевым аспектам, как осведомленность, обычная хозяйственная деятельность, порог 1% и причинная связь вреда. Научная новизна состоит в предложенной классификации презумпций и индикаторов, в выделении стандарта «констелляции обстоятельств» и правила «анти-ярлыка» (недопустимость вывода о знании/цели вреда из единичного маркера), а также в разработке минимальной модели защиты, ориентированной на проверяемую причинную связность выводов суда и симметрию доказательственного риска сторон. Сделан вывод о необходимости дисциплины предмета доказывания и мотивированной проверки альтернативного добросовестного объяснения. Практическая значимость модели проявляется в возможности формировать сжатую, но верифицируемую доказательственную базу и повышать предсказуемость оборота.

Ключевые слова: банкротство, конкурсное оспаривание, недействительность сделок, подозрительные сделки, сделки с предпочтением, бремя доказывания, стандарт доказывания, достаточность доказательств, добросо-

вестный контрагент, осведомленность, доказательственный риск, обычная хозяйственная деятельность, косвенные доказательства, индикаторы осведомленности, стандарт достаточности.

Abstract

The article is devoted to the evidentiary architecture of the protection of a bona fide counterparty in cases of competitive challenge of debtor's transactions under Articles 61.2–61.3 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" No. 127-FZ dated October 26, 2002. The subject of the study is practical mechanisms through which, with formally defined compositions of suspicion and preference, the outcome of a dispute is actually resolved by limiting the burden of proof, using normative presumptions and factual indicators, as well as sufficiency of evidence. The methodological framework includes a systematic analysis of substantive and procedural law, an analysis of judicial argumentation, and practice-oriented modeling of the subject of evidence for key aspects such as awareness, routine business activities, the 1% threshold, and causation of harm. The scientific novelty consists in the proposed classification of presumptions and indicators, in highlighting the "constellation of circumstances" standard and the "anti-label" rule (the inadmissibility of inferring the knowledge/purpose of harm from a single marker), as well as in developing a minimal protection model focused on the verifiable causal coherence of the court's conclusions and the symmetry of the evidentiary risk of the parties. The conclusion is made about the need for discipline of the subject of proof and motivated verification of an alternative good-faith explanation. The practical significance of the model is shown in the ability to form a concise but verifiable evidence base and increase the predictability of turnover.

Keywords: bankruptcy, bankruptcy proceedings, invalidity of transactions, suspicious transactions, preference transactions, burden of proof, standard of proof, sufficiency of evidence, bona fide counterparty, awareness, evidentiary risk, ordinary business activities, indirect evidence, indicators of awareness, sufficiency standard.

Согласно Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – 127-ФЗ)¹, оспаривание сделок должника в банкротстве традиционно строится вокруг составов подозрительности и предпочтения (ст. 61.2, 61.3 127-ФЗ) и исключений, связанных с обычной хозяйственной деятельностью (ст. 61.4 127-ФЗ). Результат спора определяется тем, как распределяется бремя доказывания и какой порог достаточности доказывания суд применяет к совокупности обстоятельств по делу. Рассматриваемый механизм определен статьями 65, 71 и 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (далее – АПК РФ). При этом контрагент вправе рассчитывать на предсказуемый режим доказывания без «санкции» за сам факт его участия в сделке.

Кроме того, добросовестность участников оборота и разумность их поведения презюмируются нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в частности, статьей 1 ГК РФ (часть первая). В банкротстве специальные основания оспаривания модифицируют материально-правовой режим, однако недобросовестность контрагента и тем более его осведомлен-

ность не могут предполагаться «по умолчанию» только потому, что должник стал несостоятельным. Таким образом, в мотивировочной части судебного акта особое значение приобретает оценка совокупности обстоятельств.

Для защиты добросовестного контрагента важно различать два уровня:

- а) доказанность объективных признаков (период, характер предоставления, нарушение очередности удовлетворения);
- б) доказанность субъективных элементов (цель причинить вред, осведомленность о признаках неплатежеспособности и т. п.).

Разграничение объективных и субъективных элементов важно, поскольку выводы о цели и осведомленности нередко становятся решающими в делах об оспаривании сделок несостоятельного лица.

Кроме того, конкуренция общих и специальных оснований недействительности формирует дополнительный пласт доказывания: спор может смещаться от установления признаков недействительности по статьям 61.2–61.3 127-ФЗ к оценочным конструкциям дефекта воли и злоупотребления (ст. 10, 168 ГК РФ и др.), что повышает требуемый порог доказывания [6]. Поэтому защите важно фиксировать, по какому правовому основанию суд оценивает сделку, и пресекать переход от проверки фактов к предположениям.

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.10.2002. – № 43. – Ст. 4190.

Даже в рамках статей 61.2–61.3 127-ФЗ суд нередко сначала проверяет «предохранители» оборота – обычную хозяйственную деятельность (ОХД) и порог 1% активов (ст. 61.4). Если исключение применяется, спор о подозрительности/предпочтении может быть прекращен на ранней стадии. Распределение доказательственной нагрузки в таком случае происходит следующим образом: контрагент подтверждает ОХД, а оспаривающее лицо – превышение порога (п. 14 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”»)¹.

При характеристике обычной хозяйственной деятельности важно правильно оценивать такие факторы, как просрочка исполнения и осведомленность контрагента. Просрочка может иметь объективные причины (организационные, технические, логистические) и сама по себе не доказывает, что контрагент знал о неплатежеспособности должника или понимал причинение вреда кредиторам. Следовательно, при выявлении неблагоприятного обстоятельства исполнения суд мотивированно устанавливает, почему такое обстоятельство свидетельствует именно о выходе за пределы обычной хозяйственной деятельности либо о точном знании контрагента [4; 7].

Важно установить, что «обычная хозяйственная деятельность» и порог 1% – это возражения контрагента должника, которые не возникают сами по себе и требуют доказательств: контрагент должен показать соответствие сделки характеру и масштабу оборота должника и отсутствие маскировки вывода активов или предпочтения. Сама по себе ссылка на ОХД не исключает проверки добросовестности: возражение может быть опровергнуто доказыванием недобросовестности контрагента и существенного отклонения конкретной сделки от типичных операций². В частности, с учетом этого момента дело о взыскании задолжен-

ности по банковским гарантиям № А40-183445/2016 направлено на новое рассмотрение, так как необходимо проверить, действительно ли оспариваемые сделки являлись существенно убыточными настолько, что это должно было быть очевидно для любого участника оборота (в том числе бенефициара), и имеются ли основания для лишения их юридической силы, а также исследовать вопрос о наличии сговора или согласованных действий банка (его предыдущего руководства) с иными участниками спорных отношений, в том числе по косвенным признакам. «В то же время по смыслу пункта 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве даже в случае наличия у оспариваемой сделки признаков предпочтения она не может быть признана недействительной при условии совершения в рамках обычной хозяйственной деятельности и непревышения ее размером порогового значения в один процент от стоимости активов должника»³. В соответствии с этой нормой суд, например, отменил судебные решения и направил дело о банкротстве № А62-7344/2013 на новое рассмотрение, поскольку суды сделали ошибочный вывод, что моментом заключения оспариваемой сделки является момент согласования всех существенных условий договора, подписания сторонами единого согласованного документа и списания денежных средств со счетов ответчиков. При этом соответствие порогу не запрещает оспаривать подобную сделку по пункту 2 статьи 61.2 127-ФЗ.

При оспаривании сделки на основании предпочтения по пунктам 1–2 статьи 61.3 127-ФЗ субъективный элемент осведомленности не доказывается: достаточным представляется установление признаков предпочтительного удовлетворения.

Если заявитель обосновал выход сделки за пределы ОХД и (или) превышение порога, предмет доказывания смещается с предварительных условий оспаривания на признаки конкретного состава недействительности. Ключевым становится анализ подозрительных оснований, прежде всего неравноценности встречного предоставления по пункту 1 статьи 61.2 127-ФЗ.

В доказательственной перспективе неравноценность, исходя из закона 127-ФЗ, можно представить как спор двух хозяйствующих субъектов,

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 3.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2018 г. № 305-ЭС17-13572 по делу № А40-183445/2016.

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2024 г. № 310-ЭС15-7336 (40) по делу № А62-7344/2013.

один из которых – заявитель – стремится показать, что должник «отдал больше, чем получил», в связи с чем уменьшил конкурсную массу без адекватной компенсации. Второй – контрагент – напротив, пытается доказать, что экономический смысл был, а эквивалентность исполнения находилась в допустимых границах коммерческого риска.

Для защиты добросовестного контрагента ключевой риск заключается в том, что экономическая эквивалентность часто доказывается косвенно: через сравнимые сделки, рыночные показатели, внутренние расчеты. Суд выясняет, были ли на дату сделки у сторон разумные основания считать обмен эквивалентным: с учетом срочности, качества актива, условий платежа, дополнительных обязанностей и распределения рисков.

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что предлагаемая модель защиты имеет определенные направления. В частности, в процессуальном смысле это может касаться определения судом сопоставимых параметров оценки и релевантного рынка. Если говорить об экономическом направлении, то следует обратиться к обоснованию цены и условия сделки ее структурой и распределением рисков. Кроме того, на наш взгляд, немаловажным является подтверждение добросовестности контрагента как обычного участника оборота через осмотрительность, надлежащее документирование и отсутствие аномальных условий сделки.

Учитывая положения пункта 2 статьи 61.2 закона 127-ФЗ, основным в доказывании становится поведение участников: так, заявитель стремится вывести цель причинения вреда и осведомленность из совокупности внешних признаков (состояние должника, безвозмездность, связанность сторон и др.). Опровержение презумптивной конструкции целесообразно строить последовательно, а именно конкретизировать, какой вред вменяется; доказать отсутствие причинной связи между сделкой и заявленным вредом либо наличие встречного предоставления/альтернативного использования ресурсов; подтвердить деловую цель и рациональное объяснение условий документами переговоров и исполнения; разграничить ухудшение положения конкурсной массы как возможный экономический эффект и намерение причинить вред как юридически значимый элемент состава.

На наш взгляд, следует остановиться на таком источнике ошибок, как механическое использование бухгалтерской отчетности без проверки ее достоверности. Судебная практика указывает на

то, что вывод об отсутствии превышения 1% нельзя строить на недостоверной отчетности. В тех случаях, когда размер активов искажен (например, из-за ненадлежащего отражения резервов и иных обязательств), то пороговое сравнение теряет смысл и должно корректироваться исходя из реально подтвержденного финансового положения должника.

Согласно пункту 2 статьи 61.2 127-ФЗ заявитель должен доказать не только «подозрительность», но и причинение вреда имущественным правам кредиторов: вред и причинная связь не подменяются ссылкой на «экономическую нецелесообразность» без раскрытия механизма выбытия имущества или перераспределения рисков¹. Даже при ограниченном доступе к документам управляющий обязан минимально конкретизировать вред и фактическое выбытие имущества. Следовательно, действие презумпций обусловлено тем, что истец сформировал проверяемую фактическую основу заявленных требований.

Целесообразно обратить внимание на тот факт, что, согласно статье 61.3 127-ФЗ, объектом контроля будет являться соблюдение принципа равенства кредиторов и недопустимость выборочного удовлетворения требований, а критерий «знал/должен был знать» актуализируется лишь в отдельных предусмотренных законом случаях.

Подчеркнем, что для обеспечения защиты важны временная последовательность доказательственной нагрузки. Стоит уточнить, что чем дальше сделка от момента инициирования дела о банкротстве и чем менее выражены признаки кризиса должника, тем более «плотной» должна быть совокупность обстоятельств, из которой заявитель пытается установить осведомленность контрагента. Просрочка, а также исполнительные производства не образуют презумпции знания и приобретают значение лишь при связи с нестандартным поведением контрагента. Следовательно, оценка осведомленности должна учитывать доступность информации о системной неплатежеспособности, поведенческую реакцию на неплатежеспособность, а также нетипичность исполнения [3].

В рассматриваемых отношениях можно выделить две стороны оценки доказательств: фор-

¹ Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 апреля 2025 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2025, июль. – № 7.

мально-признаковую (вывод по 1–2 маркерам без реконструкции причинной цепочки) и констелляционную (оценка доказательств как системы с проверкой альтернативы и документальной подтверждаемостью ключевых элементов). Для конкурсного оспаривания, где решающими часто становятся косвенные доказательства, базовым следует считать стандарт «констелляции обстоятельств», потому что отдельные факты не доказывают знание или цель вреда сами по себе, а должны складываться в согласованную картину.

Предлагается исходить из презумпции симметрии доказательственного риска: управляющий (или иной заявитель) не должен получать необоснованного снижения стандарта доказывания только из-за социальной значимости банкротства. Напротив, повышенная конфликтность таких споров требует тщательной проверки совокупности обстоятельств и дисциплины предмета доказывания. В этой связи принципиально добиваться фиксации того, какие элементы состава доказаны непосредственно, какие выводятся косвенно и почему версия защиты отвергнута при наличии альтернативного объяснения [1].

Дополнительно отметим, что стандарт доказывания выступает как мера внутреннего убеждения суда в доказанности юридически значимого факта. Он не совпадает с предметом доказывания и не может произвольно изменяться по ходу процесса. Поэтому дифференциация стандартов в конкурсных спорах допустима лишь постольку, поскольку она оправдана социальной ценой судебной ошибки, а не процессуальным положением стороны.

В доказательственной перспективе важно различать нормативные презумпции, встроенные в состав основания недействительности сделки; правила-презумпции, задающие режим применения предусмотренных законом фильтров и исключений; фактические индикаторы, из которых суд склонен выводить знание/цель в рамках сделки/действия; процессуальные презумпции поведения, связанные с непредставлением документов и противоречивостью объяснений. Для защиты важно не допускать подмену оценки доказательств автоматическим выводом из единичного индикатора и требовать проверки альтернативной версии с отражением причин ее отклонения в мотивировке.

Для обеспечения защиты добросовестного контрагента ключевой задачей является ограничение «вменения». Говоря об осведомленности в конкурсном оспаривании, ее можно рассматривать как фактическое либо вмененное знание, в этом

случае задачей защиты является ограничение пределов вменения, чтобы публичность информации или неблагоприятное обстоятельство исполнения не подменяли доказанность «должен был знать», так как стандарт доказывания может утратить смысл, а именно перестать требовать совокупности, и в этом случае превращается в санкцию за участие в сделке.

В целях объективной оценки «вмененной осведомленности» важно учитывать, что вменяются лишь обстоятельства, разумно связанные с оцениваемым риском. А также иметь в виду барьер доступности, а именно публичные сведения, которые могут быть практически недоступными для конкретного контрагента или не соответствовать ему. Кроме того, в рассматриваемой проблеме специалисты выделяют для использования барьер альтернативного объяснения, а в том случае, когда факты одинаково объяснимы добросовестной позицией, вывод «должен был знать» требует дополнительных подтверждений.

При дефиците прямых доказательств практика опирается на индикаторы (просрочки, аномальность условий, принудительное взыскание, связанность сторон), однако каждый из них должен оцениваться через связь с поведением контрагента и проверку коммерческого объяснения.

Для практического использования важно учитывать некоторые требования к констелляции, а именно обращать внимание на непротиворечивость (факты не конфликтуют друг с другом), причинную связанность (один факт ведет к другому юридически значимому выводу), исключение альтернативы (добросовестное объяснение проверено и выглядит менее/более вероятным в совокупности обстоятельств), а также проверяемость (существенные элементы подтверждены документально).

Стоит отметить, что одновременно с базовым стандартом «констелляции» встречаются ситуации, когда требуется более высокий «уровень убедительности», предмет доказывания затрагивает оценочные категории злоупотребления и намерения, особенно при конкуренции специальных и общих оснований недействительности. При таких обстоятельствах защита должна требовать от заявителя «повышенное» качество доказательств, учитывая, что факты могут допускать альтернативное добросовестное объяснение [5].

Представляется, что минимальный стандарт достаточности включает «правило антиярлыка», при котором ни один единичный признак не должен считаться самодостаточным доказательством

знания/цели вреда. Сам признак может быть лишь элементом констелляции, требующей подтверждения другими обстоятельствами и проверки альтернативных объяснений. В противном случае индикатор постепенно превращается в «скрытую презумпцию», не предусмотренную законом [2; 8].

Учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что защита добросовестного контрагента должна представлять собой управляемый доказательственный процесс. Контрагент, заявляя свою экономическую позицию как добросовестную, должен обосновать ее документарной, подтвержденной информацией (перепиской, расчетами, согласованиями условий). Согласно положениям арбитражно-процессуального законодательства, вышеуказанные действия производятся через истребование доказательств (ст. 66 АПК РФ), фиксацию предмета доказывания (ст. 65 АПК РФ) и требование мотивированной оценки доказательств и причин отклонения альтернативного объяснения (ст. 71, 170 АПК РФ). Полагаем, что акцент при формировании пакета защиты необходимо делать не на количестве документов, а на качественном обеспечении элементов предмета доказывания по соответствующему составу. Например, подтверждения требуют встречное предоставление, исполнение и связь платежей / передачи имущества с договорными обязанно-

стями, причем без искусственного дробления и формального документооборота. Кроме того, подлежит раскрытию контекст отношений сторон, в частности, длительность и регулярность взаимодействия, сопоставимость условий с прежними и обоснованные причины их изменения. Существенным моментом является вопрос, связанный с границами доступности информации для данного контрагента и др.

Таким образом, можно констатировать, что в конкурсном оспаривании сделок по статьям 61.2–61.4 127-ФЗ решающее значение имеет доказательственная дисциплина, которая связана с точным попаданием в состав (и его элементы), контролем над тем, какие факты доказываются непосредственно, а какие косвенно и др. Без этого в судебном процессе существует риск заменить установление фактов презумптивной логикой, а добросовестность – предположением.

Практическая значимость предложенной модели состоит в том, что она структурирует возражения, выявляет зоны доказательственного риска и позволяет сформировать сжатую, но проверяемую доказательственную базу по ключевым элементам предмета доказывания, повышая качество судебной мотивировки и предсказуемость оборота в условиях финансового кризиса должника.

Список литературы

1. Барциц И. Н., Быков В. П., Черникова Е. В., Маркелова И. В. Особенности оспаривания сделок юридических лиц по специальным основаниям, установленным законодательством о банкротстве // Современное право. – 2020. – № 11. – С. 105–113.
2. Женетль С. З., Иваненко Н. А. Проблемы доказывания добросовестности участников сделок кредитных организаций предбанкротного периода // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 479–483.
3. Кондратьева К. С., Гройсберг А. И. Рассмотрение дел об оспаривании сделок с предпочтением: вопросы теории и практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 4 (30). – С. 68–77.
4. Королёва Д. В. Обычная хозяйственная деятельность должника по делу о банкротстве: отдельные аспекты и значение добросовестности контрагента // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 1 (63). – С. 140–150.
5. Свириденко О. М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 2 (111). – С. 105–112.
6. Стрельникова И. А. Некоторые особенности конкурсного производства и оспаривания сделок в отношении кредитных организаций // Банковское право. – 2022. – № 1. – С. 63–71.
7. Черникова Е. В., Быков В. П. Рассмотрение дел об оспаривании сделок банка, совершенных в процессе обычной хозяйственной деятельности // Современное право. – 2017. – № 1. – С. 56–64.
8. Шишмарева Т. П. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2018. – № 3 (43). – С. 218–224.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-222-228>

Наказы избирателей в механизме обеспечения демократического мандата народного доверия

Н. В. Макеева

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права и политологии
Пензенского государственного университета
Адрес: ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»,
440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40.
E-mail: makeeva-nv@yandex.ru

The Instructions of the Voters in the Mechanism of Ensuring the Democratic Mandate of the People's Trust

N. V. Makeeva

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science
of Penza State University.
Address: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Penza State University»,
40 Krasnaya Str., Penza, 440026, Russian Federation.
E-mail: makeeva-nv@yandex.ru

Поступила 07.11.2025 Принята к печати 17.11.2025

Аннотация

В современных условиях постмодернизационного развития государств наблюдается пристальное внимание не только научного сообщества, но и политических акторов к классическим институтам непосредственной демократии, среди которых и институт наказов избирателей как форма реализации императивного мандата депутата. Именно наказания избирателей обеспечивают прозрачность во взаимодействии избирателей и депутатского корпуса, что в итоге повышает доверие к последнему и демонстрирует его эффективность. Предметом исследования выступает правовое обеспечение института наказов избирателей как формы реализации императивного мандата депутата. Научная новизна исследования заключается в комплексном сравнительно-правовом и практико-ориентированном анализе института наказов избирателей, позволяющим оценить перспективы реформирования данной сферы в приоритетном порядке. Достижение цели исследования стало возможным благодаря применению целого ряда методов, среди которых философские, общенаучные и специально-юридические. Так, диалектический метод позволил проследить генезис предмета исследования во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими явлениями государственно-правового порядка, определить перспективу его дальнейшего реформирования. С помощью общенаучных методов удалось достичь единства исследовательской установки. Формально-юридический метод позволил сформулировать предложения по трансформации действующего российского законодательства в указанной сфере. Системные проблемы института наказов избирателей, обусловленные фрагментарностью правового регулирования, предлагается устранить модернизацией указанной сферы, а именно принятием федерального закона о наказах избирателей, определяющего их правовую природу, процедуру внесения, порядок учета и обязательность исполнения. Практико-ориентированный подход к наказам избирателей предполагает анализ предпосылок реформирования законодательства в указанной сфере (определение содержательных аспектов института наказа избирателей, оценку возможностей их реализации и соответствия современным реалиям) и определение направлений модернизации законодательства с созданием законопроекта, регламентирующего институт наказа избирателей.

Ключевые слова: наказания избирателей, правовая природа наказов избирателей, региональное законодательство о наказах избирателей, императивный мандат, партийный императивный мандат, свободный мандат, институты непосредственной демократии, генезис наказов избирателей, классификация наказов избирателей, стандарты публичной отчетности депутатов, отзыв депутата, политическая ответственность депутата, концепция народного суверенитета, демократический механизм народовластия, народное доверие к депутатскому корпусу.

Abstract

In modern conditions of postmodern development of states, there is close attention not only from the scientific community, but also from political actors to classical institutions of direct democracy, including the institution of voter orders as a form of implementing the imperative mandate of a deputy. It is the instructions of voters that ensure transparency in the interaction between voters and the deputy corps, which ultimately increases confidence in the latter and demonstrates its effectiveness. The subject of the study is the legal provision of the institution of voter orders as a form of implementing the imperative mandate of a deputy. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive comparative legal and practice-oriented analysis of the institution of voter orders, which makes it possible to assess the prospects for reforming this area as a matter of priority. The achievement of the research goal became possible through the use of a number of methods, including philosophical, general scientific and special legal methods. Thus, the dialectical method made it possible to trace the genesis of the subject of research in its interrelation and interdependence with other phenomena of the state-legal order, to determine the prospect of its further reform. With the help of general scientific methods, it was possible to achieve unity of research mindset. The formal legal method allowed us to formulate proposals for the transformation of current Russian legislation in this area. The systemic problems of the institution of voter orders, due to the fragmentation of legal regulation, are proposed to be eliminated by modernizing this area, namely, the adoption of the federal law on voter orders, which defines their legal nature, the procedure for registration, accounting and mandatory execution. A practice-oriented approach to voter punishment involves: analyzing the prerequisites for reforming legislation in this area (determining the substantive aspects of the institution of voter punishment, assessing the possibilities of their implementation and compliance with modern realities) and identifying areas for legislative modernization with the creation of a draft law regulating the institution of voter punishment.

Keywords: orders of voters, legal nature of orders of voters, regional legislation on orders of voters, imperative mandate, party imperative mandate, free mandate, institutions of direct democracy, genesis of orders of voters, classification of orders of voters, standards of public accountability of deputies, recall of deputies, political responsibility of deputies, the concept of national sovereignty, the democratic mechanism of democracy, people's trust in deputies the building.

Согласно части 1 статьи 3 Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Осуществление власти народом происходит непосредственно и опосредованно. Институты прямой демократии как формы осуществления непосредственной власти народа встречаются достаточно редко.

Не менее актуальной в современных реалиях остается проблема недостаточного уровня доверия избирателей к представителям законодательных органов государственной власти. При этом одной из стратегических целей современного государства является установление баланса во взаимодействии прямой и представительной демократии, а следовательно, и повышение уровня доверия избирателей к органам законодательной власти. Одними из ключевых звеньев данной стратегической цели, ее тактическим приемом выступают различные формы воздействия избирателей на избранных ими представителей, среди которых фундаментальное значение имеет институт наказов избирателей как инструмент обеспечения демократического мандата народного доверия.

В современной России наказы избирателей как институт непосредственной демократии, выступающие фундаментом советской представительной системы, оказались вне сферы внимания федерального законодателя. Предполагалось, что в новых демократических условиях на смену наказам избирателей придут предвыборные программы кандидатов и избирательных объединений, на которые возлагались значительные надежды. Но жизненные реалии оказались таковы, что предвыборные программы оставались лишь обещаниями, а взаимодействие депутатов с избирателями было девальвировано.

Абсолютизация свободного мандата депутата исказила демократический механизм народовластия, подорвав народное доверие к депутатскому корпусу. Полагаем, что только императивные институты прямой демократии образуют механизм реализации народного суверенитета.

Проблема диалектики императивного и свободного мандата не является исключительно отечественным изобретением, она характерна и для зарубежной практики конституционного строительства. В современных условиях постмодернизационного развития государств наблюдается пристальное внимание не только научного сооб-

щества, но и политических акторов к классическим институтам непосредственной демократии, среди которых и институт наказов избирателей как форма реализации императивного мандата депутата. Именно наказания избирателей обеспечивают прозрачность во взаимодействии избирателей и депутатского корпуса, что в итоге повышает доверие к последнему и демонстрирует его эффективность.

Наказания избирателей как форма воплощения императивного мандата депутата были широко распространенной и весьма позитивной практикой в советский период. С. А. Авакьян отмечает, что «возрождаются и приобретают новое звучание некоторые незаслуженно отодвинутые на задний план институты. В частности, в десятках субъектов Российской Федерации появились законы и положения о народных (гражданских) правотворческих инициативах, акты о наказаниях избирателей» [1. – С. 4].

Весьма распространенный в современных условиях постмодернизационного развития государств, характеризующегося избирательным абсентеизмом и общей политической индифферентностью, свободный мандат депутата вызывает целый ряд вопросов не только политического, но и чисто терминологического характера. Так, Г. Кельзен считал, что «определение “свободный” находится в противоречии с определяемым словом “мандат”, который переводится с латинского как поручение, наказ» [16. – С. 26].

«Фактически взаимоотношения между избирателями и депутатами в рамках свободного мандата строятся только на нормах морали (совесть депутата)» [3. – С. 86-87], что априори предполагает высокий уровень народного доверия, не всегда реализуемый в силу объективных причин.

Дискуссионным является вопрос о партийной определенности императивного мандата. На научном уровне «признается некая взаимосвязь императивного мандата с деятельностью политических партий (так называемый “партийный императивный мандат”)» [4. – С. 21].

Наказания избирателей, несомненно, являются «определяющей характеристикой императивного мандата» [9]. Однако высказывается мнение, что «императивный мандат сводится преимущественно к институту отзыва избирателями мандата депутата» [13. – С. 18], что, на наш взгляд, является не в полной мере обоснованным утверждением. В современных условиях, в отсутствие федерального законодательства, определяюще-

го правовой статус наказов избирателей, институт отзыва мандата депутата действительно выступает определяющей мерой воздействия избирателей на депутатский корпус. Однако механизм воздействия, на наш взгляд, должен быть сформирован следующим образом: наказ избирателей – фундаментальная форма воздействия избирателей, а институт отзыва – лишь средство контроля, некая санкция за неисполнение или ненадлежащее исполнение положений, содержащихся в наказе.

Юридическая наука демонстрирует отсутствие единообразия мнений по вопросу о дефиниции категории «наказания избирателей». Разные точки зрения весьма условно соответствуют трем основным подходам.

Первый подход сводится к «пониманию наказа в качестве предложения избирателей» [17. – С. 4]. Второй подход заключается «в понимании наказа как требования, поручения, директивы избирателей своему представителю, выполнение которого обязательно и имеет общественное значение» [12. – С. 114]. Так, М. Н. Матвеев отметил, что «для высоких показателей исполнения наказов, последние обычно заранее прорабатывались в исполкомах в планах социально-экономического развития районов и далее на собраниях избирателей формально заявлялись в качестве поручений избирателей, а трудновыполнимые наказания отклонялись» [14. – С. 139–140].

Третий подход заключается «в понимании наказов избирателей, как общеполитической программы, которой должен быть верен депутат, на чем базируется выполнение воли избирателей» [7. – С. 164].

В законодательстве социалистических стран прошлого века наказания избирателей именовались «инструкции (ГДР), требования (ПНР, ВНР), программы (ЧССР), поручения (СРВ)» [8. – С. 18].

Региональное законодательство демонстрирует весьма распространенную модель регламентации наказов избирателей без детальной проработки средств их обеспечения в виде процедур отчета и отзыва депутата, что автоматически позволяет считать данную норму декларативной.

В целях устранения обозначенного пробела представляется целесообразным перейти от декларативного упоминания наказов в региональном и муниципальном законодательстве к их детальной нормативной институционализации. Отсутствие в федеральном законодательстве унифицированных процедур формирования, рас-

смотрения и исполнения наказов порождает фрагментарность правоприменения и снижает эффективность их реализации как правовой формы непосредственного народовластия. В современных условиях наказ избирателей должен рассматриваться не как факультативный элемент взаимодействия депутата и его округа, а как юридически значимый акт, в котором выражается конкретизированная воля избирателей, обладающая обязательной силой в пределах компетенции соответствующего представительного органа и его членов.

По мнению В. В. Комаровой, «наказы – это регулятивная форма непосредственного народовластия при осуществлении государственной и местной власти, форма контроля и форма реализации конституционного права непосредственного участия граждан в управлении делами государства и общества» [10. – С. 384]. Эта позиция обоснованно подчеркивает, что исполнение наказов представляет собой не только политическую, но и правовую обязанность депутата, выступая элементом правового механизма подотчетности избранных лиц.

С учетом сложившейся практики в субъектах Российской Федерации назрела необходимость разработки типовой модели института наказов, предполагающей четкое определение их субъективного состава, порядка инициирования и процедур исполнения. Такая модель могла бы включать формализацию наказа, его правовую экспертизу, сроки рассмотрения и обязательный публичный отчет депутата о результатах исполнения. Введение подобной процедуры не подрывает принцип свободного мандата, а напротив, наполняет его конкретным демократическим содержанием, обеспечивая баланс между представительским характером мандата и ответственностью перед избирателями.

Институт наказов избирателей нашел широкое распространение в советский период, когда «были проведены серьезные научные разработки по теоретическому осмыслению правовой природы и содержания данного института, сформировалась законодательная база и сложилась широкая правоприменительная практика» [6. – С. 237]. Распад советского государства, переход к системе свободного мандата депутата исключили институт наказов избирателей из системы форм реализации непосредственной демократии, что закономерно привело к отсутствию нормативного

регулирования данного института на федеральном уровне.

Развитие института наказов избирателей – длительный процесс. Так, «на первом этапе становления советского государства наказания избирателей касались политических вопросов – вопросов государственного и общественного устройства» [15. – С. 15–16]. «В период с 1905 по 1917 год наказания избирателей носили исключительно политический характер, были инструментом политической борьбы и пропаганды среди населения» [18. – С. 11–12].

По мере укрепления советской власти «наказания избирателей в значительной степени утратили свой политический характер и все больше становились программой деятельности депутатов, партийных и государственных органов, в которых содержались конкретные требования по решению хозяйственных и социально-культурных вопросов» [18. – С. 13]. Как подчеркивает В. Ф. Коток, «наказания избирателей с законодательными предложениями обычно не включались в планы мероприятий по выполнению наказов избирателей» [11. – С. 109–110].

Неоднородность наказов избирателей в советский период позволила сгруппировать их следующим образом:

- общие и специальные наказания. Так, «под общим наказом понимается общеполитическое поручение советского народа своим представителям (депутатам), а под специальным наказом понимаются принятые на собрании избирателей требования депутату, имеющие определенный общественный интерес» [9. – С. 88];

- общеполитические (нормативные) наказания и казуальные наказания. Как подчеркивает Н. Г. Старовойтов, «вторые касались практической работы Советов по руководству хозяйственным и социально-культурным строительством» [18. – С. 28].

Анализ современного регионального законодательства о наказах избирателей позволяет предложить следующую их классификацию, исходя из сущности наказов, связанной с:

- модернизацией федерального и регионального законодательства;
- вопросами социально-экономического характера.

Второй вариант наказов более предпочтителен, те же тенденции демонстрировала и советская практика государственного строительства. Вне всяких сомнений, «институт наказов избирателей исходя из содержания и механизма реали-

зации имеет преимущества перед смежными институтами по решению социально-культурных и хозяйственных задач территорий (например, перед обращениями граждан)» [5. – С. 31].

Законотворческая инициатива граждан и формы ее реализации в наказах избирателей также вызвали оживленные дискуссии. Большинство исследователей не отождествляют наказ с актом правотворческой инициативы. Так, В. Ф. Коток указывал, что «при выдвижении наказов избиратели могут вносить законодательные предложения, но такие предложения не являются наказами избирателей в строгом смысле» [11. – С. 109]. По мнению Э. В. Алимова, «наказы избирателей не подразумевают целенаправленную законотворческую деятельность» [2. – С. 55].

Второй подход исходит из того, что наказания избирателей являются формой реализации гражданами законодательных идей. Как отмечает В. В. Комарова, «в качестве наказов избирателей могут рассматриваться предложения по изменению действующего законодательства [10. – С. 92]». Наказы избирателей запускают законотворческий процесс, являясь первоначальным звеном законотворческой инициативы.

Как отмечает С. А. Авакьян, «развитие народовластия в современном государстве требует сочетания механизмов прямого участия граждан с системой представительной демократии, при сохранении правовой формы и ответственности» [1. – С. 4]. В этом смысле институт наказов избирателей выполняет не только функцию обратной связи между населением и органами власти, но и способствует укреплению правового государства, обеспечивая прозрачность и подотчетность представительской власти.

Развитие данного института на современном этапе должно быть направлено на преодоление его декларативного характера и наделение реальной юридической силой, что позволит ему стать инструментом воздействия общества на процессы управления и тем самым обеспечит реализацию принципа народного суверенитета в правовом, а не только политическом выражении.

Интересен тот факт, что институт наказов избирателей – прерогатива регионального законодателя ввиду отсутствия федерального закона, в то время как институт отзыва депутата как форма проявления демократического мандата народного доверия находит свое нормативное закрепление именно на федеральном уровне.

Нежелание законодателя урегулировать данный вопрос (при наличии проектов законов, направленных на рассмотрение парламентом, в частности один из них был предложен С. М. Катасоновым) обусловлено целым рядом причин, которые в большей мере имеют политический характер. Так, ряд ведущих отечественных правоведов считают, что «наказы избирателей ограничивают парламентаризм и только свободный мандат отвечает принципам современной представительной демократии» [19. – С. 230]. На наш взгляд, императивный мандат депутата и его проявление в форме наказов избирателей повышает политическую ответственность депутата перед избирателями и уровень доверия населения к органам публичной власти.

Наказы избирателей выступают в качестве формы реализации императивного мандата депутата, претворяя в жизнь статью 3 и часть 1 статьи 32 Конституции Российской Федерации.

Исторический опыт свидетельствует о том, что институт наказов избирателей как форма реализации императивного мандата депутата в XX в. доказал свою эффективность. В современных демократических государствах наказания избирателей могли бы стать фундаментом непосредственной демократии наряду с такими ее институтами, как выборы, референдум, отзыв мандата депутата.

Наказ избирателей в полной мере отвечает природе и сущности демократии, его допустимость вытекает из концепции народного суверенитета, которая базируется на элементах не только представительной, но и прямой демократии. Отрицание самой возможности использования института наказов избирателей со ссылкой на недопустимость ограничения воли депутатов нарушает базовый принцип непосредственной демократии, подрывая основы демократического мандата народного доверия.

Современное состояние правового регулирования института наказов избирателей в России обнаруживает сочетание значительных потенциальных возможностей с очевидными системными противоречиями. С одной стороны, институты непосредственной демократии, включая наказания избирателей, способствуют восстановлению доверительных отношений между гражданином и избранным представителем и тем самым выступают элементом повышения легитимности публичной власти. Однако отсутствие федерального закона, регулирующего порядок формирования и

исполнения наказов, создает правовой вакуум, который восполняется региональной практикой и актами местного уровня. Это приводит к неоднородности правового пространства и подрывает единообразие применения института.

Системные проблемы института наказов избирателей связаны прежде всего с фрагментарностью правового регулирования, отсутствием единых стандартов учета и исполнения, слабостью процедур отчетности и контроля. Для устранения указанных недостатков целесообразно:

- разработать и принять федеральный закон о наказах избирателей, определяющий их правовую природу, процедуру внесения, порядок учета и обязательность исполнения;

- закрепить на федеральном уровне минимальные стандарты публичной отчетности депутатов перед избирателями;

- предусмотреть юридические последствия систематического неисполнения наказов, включая возможность досрочного отзыва депутата при признании факта игнорирования выраженной воли избирателей.

Эти меры позволят придать институту наказов избирателей устойчивый правовой статус, вывести его из разряда консультативных форм участия граждан и превратить в реальный механизм реализации конституционного принципа народно-суверенитета.

Практико-ориентированный подход к наказам избирателей предполагает такие формы исследования контекста их использования, как анализ предпосылок реформирования законодательства в указанной сфере (определение содержательных аспектов института наказа избирателей, оценка возможностей их реализации и соответствия современным реалиям) и определение направлений модернизации законодательства с созданием законопроекта, регламентирующего институт наказа избирателей.

Структура проекта федерального закона может быть представлена следующим образом: 4 раздела и 12 статей.

Первый раздел «Общие положения», включающий три статьи, посвящен определению предметного поля данного федерального закона, структуры законодательства о наказах избирателей и терминологического фундамента закона.

Второй раздел «Формирование наказов избирателей» также сформирован из трех статей. Первая из них определяет целеполагание формирования наказов избирателей как прозрачность отношений и устойчивую связь между избирателями и депутатским корпусом. Вторая статья раздела указывает на требования, предъявляемые к наказам избирателей (законность, обоснованность, осуществимость и т. д.). Третья статья раздела затронула бы порядок представления наказов (структура наказа, его адресаты, процедура формирования наказа и поддержка его определенным числом избирателей).

Третий раздел «Рассмотрение наказов избирателей. Организация исполнения наказов избирателей» содержит четыре статьи. Они определяют такие вопросы, как правовая процедура рассмотрения наказов избирателей соответствующими субъектами, их последующее утверждение, а также механизм исполнения наказов и источники финансирования таких мероприятий.

Четвертый раздел «Контроль за исполнением наказов избирателей», состоящий из двух статей, определяет субъектов и процедуру контроля, а также условия ответственности депутатов за нарушение положений закона о наказах избирателей.

Совершенствование нормативного правового регулирования и практики применения института наказа избирателей как формы реализации императивного мандата депутата является значимым направлением развития системы непосредственной демократии. Полагаем, что обеспечение политических и правовых условий реализации данного института непосредственной демократии обусловлено его большим потенциалом для решения актуальных задач общественной жизни.

Список литературы

1. *Авакьян С. А.* Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 4. – С. 3–7.
2. *Алимов Э. В.* Конституционно-правовое регулирование института наказа избирателей в Российской Федерации : дис. ... канд. юр. наук. – М., 2017.
3. *Васильев В. И.* «Вертикаль» и «горизонталь». Правовые вопросы организации власти. – М. : Юрист, 2006.

4. *Васькова Л. Г.* Партийный императивный мандат – новая модель взаимоотношений депутата и избирателей // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 11. – С. 19–21.
5. *Васюткин Н. Е.* К вопросу о реализации гражданами законодательных идей в Российской Федерации // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. – 2021. – № 4. – С. 29–34.
6. *Васюткин Н. Е.* Правовое регулирование наказов избирателей в Российской Федерации // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 236–242.
7. *Галесник Л. С.* О наказах избирателей // Вопросы теории и истории государства и права и государственного права. – Т. 4. – Свердловск : Кн. изд-во, 1957. – С. 162–190.
8. *Зулфикаров А. Ю.* Наказы избирателей в системе советской демократии : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1984.
9. *Кабышев В. Т.* Прямое народовластие в Советском государстве. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1974.
10. *Комарова В. В.* Механизм непосредственной демократии современной России (система и процедуры). – М. : Формула права, 2006.
11. *Коток В. Ф.* Наказы избирателей в социалистическом государстве (императивный мандат). – М. : Наука, 1967.
12. *Кучинский В. А.* Мандат советского депутата // Советское государство и право. – 1963. – № 2. – С. 108–115.
13. *Малько А. В., Синюков В. Н.* Императивный мандат: прошлое и настоящее // Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 12–22.
14. *Матвеев М. Н.* Наказы избирателей: Конституция 1977 г. и действительность // Вопросы истории. – 2003. – № 11. – С. 139–142.
15. *Мошак А. В.* Правовой режим наказов избирателей в СССР : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1971.
16. *Румянцев А. Г.* Минимальная теория демократии: смысл и пределы возможного // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 3 (100). – С. 24–41.
17. *Рябчук Г. Ф.* Наказ избирателей. – М. : Госюриздат, 1953.
18. *Старовойтов Н. Г.* Наказы избирателей. – М. : Юрид. лит., 1975.
19. *Эбзеев Б. С.* Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. – М. : Проспект, 2014.

Требования к публикациям

1. Статья должна обладать определенной новизной, представлять интерес для широкого круга читателей журнала, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к научным публикациям.
2. Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях. Оригинальность текста должна быть более 80%.
3. Статья представляется в редакцию в электронном и распечатанном виде в формате Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, размер шрифта – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5 строки.
Поля: левое – 2,5 см; правое – 1,5 см; верхнее – 2 см; нижнее – 2 см.
Материал статьи, представленный на бумажном носителе, должен соответствовать материалу статьи, представленному в электронном виде. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант статьи.
4. Материал для публикации в электронном виде должен содержать 3 файла:
 - 1-й файл: текст статьи на русском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - д) текст литературы в конце статьи в алфавитном порядке по фамилиям авторов;
 - 2-й файл: текст на английском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - 3-й файл: сведения об авторе по следующей форме на русском и на английском языке: фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; занимаемая должность; телефон; почтовый адрес; электронный адрес.
5. Объем текста статьи должен составлять не менее 12 страниц, включая таблицы, графический материал, аннотацию и список литературы.
6. Статья должна содержать библиографию (список литературы (других источников), используемой в статье), минимальное количество источников – не менее 5. При добавлении списка использованной литературы необходимо соблюдать правила действующих стандартов.
 - 6.1. В качестве источников, на которые автор ссылается в статье, следует использовать следующие:
 - статьи из периодических изданий;
 - статьи из продолжающегося издания (сборника трудов);
 - материалы конференций;
 - монографии.
 - 6.2. Все источники в списке литературы необходимо группировать по алфавиту фамилий авторов или первых слов заглавий документов.
7. На все нормативно-правовые акты следует ссылаться путем их упоминания в тексте статьи с указанием полного названия и даты утверждения без использования постраничных сносок. В статье допускается использование только внутритекстовых ссылок на источники. Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках порядкового

номера упоминаемого источника из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого источника [3. – С. 5].

8. В бумажном варианте статьи должна присутствовать сквозная нумерация страниц.

9. Таблицы в тексте статьи должны иметь заголовки; на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.

10. Иллюстрации должны иметь порядковый номер и название. При написании формул, схем, построении графиков, диаграмм, блок-схем не допускается размер шрифта менее 8.

11. Размер графиков, диаграмм, рисунков не должен превышать по вертикали 21 см, по горизонтали – 13,5 см.

12. Представленные статьи направляются по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемого вопроса на рецензию экспертам-ученым и специалистам университета в данной области. Статьи, принятые к публикации, но нуждающиеся в доработке, направляются для внесения необходимых исправлений. После доработки статьи повторно рецензируются, после чего редакционная коллегия принимает решение о возможности публикации.

Не рецензируются научные доклады, заслушанные на съездах, конгрессах, конференциях; информационные сообщения и объявления.